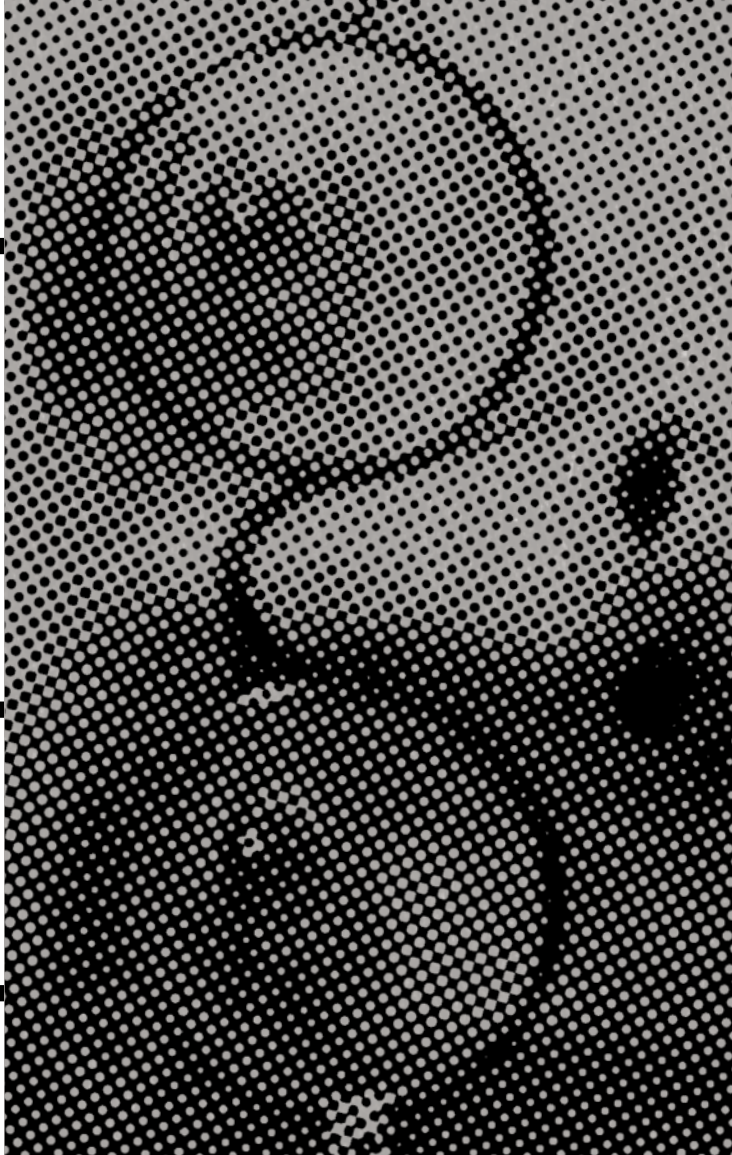

Музей
истории
ГУЛАГа

ФОНД
ПАМЯТИ

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ
ПОИСКА ИНФОРМАЦИИ
О РЕПРЕССИРОВАННЫХ

СМОИХ
СЛОВ
ЗАПИСАНО
ВЕРНО

С МОИХ
СЛОВ
записано
верно
ЛИЧНЫЙ ОПЫТ
поиска информации
о репрессированных

Книга Центра
документации
Музея истории
ГУЛАГа

УДК 929
ББК 63.3(2)6-4 + 84
ISBN 978-5-6046508-7-5
Издательская программа
Музея истории
ГУЛАГа
и Фонда Памяти

Музей
истории
ГУЛАГа | ФОНД
ПАМЯТИ

Международный «Мемориал», упоминаемый в этой книге, внесен Минюстом РФ в реестр, предусмотренный п. 10 ст. 13.1 ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «Об НКО»

«С моих слов записано верно» — такой формулировкой заканчиваются протоколы допросов в следственных делах миллионов репрессированных по политическим мотивам в годы сталинского террора. Как правило, людей заставляли подписывать эти сфабрикованные документы, не читая. После вынесения приговора их отправляли на расстрел или по этапу в лагерь.

Спустя годы потомки репрессированных — дети, внуки, правнуки — восстанавливают биографии этих вычеркнутых из памяти людей, собирая факты буквально по крупицам. Некоторые из них обращаются за помощью в Центр документации Музея истории ГУЛАГа. В процессе консультаций мы нередко становимся свидетелями невероятных случаев восстановления семейной памяти. В этой книге собраны 19 историй поиска и возвращения имен.

БЕЗ ПАМЯТИ НЕТ ИСТОРИИ

На наших глазах, с каждым годом работы Музея истории ГУЛАГа запрос на поиск информации о репрессированных родственниках становился все популярнее. Многие из посетителей, пройдя экспозицию, задумывались о репрессиях в своей семейной истории и обращались к нам с вопросами. Это и логично — ведь из маленьких правдивых историй отдельных людей складывается большая достоверная история страны.

Роман Романов,
директор
Музея
истории
ГУЛАГа,
руководитель
Фонда Памяти

Результаты опроса ВЦИОМ и наш личный опыт показали, что многие люди, интересующиеся историей своей семьи, не имели представления о том, где и как искать информацию о близких.

К этому времени уже существовали десятки региональных книг памяти, база данных «Мемориала», проекты «Личное дело каждого» и «Открытый список». Но стало понятно, что и в музее необходимо такое место, где люди могут рассказать свою историю и получить полноценную консультацию: с чего начинать путь поиска, в каких базах данных уже может содержаться информация о репрессированных родственниках, как правильно составить запрос в архив и на какие законы можно опираться.

Так 28 февраля 2018 года в Музее истории ГУЛАГа начал работу Центр документации. На базе Центра проводятся мастер-классы по работе с источниками, поиску информации, архивным исследованиям. Ежегодно Центр проводит около 1000 консультаций и получает множество благодарных отзывов — это доказывает, что интерес к семейной истории не угасает, а без памяти нет истории.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СУДЕБ

В этой книге представлены девятнадцать историй людей, которым Центр документации Музея истории ГУЛАГа помог вернуть из небытия память об их репрессированных родственниках. Девятнадцать историй гибели, страданий, несправедливости, преступлений, понорения человеческого достоинства — и одновременно историй восстановления этого достоинства через усилие воспоминания, сделанное их близкими. Эти истории очень разные и очень личные, но каждая из них бесконечно ценна как маленькое, «точечное» торжество человеческого и индивидуального над бездушной и бесчеловечной системой государственного террора. Тоталитарные системы и практики держатся на обесценивании человеческой жизни и частного голоса, на готовности не считаться со средствами ради великих целей. Преодоление этих практик возможно только в результате торжества представления об абсолютной, безотносительной ценности каждой человеческой жизни — особенно безвременно оборвавшейся.

Николай
Эппле,
исследователь
исторической
памяти,
автор книги
«Неудобное
прошлое»

Чтобы почувствовать, что восстановление памяти — не абстрактный «моральный долг», а самая насущная необходимость, достаточно увидеть своими глазами хотя бы одно из массовых захоронений безымянных жертв советского террора — к сожалению и стыду, в современной России их довольно много. В таком месте очень отчетливо осознаешь, что обычные кладбища, пусть даже самые неприглядные, где у мертвых есть имена, фотографии, годы жизни, — это норма, тогда как безымянные могильные рвы — вопиющее попрание и извращение нормы. Каждая безымянная могила — это зов, просьба о воспоминании, императив помнить. Известная максима о том, что война не окончена, пока не погребен последний ее погибший солдат, касается не только войн классических, но и войн государства с собственными гражданами, вроде той, что разворачивалась на пространстве СССР.

Но память об умерших — не только долг перед ними, в первую очередь она необходима живущим. Исследователи общественных процессов говорят о том, что память напрямую связана с идентичностью, с тем, как общность видит и мыслит себя. Отдельный человек осознает себя в потоке временных изменений через память как единство описания этого потока, и точно так же коллектив (община, группа, нация) осознает себя через коллективную память как разделяемое многими описание прожитого опыта. Эта книга и собранные в ней человеческие истории — невероятно убедительное подтверждение и иллюстрация этого, казалось бы, отвлеченно-теоретического соображения. Сильнее всего в ней — если не считать самого по себе чуда возвращения из небытия целых человеческих судеб — примеры того, как поиск информации об истории предков оказывается для их потомков чрезвычайно важным внутренним процессом, переформлирующим отношения и с самим собой, и с окружающей действительностью.

Снова и снова на страницах книги мы встречаем признание, что работа по обнаружению потерянных звеньев семейной истории оказывалась для родственников репрессированных не только поиском информации о предках, но также и поиском

себя. Один из героев, углубившись в историю семьи и выяснив, что родовая фамилия оказалась на каком-то этапе искажена, сменил фамилию, другой почувствовал необходимость поехать в места, откуда был родом репрессированный предок, третий завязал общение с немецкими или итальянскими родственниками — трудно придумать лучшие иллюстрации тезиса о том, что работа с памятью есть работа по «прокачке» идентичности.

Но едва ли не поразительнее всего то, что эти разыскания, помимо обретения себя и восстановления разорванной целостности памяти, помогают восстановлению целостности куда более масштабной. Снова и снова герои книги говорят о том, что их работа, начинавшаяся как сугубо частная, помогает им увидеть историю семьи как часть большого целого — страны и народа. Читая следственные дела родственников и проясняя для себя их контекст, потомки православных священников впервые узнают об истории гонений на Церковь и обновленческом движении, потомки меннонитов — о гонениях против представителей «нетрадиционных конфессий», начавшихся еще в царской России, потомки немцев и румын — о национальных операциях и репрессиях, сопровождавших присоединение Бессарабии, потомки крестьян — об истории коллективизации и так далее.

Такое прозрение большого в малом — не просто любопытный побочный эффект запроса в архив. Выяснение истории своей семьи, восстановление памяти о пострадавших в годы террора — которое, будучи более трудным, неизбежно идет вкуче с размышлениями об ответственности за случившееся и с навыком критического мышления — это лучший из возможных способов ощутить связь со своей страной и ее историей. Связь трагическую, но от этого не менее сильную; недаром французский религиовед и писатель Эрнест Ренан говорил, что память об общих страданиях способна объединять нацию сильнее, чем память об общих радостях. Именно это источник подлинного гражданского сознания, о котором писали Пушкин и Гоголь, Радищев и Салтыков-Щедрин, Анна Ахматова и Андрей Платонов, Василий Гроссман и Александр Солженицын. В этом смысле деятельность по выявлению и сохранению знания о своих предках — особенно о предках, чья память была попорана и стерта, — есть в самом глубоком и священном смысле работа патриотическая. Речь о патриотизме не только в общем понимании его как «любви к родине», все немного сложнее — это работа по выправлению искривленных отношений внутри большого целого, именуемого страной или нацией.

Невозможно не проводить параллели между работой с памятью на уровне семьи и в обществе в целом. Многие истории из этой книги развиваются по сходному сюжету: сначала в семье об «этом» предпочитают не говорить, тема вызывает страх, раздражение или отторжение, в ответ на задаваемые вопросы бабушки и бабушки либо не знают, что сказать, либо не хотят отвечать. Но вот однажды бабушка отводит внучку в сторону и украдкой рассказывает, что прадед, кажется, был репрессирован, после чего все с возрастающим интересом следят за поисками, постепенно разговариваясь, вспоминая все больше подробностей и не переставая поеживаться или плакать, натываясь на особенно волнующие эпизоды. Исследование истории семьи оказывается не просто историческим изысканием, но соединением разорванной ткани памяти, восстановлением ее связности, исцелением травмы, разрушавшей целостность сознания нескольких поколений.

История переосмысления наследия советского государственного террора в СССР и России насчитывает уже несколько десятилетий. Этот процесс переживал оттепели и заморозки

и до сих пор вызывает крайне болезненные реакции, натывается на отторжение и нежелание отвечать на неприятные вопросы со стороны «бабушек и дедушек» из числа сегодняшних государственных институтов. И среди прочего эта книга — лучшее свидетельство того, насколько такая работа важна и нужна, в том числе самому государству.

В России исторически человек привык сторониться государства, бояться его, старался жить максимально незаметно для «государева ока». Этой национальной традиции не одна сотня лет, и в советское время положение только усугубилось: личное с особой силой вытеснялось и подчинялось общественному, но никогда не смешивалось с ним и не сливалось. После распада СССР эта традиция не прервалась: по данным соцопросов, граждане России с недоверием относятся к государственным институтам, серые зарплаты предпочитают белым, разрешение споров своими силами — обращению в суд или полицию. И обращение к государству в связи с такой болезненной темой, как история убитых этим государством родственников, — важнейший механизм проработки этого глубоко травматичного опыта. Многие авторы приведенных в этой книге свидетельств признаются, что написание запроса в ФСБ или МВД требовало едва ли не больших усилий, чем преодоление многочисленных трудностей технического характера. Важно понимать, что в таком выпрямлении отношений с гражданами и преодолении многовекового отчуждения в первую очередь заинтересовано само государство. Пока это далеко не всегда так. Структуры — наследники тех, на которых лежит ответственность, как правило не спешат идти навстречу потомкам жертв, доступ к архивным делам все еще сопряжен со множеством неоправданных ограничений, но по мере того, как такие запросы становятся все более распространенной практикой, отношение, во всяком случае рядовых сотрудников архивов, меняется.

Юрию Дмитриеву, карельскому краеведу, обнаружившему Сандормох — одно из крупнейших захоронений жертв советского террора, — принадлежит мысль о том, что память о своих корнях, предполагающая выяснение мест, где похоронены предки, созидает из разрозненной, слепой и легко манипулируемой массы «населения» наделенный самосознанием «народ». Быть может, эта задача — одна из насущнейших сегодня. Ведь едва ли не важнейшая проблема сегодняшнего российского общества — отсутствие осознания случившегося с ней в XX веке не властью и образованным классом, а большинством граждан на самом что ни на есть «низовом» уровне. Такое осознание плохо внедряется сверху — информационными или политическими кампаниями, патриотической риторикой и разного рода кратковременными «мобилизациями». По-настоящему формировать позицию может только пережитое лично, продуманное и выстраданное. Такая работа требует времени, но и имеет несоизмеримо большую ценность.

Эту работу начало в конце 1980-х годов общество «Мемориал», сделавшее больше всех в России и за ее пределами для исследования и сохранения памяти о жертвах сталинских репрессий. Благодарные упоминания баз данных «Мемориала» или консультаций и советов его сотрудников есть едва ли не в каждой из представленных здесь историй — свидетельство того, что этот громадный труд остается актуальным и востребованным.

Герои собранных под этой обложкой мини-исследований — полноценные участники этой работы. Их истории важны не только сами по себе, но и как свидетельство процесса куда более масштабного, который именуют бумом или прорывом памяти.

Авторы собранных здесь свидетельств, ссылаясь на сотрудников региональных архивов, отмечают, что в последние годы число запросов следственных дел репрессированных заметно выросло. Необходимо отвечать на растущее число запросов от родственников объясняется и создание в 2018 году Центра документации Музея истории ГУЛАГа, сотрудники которого выступили составителями этой книги. Исследование истории семьи, проведенное создателем и первым руководителем Центра документации Александром Макеевым, вылилось в целую книгу, хорошо принятую читателями*. Другое подобное расследование Дениса Карагодина который год гремит на весь мир. Проекты, посвященные семейной памяти, вроде корпуса дневников «Прожито», переживают стремительный рост популярности. О стабильном увеличении интереса к частной, неофициальной памяти, в том числе трагическим ее страницам, свидетельствуют издатели книг, сотрудники музеев и мемориальные активисты, социологи и журналисты.

Происходят и вещи, не имеющие прямой связи с семейной историей и памятью о репрессиях, но свидетельствующие об изменении самого отношения к истории. Из-за смены ли общемировых парадигм или поколенческих изменений, вызванных информационной эпохой, беспамятство очевидно выходит из моды. Бывшее нормой еще несколько десятилетий назад уничтожение исторических памятников или их «обновление», не оставлявшее камня на камне, если не уходит в прошлое, но на глазах перестает быть общественно одобряемой нормой. Забота о сохранении памятников прошлого становится хорошим тоном, виртуальные и не виртуальные проекты, посвященные сохранению исторической памяти, перестают быть столичной модой и все шире распространяются в российских регионах. Такого рода процессы — свидетельство «тектонических сдвигов», связанных с массовым запросом на память и историю.

Запрос на проработку российского трудного прошлого очевидно велик. От того, насколько успешно он будет удовлетворен, выиграют не только потомки жертв советского террора, но все жители России и постсоветского пространства, это способствует выправлению государственно-общественных отношений в целом. Книга «С моих слов записано верно» — не просто собрание историй, но набор инструкций по поиску репрессированных родственников. Хочется надеяться, что, она не только вдохновит потомков репрессированных на поиск информации о своих родственниках и послужит им в этом практическим пособием, но поможет процессу осмысления себя и своего прошлого в масштабе страны и общества.

* А. Макеев «Сиблаг НКВД. Последние письма пастора Вагнера», М. 2020

∞ | 19 ИСТОРИЙ
ПОИСКА
РЕПРЕССИ-
РОВАННЫХ
РОДСТВЕН-
НИКОВ

Рассказы о поиске репрессированных родственников сопровождаются не только архивными фотографиями из семейных альбомов. Мы пригласили фотографа-документалиста Олесю Хороших для участия в книге

и отправились в экспедиции с некоторыми из наших героев. Получилась фотофиксация знаковых для их семейной истории мест.

10

ИСТОРИЯ
ПЕРВАЯ

ПАВЕЛ
ПРОКУДИН
ИВАН
ЛИПИН

ПОИСК ПРАДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО К 5 ГОДАМ ИТЛ
В 1929 ГОДУ, В 1937 ГОДУ — К РАССТРЕЛУ

Павел Прокудин в городе Арзамас Нижегородской области, где его прадед, Иван Липин, с семьей жил в 1910—1920-х годах, до первого ареста. В 1933 году Иван Яковлевич вернулся из ссылки и поселился

в селе Кирилловка, в пяти километрах от Арзамаса, где служил в храме Живоначальной Троицы.

Павел Прокудин

Иван Яковлевич Липин

история первая

ПАВЕЛ ПРОКУДИН

ПОИСК — ЭТО ТАКОЙ ПУТЬ: КОГДА ДЕЛАЕШЬ СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ И ВИДИШЬ, ЧТО ГОРИЗОНТ ОТДАЛЯЕТСЯ

Павел
Прокудин,
специалист
в IT-индус-
трии, сфере
финансов.
Москва

Мой прадед Липин Иван Яковлевич был священником и жил в городе Арзамасе Нижегородской губернии. У него была большая семья, четверо сыновей — Георгий, Афанасий, Николай, Серафим — и дочь Александра, моя бабушка. В период Большого террора в 1937 году прадеда расстреляли.

Около 10 лет назад мой дядя Владимир Николаевич Липин (внук Ивана Яковлевича) нашел упоминание о прадеде на сайте «Мемориала»¹ и прислал мне ссылку на Книгу памяти. Это обстоятельство и послужило толчком, подвигнувшим заняться выяснением судьбы прадеда.

Тогда я уже немного занимался изучением истории семьи, хотел составить родословную и создать фамильное древо — посмотреть, кто мы и откуда. Сейчас в нашей родословной уже более 600 человек, а тогда было 30—40 ближайших родственников. Генеалогией увлекался мой отец, но на простом уровне, от бабушек и дедушек, максимум — до имен прабабушек и прадедушек. Искать же информацию о репрессированном прадеде никто не пытался. Когда я начал заниматься этой темой, то вспомнил о том, что на наших семейных посиделках вроде бы говорили о факте репрессии прадеда, и даже где-то была справка о его реабилитации. Рассказывали, что у Ивана Яковлевича был мощный голос и якобы поэтому он стал священником. Но на этом обычно воспоминания заканчивались. В то время было не принято говорить о прабабушках и прадедушках. Есть мы — дети, родители, бабушки-дедушки. А что там было раньше?

Я обратился за помощью в «Мемориал», где мне предложили алгоритм поиска сведений о прадеде. Начал я с того, что в Центральном архиве Нижегородской области запросил утерянную родственниками справку о его реабилитации. Тогда же и узнал, что следственное дело Ивана Яковлевича находится именно в этом архиве. Обычно подобные документы хранятся в региональных архивах ФСБ, но ведомственный нижегородский архив в свое время передал их в Центральный архив Нижегородской области². Пойти дальше — получить к нему

¹ База данных «Жертвы политического террора в СССР» Международного историко-

просветительского благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». <https://base.memo.ru/>.

доступ — я не мог, поскольку в цепочке документов, подтверждающих мое родство с прадедом, было много отсутствующих звеньев. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. В 2014 году для вступления моего отца в наследство, доставшееся от двоюродного брата, мне потребовалось восстановить некоторые бабушкины документы, включая ее утерянную метрику о рождении. Я начал с получения дубликата свидетельства о рождении отца, так как оно было ветхим и нечитаемым. Я обратился в московский ЗАГС, там же мне помогли найти информацию о том, в каком отделении ЗАГСа Москвы бабушка с дедушкой расписывались. Я получил дубликат свидетельства об их браке и, уже имея эти документы, смог обратиться в Центральный архив Нижегородской области за выпиской из метрической книги о рождении бабушки. У меня выстроилась цепочка родства до прадеда. Пазл начал складываться, я понял, что могу идти дальше. Эта ситуация с наследственным делом открыла мне дверь для дальнейшего поиска. Почему я решил этим заняться? Наверное, потому что мне больше всех надо. Мне всегда в жизни больше всех надо, мне нужны ответы на вопросы самому себе и ближайшему окружению: «Зачем мы живем?», «В чем смысл жизни?». Здесь и сейчас у меня есть мой личный жизненный ресурс, временной и финансовый, чтобы это делать. Как в ВДВ — никто, кроме нас.

Прадед подвергался репрессиям трижды — в 1926 году в административном порядке³, а затем дважды был осужден по политическим мотивам. В 1928 году его обвинили в приобретении, изготовлении и распространении антисоветской религиозной литературы и осудили на пять лет концлагерей, позже приговор заменили административной высылкой. В 1937-м он проходил по сфабрикованному групповому делу о террористической организации, якобы возглавляемой протоиреем Александром Черноуцаном, благочинным Арзамасского округа. По состоянию на начало 2018 года имеется информация об аресте в рамках этого дела 110 человек, 64 из которых были расстреляны, в том числе и мой прадед Липин Иван Яковлевич. Я получил это следственное дело⁴ в 2014 году из Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО). Именно из него я узнал о существовании у прадеда первой судимости. Я сделал ряд запросов, прежде чем вышел на дело 1928 года. Сначала по совету «Мемориала» в феврале 2015 года я обратился в ГИАЦ МВД РФ, но там этого дела на хранении не оказалось, затем — в Центральный архив ФСБ. Я отправил им письмо на официальный адрес электронной почты, приложил документы с подтверждением

2 На основании Указа Президента РСФСР от 24 августа 1991 г. № 82 «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР» часть архивов КГБ была передана на хранение в госархивы. В 1999 году Указ утратил силу на основании Указа Президента РФ от 14 октября 1999 г. № 1359, и передача была приостановлена.

3 В 1926 г. Иван Яковлевич Липин был лишен избирательных прав на основании ст. 65 Конституции РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов на заседании 10 июля 1918 г.): «Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церкви и религиозных культов;

д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором». Хранящиеся в архивах дела о восстановлении и избирательных правах содержат массу ценной генеалогической информации.

4 ЦАНО, ф. Р-2209, оп. 3, д. 6706, 6709. Копии документов из архивного следственного дела 1937 г. по обвинению Липина И. Я. на 12 л.: ордер на обыск и арест; протокол обыска; анкета арестованного; протокол допроса; выписка из протокола заседания тройки УНКВД по Горьковской области с постановлением о расстреле; справка 2002 г. о результатах проверки архивного уголовного дела по обвинению Липина И. Я. и других лиц.

родства⁵ и в июле 2015 года получил копии уголовного дела⁶. Все фамилии «третьих лиц» в материалах дела были закрыты. Пару фамилий мне все же удалось определить по обрывкам букв, эти священники потом проходили с прадедом по делу 1937 года и тоже были расстреляны. Ни в одном из следственных дел не оказалось ни писем, ни фотографий, ни других личных документов. У нижегородских исследователей того периода бытует мнение, что, когда в 1938 году пошла волна репрессий против самих следователей, они «подчистили» за собой все дела. В нижегородских делах нет расстрельных актов — только приговоры, где от руки написано «расстреляны в Горьком такого-то числа». Ни в одном деле не оказалось показаний Ивана Яковлевича, написанных его рукой. В деле 1937 года есть протокол единственного допроса, который вели два следователя — это видно по почерку и степени грамотности. Один пишет с трудом, у него, может быть, два класса образования, а второй уже лучше и мысль излагает яснее.

В исследовательских кругах так называемое дело Черноуцана достаточно известно, но до последнего времени было сложно получить не то чтобы доступ ко всему делу, но даже документально подтвержденный список участников. Однако благодаря поисковому механизму портала «Открытый список» (расширенный поиск по номеру архивного дела) мне удалось собрать всех проходивших по этому делу в единый перечень (в рамках специально созданной администрации портала категории)⁷.

На страничке Открытого списка, посвященной прадеду, я разместил копии двух архивных дел: 1928 и 1937 годов, последнее дело — с расшифровкой допроса, чтобы его легче было читать. Он уместился у меня на двух страницах. Видно, что все обвинения «высосаны из пальца».

Перечитывая справку о реабилитации прадеда, я обратил внимание на приведенную там ссылку на Определение Военного Трибунала Московского военного округа 1957 года, на основании которого принималось решение о реабилитации. Я написал запрос в Главную военную прокуратуру и получил из Московского окружного военного суда копию этого Определения с полным списком людей, проходивших по делу. Что интересно, Центральный архив Нижегородской области закрывает фамилии «третьих лиц», в присланном же документе все было открыто. Поскольку по делу проводилась проверка, я полагаю, что в архиве Московского окружного военного суда имеются материалы дела с показаниями свидетелей. Я надеюсь с ними ознакомиться и по возможности сделать копии максимально возможного числа документов.

По приговору 1928 года мой прадед до 1933 года отбывал административную высылку в Северном крае. Где конкретно он находился, я пока не смог установить. Эта огромная территория

5 Свидетельство о рождении Павла, свидетельство о рождении отца, справка о заключении брака бабушки и дедушки, где указана бабушкина девичья фамилия, архивная справка Центрального архива Нижегородской области, выписка из метрической книги о рождении бабушки.

6 ЦА ФСБ России, д. Р-45459. Копии документов из архивного уголовного дела 1928 года по обвинению Липина Ивана Яковлевича на 14 л.: справка об избрании меры пресечения; протоколы допросов; постановление о приеме дела к производству; выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ с постановлением о наказании — заключении в концлагерь на 5 лет; выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ с постановлением о замене лагерей на вольную высылку; заключение Генпрокуратуры РФ о реабилитации; справка Генпрокуратуры РФ о реабилитации.

7 Проект «Открытый список» публикует информацию о людях, репрессированных государством с 1917 по 1991 г. База данных основывается на принципах свободной публикации и обмена информацией. <https://ru.openlist.wiki/> Категория: Дело Черноуцана. Официально (в т.ч. по Определению Военного Трибунала МВО от 13 мая 1957 г. № Н-1213/ос об отмене приговора и прекращении дела за отсутствием состава преступления) по делу А. М. Черноуцана проходило 75 человек, но существует документ — Постановление начальника Арзамасского районного отдела НКВД лейтенанта Крайнова от 19 октября 1937 г. о привлечении к уголовной ответственности по делу А. М. Черноуцана еще 29 человек из соседних с Арзамасом сел Красное и Кичанзино. Павел Прокудин упомянул их в общем списке в контексте дела А. М. Черноуцана.

включала в себя и Карелию, и Вологодскую, и Архангельскую области, Автономную область Коми (Зырян), Ненецкий национальный округ. У меня есть архивная копия карточки заключенного Липина И. Я. из Информационного центра МВД по Республике Карелия, где указано, что в 1930 году он убыл в Вологду. Я пытался искать там, писал и в Информационный центр МВД по Вологодской области, и в местный госархив, но никаких сведений не нашлось. Обращался в Информационный центр МВД по Архангельской области, и оттуда пришел ответ, что дело Липина было уничтожено по истечении срока хранения в 1955 году.

Мне пришлось общаться со многими архивными учреждениями, и никаких проблем во взаимодействии не возникало. Региональные информационные центры МВД, с моей точки зрения, усложняют процедуру получения материалов, требуя от заявителей избыточное число документов⁸. Все запросы в госархивы в отношении дел по репрессиям были бесплатные, т. к. имели статус социально значимых⁹. По генеалогическим вопросам я общался с Арзамасским отделением Центрального архива Нижегородской области и государственным архивом Ивановской области.

Что касается истории гибели прадеда, большая часть информации уже найдена, но место его захоронения до сих пор официально не известно. То ли это скрывается, то ли данные о его местонахождении были утрачены. Чтобы его найти, нужно быть профессиональным историком и заниматься этим непосредственно «на месте». «Официальным» местом захоронения расстрелянных в Горьковской тюрьме считается расположенное неподалеку Бугровское кладбище, но большинство историков сомневаются в возможности захоронения там порядка 6 тысяч расстрелянных в период массовых репрессий. На окраине кладбища в 1994 году был установлен мемориальный камень с надписью «Вечная память жертвам тоталитарного режима», а в 2005-м появилась Стена памяти, где родственники по желанию устанавливают таблички с именами репрессированных родных. В 2017 году и мы с братом и сестрой вписали туда имя прадеда. Нижегородская епархия увековечила память убиенных священников, разместив на храмах памятные доски. 1 ноября 2017 года исполнилось 80 лет со дня расстрела прадеда, и мы с братом и сестрой попросили священника храма Пресвятой Живоначальной Троицы в селе Кирилловка близ Арзамаса, где до ареста служил прадед, провести его отпевание. Это стало возможным, поскольку в апреле 2017 года мне удалось получить свидетельство о его смерти¹⁰. Вместе с благочинным протоиереем Игорем Медведевым мы открыли и памятную доску на храме. Мой брат сделал два стенда с фотографиями семьи Ивана Яковлевича. Мы передали их в Ильинский храм, где прадед начинал служить,

8 В Информационных центрах МВД РФ строго требуют нотариально заверенные копии документов, подтверждающих родство заявителя с лицом, о котором запрашивается информация.

9 К сожалению, далеко не всегда государственные архивы выполняют бесплатное копирование архивных материалов в отношении репрессированных людей для их родственников (по доказательству родства), что по сути незаконно. Согласно ст. 11 Закона РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», «реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти — родственники, имеют право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получение копий документов. Ознакомление других лиц с указанными материалами производится в порядке, установленном для ознакомления с материалами государственных архивов», то есть согласно Федеральному

закону от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Эти законы не противоречат друг другу, а, наоборот, дополняют: закон «О реабилитации...» определяет правило копирования архивных материалов для родственников, закон «Об архивном деле» — для всех остальных.

10 Смерть очень большого числа расстрелянных в то время не была зарегистрирована государством. Свидетельства о смерти родственникам либо не выдавались, либо выдавались фиктивные документы. В апреле 2017 г. Павел оказался одним из первых в Нижегородской области, кто прошел процедуру получения свидетельства о смерти расстрелянного родственника на основании архивной справки из Центрального архива Нижегородской области о смерти лица, необоснованно репрессированного и впоследствии реабилитированного, смерть которого ранее не регистрировалась.

и в храм Живоначальной Троицы, где его служение прервалось. В анкете арестованного 1937 года есть запись о том, что Иван Яковлевич проживал в Кирилловке «в церковной сторожке с 80-летней матерью». После отпевания нас пригласили на поминки в ту самую церковную сторожку... Мы разговорились с прихожанами, и они помогли нам найти правнучек расстрелянного вместе с прадедом протоиерея Александра Миновича Черноуцана. Одна из них живет в Нижнем Новгороде, другая — в Москве. Мы познакомились и теперь часто общаемся. Год назад они получили дело своего прадеда из Центрального архива Нижегородской области. Документов на него много, Александр Минович был потомственным священником, протоиереем, благочинным округа. Изучая материалы дела, я обратил внимание, что во всех списках А. М. Черноуцан числится первым номером, а мой прадед И. Я. Липин — вторым. Видимо, они были связаны, может быть, дружили. Надеюсь, в будущем мне откроются какие-то новые факты.

В нашем семейном архиве сохранилось несколько фотографий прадеда и его книг. Еще с юности помню, как бабушка показывала нам церковные фолианты. В 2018 году, разбирая семейный архив, я нашел их — два тома Октоиха со штампом Арзамасского духовного училища, книги из Саровской пустыни иеродьякона Иова и еще пару книг без штампов. Эти книги были отданы нашей семье, и мы три поколения их хранили, но теперь настало время их вернуть. В Арзамасе я связался с учителем истории православной гимназии Ольгой Шерстневой, рассказал ей историю прадеда и предложил передать книги гимназии. Осенью 2018 года во время школьных каникул мы всей семьей вместе с правнучками А. М. Черноуцана поехали в Арзамас — получилась очень интересная и душевная поездка, таких у нас еще никогда не было. Гимназистов-старшекласников собрали в актовом зале, мы выступили перед ними, рассказали о своем прадеде и передали книги в музей гимназии. Там они теперь и хранятся с пометкой, что ими пользовался убиенный священник иерей Иоанн Липин, а мы, его потомки, передали их в музей. Очень символично и то, что эта гимназия находится в 100 метрах от того места, где стоял дом прадеда и жила вся его семья до первого ареста в 1928 году. А церковь Илии Пророка, где в то время служил прадед, — рядом с домом, практически под окнами гимназии... Книги со штампом Саровской пустыни мы передали в Свято-Успенский мужской монастырь в Сарове. Было очень трогательно, когда чуть позднее мы получили по почте из монастыря благодарственное письмо за подписью настоятеля и пакетик сухариков «от батюшки Серафима».

В ходе кропотливого поиска биографических фактов жизни прадеда большую роль сыграли фотографии. Например, когда я внимательно рассматривал под увеличением изображение Ивана Яковлевича в военной форме царской армии, мне удалось распознать на погонах знак его части. Я обратился в РГВИА¹¹, и там нашлось упоминание его фамилии в списке служащих конкретной части, где он числился портным. В архиве меня предупредили о том, что сложно рассчитывать на удачу (нижние чины никто тогда не учитывал), но мне повезло. Также у нас в семье сохранилась классическая групповая фотография приблизительно 1916 года, где Иван Яковлевич запечатлен с женой и детьми, а рядом — мужчина с женщиной и подростком. Мы гадали, кто эти незнакомцы, до тех пор, пока я не обнаружил затерявшийся в совершенно другой части семейного архива конверт к этой фотографии, на котором мой отец сделал пояснительную надпись. И теперь, совместив два арте-

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 3.

факта, мне удалось понять, кто есть кто. Мужчина оказался родным братом супруги прадеда Анны Григорьевны — Василием Григорьевичем Редькиным, женщина — его супругой Марией Макаровой (на конверте она значится как «тетя Даша»), а подросток — их сыном Илларионом. Почему «тетя Даша», неизвестно — возможно, отец записывал со слов своей матери Александры Ивановны, которая была уже довольно пожилой и могла перепутать (Маша/Даша) или не помнить. Это открытие дало мне основание пойти дальше и искать уже этих людей, их потомков. Вдруг им что-то известно о моем прадеде?.. Одной из моих последних находок стала книга, с которой началась история уголовных репрессий прадеда, — «Обновленцы по суду канонов вселенской православной церкви». Мне было интересно: что же это за книга такая, что за нее давали пять лет концлагеря? Это прямо как в Средневековье, когда за книги жгли на кострах. Я безрезультатно искал ее во многих российских библиотеках. Знающие историки подсказали, что в то время книга активно изымалась органами НКВД, поскольку в ней представители православного духовенства развенчивали обновленческое течение в русской православной церкви, которое власть того времени использовала в качестве одного из инструментов для борьбы с РПЦ. Мне помогли сотрудники «Мемориала», и книга чудесным образом обнаружилась в научной библиотеке им. М. Максимовича¹² в Киеве. Я попросил друзей-киевлян, книгу отсканировали, и я напечатал ее небольшим тиражом¹³. Это моя дань памяти.

В процессе архивных исследований я обнаружил важную для себя тему — дела о восстановлении в избирательных правах. Они оказались информативными, с массой личной информации, подробностями взаимоотношений между людьми, собственноручно написанными заявлениями и проч. Доступ к ним бесплатный, они имеют отношение к социально значимым запросам. Я их получаю пока только из Арзамасского архива, и у меня есть копия листка со списком из 612 фамилий лишенных избирательных прав за 1934 год. Такие листки выпускались периодически, может быть, каждые 2—3 года. По каким-то причинам люди, лишенные избирательных прав, раскулаченные и подвергнутые прочим административным репрессиям, не были реабилитированы в начале 1990-х годов в массовом порядке. Однако в настоящее время имеются примеры такой реабилитации¹⁴.

Полагаю, что более 90% того, что мне известно на сегодняшний день, я узнал из архивных материалов и исторической литературы. В самом начале пути я прочитал несколько книг о репрессиях, связанных именно с Нижегородчиной, чтобы понимать контекст. К сожалению, те документы, которые удалось найти в архивах, позволяют лишь немного приоткрыть завесу над не самой счастливой частью жизни наших предков. Мы увидели, как сильно люди страдали, но нам неизвестно, чему они радовались и чем жили. Да, время было очень трудное, и горестей было больше, чем радостей. Но человек в любой ситуации пытается найти что-то хорошее. Хотелось бы, чтобы мне открылись страницы нормальной жизни прадеда — с детьми, с семьей, с друзьями. Может быть, у меня получится. Поиск — это такой путь: когда делаешь следующий шаг и видишь, что горизонт отдалается.

12 Научная библиотека им. М. Максимовича — структурное подразделение Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, одна из крупнейших библиотек Украины.

13 Павел Прокудин передал копию книги А. Затворника «Обновленцы по суду канонов вселенской православной церкви. Девять лекций против

обновленческого лжеучения» (Уфа, 1927 г., 132 с.) в библиотеку Музея истории ГУЛАГа, где с ней можно ознакомиться.

14 Жителю Боровска Владимиру Овчинникову удалось добиться реабилитации 1159 человек, лишенных избирательных прав, живших в Боровском районе. <http://www.borovsk-repression.ru/>.

2
ЗАТ

А. ЗАТВОРНИК.

Обновленцы

ПО СУДУ КАНОНОВ
ВСЕЛЕНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

*Девять лекций
против обновленческого лжеучения.*

УФА-1927г.

519 584

*****

65879

№ 002-101

№ 98/34

ДЕЛО

по обвинению

Минина

Ивана Яковлевича

по ст. 58, п. 10 Укр. Каз

Началось *ноября 20* дня 192 *8* года.

Кончилось _____ дня 192 _____ года.

На _____ листах.

519 584

СПРАВКА

о факте смерти лица, необоснованно репрессированного
и впоследствии реабилитированного на основании Закона Российской
Федерации от 18 октября 1991 г. N 1761-1 "О реабилитации жертв
политических репрессий", смерть которого ранее не регистрировалась

1. Фамилия: Липин
2. Имя: Иван
3. Отчество: Яковлевич
4. Пол: мужской
5. Дата рождения: 24 мая 1887 г.
6. Место рождения: деревня Суслиха, Жуковский сельсовет, Луговский район,
Нижегородская область
7. Гражданство: гражданин СССР
8. Национальность: русский
9. Дата смерти: 11 ноября 1937 г.
10. Место смерти: г. Горький
11. Причина смерти: расстрел
12. Место проживания до применения репрессий: 1. Горьковский район,
Ардатовский район, с. Кирилловка, 2 г. Азамат, ул. Ворошилова, д. 41
13. Основание: ф. Р-2209, оп. 3, л. 6706, л. 18-19
ф. Р-2209, оп. 3, л. 6702, л. 79
(номера фонда, описи, дела, листов)

Справка выдана для государственной регистрации смерти Липина Ивана
Яковлевича

Свидетельство о смерти выдать (направить) гражданину(ке):

Прокунину Павлу Владимировичу

(фамилия, имя, отчество)

проживающему(ей) по адресу: 115501 г. Москва, ул.

Зам. директора архива

И.В. Пашторина

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О СМЕРТИ

Липин

Иван Яковлевич

гражданин СССР

24 мая 1887 г.
деревня Суслиха, Жуковский сельсовет
Луговский район, Нижегородская область

умер(ла) 01.11.1937
первого ноября семидесяти трехлетия
девятнадцать тридцать седьмого года в _____ часов _____ минут
в _____ 2017 года _____ апреля _____ месяца _____ числа
составлена запись акта о смерти № _____
г. Горький
Место смерти _____

Отдел ЗАГС Каширского района
Место государственной регистрации
г.Д.Павлоградское главное управление ЗАГС Нижегородской области

Дата выдачи: 08 апреля 2017 г.

Губернатор области
И.В. Пашторина

IV-ТН М 045874

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ЛИПИН

Мой прадед Иван Яковлевич Липин родился 24 мая 1882 года в крестьянской семье Якова Сильвестровича и Пелагеи Андреевны Липиных в деревне Суслиха¹⁵ Юрьевоцкого уезда Костромской губернии. Глава семьи занимался портновским ремеслом, которому впоследствии обучил и сына. Известно, что до принятия сана Иван Яковлевич зарабатывал на жизнь портняжничеством¹⁶. В семье был еще один сын и, вероятно, братья с отцом занимались общим делом.

Иван и Анна Липины с детьми, Василий (брат Анны) и Мария Редькины с сыном Илларионом. Нижегородская губерния, г. Арзамас, 1916 г.

Году в 1906-м Иван Яковлевич женился на Анне Григорьевне Редькиной, крестьянке той же деревни, и в 1907 году у них родился сын Георгий, а через год — Афанасий. По каким-то причинам в период с 1908 по 1911 год Иван Яковлевич с женой и двумя детьми переехали из Суслихи в город Арзамас Нижегородской губернии. Арзамас был купеческим городом, вполне состоятельным — через него проходили важнейшие торговые тракты. Иван Яковлевич устроился на работу в военные портновские мастерские. Дела у него шли неплохо, и в 1915 году он приобрел дом с надворными постройками¹⁷ на улице Ильинской неподалеку от Ильинской церкви, с которой будет связана его судьба. Арзамас вообще славился церквями — к началу XIX века в городе существовало уже 33 церкви и 4 монастыря. В Арзамасе у Ивана Яковлевича и Анны Григорьевны родилось еще трое детей: в 1911-м — Александра, в 1913-м — Николай и в 1916 году — Серафим. Все они с детства также обучались портновскому ремеслу. В своем доме прадед устроил мастерскую¹⁸.

В 1916 году Ивана Яковлевича призвали в Царскую армию. Два года он отслужил рядовым постоянного состава 195-го запасного батальона, стоявшего в Павловской слободе под Москвой, а в 1918 году два месяца был рядовым Красной

15 Впоследствии — Лухского района Ивановской губернии. В 1978 г. деревня Суслиха прекратила свое существование.
16 ЦАНО, ф. Р-2209, оп. 3, д. 6706, 6709, л. 18: анкета арестованного Липина И. Я.

17 ЦА ФСБ России, д. Р-45459, л. 2: протокол допроса Липина И. Я. от 14 ноября 1928 г.
18 ЦА ФСБ России, д. Р-45459, л. 4: протокол допроса Липина И. Я. от 18 ноября 1928 г.

армии. Демобилизовавшись, прадед вернулся в Арзамас. Это было уже время Гражданской войны, и в городе располагался штаб Восточного фронта Советской республики. Вскоре начался разгул болезней, эпидемии тифа, и именно в этот период, в феврале 1919 года, скончалась Анна Григорьевна. Возможно, переживая кончину супруги, Иван Яковлевич принял решение стать священником. Сначала он служил дьяконом в Алексеевском женском монастыре¹⁹. В 1920-е годы монастырь закрыли — армии нужно было где-то располагаться, и красноармейцы заняли обитель, вытеснив насельниц и фактически ее разорив. В то время прадед был уже священником и до своего первого ареста в 1928-м служил в Ильинском храме²⁰, а дом семьи располагался буквально в ста метрах. На этом месте и сейчас стоит дом, но уже явно более современной постройки²¹. В Ильинском храме с XVII века находилась главная святыня Арзамаса — Животворящий крест Господень, который хранится теперь в Кафедральном Воскресенском соборе. Парадоксально, но факт: спасла его от уничтожения именно атеистическая пропаганда. В Воскресенском соборе был устроен музей атеизма, куда из разоряемых храмов свозились наиболее ценные церковные «экспонаты». Прадед нес свое служение в то время, когда уже началась борьба советской власти с религией. Наряду с официальным богоборчеством были широко распространены скрытые методы борьбы с Церковью, направленные на ее разложение изнутри и дискредитацию духовенства в глазах населения. Одним из форматов такой борьбы было стимулирование обновленчества²². Замысел был в том, чтобы, используя «красных попов», с их помощью расправиться над верными Патриарху Тихону, а затем уже разгромить и самих «красных попов». Раз уж не удастся уничтожить Церковь всю сразу, надо уничтожить ее по частям — одних с помощью других. Можно назвать это идеологическим вирусом, который советская власть запускала в ряды верующих, «красные попы» фактически разваливали приходы и закрывали храмы — такая задача и стояла. В 1927 году вышла книга «Обновленцы по суду канонов вселенской православной церкви. Девять лекций против обновленческого лжеучения» под авторством А. Затворника (среди специалистов бытует мнение, что под этим псевдонимом выступала группа священников). В 1928 году мой прадед купил эту книгу на базаре в Арзамасе. Это и стало основанием для его ареста.

Из протокола допроса И. Я. Липина 14 ноября 1928 года²³:

«Почему меня арестовали, я не знаю совершенно. В случае с книгой могу сказать следующее. В прошлом году случайно пришло на базаре кушать книгу... Автор — А. Затворник. Купил книгу у совершенно незнакомого человека. Прочел ее и отнес благочинному Виноградову И. А., который велел ее уничтожить. Книгу я оставил у Виноградова. Читал ли он ее или нет, не могу сказать. Потом, когда я приблизительно через

19 Арзамасский Новодевичий во имя Алексия, человека Божия, женский монастырь. ГАНУ г. Арзамас, ф. Р-550, оп. 5, д. 2, л. 64—65, 93 об.

20 Церковь Ильи Пророка, 1746 г.
21 Современный адрес: ул. Космонавтов, д. 43.

22 Обновленчество (официальное само-название — Российская православная церковь; позднее — Православная церковь в СССР, также Обновленческий раскол, Живая Церковь, живоцерковничество) — раскольническое движение в Православной российской церкви в 1922—1940-е гг. Раскол возник в мае 1922 г., когда при поддержке органов государст-

венной власти Советской России группа православного духовенства, взявшая название «Живая церковь», попыталась отстранить от церковного управления председателя Русской церкви патриарха Московского и всея России Тихона, для чего ими было образовано «Высшее церковное управление» (ВЦУ). Арест Патриарха Тихона, прекращение функционирования патриаршего церковного управления и поддержка советской власти (в том числе ее репрессивных органов) привели к быстрому росту обновленчества. В 1922—1923 гг. более половины российского епископата и приходов находилось в подчинении обновленческих структур.
23 ЦА ФСБ России, д. Р-45459, л. 2.

неделю пришел к нему, он мне сказал, что книга ему не нравится, там есть (...) (неразборчиво) против советской власти, что надо быть осторожным и книгу уничтожить. Я книгу уничтожил».

Прадеда обвиняли не только в приобретении, но и в распространении этой книги, что он категорически отрицал:

«Книгу купил на базаре у какого-то [странника] за 2 рубля, но [странника] совершенно не знаю. Это неправда, что я купил много экземпляров этой книги и продавал ее...»

20 ноября 1928 года уполномоченный Нижегородского Губотдела ОГПУ, рассмотрев материал на 50 человек (Иван Яковлевич Липин в этом списке подозреваемых — под номером 3), постановил приступить к производству расследования. Прадеда «записали» в члены нелегальной контрреволюционной организации церковников, обвинили в создании типографии и распространении антисоветской религиозной литературы. 4 марта 1929 года Коллегия ОГПУ осудила Ивана Яковлевича по ст. 58 п. 10 УК РСФСР²⁴ и приговорила к пяти годам концлагерей. Первые 15 месяцев он отбывал где-то на территории Нижегородской области — установить это доподлинно пока не удалось. Но потом концлагерь заменили вольной высылкой, и 6 августа 1930 года он убыл в Северный край, где прожил до 14 ноября 1933 года²⁵.

По окончании срока наказания Иван Яковлевич вернулся в Арзамас. Поскольку Ильинский храм к тому времени был уже закрыт обновленцами, он начал свое служение в селе Кирилловка, в пяти километрах от Арзамаса в храме Живоначальной Троицы. На его попечении оставались родители. Вероятно, они переехали в Кирилловку вместе с ним. В 1935 году его отец, Яков Сильвестрович, умер, и прадед остался с престарелой матерью, с которой они и жили вместе в церковной сторожке²⁶. Дети — трое сыновей и дочь (старший сын Георгий умер в отрочестве) — были вынуждены уехать из Арзамаса еще во время высылки Ивана Яковлевича. Дело в том, что к «буржуазным» элементам — священнослужителям, монашествующим, кулакам — применялась такая репрессия, как лишение избирательных прав²⁷. Прадед стал «лишенцем» еще в 1926 году. Жить нормальной жизнью после поражения в правах не могли не только «лишенцы», но и их дети: ни устроиться на работу, ни пойти учиться. Видимо, по этой причине, а также спасаясь от репрессий, все дети Ивана Яковлевича разъехались кто куда. Александра (моя бабушка) с братом Николаем оказались в Москве. Когда не стало матери, Александре было 8 лет, воспитывать ее было некому, и прадед пристроил ее в монастырь на попечение монахинь. Не исключено, что, когда Ивана Яковлевича арестовали, а дом кон-

24 Ст. 58 п. 10 УК РСФСР — пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений.

25 ЦА ФСБ России, д. Р-45459, л. 148: выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ от 23 июня 1930 г. ИЦ МВД по Республике Карелия. Архивная копия карточки заключенного Липина И. Я.
26 ЦАНО, ф. Р-2209, оп. 3, д. 6706, 6709, л. 19: протокол допроса заключенного Липина И. Я. от 16 сентября 1937 г.

27 Согласно первой советской конституции 1918 г., значительное число людей было отнесено к лицам, пораженным в правах, за которыми закрепилось наименование «лишенцы». В эту категорию попали: лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход,

как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; лица, признанные умалишенными и душевнобольными, а равно лица, состоящие под опекой; лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления. Что касается лишения избирательных прав верующих, то их круг с годами все более увеличивается — к 1925 г. к ним прибавляются псаломщики, канторы, муэдзины и другой вспомогательный персонал. Увольнение с работы, исключение из профсоюзов и кооперативов, выселение из квартир, а затем и вовсе из крупных городов, повышение налогового бремени, исключение детей «лишенцев» из школ, техникумов, вузов — неполный список социальных последствий.

фисковали, Александра жила в монастыре. По семейным легендам, ее хотели выдать замуж за какого-то возрастного мужчину. Но она уже была знакома с моим дедом — Прокудиным Николаем Михайловичем, уроженцем Арзамаса, и в начале 1930-х годов они сбежали в Москву и там поженились. Александра прожила долгую жизнь, воспитала двоих сыновей — Евгения и Владимира (моего отца) и скончалась в Москве в возрасте 91 года. Николай тоже оказался долгожителем — прошел всю войну и дожил до 97 лет. Младший брат Серафим уехал на север Нижегородской области, женился, но в июле 1941 года погиб на фронте, ему было всего 25 лет. Его внуки и правнуки живут в Москве, Санкт-Петербурге и Нижегородской области. Афанасий женился в Арзамасе на местной барышне, переехал в Казань, воевал на фронте, был в плену, в возрасте 78 лет скончался в Казани, где и сейчас живут его потомки.

Иван Яковлевич служил в Кирилловке до 1937 года, когда началась основная волна репрессий. В начале сентября органами НКВД было сфабриковано дело в отношении протоиерея Александра Миновича Черноуцана, благочинного 1-го округа Арзамасского района, как руководителя так называемой церковно-фашистской диверсионно-террористической контрреволюционной организации. По этому делу проходили преимущественно священники и монашествующие, среди которых был и Иван Яковлевич Липин. Основные аресты начались с конца августа 1937 года. Прадеда арестовали 1 сентября. Начальник Арзамасского райотдела НКВД лейтенант Крайнов, «рассмотрев дело в отношении контрреволюционной церковно-фашистской диверсионно-террористической организации, руководимой священником А. М. Черноуцаном, и ее активных участников» (в списке из 15 священников и монахинь мой прадед проходил первым номером²⁸), постановил привлечь всех участников в качестве обвиняемых, а мерой пресечения избрать содержание под стражей в Арзамасской пересыльно-следственной тюрьме по 1-й категории²⁹. 16 сентября был произведен первый и, возможно, единственный допрос Ивана Яковлевича. Неизвестно, что из сказанного на допросе записано со слов прадеда, а что придумано. Верить этому документу означает следовать логике следователя, заведомо нацеленного на то, чтобы оболгать и опорочить ни в чем не повинного человека. Также можно допустить, что следствие по делу носило пыточный характер. В период Большого террора пытки как метод получения признательных показаний для фальсификации дел стали нормальной практикой. Признания были просто необходимы следователям, так как никаких других доказательств существования «контрреволюционных вражеских диверсионно-террористических организаций» и «шпионских заговоров» у них не существовало.

Протокол допроса 16 сентября 1937 года³⁰:

Вопрос: Вы арестованы как участник контрреволюционной церковно-фашистской, диверсионно-террористической организации, прежде всего, признаёте ли вы себя виновным?

28 В Постановлении об избрании меры пресечения 16 сентября 1937 г. Иван Яковлевич значится как Иосиф Яковлевич. Вероятно, опечатка.
29 30 июля 1937 г. был подписан совершенно секретный приказ наркома внутренних дел №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В соответствии с текстом приказа к «антисоветским элементам» относились в том числе и в прошлом репрессированные церковники. Приказ устанавливал лимиты на аресты по двум категориям: арестованные по «первой категории» подлежали расстрелу, по «вто-

рой категории» — заключению в тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря. На основании приказа с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. были арестованы более 767 тыс. человек, из которых более 378 тыс. были расстреляны, 389 тыс. отправлены в лагеря ГУЛАГа. Операция по этому приказу стала крупнейшей массовой операцией Большого террора. Иван Яковлевич Липин, как уже имевший судимость по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, был арестован по «первой категории».
30 ЦАНО, ф. Р-2209, оп. 3, д. 6706, 6709, л. 20—22.

Ответ: Виновным себя признаю в том, что я являюсь активным членом контрреволюционной церковно-фашистской, диверсионно-террористической организации. Контрреволюционной организацией, в которую я был вовлечен, руководил благочинный 1-го округа Арзамасского района Черноуцан Александр Минович, проживает он в Арзамасе на ул. Пушкина, 121.

Вопрос: Расскажите, кто вас вовлек в контрреволюционную организацию.

Ответ: В мае или июне 1936 г. я был вызван к себе Черноуцаном на квартиру, где он поручил мне заполнить специальную анкету для якобы митрополита Феофана Тулякова. После заполнения анкеты мы с ним обменялись мнениями во взглядах на проводимую политику советской власти и партии, я лично высказал ему откровенно свое враждебное настроение, после чего он мне предложил быть членом существующей в Арзамасском районе контрреволюционной церковно-фашистской организации и вести организованную контрреволюционную деятельность, на что я дал свое согласие. После того как я дал свое согласие быть членом контрреволюционной церковно-фашистской организации, Черноуцан дал мне установку выявлять и информировать его о политических настроениях, выявлять враждебно настроенных по отношению к советской власти и партии людей. Главным образом близких по происхождению к ним, т. е. церковников, раскулаченных кулаков и т. п., и вовлекать их в нашу контрреволюционную организацию. В этом же году я получил от Черноуцана установку о развертывании контрреволюционной деятельности.

Вопрос: Дайте показания о программно-тактических установках контрреволюционной организации, участником которой вы являетесь.

Ответ: В основу контрреволюционной деятельности нашей организации была положена подготовка восстаний, свержение советской власти и восстановление капитализма в СССР. Подробностей программно-тактической деятельности контрреволюционной организации, в которую я был вовлечен, мне Черноуцан не говорил, да я его и не спрашивал, так как для меня было все понятно из того, что наша цель — свержение советской власти и восстановление капитализма, следовательно, мы должны проводить контрреволюционную агитацию против всех мероприятий советской власти и ВКПб с тем, чтобы как можно больше создать недовольств, и всевозможными путями подрывать экономическую мощь СССР.

Вопрос: Назовите всех известных вам участников контрреволюционной организации.

Ответ: Мне Черноуцан рассказывал, что в нашу контрреволюционную организацию входят:

1. Гудков Ювиналий Иванович, поп, с. Ивановка.
2. Дубисов Серафим, б/поп, г. Арзамас, ул. Полевая, 3.
3. Кондрашев Серафим, поп, с. Выездное.
4. Смирнов, поп, с. Выездное.
5. Радаев Серафим, поп, г. Арзамас.
6. Алоев Александр, поп, с. Сталино (?).
7. Доброхотов Никон, заштатный дьякон.
8. Монашка Геннадия, г. Арзамас, ул. Ленина.
9. Степанов Гурий, быв. Архиерей.
10. Глинкин Михаил, поп, с. Кожино.
11. Лебедев Михаил, поп, с. Нов Усад.
12. Крылов, заштатный поп, с. Нов. Усад.
13. Грошев Георгий, поп, с. Ленинское.
14. Иеромонах Ермолай, г. Арзамас, ул. Федеративная, 51.

Больше припомнить я никого не могу, если припомню, дам дополнительные показания.

Вопрос: Вы назвали не всех членов контрреволюционной организации, главным образом вы не назвали участников, вовлеченных вами лично. Следствие требует рассказать всю правду и назвать всех участников контрреволюционной организации.

Ответ: Да, участников церковно-фашистской контрреволюционной организации я назвал не всех. Мною лично были вовлечены в контрреволюционную организацию следующие лица:

1. Аверьянов Иван Афанасьевич, бывший церковный староста. Проживает в с. Кирилловка Арзамасского р-на.
2. Ласкаев Сергей Алексеевич — кулак, был раскулачен; бывший церковный староста. Проживает в с. Кирилловка.
3. Монашка Матреша — без определенных занятий. Проживает в с. Кирилловка.
4. Монашка Девора — без определенных занятий. Проживает в с. Кирилловка.

Вопрос: Вы показали, что получили установку о развертывании контрреволюционной деятельности от благочинного Черноуцана. Расскажите, какая конкретно контрреволюционная работа была проведена вами?

Ответ: ...Вовлеченные в контрреволюционную организацию монахини по моему заданию проводили антисоветскую агитацию среди женщин, направленную против новой конституции... Устраивали в келье тайные моления, на которых среди присутствующих проводили антисоветскую агитацию.

Вопрос: Когда вы встали на путь контрреволюционной деятельности, направленной на борьбу с советской властью?

Ответ: На путь контрреволюционной деятельности, направленной на борьбу с советской властью, я встал с того момента, когда советская власть повела борьбу с религией.

Вопрос: Вы показали, что занимались созданием диверсионно-террористической группы. Скажите, была ли она организована и кто входил в состав этой группы.

Ответ: Да, созданием диверсионно-террористической группы я занимался, но создать мне ее не удалось.

Вопрос: Скажите, ваша контрреволюционная организация, участником которой вы являетесь, поддерживала связь с другими организациями?

Ответ: На этот вопрос я ответить ничего не могу, т. к. мне об этом никто ничего не говорил.

Вопрос: Скажите, что вам известно о деятельности Московского церковно-фашистского контрреволюционного центра?

Ответ: О деятельности Московского церковно-фашистского контрреволюционного центра мне ничего не известно.

Вопрос: Вам зачитываются ваши показания. Скажите, подтверждаете ли вы их и правильно ли записано с ваших слов?

Ответ: Показания, зачитанные мне, подтверждаю, все записано с моих слов верно.

23 октября 1937 года Заседание тройки Управления

НКВД по Горьковской области обвинило прадеда по трем пунктам 58-й ст. УК РСФСР³¹. «Липин Иван Яковлевич, являясь участником контрреволюционной церковно-фашистской организации в Арзамасском районе, проводил активную агитацию против колхозного строительства, в результате которой в 1936 году из колхоза вышло несколько хозяйств, вербовал членов в контрреволюционную организацию, им лично было вовлечено четверо бывших кулаков и монахинь, обрабатывал отсталых женщин на срыв выборов в Верховный совет. Приговор — расстрелять. Лично принадлежащее ему имущество конфисковать»³². 1 ноября приговор был приведен в исполнение в Горьковской тюрьме НКВД.

В 1957 году по делу А. М. Черноуцана была проведена проверка, инициированная Военным Трибуналом МВО, в ходе которой было установлено, что антисоветской организации, в принадлежности к которой обвинялись все осужденные лица (всего 75 человек), не существовало и данное дело было создано искусственно. «Показания бывшего митрополита Горьковской епархии Тулякова о его совместной с Черноуцаном антисоветской деятельности и о существовании в Арзамасском районе антисоветской организации церковников не имеют доказательной силы, так как в настоящее время установлено, что Туляков оговорил себя и других, в связи с чем дело на него прекращено. Признательные показания на следствии Черноуцана и ряда других обвиняемых носят неконкретный, противоречивый и схематичный характер и опровергаются показаниями большинства других обвиняемых, категорически отрицавших обвинение. Большое количество свидетелей, хорошо знавших обвиняемых до их ареста по данному делу, в своих показаниях, данных в процессе проверки по делу, не подтвердили проведения обвиняемыми какой-либо антисоветской деятельности. Бывшие работники арзамасского райотдела НКВД Крайнов и Прутков, участвовавшие в расследовании дела, привлекались к ответственности за фальсификацию следственных материалов. Еще в 1939 году следственными органами было вынесено постановление о необоснованности привлечения к уголовной ответственности 15 обвиняемых»³³. Этот сухой бюрократический текст красноречиво свидетельствует о том, как фабриковались дела.

Определением Военного Трибунала Московского военного округа от 13 мая 1957 года постановление тройки УНКВД СССР по Горьковской области от 23 октября 1937 года было отменено, и дело в отношении всех осужденных прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Иван Яковлевич Липин реабилитирован по двум уголовным делам³⁴.

31 Ст. 58 п. 2 УК РСФСР — вооруженное восстание или вторжение с целью захватить власть; ст. 58 п. 8 — совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежавшими к контрреволюционной организации; ст. 58 п. 11 — организационная контрреволюционная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе контрреволюционных преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется уголовным кодексом по соответствующим статьям.

32 ЦАНО, ф. Р-2209, оп. 3, д. 6706, 6709, л. 79.

33 Определение № н-1230/ос Военного Трибунала Московского военного округа от 13 мая 1957 г.

34 По делу 1928 г. Иван Яковлевич реабилитирован на основании Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г., о чем 30 декабря 1992 г. Генеральной прокуратурой РФ была выдана справка.

¹ Иван Липин (справа) на службе в русской армии. Москва, 1916 г.

² Мемориальная доска в память о Иване Липине на стене скорби на Бугровском кладбище в Нижнем Новгороде (установлена 30 октября 2017 г.)

³ Памятник жертвам политических репрессий на Бугровском кладбище в Нижнем Новгороде. 2017 г.

4 Семья Липиных: Иван, Афанасий, Георгий,
Анна Григорьевна. Нижегородская губерния, г. Арзамас.
Первая половина 1910-х гг.

5
6 Иван Липин с семьей. Первая половина 1910-х гг.
Стена скорби на Бугровском кладбище в Нижнем
Новгороде. 2017 г.

5
6 Иван Липин с семьей. Первая половина 1910-х гг.
Стена скорби на Бугровском кладбище в Нижнем
Новгороде. 2017 г.

Павел Прокудин

Иван Яковлевич Липин

история первая

ИГОРЬ ЯКОВЛЕВ ЕФРЕМ ПАЛАГИН

ПОИСК ПРАПРАДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К 3 ГОДАМ ССЫЛКИ В 1931 ГОДУ

Игорь Яковлев на станции Волоколамск Московской области, где его прапрадед, Ефрем Афанасьевич, жил и работал билетным кассиром до 1931 года, пока его не осудили по коллективному делу на 3 года

ссылки в Северный край. К тому времени Ефрем Палагин уже овдовел. После ареста отца младшие дети остались на попечении старших.

Игорь Яковлев

Ефрем Афанасьевич Палагин

история вторая

ИГОРЬ ЯКОВЛЕВ

в начале было
только одно
предложение:
по такому человеку
у нас никакой
информации нет.
точка, подпись

О том, что мой прапрадед Ефрем Афанасьевич Палагин был репрессирован, я узнал случайно. Я еще застал свою прабабушку, его дочь — Евгению Ефремовну Яковлеву, в девичестве Палагину. Она была до последних дней в хорошей интеллектуальной форме, и мы с ней много разговаривали. Я расспрашивал прабабушку о войне (она — участник Великой Отечественной войны, фельдшер, блокадница), о фронтовом опыте ее мужа, моего прадеда.

Когда я просил прабабушку рассказать о ее отце, она говорила, что он работал на железной дороге, был до революции начальником станции Канаш в Чувашии. В этом городе прабабушка родилась, неподалеку от него родился и сам Ефрем Афанасьевич. Но вообще она очень неохотно говорила об отце и уж тем более никогда о том, что он был репрессирован. Мне казалось тогда, что отец их бросил, что он ушел из семьи. Возможно, она сама так это представляла, или, может быть, у меня сложилось такое впечатление, сейчас уже трудно сказать. Я все же думаю, она знала, что он был репрессирован, но не говорила, потому что боялась или стеснялась. Хотя, конечно, едва ли боялась, потому что чего бояться? Когда мы с ней разговаривали, уже не было никаких рисков. Но я думаю, что она могла стесняться этого.

В августе 2007 года бабушки не стало. И где-то в начале 2008 года мне вдруг пришло в голову проверить в Интернете информацию о прапрадедушке. Я был шокирован. Я хорошо помню этот момент — это было на работе, я ввел в поисковике «Ефрем Афанасьевич Палагин» и попал на сайт «Мемориала», в базу репрессированных.

Я всегда был политически активным и с ранних лет состою в партии «Яблоко». А для «Яблока» тема преодоления сталинизма, тема репрессий — одна из магистральных тем. У нас очень

Ефрем Афанасьевич Палагин
Игорь Яковлев,
пресс-секретарь
партии «Яблоко»,
Москва

Игорь Яковлев

сильное правозащитное направление, многие известные правозащитники — члены «Яблока»: Сергей Адамович Ковалёв¹, Валерий Васильевич Борщёв², — в общем, люди, которые сами, вот как Ковалёв, прошли через исправительно-трудовые колонии. То есть для меня это, конечно, история особая. Я всегда сочувствовал репрессированным людям и с интересом читал литературу об этом периоде истории России. Но никаких личных пересечений никогда не было. Поэтому, естественно, я испытал шок.

В электронной базе данных было очень мало информации. Был указан год рождения и место жительства прапрадеда. Но я ведь и места жительства его тогда еще не знал — семья много переезжала, прабабушка была женой военного. Я узнал, что репрессировали Ефрема Афанасьевича в 1930 году, что меня удивило. Я не так глубоко интересовался тогда этой темой, и мне казалось, что годы Большого террора — 1937—1938 и все репрессии происходили тогда. И в базе был номер следственного дела.

2008 год — это еще эпоха ЖЖ³, и я написал пост о своем открытии. В этой нашей политизированной тусовке люди опытные, мне тут же в комментариях подсказали, что нужно написать письмо в архив ФСБ⁴. Это я и сделал. Мое письмо из ФСБ переслали в ГА РФ⁵, и в марте 2008 года ГА РФ прислал мне приглашение прийти в читальный зал, чем я, естественно, и воспользовался.

Я плохо сейчас помню, как именно мы договаривались с ГА РФ. Помню, что пришел в читальный зал, но меня посадили в каком-то кабинете. Может быть, читальный зал был закрыт на ремонт или что-то в этом роде. И мне принесли дело прапрадедушки. Разрешили фотографировать только те страницы, где не было фамилий следователей и свидетелей. Такие были тогда почему-то ограничения. И я несколько часов сидел над этим делом.

Это вообще первое следственное дело, которое я видел. Первое и пока единственное. Мне немного неловко выглядеть таким впечатлительным человеком, но это тоже был шок, наверное, не меньший, чем тот, который я испытал, когда узнал, что мой прапрадед был репрессирован. Потому что я увидел, из-за каких пустяков была сломана жизнь человека и всей его большой семьи. К 1930 году он овдовел, с ним тогда жили трое его детей: старший сын Николай, которому только исполнилось 18 лет, младшие сын Георгий и дочь Евгения, моя прабабушка.

Тогда через это следственное дело я впервые как будто бы познакомился с прапрадедом. Меня впечатлило, что он был столь религиозным человеком. Его, по сути, репрессировали за то, что он читал и пытался как-то толковать Библию.

В 2008 году я даже не снял копии дела. Мне показалось, что сделать копию невозможно, но, вообще, я и не помню, чтобы я этим сильно интересовался. Потом был большой перерыв, почти в 10 лет, который я себе никак не могу до конца объяснить. Я думал в последние годы об этой истории, о том, что хорошо бы ей заняться основательно, но просто не находил для этого времени.

1 Ковалёв Сергей Адамович (1930—2021 г.) — советский диссидент, участник правозащитного движения в СССР и постсоветской России. С 1971 года один из ведущих участников издания «Хроники текущих событий». В 1974 г. Ковалёв был арестован, в декабре 1975-го приговорен к 7 годам колонии строгого режима и 3 годам ссылки. Срок отбывал в Скальнинских (Пермских) колониях и в Чистопольской тюрьме; в ссылку был отправлен на Колыму.
2 Борщёв Валерий Васильевич (род. в 1943 г.) — советский диссидент и российский

политик, правозащитник и журналист. Член Московской Хельсинкской группы.

3 «ЖЖ», «Живой Журнал» — интернет-платформа для ведения онлайн-дневников (блогов). Особенной популярностью пользовалась в России в 2000-х гг., в том числе как площадка для политических дискуссий.

4 Центральный архив ФСБ России, г. Москва, ул. Б. Лубянка, д. 2.

5 Государственный архив Российской Федерации, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17.

Возвращение в последние годы интереса к истории моей семьи связано не только с судьбой репрессированного прапрадеда. К новым поискам меня подтолкнула смерть моей бабушки, маминной мамы. Она была очень близким, очень дорогим мне человеком, ее я бы назвал звеном, связывающим меня с фамильными корнями. Когда бабушка ушла, я понял, что эту связь надо восстанавливать, что память надо сохранять.

Сейчас я ищу информацию по всем направлениям, даже сделал сайт⁶, чтобы как-то все систематизировать, потому что накапливается очень много переписки, ответов из архивов, других документов. Я даже не знал, что архивы хранят такое количество информации, был приятно удивлен. Конечно, одним из первых, о ком я стал искать информацию, был Ефрем Афанасьевич.

Возобновление поисков не было мгновенным решением. Я много думал о том, что конкретно я могу сделать, прикидывал, чем в первую очередь нужно заниматься. Мне, конечно, катастрофически не хватало знаний, как подступиться к поиску. Понятно было, что нужно писать в разные инстанции, даже примерно понятно, в какие. Но совершенно неясно, какие есть возможности, что конкретно хранится в архивах, кроме тех документов, что на слуху. Непонятно даже, на какие законы ссылаться, чтобы с тобой разговаривали, ведь архивная система все равно бюрократическая, хоть там и встречается немало хороших, отзывчивых людей. Форма очень важна, особенно если речь о переписке с силовыми структурами: ФСБ, МВД, Минобороны. Так что, когда я увидел анонс семинара по поиску информации о репрессированных родственниках в Центре документации Музея истории ГУЛАГа, понял, что это то, что мне нужно.

В ноябре 2019 года я пришел на этот семинар, и он мне очень помог. К примеру, я потом неоднократно использовал образец запроса в архивы и госструктуры, который мне предложили в Центре. Он включает в себя ссылки на законодательство, и это всегда очень хорошо работает — я заметил, что качество ответов стало гораздо выше.

В 2020 году, через 12 лет после первого знакомства с делом Ефрема Афанасьевича, я снова посетил ГА РФ, чтобы внимательнее изучить документы. И вот, получается, возобновил знакомство с прапрадедом. Из его показаний, из рассказов свидетелей и других обвиняемых, стал вырисовываться какой-то портрет. Я не могу сказать, что до конца понял этого человека и что этот портрет цельный. Но это что-то большее, чем просто сухие биографические данные, которыми я располагал раньше.

Конечно, мне хотелось не только узнать о репрессиях в отношении прапрадедушки, но и восстановить его биографию до и после обвинения, сделать полную биографическую справку, как для каждого из родственников, про которого я хоть что-то знаю. Кое-что я узнал из протокола допроса. Там указывался род его занятий до Первой мировой войны, во время революции, во время Гражданской войны.

Так я узнал, что родился он в крестьянской семье, окончил сельскую школу, а с 1902 года работал на железной дороге.

Я знал дату и место рождения прапрадеда. Он родился в селе, которое называлось до 1939 года Большие Кошелеи. Оно относилось к Казанской губернии, сейчас это Чувашия, а село называется Комсомольское. Там, кажется, в начале 1920-х годов было крестьянское восстание, в результате подавления которого <https://yakovlev.family/>.

погибло большое количество крестьян и несколько комсомольцев. Вот в честь погибших комсомольцев и назвали это село, райцентр. Если все сложится удачно, то я поеду в Чувашию, обязательно пойду в архив и посмотрю метрические книги⁷, может быть, найду братьев прапрадеда, сестер, попытаюсь разобраться, что это была за семья.

Следующая точка — город Канаш, где он жил в начале 1920-х. Я писал в архив этого города, спрашивал там, нет ли у них каких-то сведений о прапрадеде. Недавно звонил в архив этого направления железной дороги, но, к сожалению, у них документы только с 1935 года.

С 1926 по 1930 год Ефрем Афанасьевич жил в Волоколамске, там он был арестован. В феврале 2020 года мы с женой ездили в Волоколамск. Я надеялся увидеть дома, где жили железнодорожные служащие, и вокзал. Прапрадед был билетным кассиром, то есть он работал в этом здании, и мне хотелось оказаться там, где когда-то ступала его нога. Дома, скорее всего, не сохранились. Здание вокзала, который был в 1930 году, тоже не сохранилось, сгорело. Единственное, что уцелело, — водонапорная башня.

Несмотря на то, что в Волоколамске я нашел мало свидетельств того времени, я испытал особые ощущения, особые эмоции. Не знаю, мне сложно описать этот опыт, но я рекомендовал бы всем, кто собирает информацию о предках, проделать подобное. Это прикосновение к материальной памяти, если так можно выразиться.

Следующий этап жизни прапрадеда, про который я ищу информацию, — ссылка в Севкрай⁸. Я долгое время вообще не задумывался, что это означает. Что такое ссылка в Северный край, что такое ссылка вообще, как жили эти люди, чем они занимались, привлекались ли они к каким-то работам, каковы были условия их жизни, какова была дорога, везли ли их туда в этих ужасных столыпинских вагонах⁹?

Я стал задумываться об этом только сейчас. Мне очень хотелось понять, каковы были если не условия, в которые попал мой прапрадед, то хотя бы общий контекст, узнать что-то про людей, высланных туда по этой статье тогда же, когда и Ефрем Афанасьевич. Но я столкнулся с тем, что в открытых источниках нет практически никакой информации об этом. Никто из исследователей об этом не пишет. Я нашел только книгу¹⁰ архангельского историка С. И. Шубина, где рассказывается в том числе и о колонизации Северного края крестьянами, спецпоселенцами¹¹. Но мой прапрадед был сослан в Севкрай по уголовной статье.

Я пытался выяснить, куда конкретно сослали Ефрема Афанасьевича и что с ним стало. Еще в 2008 году в ГА РФ мне посоветовали написать в ГИАЦ МВД. Я, естественно, сразу же это сделал, и мне пришел ответ, что никакой информацией они не располагают. Они сами перенаправили мое обращение в пять регионов, которые находятся на территории бывшего Севкрая: Архангельскую, Вологодскую, Кировскую области, республики Карелия и Коми. И я стал получать оттуда

7 В Российской империи — книги для записей актов гражданского состояния (рождений, браков, смертей).

8 Административно-территориальная единица на северо-западе РСФСР (с 1929 по 1936 г.). В Севкрай входило пять округов: Архангельский, Вологодский, Ненецкий, Няндомский и Северо-Двинский.

9 Так назывались вагоны для перевозки заключенных, вагонзаки.

10 Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920—1930 гг. Архангельск, 2000.

11 С 1930 г. началось массовое выселение раскулаченных крестьян в отдаленные районы страны на специальные поселения, находившиеся в ведении ОГПУ и ГУЛАГа, что породило особый общественный слой — спецпоселенцы (трудпоселенцы, спецпереселенцы).

отрицательные ответы, все отрицательные. Из Коми мне прислали отрицательный ответ, при этом они сами обратились еще в архивные отделения УФСИН по Республике Коми в Воркуте и Емве. Но и оттуда — ничего утешительного. Из Карелии мне пришел ответ, что они никакой информацией не располагают, но советуют обратиться в Архангельск. К тому моменту, к ноябрю 2008 года, я уже получил ответ из Архангельска. Там не было ни обращения, ни каких-то вводных данных, которые обычно повторяются в начале, было только одно предложение: по такому человеку у нас никакой информации нет. Точка, подпись. Через месяц я обратился в Архангельск снова, и снова мне пришли эти две строчки, что ничего у них нет.

Ну, я решил, что, видимо, найти ничего больше нельзя. И собственно, может быть, поэтому я 12 лет этим и не интересовался. В 2019 году, после семинара в Музее истории ГУЛАГа, я написал руководителю Центра документации Марии Лоцмановой, и она посоветовала мне заново запросить информацию, изменив написание фамилии с «Палагин» на «Полагин». Действительно, в основном в этом уголовном деле его фамилию пишут через «о» — «Полагин», да и на сайте Мемориала и в Открытом списке написание фамилии вариативное: и через «о», и через «а». Я же писал в запросах только через «а», поскольку точно знаю, что бабушка моя была Палагиной. Мне не приходило в голову, что фамилия даже в официальных документах могла писаться по-разному — тут, конечно, нужны опыт и знания специалистов. Я послал новый запрос с измененным написанием фамилии во все информационные центры МВД этих пяти северных областей и, по совету Марии Лоцмановой, в Информационный центр Московской области. Писал в основном через интернет-приемные, так гораздо быстрее. Но опять отовсюду стал получать отказы, и, честно говоря, отчаялся.

Из Архангельска ответ пришел одним из последних, 30 июля 2020 года. Там говорилось, что Ефрем Афанасьевич Полагин освобожден в 1933 году. У него отсчитывался срок с момента ареста в ноябре 1930 года, соответственно, в начале декабря 1933 года он был «освобожден и остался в г. Архангельске» — все сходится. Это было для меня чрезвычайно важным событием — так я узнал, что он пережил эту ссылку. Я будто бы продлил его жизнь на три года — совершенно магическое ощущение.

Опять же по совету Марии Лоцмановой я позвонил исполнителю этого письма Нине Николаевне Ладкиной, милой женщине, и спросил, нет ли у них еще какой-то информации. Она ответила, что это все, что есть, а фраза «остался в г. Архангельске» не означает даже, что он в тот же день не выехал в какой-то другой регион. Тогда я уже стал думать, куда он мог поехать.

На момент освобождения ему было 57 лет. Я думаю, его здоровье было подорвано, после тюрьмы и ссылки вряд ли он был способен как-то себя прокормить. Мне показалось, что он мог вернуться к детям, скорее всего, к старшему сыну Николаю. Но Палагины, потомки Николая, с которыми я связался, ничего об этом не знали. Я попросил их сходить на кладбище, посмотреть, может быть, сохранилось в семейном захоронении его надгробие. Но найти ничего, к сожалению, не удалось. Вообще никто из потомков Ефрема Афанасьевича, которых мне удалось найти, не знал ничего о его судьбе, что может служить подтверждением того, что он не вернулся к детям. Так что ниточка эта, к сожалению, оборвалась.

Вторая моя версия была следующей: я предположил, что мой прапрадед мог поехать на свою малую родину, в Чувашию. Я написал в Информационный центр МВД Чувашии¹², в Исторический архив Чувашии¹³ и в ФСБ Чувашии¹⁴. Но пока все ответы были отрицательными.

Кроме того, в Центре документации мне подсказали, что прапрадед мог быть репрессирован повторно. Мне очень хотелось удостовериться в том, что он под этот каток не попал. Пока не знаешь, как он умер, остается ощущение какой-то недосказанности, фантазируешь, что с ним могло произойти. Надо было с этим разбираться. Один из фигурантов дела, по которому осудили прапрадеда, был расстрелян в 1937 году. Судьба еще одного фигуранта неизвестна, но его тоже в 1937 году повторно арестовали. Свидетеля, который оговорил моего прапрадеда, расстреляли. А следователь, Рейнгольд Оттович Эйсерт, который вел дело в 1930 году, в 1938 году был уволен с такой формулировкой, с которой, как я понимаю, тоже потом попадали под репрессии. Он был этническим латышом. Вообще, я хотел бы узнать о судьбах всех фигурантов дела, всех свидетелей, всех следователей.

Я писал опять в ФСБ Архангельска, на этот раз с вопросом о повторной репрессии, пытался запросить у информационных центров дату смерти прапрадеда¹⁵. Пока безрезультатно. Кажется, Александр Makeев, в прошлом руководитель Центра документации, советовал писать веерно во все информационные центры всех регионов. Этого я пока не сделал.

Конечно, можно было бы обратиться в ЗАГС, но у меня тяжелый опыт взаимодействия с ними. Я пытался получить свидетельство о смерти своего деда, маминого отца. И вот я приезжал, например, в Балашиху, где он жил, а там мне говорили: «У нас нет записи, он умер не у нас». И так меня «динамили», притом что у них общая база, они бы могли сказать мне, куда ехать. Только когда я во второй раз оказался в Балашихинском ЗАГСе, мне сказали: «Тебе в Подольск надо, в Подольске он умер». Я поехал в Подольск и получил свидетельство.

К тому же отделения ЗАГСов обычно требуют документы о родстве. Я не прикладываю документы, потому что у меня их нет. Проблема в том, что я так и не смог получить свидетельство о рождении своей прабабушки. Сохранилась копия паспорта прабабушки, там написано: «место рождения: г. Канаш». Я искал информацию о ее рождении (в ЗАГСе города Канаш, в историческом архиве Чувашии), но пока все безрезультатно.

Когда мы с женой ездили в Волоколамск, мы не могли не заехать на знаменитый разъезд Дубосеково, где вся эта история с панфиловцами произошла¹⁶. Там стоит большой монумент, и я подумал, что если прапрадед вернулся из Архангельска в Волоколамск, то теоретически он мог оказаться в этом замесе, там были жуткие бои, это ведь линия обороны Москвы, железнодорожная ветка, сам этот разъезд в 5 километрах от станции Волоколамск. Этого я тоже не исключаю. Хочется поставить точку все-таки. Точкой и является смерть человека.

У меня есть одна фотография Ефрема Афанасьевича.

Она хранилась у прабабушки, как-то она мне ее показала и сказала,

12 Информационный центр Министерства внутренних дел по Чувашской Республике, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, д. 41.

13 Государственный исторический архив Чувашской Республики, г. Чебоксары, пр-т Ленина, д. 16В.

14 Управление Федеральной Службы Безопасности России по Чувашской Республике, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 43.

15 В информационных центрах МВД могут быть данные о дате смерти человека, если он умер в лагере.

16 Панфиловцы — бойцы 316-й стрелковой дивизии (с 18 ноября 1941 г. — 8-й гвардейской), сражавшиеся под командованием генерал-майора И. В. Панфилова в битве за Москву (30 сентября 1941 г. — 20 апреля 1942 г.).

что это ее отец. Она не подписана. Я ее отсканировал и вернул. Когда прабабушка умерла, вещи достались жене деда, с которой, в общем-то, наша семья не дружит. Она как-то вещами распорядилась по своему усмотрению. Недавно архив прабабушки перешел ко мне, но среди фотографий не оказалось фотографий ее отца. Куда она делась, я не знаю. Я даже начал сомневаться, он ли изображен на той фотографии, которую я отсканировал. А с нашей стороны точно нет больше никаких вещей. Уже и спросить не у кого.

Мои родители развелись, я остался, естественно, с мамой, с родней по отцу у меня не было частых контактов. Поэтому, может быть, не было разговоров о предках и я особо не знал других родственников. Начав поиски, я постарался найти всех детей Ефрема Афанасьевича, но есть еще несколько ветвей, до которых я пока не добрался. Связывался с потомками не только в России, но и на Украине, в Италии. Из тех, с кем мне удалось связаться, никто не знал о судьбе Ефрема Афанасьевича, для них, как и для меня, стало неожиданностью, что их предок был репрессирован.

В поиске родственников мне очень помогла жена прабабушкиного племянника Льва Сергеевича Гудыма — Софья Ароновна, тетя Соня. У нее прекрасная память, и она знает о моих предках больше, чем любой другой мой кровный родственник. Она мне рассказала все то, что знала от своей свекрови, прабабушкиной сестры Веры Ефремовны, о Ефреме Афанасьевиче. И у нее сохранились некоторые контакты, к примеру, дочери Ефрема Афанасьевича Екатерины, которая жила в Казани. Я написал письмо, объяснил ситуацию, бросил в ящик: вдруг повезет и люди там по-прежнему живут. Но нет, никто не ответил.

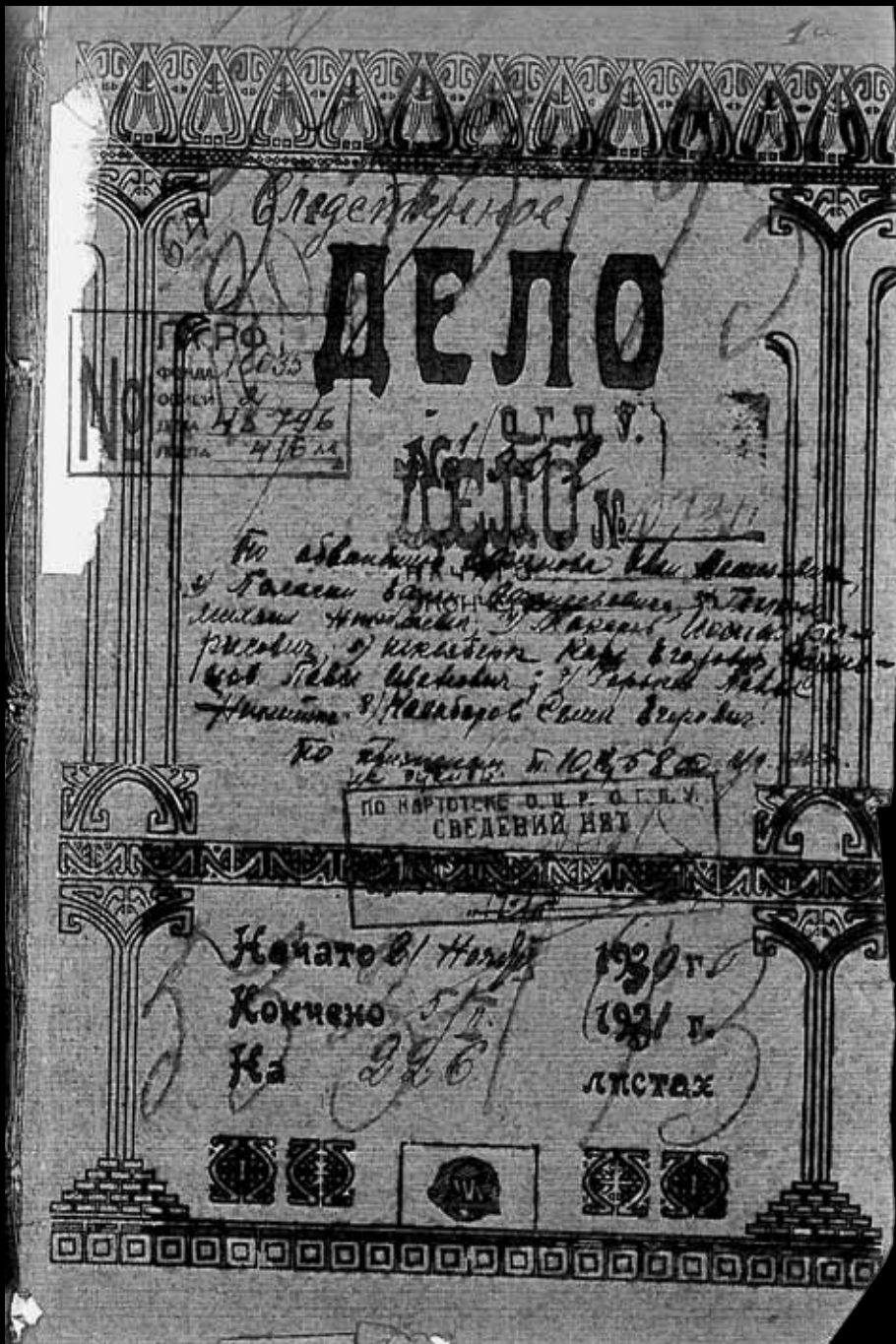
Кого-то я нашел через социальные сети — тех, у кого сохранилась фамилия Палагины. К примеру, потомков Николая Ефремовича я нашел через «Одноклассники»¹⁷, сейчас они живут в Подмосковье. У правнучки Николая Ефремовича Кати Жоровой тоже есть большой интерес к своим корням, и мы обмениваемся информацией. Нам удалось выяснить, что фигурантом этого уголовного дела был не только наш общий прапрадед Ефрем Афанасьевич, но и другой ее прапрадед, отец Катиной прабабушки, жены Николая Ефремовича, — Иван Васильевич Ефимов. Он тоже работал на железнодорожной станции Волоколамск. Как и Ефрема Афанасьевича, его сослали на три года в Севкрай. А в 1937 году снова арестовали и расстреляли.

Уже после записи интервью Игорю удалось установить, что в отделе ЗАГС администрации г. Канаш имеется запись акта о смерти Палагина Ефрема Афанасьевича, где указаны: дата смерти — 15.03.1940, место смерти — г. Канаш, причина смерти — туберкулез легких¹⁸.

17 Одноклассники (OK.ru) — российская социальная сеть.

18 Государственная служба Чувашской Республики по делам юстиции. Информационное письмо от 5 октября 2021 г.

Обложка архивно-следственного дела 1930 г. в отношении группы лиц. ГАРФ, ф. 10035, оп. 2, д. 19623 П-48796, л. 1а

216

СПИСОК

обвиняемых и свидетелей, проходящих по делу № 552:

Фамилия, имя и отчество	В качестве кого проходит	Адрес местожительства
ГОРЬКОВ Павел Никитич	Обвиняемый, следом шитой в Бутыра, ОГПУ тюрьме	Дер. Ново-Петровское, Волоколамского Р-на.
ШКЭЗБЕРГ Карл Егорович	"	Ст. Волоколамск МВВ ж.д. совхоз. дом.
КУЕНТЦОВ Павел Иван.	"	Ст. Волоколамск МВВ ж.д. фабрич. дом.
МАМАРОЗ Иосиф Варисович	"	Дер. Ново-Петровское, Волоколамского Р-на.
БЕЛИКОВ Иван Васильевич	"	Ст. Волоколамск МВВ ж.д. каз. дом №18.
ГЕГЕНО Михаил Николаевич	"	" каз. дом №19.
ПАЛАГИН Ефрем Афанасьев.	"	Ст. Волоколамск МВВ ж.д. казенный дом.
КОШЕВЦОВ Семен Егорович	"	Дер. Ново-Петровское, Волоколамского Р-на.
ШКЭЗБЕРГ Макс Карлович	С в и д е т е л ь	Ст. Лесодолгоруково, ТЭЗ ж.д., казен. дом.
ГЛАЗКОВ Иван Петрович	"	Ст. Новояск МВВ ж.д., каз. дом.
ИВАНОВА Дора Климовна	"	Ст. Волоколамск МВВ ж.д. казен. дом.
ИКШАН Роберт Иванович	"	"
КВАНОВ Сергей Иванович.	"	"
ЗМИРНОВ Николай Алексеев	"	"
МАТЗЕЗ Виктор Филлипов.	"	"
ГРИГОРЬЕВ Арсений Григорьев.	"	"
ЗОРИСОВ Григорий Григорьев.	"	"
ГЕРЗЕТ Петр Борисович	"	" казарма 126
КОЛЫЦОВ Федот Кириллов.	"	Дер. Холодниково, Волоколамск. Р-на.
ЗМИРНОВ Алексей Сергеев	"	Ст. Волоколамск МВВ ж.д. каз. дом.
ЦИРКЛЬ Еан Робертович.	"	Ст. Зренокладск, казарма 126. к/м.
ГУДЛИ Иван Павлович	"	" казен. дом.
ГОЛОЗИН Дмитрий Михайлович	"	Ст. Волоколамск д.И.в. нов.
ЗЕМКОВА Мария Федоровна	"	" каз. дом.
ГЕГЕНО Иосиф Афанасьевич	"	"
ИКШАН Лина Ивановна	"	"
ГОРЬКОВ Мехатл Иванович	"	Дер. Ново-Петровское, Волоколамск. Р-на.
ГОРЬКОВ Федор Петрович	"	"
КОСЛОВИЧ Иван Степанович	"	Ст. Волоколамск, каз. дом.
СОКИН Сергей Федорович	"	"
КОВАЛЕВ Василий Бессарионов.	"	"
ЗУБИНОВА Анна Петровна	"	"
ТРЕТЬЯКОВ Филипп Дмитриевич	"	"
МАТЗЕЗ Заидий Егорович	"	С. Рожковск. Волоколамск. Р-на.
ГОРЬКОВА Пелагея Ивановна	"	Дер. Н. Петровск.
ПАЗДОВИЧ Вронислав Антонович	"	Ст. Волоколамск каз. дом.

Уполномоченный /с/серт/

Директор

168

ЕФРЕМ АФАНАСЬЕВИЧ ПАЛАГИН

Ефрем Афанасьевич Палагин родился 1 марта 1876 года в селе Большие Кошелеи Цивильского уезда Казанской губернии. Отец его был из чувашей.

Ефрем
Афанасьевич
Палагин.
Московская
область,
г. Волоколамск,
начало XX в.

Окончив сельскую школу, в 1902 году Ефрем Афанасьевич пошел работать на Александровскую железную дорогу (ныне это Московско-Брестская железная дорога) конторщиком. Известно, что Ефрем Афанасьевич занимал посты весовщика, билетного кассира, дежурного по станции на станциях Гжатск, Можайск, Канаш, Кардымово, Подмосковная, Павловская Слобода, Волоколамск.

В Гжатске¹⁹ родились первые дети Ефрема Афанасьевича: дочери Зоя (между 1902 и 1909 годами), Вера (в 1909 году) и сын Николай (в 1912 году). Моя прабабушка Евгения Ефремовна родилась в 1920 году уже в другом месте — в поселке Канаш. Всего у Ефрема Афанасьевича было семеро детей — пять дочерей и два сына.

С 1926 года Ефрем Афанасьевич жил в Волоколамске. К 1930 году он овдовел, с ним жили трое его детей, в том числе моя девятилетняя прабабушка. Работал в Волоколамске он сначала весовщиком, а потом билетным кассиром.

Сегодня это г. Гагарин в Смоленской

Коллективное дело, жертвой которого стал прапрадед, началось с доноса. Это была середина 1929 года, проходили выборы в местком. Доносчик написал в ОГПУ, что есть вот у нас на станции группа людей (прапрадеда он тогда среди них еще не упомянул), которые враждебно настроены к советской власти. Враждебность заключалась вот в чем. Перед выборами в местком был вывешен на стене список с кандидатами. Один из тех, кого обвинял доносчик, сорвал этот список и пометил, кого нужно избирать, а кого нет. Видимо, для каких-то своих сторонников. Потом, когда началось заседание месткома, этот же человек, как пишет доносчик, определенным образом поднимал мандат, чтобы его группа поддержки видела, как он голосует, и реагировала на голосование. И вот благодаря такой политической технологии эти «враждебно настроенные к советской власти люди» были избраны в местком, а «честные коммунисты», к которым себя относил и доносчик, были забаллотированы. В дело также включено еще несколько выписок из стенгазеты, примерно такого же содержания и тоже подписанных анонимом, с нападками на этих «враждебно настроенных к советской власти граждан».

В 1930 году в Волоколамском районе идет коллективизация, раскулачивание, и, видимо, эти процессы проходят тяжело: крестьяне не хотят вступать в колхозы, оказывают серьезное сопротивление, даже если судить по материалам дела прапрадеда. Поэтому, как мне кажется, ОГПУ решает навести порядок и объединяет всех неблагонадежных в некую контрреволюционную группу, на которую и заводит дело. Обвиняют их по ст. 58 п. 10 УК РСФСР в «контрреволюционной деятельности, выразившейся в агитации против мероприятий советской власти и компартии».

По делу, кроме моего прапрадеда, проходило еще восемь человек, все — жители Волоколамского района. Большая часть из них — это железнодорожные служащие, рабочие станции Волоколамск. Там среди репрессированных есть столляр, слесарь, прапрадед мой — кассир, то есть люди довольно простых занятий. И еще, кажется, один пожилой крестьянин из окрестной деревни, ему в то время было 75 лет.

Часть железнодорожников действительно не стеснялась в выражениях, демонстрируя свое отношение к советской власти, к тем проблемам, с которыми они сталкивались, к колхозам. Надо понимать, что все эти люди — выходцы из крестьянского сословия и все они параллельно с работой на железной дороге занимались подсобным хозяйством. У моего деда была, например, как зафиксировано в протоколе допроса, одна корова и одна телка, то есть у него было две головы крупного рогатого скота. У кого-то было 13 ульев, у кого-то огород — то есть это были и рабочие, и крестьяне одновременно. И они тоже не вступали и не хотели вступать в колхоз. И не стеснялись об этом открыто говорить среди своих соседей и сослуживцев.

Ефрем Афанасьевич был еще и верующим человеком, к тому же с мистическим складом характера. Он считал, что скоро, через 130 лет, то есть где-то в 2059 или 2060 году, случится конец света. И он со всеми старался этим поделиться. Судя по протоколам допроса свидетелей, практически все на станции знали о его взглядах:

«Палагин Ефрем Афанасьевич увлекался “библией” и в беседах со мной толковал ее, говоря, что не всякий может писание “библии” понимать, и по некоторым неясностям в “библии” сам уезжает в Москву к какому-то почтенному человеку за разъяснениями»²⁰.

Кажется, в Откровении Иоанна Богослова написано, что сначала придет антихрист, потом будет гражданская война, брат пойдет на брата, все будут помечены печатями. А в то время гражданская война только относительно недавно закончилась. И то ли сам Ефрем Афанасьевич говорил, что антихристы — это большевики, а печати — это хлебные карточки, то ли так это трактовали его недоброжелатели, в общем, в деле довольно часто встречается такая трактовка его взглядов на эти вещи: «Из той же имеющейся у него библии он вычитал, что будет по печатям все, т. е. приводит в пример этому хлебные карточки. Люди все должны будут быть клейменные, в противном случае ничего не будет даваться; неизбежно завоевание антихристами всего земного шара, что будет к концу света, но вместе с тем будет сильная резня между собой и потом последует конец света»²¹.

Судя по показаниям свидетелей, Ефрем Афанасьевич считал, что советская власть падет через пять лет, потом будет продолжаться мировая война, а затем наступит конец света. И он рассказывал об этом на встречах у себя в квартире. Его слушателями в основном были женщины, как я понимаю, подруги его жены, которая болела. Я ничего о ней не знаю, судя по косвенным признакам, у него было несколько жен, это была его последняя жена и мать моей прабабушки. Кроме того, были какие-то застолья, они выпивали, и он о Библии рассказывал.

«В квартире весовщика Палагина устраивается собрание женщин, на которых весовщик Палагин и табельщик пути Мурашов зачитывают каждый свою библию, причем у Палагина библия без картинок, а у Мурашова — с картинками. По этим библиям якобы делается разные предсказания, в частности, например, о времени конца света. По библии Палагина и по библии Мурашова будто бы есть разница сроками на 30 лет. Однажды, когда Палагин пришел ко мне в кабинет, я спросил его, верно ли, что конец света будет через 130 лет. На это Палагин, не отвечая прямо на мой вопрос, сказал: и Константинополь будет наш, и во всем мире восторжествует советская власть. от других разговоров на эту тему он уклонился, т. к. увидел, что я над ним смеюсь»²².

Кроме того, мой прапрадед не хотел вступать в колхоз, вроде как где-то об этом высказывался. В допросах свидетелей и обвиняемых по делу часто встречаются характеристики Ефрема Афанасьевича как политически неблагонадежного: «Человек политически неграмотный и определенного уклона не имеет, отличается горлопанством, что за несколько раз можно подтвердить выступления его на собраниях, где он всегда выдвигал экономический личный вопрос; среди масс авторитетом не пользуется»²³.

20 ноября 1930 года Ефрема Афанасьевича задержали и допросили, затем поместили в Бутырскую тюрьму, где продолжали допрашивать. Из допросов всех тех, кого обвиняли по этому делу, допросы Ефрема Афанасьевича — самые короткие. Он не оговорил ни одного из других фигурантов дела, отрицал, что водил знакомства с людьми, объединенными в эту преступную группу: «Как они меня не посещали, так же и я их не посещал. Что они из себя представляют и как они себя проявляли среди рабочих и служа-

21. ГАРФ, ф. 10035, оп. 2, д. 19623 П-48796, л. 105 об. Протокол допроса Матвеева В. Ф. от 1 декабря 1930 г.

22. ГАРФ, ф. 10035, оп. 2, д. 19623 П-48796, л. 109. Протокол допроса Григорьева А. И. от 1 марта 1930 г.

23. ГАРФ, ф. 10035, оп. 2, д. 19623 П-48796, л. 92. Протокол допроса Глазкова И. П. от 21 ноября 1930 г.

щих, я не знаю»²⁴. «До перевыборов я выставленных кандидатур ячейкой ВКП(б) не обсуждал ни с кем и даже до этого не касался. Я больше уделял свободное время от службы, домашнему хоз-ву... Вообще, на ст. Волоколамск я ни с кем дружбу вне службы не имел... В отношении склоки на станции и организациях я не знал, т.к. со службы всегда уходил домой. В личной жизни вне службы между жонами мне пришлось обратить внимание на их недружелюбное отношение между собой на почве сплетен, напр. по отношению к моей жене»²⁵.

В том же, что касается Библии, Ефрем Афанасьевич не отрицал, что читал ее, но отказывался признать, что давал какие-либо предсказания, касающиеся конца света. «Я указанную библию читал в 1929 году один раз в присутствии жен Гегжно, и ряд других фамилий сейчас не помню, у меня на квартире. Объяснений каких бы там ни было по библии я им не давал в отношении царствования антихристов и якобы люди будут клейменны, также я не предсказывал существования света, единственно, что я сказал, это относительно вопроса о женщинах, что если мужчина попадет в сети женщин, то уж не вывернется, других каких бы ни было суждений я не помню»²⁶.

Ефрем Афанасьевич также сказал, что уничтожил свою Библию. Зимой 1929 года, когда, как он говорит на допросе, в Волоколамске жгли иконы, он свои иконы и Библию тоже уничтожил, «чтобы религиозный дурман не привился... детям»²⁷.

18 марта 1931 года Ефрем Афанасьевич был осужден Особым совещанием при Коллегии ОГПУ по ст. 58 п. 10, 11, 12 УК РСФСР на 3 года с высылкой в Северный край. Такой же приговор вынесли еще четырем фигурантам, двум другим запретили жить в столичных городах и еще в ряде регионов и отпустили. Еще одного фигуранта приговорили к трем годам концентрационных лагерей, но его обвиняли в избииении какого-то колхозника-коммуниста задолго до всех этих контрреволюционных событий.

Я знаю, что прапрадед отбывал наказание в Архангельской области, но не знаю никаких деталей. В 1933 году Ефрем Афанасьевич был освобожден.

На момент ареста отца моей прабабушке, Евгении Ефремовне, было 9 лет. Ее с младшим братом Георгием взяла к себе их старшая сестра Вера Гудым, которая тоже жила в Волоколамске.

Старший сын, Николай Ефремович, после ареста отца вынужден был уехать во Ржев и два года жил там. Потом он выучился на начальника железнодорожной станции и несколько лет работал по специальности в Тверской и Московской областях. Перед войной Николай Ефремович с семьей поселился в Шаховской, это недалеко от Волоколамска. Закончил службу на железной дороге начальником склада топлива²⁸. Получается, что он продолжил эту железнодорожную династию. Его внучка сейчас работает на железной дороге, на этой же станции Шаховской. Я с ней познакомился, правда, по переписке.

После архангельской ссылки Ефрем Афанасьевич вернулся в Канаш, где умер 15 марта 1940 года от туберкулёза лёгких²⁹.

В 1989 году Ефрем Афанасьевич был реабилитирован Прокуратурой Московской области³⁰.

24 ГАРФ, ф. 10035, оп. 2, д. 19623 П-48796, л. 71 об. Дополнительный протокол допроса Полагина Е. А. от 4 января 1931 г.

25 Там же.

26 Там же.

27 Там же.

28 Московский объединенный архив (г. Ржев) ОЖД, ф. 1, оп. 1, д. 2897.

29 Государственная служба Чувашской Республики по делам юстиции. Информационное письмо от 5 октября 2021 г.

30 ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 19623 П-48796, л. 269. Заключение в отношении Полагина Е. А. по материалам уголовного дела (арх. №48796).

На
гущую нашу в
сестра Веры Ефремовна
с Евгением.
Одесса 26/IX-48г.
12/12-1948г.

1
Евгения Палагина с другом.
Ленинградская область, Петергоф, 1940—1941 г.

2
3.4

Евгения Палагина и Николай Яковлев. 1942 г.
Евгения Палагина, Одесса. 1948 г.

Вера Водкина и
 Незабываемую маминку
 Спасибо от Васи.
 Выздоровела г.м.
 Ленинград
 28.1.41.

В память Ирины от
 мамы и папы. Велюте г.м.
 Мамы Васю прощайте,
 Зарешо от рошете, сора-
 матоной предиване в Р.м.
 тине. У мамы сатананды от
 Васю Иринка, самое
 светлое вранешинка.
 Л-рент М.Ю.В.

64

ИСТОРИЯ
ТРЕТЬЯ

АЛЕКСАНДР ДЕМОНТФОРТ ЕВГЕНИЙ МОНФОР

ПОИСК ДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К 5 ГОДАМ ИТЛ В 1931 ГОДУ

Подготовка книги пригласила на самый разгар пандемии. Интервью с Александром Демонфортром записывалось по скайпу. Александр, живущий в городе Рочестер (Великобритания), рассказывает об истории

своей семьи. В книге главный герой его поиска — двоюродный дед, генерал-майор царской армии, осужденный по делу «Весна».

65

АЛЕКСАНДР ДЕМОНТФОРТ

К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ СЕМЬИ МЕНЯ ПРИВЕЛ ИНТЕРЕС К ПРОИСХОЖДЕНИЮ МОЕЙ НЕОБЫЧНОЙ ФАМИЛИИ — МОНФОР

Александр Демонтфорт, инженер-проектировщик ракетной техники, кандидат экономических наук, пенсионер

Изучение истории семьи — главное мое увлечение.

Раньше у меня было много забот, работа, семья. Теперь, на пенсии, когда всего этого, считай, нет, нужно было бы сильно чесать затылок и думать, чем же сейчас заниматься, что же делать, чтобы не просто тянуть жизнь бесцельно? Не хочется говорить высокопарных слов, но поиски предков стали для меня делом жизни. Главное здесь — восстановление исторической справедливости. Святое дело. Я хочу выяснить историю моего рода. Кто, где, как жил, кто как кончил? Это стало основным содержанием жизни, и, пока я жив и здоров, буду продолжать. У меня есть цель.

В семье занимаюсь поисками я один. Дочь помогает мне иногда организационно. У сына другие интересы. Но есть внучка, которой это небезразлично, и я надеюсь, что когда-нибудь она продолжит мое дело.

К исследованию истории семьи меня привел интерес к происхождению моей необычной фамилии — Монфор. И это загадка, которую мне так и не удалось пока отгадать. Во время учебы в МВТУ им. Баумана я жил в общежитии в районе Лефортово. И как-то мой однокурсник показал мне могилу Монфоров на Немецком кладбище¹. Потом выяснилось, что это вовсе не мои родственники, а просто однофамильцы, но это стало началом моего интереса к генеалогии семьи. Я начал с адрес-календаря², где было множество Монфоров. Посвятив семейной истории много лет, я теперь знаю своих предков вплоть до 70-х годов XVIII века и приблизился к доказательству австрийского происхождения нашего рода. За 25 лет поисков мои исследования зашли так далеко, что я установил, какой была наша родовая фамилия в ее первоначальной форме — без искажений при переводе (с немецкого или французского),

¹ Введенское (Немецкое) кладбище располагается в районе Лефортово в Москве. Это один из старейших московских некрополей, основанный в XVIII в. Название «Немецкое кладбище» закрепилось за ним, так как там долгое время жили прежде всего иностранцев (в народе —

«немцев») — выходцев из Западной Европы, живших в Москве.

² В Российской империи под этим названием публиковались списки жителей города, государственных чинов, членов определенных профессий или сословий.

с сохранившейся приставкой «де», означающей принадлежность к дворянскому сословию. В дань исторической справедливости, в 2018 году я сменил свою фамилию на ее полный вариант — Демонфорт. Благодаря тому, что в ЗАГСе упростился порядок перемены имени и фамилии, эта процедура заняла у меня всего неделю.

Через несколько лет после начала поисков я вдруг обнаружил, что двое из моих пращуров, двоюродные деды, были репрессированы. Оба отсидели, оба вышли, оба работали после. В семье об этом никто ничего не знал: то ли никого это не интересовало, то ли об этом не рассказывали, потому что при советской власти говорить об этом было опасно. Про 1937—1938 годы³ ведь много слышал: «черный ворон»⁴, ночной звонок, человек исчезает. В Казани, где жили родители в это время, тоже людей забирали. Но про это никто не говорил.

Так что только когда я начал раскручивать нашу генеалогию, наткнулся в Интернете на упоминания о моем двоюродном деде Евгении Орестовиче Монфоре. Это известная личность, генерал-майор царской армии, перешедший на сторону большевиков, прослуживший у них всю Гражданскую войну. Я скоро понял, что Евгения Орестовича осудили по делу «Весна»⁵: это дело бывших офицеров царской армии, их больше десятка тысяч арестовали, многих расстреляли. А потом я начал искать в Интернете других своих родственников, и вычислил быстро, что и Орест Александрович Монфор, другой мой двоюродный дед, был осужден по тому же делу и тоже отсидел. Так что к изучению судеб репрессированных родственников меня привел интерес к семейной истории.

Я уже тридцать лет собираю свой архив. Пятьдесят членов семьи с 1770 года, на каждого папка, на каждого десятки, на некоторых — сотни документов. И среди них особенно много документов о Евгении Орестовиче и Оресте Александровиче.

С работой в архивах связаны две основные трудности. Первая — доступ к документам. Еще не все архивы, как в России, так и в бывших республиках СССР, имеют удаленный доступ. Список фондов доступен через Интернет почти везде, список описей, в общем, тоже. А вот список дел можно посмотреть в Интернете далеко не везде. Тем более не так просто получить само дело. Вот в Петербурге многие архивы имеют удаленный доступ. Все дела у них скопированы, оцифрованы. И там ты простоходишь в их систему, платишь деньги и получаешь доступ к самому документу. Этот документ ты можешь копировать, переписывать, записывать, распечатывать. В других местах, включая и Москву, этого пока нет.

Вторая проблема — это сроки исполнения заказов. Там, где нет доступа к делам, можно сделать заказ: «Прошу найти дело, фонд номер такой-то, опись такая-то, дело такое-то». И во многих архивах это занимает очень много времени. Особенно долго тянут в РГВИА — Российском государственном военно-историческом архиве на 2-й Бауманской, там месяцами ждешь. Поэтому зачастую приходится искать помощников. Есть такой сайт «ВГД — Всероссийское генеалогическое древо»⁶. Я к его помощи прибегаю в основном не для поиска информации о родственниках, но чтобы найти людей, которые как-то связаны с генеалогией и которые живут в определенном городе, где когда-то жили мои предки. И дальше я этих людей уговариваю посетить архив и собрать

3 Годы Большого террора.
4 Автомобиль для перевозки арестованных.
5 Дело «Весна» (1930—1931 гг.): репрессии в отношении бывших генералов и офицеров Русской

императорской армии и флота. Всего заведено более 3 тысяч групповых дел, осуждено в Ленинграде, Москве и на Украине свыше 10 тысяч человек.
6 <https://vgd.ru/>.

там документы. Если получится, сделать копии. Конечно, за это приходится платить.

Годы поисков связали меня со многими знающими, опытными в генеалогических исследованиях людьми. И вот с их помощью где-то в 2012—2013 годах я узнал еще больше о деле «Весна», по которому были осуждены мои двоюродные деды. Я хотел получить их следственные дела и приходил на Лубянку, писал заявления. Там мне сказали, что нужные мне уголовные дела находятся в отраслевом архиве СБУ — Службы безопасности Украины⁷. Я написал туда и получил ответ, что при наличии доказательств родства документы мне предоставят⁸.

Я не верил своему счастью. Я ведь уже получал отказы из многих других архивов: дескать, дела секретные и до сих пор не подлежат разглашению. Мало ли, по каким причинам все это закрывается, может быть, чтобы кто-то не начал мстить. Ведь в уголовных делах указаны фамилии всех людей, которые расписывались, оформляли, утверждали приговор, и родственники этих людей до сих пор живы. А тут мне разрешают фактически приехать в архив НКВД/КГБ. Так что мне ничего не стоило поехать туда, визы для поездки не требуется. И расход каких-то денег на билет, на гостиницу ничто по сравнению с возможностью самому увидеть дела. Естественно, я собрал все доказательства родства и поехал.

Приехал в понедельник, и мне сразу же выдали документы. Я не верил своим глазам — как же так, такая удача! Затаив дыхание, листал эти документы: да, это реальное дело, рукописное, карандашиком писал какой-то следователь, Невский или Свиридов, я уже не помню... Там есть все результаты допроса, и рукописные, и машинописные, и переписка об условиях жизни и работы после освобождения: где можно жить, где нельзя, прописка и так далее⁹. Я посмотрел, отметил, что мне нужно скопировать, и уже через несколько дней получил на дискете оба уголовных дела, как Ореста Александровича, так и Евгения Орестовича.

Фотографий в деле не было никаких, а те, которые у меня сейчас есть, предоставили родственники, живущие в Москве. Фотографий Ореста Александровича у меня очень много, а Евгения Орестовича — ни одной, потому что родственников его пока найти не удалось.

К сожалению, у меня нет почти никаких документов о времени, которое деды провели в заключении. Я знаю, что Евгений Орестович содержался в заключении в Свирьлаге¹⁰, это подтверждено полученными мной в украинском архиве документами¹¹. Но архив Свирьлага долгое время считался утерянным. Судьба Ореста Александровича еще более туманна, мне известно

7 Более 3 тысяч следственных дел, относящихся к делу «Весна» (вне зависимости от места применения репрессии), в 1968 г. были переданы в УКГБ УССР, ныне СБУ (Киев, Украина).

8 В 2015 г. Верховная Рада Украины приняла Закон «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917—1991 годов», который упростил знакомство с делами.

9 ОГА СБУ, ф. 6, д. 67093-ФП. Копии документов архивного уголовного дела «Весна». Т. 72: следственные материалы на Монфора Е. О.: ордер и протокол на производство обыска; анкета арестованного; протоколы допросов; постановление об избрании меры пресечения; справка о постановлении Коллегии ОГПУ; справка о передаче на пересмотр архивного уголовного дела заключенного Свирьлага; заключение военной Прокуратуры КВО. Документы о снятии судимости с Монфора Е. О.: заявление о снятии судимости; письмо Сталину И. В.; копия справки Управления Свирьского ИТЛ об освобождении заключенного;

характеристика преподавателя кафедры иностранных языков УзГУ Монфора Е. О.; справки о месте работы Монфора Е. О.; требование справки по учету агентурно-осведомительной сети в отдел «А» НКГБ УзССР; требование справки о наличии компроматериалов на Монфора Е. О.; справка по учетно-наблюдательному делу; заключение о возбуждении ходатайства о снятии судимости; справка по архивно-следственному делу по требованию отдела «А» МГБ УзССР; выписка из протокола ОС МГБ СССР; протокол допроса подсудимого. Т. 3164: обвинительное заключение и решение по делу «Весна». Т. 3176: следственные материалы на Монфора О. А. 10 Свирьский ИТЛ (Свирьлаг/Свирлаг) (1931—1937 гг.) располагался в Ленинградской области. Труд заключенных использовался главным образом на лесозаготовках (заготовка дров для Ленинграда), в промышленном, гражданском и ж/д строительстве, в сельском хозяйстве. Максимальная единовременная численность заключенных — 47 400 чел. (декабрь 1932 г.).

только то, что после заключения он стал уполномоченным ГУЛАГа в Дмитлаге. Однако и архив Дмитлага утерян.

Тогда я решил обратиться в Музей истории ГУЛАГа за консультацией. Я бывал до этого в музее, но он находился еще на Петровке¹². И вот, когда летом 2018 года я пришел в музей за консультацией, то обнаружил, что на прежнем месте его уже нет. Тогда я позвонил по новому адресу и поговорил с Александром Макеевым, который заведовал тогда Центром документации музея. В июне 2018 года я получил от Александра письмо с рекомендациями и адресами архивов. Информацию о нахождении Евгения Орестовича в Свирьлаге мне нужно было запросить в ИЦ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, сведения о Дмитлаге искать в ГА РФ и в архиве Музея канала ФГБУ «Канал имени Москвы», а информацию о судьбе родного деда Евгения Александровича, чью биографию я тоже пытаюсь восстановить, попытаться разыскать в ГИАЦ МВД и ЦА ФСБ РФ.

Ровно через год, в июне 2019-го, я с дочерью пришел в новое здание Музея истории ГУЛАГа. Сотрудник Центра документации Елена Зелинская рассказала мне о том, что за месяц до того, в мае 2019 года, в Выборгском областном архиве¹³ был совершенно неожиданно обнаружен считавшийся утерянным архив Свирьлага¹⁴. Я направил запрос в Выборг, но получил отрицательный ответ, личного дела Евгения Орестовича у них нет. Но надежда на новые сведения о судьбе Евгения Орестовича остается: в Центре документации мне посоветовали дождаться оцифровки архива и поискать упоминания о Евгении Орестовиче в списках заключенных и прочих документах.

Историю Ореста Александровича мне удалось немного прояснить. Среди документов у меня есть «Личный листок по учету кадров Монфора О. А.», который Орест Александрович, судя по всему, заполнял сам в 1953 году. В нем он, разумеется, не упоминает о заключении, но пишет, что в апреле 1931 года «демобилизовался в связи с длительным тяжелым заболеванием» и далее работал «главным образом по специальности экономиста-плановика сначала на крупных строительствах, потом в Наркомречфлоте»¹⁵.

В годы заключения (1931—1933) он, согласно этому документу, работал старшим экономистом в Управлении строительства НКВД в Новосибирске. На Новосибирск указывает и дело о реабилитации Ореста Александровича: в показаниях одного из сослуживцев, включенных в него, сказано: «примерно в 1932 году я встретился с Монфором в управлении исправительно-трудовых лагерей в г. Новосибирске»¹⁶.

С Еленой мы пришли к выводу, что Орест Александрович мог находиться в заключении в Сиблаге¹⁷, организованном осенью 1929 года: его центр размещался до 1933 года как раз в Новосибирске. И можно предположить, что Орест Александрович действительно работал в Управлении строительства НКВД в Ново-

11 ОГА СБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, архивно-следственное дело «Весна», т. 72; следственные материалы на Монфора Е. О., л. 121—125.

12 Первая экспозиция Музея истории ГУЛАГа была открыта в 2004 г. на ул. Петровка. В 2015 г. Музей переехал в новое здание в 1-м Самотечном пер.

13 Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге.

14 В фонде Р-2557 были обнаружены документы ИТК «Свирьстрой» (подразделения Свирьлага): списки узников лагеря, бежавших, приговоренных к исправительным работам; документы, касающиеся нормативов питания и труда, распорядка дня заключенных, сведения о сотрудниках, медицинские

отчеты, номер лагерной периодики — «Свирский ударник» и др.

15 РГАЭ, ф. 7971 оп. 39 д. 321. Личное дело Монфора О. А.

16 РГАЭ, ф. 7971, оп. 39, д. 321, л. 2: личный листок по учету кадров Монфора О. А.

17 Сибирский ИТЛ (Сиблаг) — исправительно-трудовой лагерь в Западно-Сибирском крае с центром попеременно в Мариинске и Новосибирске. Действовал с 1929 по 1960 г. Заключенные лагеря были заняты на лесозаготовках, угледобыче, строительстве, сельскохозяйственных и других производственных работах.

сибирске, но как заключенный. В Новосибирск были направлены еще как минимум двое фигурантов этого дела: Григорьев Юрий Иванович и Карум Леонид Сергеевич. Последний свою «работу» заключенным в Управлении Западно-Сибирских лагерей в Новосибирске описал в книге воспоминаний «Моя жизнь. Рассказ без вранья»¹⁸.

Елена посоветовала обратиться в архивы Новосибирского региона: ИЦ МВД по Новосибирской области, ГУФСИН России по Новосибирской области. Запросы я написал, в том числе и в госархив, и в Управление ФСБ, но, к сожалению, никакой информации там не оказалось. Так что пока окончательно установить, в какой лагерь был отправлен Орест Александрович и какую работу он выполнял в лагере, мне не удалось.

Дальнейшая жизнь Ореста Александровича также была, как я уже говорил, связана с ГУЛАГом. В 1933—1940 годах, согласно «Личному листку по учету кадров», Орест Александрович занимал должность начальника и помощника начальника различных отделов планирования сначала на строительстве, а потом в Управлении эксплуатации канала Москва — Волга. Канал Москва — Волга строили заключенные Дмитлага¹⁹. Но архив Дмитлага частично утерян²⁰, технический архив хранится в ГА РФ и содержит общую информацию о лагере²¹. Обратившись к нему, мне удалось найти упоминания о переходе Ореста Александровича с одной должности на другую и подтвердить таким образом его работу в Управлении строительства канала Москва — Волга: с сентября 1933-го по август 1937 года в Истре и Икше, с октября 1937-го по июль 1939 года — на эксплуатации канала в Дмитрове.

Действительно, на отпечатанной в 1937 году фотографии Ореста Александровича с женой и сыном на форме прадеда видны петлицы работника ГУЛАГа с тремя белыми эмалевыми кругами. Но никаких других сведений о его дальнейшей работе в ГУЛАГе у меня нет. Хотя я делал запрос и в ЦА ФСБ, и в архив Канала им. Москвы²², а также обращался в отдел научно-информационной и справочной работы ГА РФ, ни в одной из картотек не было найдено подтверждения тому, что он входил в личный состав Управления строительством канала Москва — Волга.

Удивительно и то, как мало известно о дальнейшей судьбе и смерти Евгения Орестовича. Это одна из двух главных загадок всех моих поисков. Я знаю, что последние годы Евгений Орестович провел в Узбекистане и сделал там запрос о снятии судимости, в чем ему отказали. Я писал в Узбекистан во все эти СНБ²³, МВД, президенту старому писал, президенту новому писал — ответ все время одинаковый: «Сведениями не располагаем»²⁴. Хотя у меня есть конкретные фамилии людей, которые отказали ему в снятии судимости, есть даты, названия организаций. Из чего я делаю два вывода. Первый — что у них до сих пор

18 Карум Л. С. Моя жизнь: рассказ без вранья. Новосибирск: Офсет, 2014.

19 Дмитровский ИТЛ (Дмитлаг) (1932—1938). Заключенные строили канал Москва — Волга им. И. В. Сталина, Северный канал, Центральный аэродром имени М. В. Фрунзе, Сталинскую водонасосную станцию, их труд использовался при реконструкции р. Яузы, Истринской плотины, на лесозаготовках и торфоразработках. В 1935 г. численность заключенных Дмитлага достигла 192 229 человек.

20 Архив Дмитлага был частично утерян во время Великой Отечественной войны. Согласно одной из распространенных легенд, архив в 1941 г. эвакуировали из Москвы в Ульяновск, а затем сожгли какую-то часть документов. Так, подтверждено уничтожение архивных материалов бывшего Волжского района строительства канала Москва — Волга в 1940 г.

как «материалов, навсегда утративших свое значение и не имеющих никакой ценности», к тому же материалы были «в порванном и заржавленном виде, испорченные грызунами, прелые, загаженные» (ГА РФ, ф. Р-9414, оп. 2, д. 216).

21 ГА РФ, ф. 9489, оп. 2: Управление строительства канала «Москва — Волга», управление строительства Сталинской водопроводной станции народного комиссариата внутренних дел СССР. 1931—1939.

22 Канал им. Москвы — бывший канал Москва — Волга, который строили заключенные Дмитровского исправительно-трудового лагеря.

23 Служба национальной безопасности Республики Узбекистан. В 2018 году переименована в Службу государственной безопасности Республики Узбекистан.

остаётся эта секретность, которая снята уже в России. Второе — не исключено, что у них «рыльце в пушку», что Евгений Орестович умер у них. И, поскольку это было по их вине, они это скрывают.

Так что пока тупик, я не знаю, как искать дальше. Нашел каких-то людей, но все это очень сложно, когда речь идет об НКВД/КГБ. Если они не хотят, ничего не получишь. Но что-то мне все-таки удалось. Опубликована большая статья про Евгения Орестовича в одном из популярных журналов Узбекистана. Большие деньги я заплатил одному человеку в Самарканде, и он все-таки обнаружил упоминание о личном деле²⁵ Евгения Орестовича. Так нашлась некая его автобиография, которую он писал при поступлении на работу.

Из нее я узнал о третьем репрессированном родственнике — двоюродном брате Евгения Орестовича, сыне его тети Антонины Феликсовны. Она по мужу Высоцкая. И вот ее сын, Леонид Эдмундович Высоцкий²⁶, был расстрелян на Бутовском полигоне в 1938 году.

Вторая главная загадка — судьба моего родного деда Евгения Александровича Монфора. Окончив в октябре 1917-го школу прапорщиков, он сначала несколько месяцев служил в Казани. Но, в отличие от Евгения Орестовича, не перешел к большевикам, а ушел к Колчаку. У меня есть сведения, что он там был два месяца в конце 1918 года — начале 1919-го, но потом исчез. В 1938 году он появился в Казани, работал бухгалтером в каком-то ЖКХ. Представьте себе: между 1919 и 1938 годами совершенно неизвестно, где человек был. В 1956 году он умер — я помню, как мой отец ездил его хоронить. Но нам он никогда не рассказывал о своем прошлом. И вот это вторая загадка: 20 лет человек пропадал неизвестно где, в самые годы репрессий. У меня две гипотезы. Первая — что он ушел с белыми куда-нибудь в Китай, в Маньчжурию, а потом вернулся. Вторая — что он был посажен и сидел, я пока не знаю, где и сколько времени.

Странно, что ни Евгений Орестович, ни Орест Александрович не упоминали моего деда на допросах. Ведь он офицер царской армии и, возможно, скрывался тогда где-то в Сибири, или в Маньчжурии, или в Китае. Но по делу «Весна» он не проходит.

24 Александр Демонтфорт обращался за сведениями в 1) ЗАГС Самаркандской области; 2) Центральный архив Министерства обороны РУ; 3) Русский культурный центр Узбекистана; 4) ИЦ МВД РУ; 5) архив СамГУ; 6) ЦГА РУ; 7) СНБ РУ; 8) СГУ РУ; 9) УВД Самаркандской области РУ; 10) МИД РФ (21 марта 2020 г.). Посольство РФ в РУ направило ноту в МИД РУ 2 июня 2020 г. с просьбой оказать содействие в предоставлении сведений о Е. О. Монфоре из архивных источников Республики Узбекистан. Ответа пока нет.

Александр Демонтфорт писал также Министру МВД РУ А. А. Ахмедову и дважды Президенту РУ Ш. М. Мирзиёеву.

25 ГАСО, ф. 637, оп. 1, д. 446. Личное дело Монфора Е. О.; ГАСО, ф. 637, оп. 2, д. 574. Личное дело Монфора Е. О.; ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 122.

26 ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 32995. Архивное уголовное дело по обвинению Высоцкого Л. Э. Архивную копию дела Александр Демонтфорт получил в ГА РФ в 2019 году.

Единое Государственное Политическое Управление

ОРДЕР № 8952

22 Январю для 1931 г.

Выдан сотруднику Оперативного Отдела О. Г. П. У.

Орлову
производство Ареста и следствия

Монфора Евгения Орестовича

адресу: поселок Сводня Урюпинские шоссе 8.

ПРИМЕЧАНИЕ. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать помощь, на месте которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения.

В. М. Маджа
Председателя О. Г. П. У.

Начальник Оперативного Отдела
Орлову

спрака 58.

история третья

Евгений Орестович Монфор

Александр Демонфорт

СССР
аркомвнутдел Управление
ирского Испр.труд.лагеря
учетно-распредел.отдел
4 ноября 1934 г.
30372-1000
Молодежное поле, Лен.обл.

К о п и я с К о п и и

С П Р А В К А

Дана гр. МОНФОР Евгений Оресто-
вичу рожд. 1875 г. урож. г.Баку, осуж-
денному засад.коллективом ОГПУ 18 июля
1931 г. по ст.ст. 58 4 7 10 11 УК к
заключению в ИТЛ на 5 лет в том, что он по отбытии срока
меры социальной защиты с зачетом рабочих дней из
Свирского лагеря освобожден 14 ноября 1934 года.

На проезд виданы требования ф. № 5 за № 199458
до ст. Мариуполь, видом на жительством служить не может.
При утере не возобновляется.

П.п. Начальник 1 отд. л/п Свирлаг /подпись/

Нач.учетно-распредел.части
/подпись /

Копия верна:

Ст. пом. нач. Отделения
Финотдела САВО

Иванов Иван

У.М.Т.Б. на Самаркандский облгост

ЗАЯВЛЕНИЕ
(в органе правосудия)

1. Фамилия Монфор
 2. Имя и отчество Евгений Орестович
 3. Год рождения 1925 4. Место рождения г. Бухара
 5. Адрес г. Самарканд, ул. Воровского 34
 6. Место работы и должности Узбекский Театр-оперный
Узбекфильм, режиссер-режиссер
 7. Профессия и специальность Режиссер-режиссер высшего разряда
Узбекфильм - фильм
 8. Когда и в каком органе правосудия 22 января 1931 г., ОТПУ,
г. Москва
 9. Когда, кем, по какой статье и на какой срок осужден Коллегией ОТПУ
20 июля 1931 г., ст. 58 а и 47, 10, 11, на 5 лет в У.М.Т.Б.
 10. Когда откуда и на основании чего освобожден 14 ноября 1934 г. из
Свердловск У.М.Т.Б. Свердловск
 11. Какие меры для освобождения были исполнены
 12. Какие меры для освобождения и оплаты труда приняты
 13. На время работы кем и в ч. в.

13. Перечислить все города и местности, где проживал и чем занимался с момента освобождения до настоящего времени

С какого по какое число	Точный адрес места жительства	Место работы и должности
ноябрь 1935 ноябрь 1936	г. Маршутай, Красно-армейская 34	Домская Вис-сина Кошкар, с/х школа
1 септем-бры 1936 по 1 октяб-рю 1936	г. Самарканд, ул. Воровского 34.	Самарк с/х ма-шиноу. цо. Агул-рида Вазарудин. По самостоятель-ной работе, худ. ульченко, 30 и 37 арденно школы, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100
7 септем-бры 1936 по 1 сеп-тембру 1941	— " —	Узбекский Театр-оперный, режиссер, режиссер-режиссер

169 2А ОС-4864/117/56
 Доброго дня, брати и отцу! ¹⁹⁴⁸
 Я старший лейтенант, уральских трех
 лет, 1-й бригады, из уральской.
 Я служил в бригаде добровольцев до генерала майора,
 бригады до бригады, получил франки и ком-
 мунистическую с пенуши, имел 8 боевых ор-
 ден. В Красной армии добровольно с марта
 1917, носил 2 и 3 ранга, много ранен в
 ее сражениях и укреплениях, имел посылку
 в лагерь ВУЗНИК а; с 1922 по 1931 г. уральская
 добровольная работа на руководящих постах.
 22 января 1931 г., по совершившимся преступ-
 лениям, был арестован и признан виновным
 в том, что заключенный в эти лагерях, посто-
 янно Коллегия ОГПУ об организации су-
 димых преступлений, т.е. без возможности защи-
 щаться и делавших оправдания. И в эти
 лагерях я продолжал трудиться честно и
 добросовестно; за ударную работу был выслан
 в Красную тюрьму из ссылки и вскоре освобожден.

Выписка из протокола № 6

Область Советская при Министерстве Государственной Безопасности Союза ССР

от 14 февраля 1948 г.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ	ПОСТАНОВЛЕНИЕ
<p>145. Дело № 554672/МГБ Удмуртской ССР по снятию судимости с ИОНОП Евгений Орестовича, 1875 г.р.ур. г.Вачу, русский гр., СССР, из д.Че- рное-озерное, д.м. генерал-майор царской армии, беспартийный. В настоящее время проживает в Самаре. Осужден Коллегией ОГПУ 15/III- 1931 г. на 6 лет ИТЛ. Освобожден 14/XI-1934 г.</p>	<p>ИОНОП Евгений Орестовичу снятие судимости ОБЪЯВИТЬ.</p>

Нач. Секретариата Особого Совещания

ЕВГЕНИЙ ОРЕСТОВИЧ МОНФОР

Евгений Орестович Монфор родился 16 августа 1874 года в Баку. У него была сестра и двое братьев. Все родные братья, да и все их двоюродные тоже, стали военными. Мне кажется, карьера военного тогда была одной из лучших. Евгений Орестович получил блестящее образование, окончил Николаевскую академию Генерального штаба в Петербурге. Все эти офицеры царской армии были образованнейшими людьми. Их даже танцам учили, балы устраивали!

Евгений Орестович поступил на военную службу, был несколько раз ранен в ходе Первой мировой войны, многократно награжден, дослужился до звания генерал-майора царской армии. И тут случилась революция. Я думаю, что многие офицеры бывшей царской армии, конечно, были настроены против советской власти. Ведь они давали присягу. Не могли же они после стольких лет просто сказать, что вся прежняя жизнь была неправильной. «Переход к большевикам» — это не просто политическое решение, это моральная катастрофа, измена присяге. Не думаю, что это решение просто давалось.

Но представьте себе: генерал-майор, имел хорошую зарплату, условия жизни. И вдруг он все это потерял, остался ни с чем! Мне кажется, они принимали советскую власть по нужде, потому что деваться было больше некуда: или вообще остаться нищим, а то и быть расстрелянным, или «давай, помогай красным». Так что Евгений Орестович перешел на сторону большевиков, а в 1918 году даже составил устав внутренней службы для РККА, которым вся РККА пользовалась.

Многие офицеры по увольнению с военной службы служили военруками в университетах, институтах; это самая близкая им профессия. И Евгений Орестович после увольнения

из армии тоже стал работать военруком, сначала в Харькове, потом в Москве, во 2-м Московском Государственном университете²⁷. В Москве он был как специалист на хорошем счету: естественно, ведь он, генерал-майор, знал, как учить студентов военному делу. В 1931 году он со второй женой жил в Подмосковье, на станции Сходня (у меня есть даже фотографии этого дома), работал доцентом военного дела в Московском высшем строительном училище.

Но начали раскручивать дело «Весна». И один из арестованных, некий Сергеев, упомянул Евгения Орестовича при допросе. 22 января 1931 года Евгения Орестовича арестовали.

При аресте у него конфисковали три револьвера, сотни патронов, два портфеля с перепиской, фотографиями и клинок. Клинок этот — георгиевское оружие, которым он был награжден во время Первой мировой. Конечно, можно сказать, что он был вооружен, но ясно, что он не собирался это оружие использовать.

Обвинили его в контрреволюционной деятельности, в том, что он являлся участником антисоветской военно-офицерской повстанческой организации (по ст. 58 п. 4, 7, 10, 11 УК РСФСР).

В ходе допросов, если верить уголовному делу, он признал себя виновным и буквально через несколько дней после ареста упомянул, что у него есть двоюродный брат Орест Александрович, с которым они встречались недавно. Орест Александрович был штабс-капитаном царской армии, потом полковником Генштаба РККА, а после увольнения из армии, как и Евгений Орестович, работал военруком. 23 февраля 1931 года Ореста Александровича тоже арестовали.

Постановлением Коллегии ОГПУ 18 июля 1931 года Евгения Орестовича осудили на 5 лет ИТЛ и отправили в Свирьлаг, находившийся в Ленинградской области. 14 ноября 1934 года, после трех лет заключения его освободили «по отбытии срока меры социальной защиты с зачетом рабочих дней»²⁸.

Никаких дополнительных сведений о его пребывании в Свирьлаге у меня, к сожалению, как я уже говорил, нет.

Посмотрев дело о снятии судимости Евгения Орестовича в Государственном архиве службы безопасности Украины, я обнаружил никому до этого не известный факт из его жизни. Оказалось, что последние годы жизни Евгений Орестович прожил в Самарканде. После освобождения он провел год в Мариуполе, работая как нештатный преподаватель военной дисциплины в Донецкой высшей коммунистической сельскохозяйственной школе. Потом поступил на службу в Сельскохозяйственный техникум им. Мичурина, у которого, как ни странно, основное отделение было в Самарканде.

Так он попал в Самарканд, где с 1938 года перешел на работу в Узбекский государственный университет. Представьте себе, Евгений Орестович преподавал там французский язык. Какое замечательное он должен был получить образование, чтобы вдруг начать работать преподавателем иностранных языков! Он писал методические пособия о том, как преподавать французский язык; он знал английский, писал даже исследования по английскому языку! «Им составлен учебник французского языка для математиков, глоссарий английских терминов по минералогии, сделан перевод статей академика Бартольда по истории народов Средней Азии»²⁹. Самое интересное, что в 1939 году,

27 Высшее учебное заведение в г. Москве. Создан в 1918 г. на основе Московских высших женских курсов. В 1930 г. реорганизован в три самостоятельных вуза.

28 ОГА СБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 72, материалы о снятии судимости с Монфора Е. О., л. 5: копия справки из Управления Свирского ИТЛ об освобожде-

нии заключенного Монфора Е. О. по отбытии срока изоляции от 14 ноября 1934 г.

29 ОГА СБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 72, материалы о снятии судимости с Монфора Е. О., л. 6: характеристика преподавателя кафедры иностранных языков УзГУ Монфора Е. О. от 15 апреля 1947 г.

кажется, он подал заявление о желании защитить диссертацию на тему «Влияние французской революции на язык французского народа». Насколько хорошо он должен был владеть французским языком, чтобы исследовать его, находясь в СССР! Во время войны Евгений Орестович работал в Московском государственном художественном институте, преподавал французский и английский языки, «фактически выполнял обязанности завкафедрой иностранных языков, являясь руководителем группы преподавателей иностранных языков»³⁰, затем вернулся в Узбекский государственный университет.

С 1943 года Евгений Орестович пытался добиться снятия судимости. Как он объясняет в письме Сталину от 3 ноября 1946 года:

«22 января 1931 года, не совершив никакого преступления, я был арестован и присужден затем к 5 годам заключения в и/т лагерях, постановлением Коллегии ОПТУ без нормальной судебной процедуры, т. е. без возможности защищаться и добиваться оправдания. И в и/т лагерях я продолжал трудиться честно и добросовестно; за ударную работу был внесен в Красную трудовую книгу и досрочно освобожден 14/XI-1934 г. <...> В ноябре 1943 года я подал просьбу о снятии судимости, направив ее через т. Ворошилова, его секретариат переадресовал ее в комиссию при Президиуме Верховного Совета СССР. Эта комиссия 31/VIII-1944 г. <...> перепроводила мою просьбу к Прокурору Уз ССР, который, в свою очередь, передал ее в Президиум Верховного Совета Уз ССР, откуда она снова вернулась в Президиум Верховного Совета СССР <...> Насколько я могу судить из переписки, причина этого странствования моего прошения та, что я не приложил к нему копии судебного приговора, но что я мог поделать: во-первых, не было суда, а следовательно, и судебного приговора, во-вторых, копии судебных приговоров не выдаются лицам, осужденным по ст. 58 УК, каковым являюсь я.

В конце концов, 16 лет я незаслуженно ношу на себе порочащее меня клеймо преступника, терплю все его последствия. Моя личная жизнь разбита, я совершенно одинок. На всю мою долгую трудовую жизнь, на заслуги перед Родиной и советской властью, на кровь, пролитую за отечество, поставлен крест. Всегда я чувствую себя как бы неполноправным гражданином, что на меня смотрят как на преступника, не доверяют, опасаются. Это может казаться смешным, но это факт. Как бы я ни работал, что бы ни сделал, никаких поощрений и повышения я не получаю. Моя просьба о реабилитации в течение трех лет только кочует из одной канцелярии в другую. Мне 71 год. Невыносимо тяжело мне носить незаслуженное, принижающее меня клеймо преступника. Умоляю Тебя, великий друг и защитник трудящихся, помоги своим высокоавторитетным заступничеством. Я не прошу о признании своих прежних заслуг. Я прошу только об одной милости — снять с меня позорное пятно и реабилитировать как честного гражданина своей Родины. Могу еще быть полезным. Хотя бы как живая хроника жизни Русской армии с 1891 по 1931 год»³¹.

В 1947 году Евгений Орестович подал новое прошение о снятии судимости. Начальник отделения «А»³² УМГБ Самаркандской области согласился возбудить ходатайство о снятии суди-

30 ОГА СБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 72, материалы о снятии судимости с Монфора Е. О., л. 13: характеристика старшего преподавателя Московского Государственного Художественного института тов. Монфора Е. О.

31 ОГА СБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 72, материалы о снятии судимости с Монфора Е. О., л. 2—4.

32 Отдел «А»: учетно-архивный, также руководил тюрьмами МГБ. Выделен из 1-го спецотдела НКВД СССР при разделении НКВД и НКГБ в апреле 1943 г.

мости перед Особым совещанием МГБ СССР, но уже на уровне отделения «А» МГБ УзССР, «учитывая тяжесть совершенного состава преступления и руководствуясь приказом НКВД СССР № 0117 от 11/У-1939 года»³³, в удовлетворении прошения Евгению Орестовичу было предложено отказать. И в феврале 1948 года Евгений Орестович получил от Особого совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР окончательный отказ в снятии судимости.

К делу об отказе в снятии судимости приложена справка по архивному учетно-наблюдательному делу. Из нее можно узнать историю слежки за Евгением Орестовичем после его освобождения из лагеря.

«15.08.1939 года на Монфора Е. О. заведено дело-формуляр по окраске «Бывшие люди». В июне 1944 года дело-формуляр ввиду отсутствия материалов о практической а/с деятельности переведено в учетно-наблюдательное дело, которое в сентябре 1946 года прекращено, а Монфор, как судимый в прошлом за к/р деятельность и выходец из соцчуждой среды, взят на подсобный учет, с приобщением материалов к сборнику компматериалов. За время разработки на Монфора поступили аг. данные о его соцпрошлом и службе в царской армии на высших командных должностях. Кроме того, в период 1941—1942 годов отмечались отдельные а/с проявления в части плохих условий жизни и трудности материальной жизни, а также упадническое настроение и неверие в победу над Германией. С 1944 года каких-либо а/с проявлений со стороны Монфора агентурой не отмечалось, в связи с этим в сентябре 1946 года дело переведено на подсобный учет»³⁴.

Таким образом, в 1947 году Евгений Орестович «состоял на подсобном учете как быв. генерал-майор царской армии»³⁵. И после подачи прошения положение его только ухудшилось. Отдел «А» МГБ УзССР не только порекомендовал отказать Евгению Орестовичу в снятии судимости, но и поручил УМГБ по Самаркандской области «обеспечить активную разработку»³⁶ Евгения Орестовича. Что означает «разработать»? Следить. И я боюсь, что они его просто доконали. Он уже был старый человек, ему тогда было 72 года, может быть, он там и кончил свою жизнь. Ведь до сих пор неизвестно, где и когда он умер. Представьте себе: человек в 1948 году в Советском союзе жил-был — и бесследно исчез совершенно. Детей у него не было, наследников не было. Может быть, были еще какие-нибудь родственники, которые что-то знают о нем, но я таких пока не нашел.

Реабилитирован он был в итоге только 29 июня

1989 года.

33 ОГА СБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 72, материалы о снятии судимости с Монфора Е. О., л. 25.
34 ОГА СБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 72, материалы о снятии судимости с Монфора Е. О., л. 16: справка по архивному учетно-наблюдательному делу № 70/2170 на Монфора Е. О., май 1947 г.
35 ОГА СБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 72, материалы о снятии судимости с Монфора Е. О., л. 24: справка

отдела «А» МГБ УзССР по материалам о снятии судимости с Монфора Е. О. от 10 декабря 1947 г.
36 ОГА СБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 72, материалы о снятии судимости с Монфора Е. О., л. 26: справка отдела «А» МГБ УзССР по материалам о снятии судимости с Монфора Е. О. от 10 декабря 1947 г.

¹
1918 г.

Орест Монфор, участник Гражданской войны.

²
1920 г.

Орест Монфор. Разведотдел Генштаба РККА,

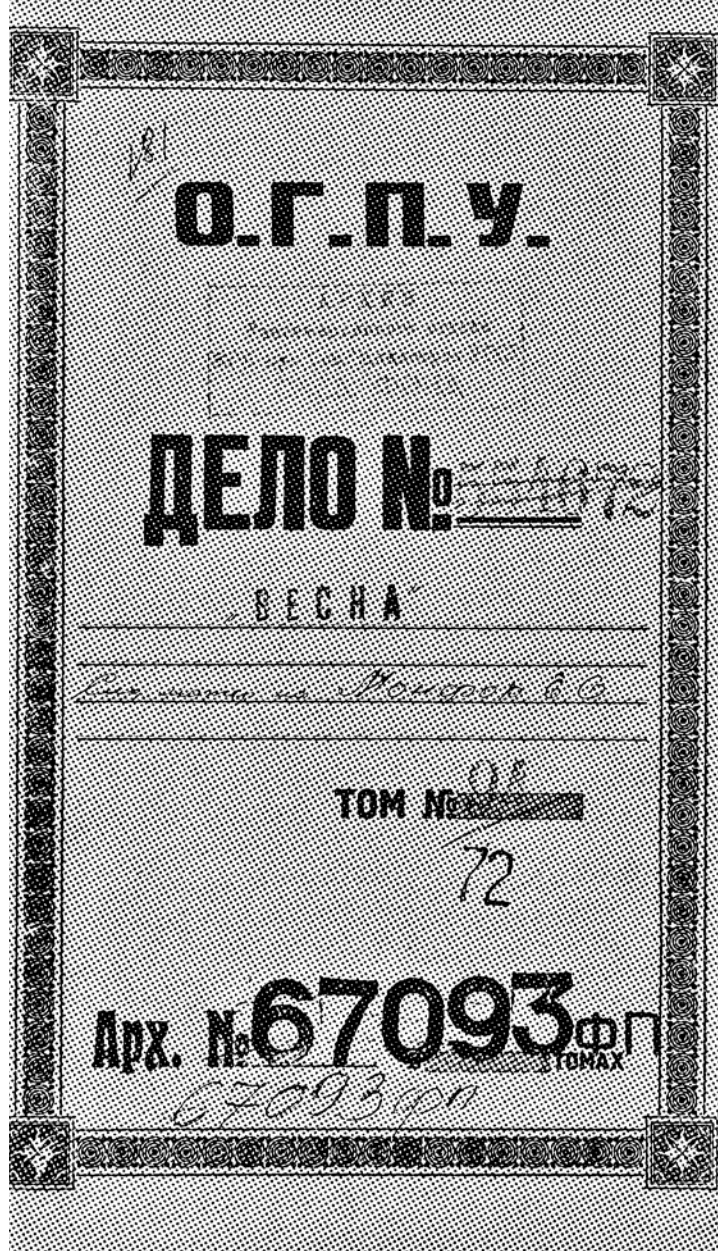

3 4
5 6

3 Орест Монфор. 1934 г.
4 Орест Монфор с женой Людмилой Николаевной
и сыном Александром. 1937 г.
5 Дом на улице Воровского в Самарканде.
Это последнее известное место проживания Евгения Орестовича

6 Дом, где Евгений Орестович был арестован
31 января 1931 г. Дом находился по адресу: Московская область,
п. Сходня, Черногряжское шоссе, 8

МАРИЯ ЛОЦМАНОВА ЯКОВ ЯНЦЕН

ПОИСК ПРАДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО В 1933 ГОДУ
К 5 ГОДАМ ИТЛ, В 1938 ГОДУ — К РАССТРЕЛУ

Мария Лоцманова в Плесецком районе Архангельской области, где ее прадед, Яков Янцен, с семьей несколько лет жил на спецпоселении. В 1938 году он был расстрелян. Совершеннолетних детей Якова забрали

Мария Лоцманова

Яков Петрович Янцен

история четвертая

Мария Лоцманова

Яков Петрович Янцен

история четвертая

МАРИЯ ЛОЦМАНОВА

ЭТО БЫЛ, В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ, НЕ ТОЛЬКО ПОИСК СВОИХ РЕПРЕССИРОВАННЫХ РОДСТВЕННИКОВ, НО И ПОИСК СЕБЯ

Мария
Лоцманова,
руководитель
Центра
документации
Музея истории
ГУЛАГа

Я пришла работать в Музей истории ГУЛАГа в тот момент, когда мой личный поиск информации о репрессированных родственниках превратился в серьезное исследование, и я уже готовила свою первую экспедицию в Архангельск. У меня высшее гуманитарное образование, но до этого профессионально я ничем подобным не занималась и никогда не работала в музее или другом учреждении культуры. Моя прежняя профессиональная деятельность была связана с текстами и производством информационного контента, но нигде я себя не чувствовала на своем месте. Так что это был, в каком-то смысле, не только поиск своих репрессированных родственников, но и поиск себя.

Началось все с того, что я решила найти информацию о своем прадеде по материнской линии — Якове Петровиче Янцене. Как и многие в нашей стране, я мало что знала об истории семьи. Мои предки, немцы-меннониты¹, приехали в Россию примерно в XIX веке, и все мои знания сводились к семейному мифу о том, что прадедушка с семьей жил в Крыму в большом доме, а потом их выслали на север. Как я выяснила позже, большой дом действительно был, но у его отца, моего прапрадеда, Петра Петровича Янцена. Он был состоятельным человеком. Меннониты вообще много и честно трудились, развивали сельское хозяйство юга России, открывали фабрики и были весьма преуспевающими людьми. Можно ли считать, что прапрадед тоже стал жертвой репрессий? Думаю, да, ведь притеснения семьи начались еще в Первую мировую войну. Петра Петровича постоянно пытались то ограбить,

¹ Ответвление в протестантизме, возникшее в XVI в. в Нидерландах и получившее название от своего основателя Симониса Меннона (1496—1561), голландца по происхождению. В основе вероучения меннонитов лежат идеи неприменения силы и неповиновения — по своим религиозным убеждениям они отказываются брать в руки оружие. Каждый раз, когда государственные власти стран проживания меннонитов пытались заставить их проходить службу в армии, меннониты выбирали для себя массовую

эмиграцию. В России меннониты появились в 1789 году, императрица Екатерина II выделила им для заселения пустующие земли Новороссии. Меннониты — прекрасные земледельцы, трудолюбивые и предприимчивые. Российские меннониты составляли этнорелигиозную группу немецкого происхождения, к настоящему времени практически слились с русскими баптистами.

то отобрать у него землю. Пятерых его детей репрессировали, только одной дочери удалось избежать этой участи (она эмигрировала в 1924 году).

Сейчас я уже знаю, что мой прадед Яков за 11 лет четыре раза подвергался репрессиям: в 1927 году его лишили избирательных прав, в 1931 году выслали с семьей на спецпоселение в Северный край, в 1933-м осудили на пять лет за антисоветскую агитацию и отправили в лагерь, в 1938 году повторно осудили и расстреляли. Очевидно, что и во время Великой Отечественной войны отношение к немцам было враждебное, но таким оно осталось и в послевоенный период. Со своей бабушкой Еленой Яковлевной я виделась мало — мы жили в разных городах, — и она умерла, когда мне было 15 лет. А моя мама (она тоже немка) свое происхождение всю жизнь скрывала и очень переживала, потому что в детстве ее дразнили фашисткой.

Еще студенткой я нашла имя прадеда в базе жертв политического террора СССР на сайте «Мемориала» и тогда-то узнала о его аресте и расстреле в 1938 году по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В 2015 году мне попалась статья на сайте «Открытой России»², в которой довольно подробно описывалось, каким образом получить доступ к делам родственников, пострадавших от репрессий, и я решила попробовать. Я бы не сказала, что у меня было сильное желание что-то найти. Просто в семейном архиве оказались все необходимые документы: свидетельства о рождении и браке, по которым я могла доказать свое родство с прадедом. И я решила сделать запросы в архивы — как минимум, мне было интересно узнать, работает это или нет. Я написала в три архива: по месту уголовного преследования — в Архангельск, в архивы ФСБ и МВД по Архангельской области, и по месту раскулачивания — в Крым, в администрацию Красногвардейского района, откуда в 1990-х гг. моя бабушка получила документ о реабилитации своих родителей по раскулачиванию и высылке. На удивление, мне отовсюду ответили. Из Крыма прислали немного: копии анкет и справок из дела по раскулачиванию³. А из РУФСБ России по Архангельской области я получила копии материалов из двух уголовных дел: 1933 и 1938 годов⁴ — и оригинал фотографии прадеда. В нашей семье сохранилась его фотокарточка еще крымского периода, и, когда я увидела фотографию из архивно-следственного дела, не поверила, что на ней тот же человек — настолько он был неузнаваем. Пришлось скрупулезно сравнивать эти фотографии, вглядываясь в черты, чтобы понять, что да, это мой прадед. Сильное впечатление на меня произвели протоколы допросов — эти, казалось бы, официальные документы были очень живыми. Я читала их и будто знакомилась со своим прадедом.

2 «Открытая Россия» (openrussia.org) — общественная организация, учреждена в 2001 году по инициативе Михаила Ходорковского. Основные направления деятельности: модернизация образования и распространение информационных технологий, содействие гражданскому воспитанию подростков и обучение их основам демократии, помощь в распространении объективной информации о работе государственных и общественных институтов, мониторинг и экспертиза законодательства, а также исследовательская, образовательная и издательская деятельность в сфере гуманитарных наук. В 2006 году, в связи с уголовным преследованием М. Ходорковского, «Открытая Россия» приостановила свою деятельность. 27 мая 2021 года организация самоликвидировалась.
3 ГА РК, ф. Р-1639, оп. 3, д. 857. Архивные копии документов по делу о раскулачивании и высылке Янцена Я. П., хранящиеся в личном деле Янцен Е. А., на 9 л.: анкета; справка о лишении избирательных прав;

выписка из протокола заседания тройки по пересмотру и выселению кулаков, крупных помещиков, лишенных избирательных прав, подлежащих выселению из пределов Крыма; выписка из протокола заседания группы бедноты от 16 мая 1931 г.; выписка из протокола заседания президиума Спатского с/совета от 16 мая 1931 г.; выписка из протокола заседания судебной тройки ПП ОГПУ Севкрая от 25 марта 1933 г.; справка о реабилитации семьи Янцен (в составе: Я. П. Янцен, Е. А. Янцен, П. Я. Янцен, А. Я. Янцен) 1997 года; архивная справка из Государственного архива Республики Крым 1997 года.

4 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175. Архивные копии документов уголовного дела 1938 года на 5 л.: анкета арестованного; протоколы допросов; выписка из протокола заседания тройки при УНКВД по Архангельской области; постановление президиума Архангельского областного суда.

Протоколы допросов по делу 1933 года он записывал сам, это видно по его почерку. Меня поразило, как спокойно и подробно он отвечал на вопросы, как «звучал» в этих текстах его характер. Впоследствии я сличила эти протоколы с рукописными документами из других архивных дел и удостоверилась, что протоколы написаны им собственноручно. Материалы следственных дел мне прислали не полностью (ни служебная переписка, ни показания свидетелей ксерокопированию не подлежат, о чем меня уведомляли в сопроводительном письме). Мне предлагалось в случае необходимости приехать в архив и ознакомиться с делами лично, однако тогда я этим приглашением не воспользовалась. На несколько лет я отошла от этого поиска, вернулась к нему только в конце 2018 года. Меня подтолкнула и вдохновила возобновить исследования Таня Стефаненко, режиссер документального кино. Как-то я поделилась с ней своей историей, и мой рассказ ее зацепил⁵. Она выясняла детали, расспрашивала, и ко мне постепенно вернулся интерес к истории прадеда. Мне захотелось увидеть материалы дел полностью — прочитать допросы свидетелей, прояснить «слепые» места в тексте копий, — и мы с Таней решили вместе съездить в архив. Прежде чем отправиться в Архангельск, я снова написала письмо в РУФСБ России по Архангельской области, заказала архивные следственные дела и созвонилась для уточнения даты визита. Я общалась с Марией Константиновной Новиковой, отзывчивой и профессиональной сотрудницей. Она оперативно согласовала все формальности и позволила выбрать удобное время для посещения архива. Мы прилетели в Архангельск всего на день, полагая, что знакомство с документами не займет много времени, и не подозревая, что меня ждет масса открытий. Кроме протоколов допросов свидетелей, множества служебных записок в следственном деле 1933 года обнаружилась ни с чем не сравнимая находка — оригиналы писем моей прабабушки, которые она писала в январе 1933 года родителям в Крым и брату Абраму Гардеру в Германию. Письма на немецком языке, а точнее — нижне-немецком диалекте Plattdeutsch (на нем говорили меннониты, им сейчас мало кто владеет). Прилагался и перевод, но не очень убедительный и написанный неразборчиво. Эти письма — самые ценные и, пожалуй, выразительные из всех документов. Мне разрешили их забрать⁶. Уже дома я их отсканировала и отправила родственникам в Германию — вдруг найдется кто-то, кто сможет их грамотно перевести. В деле 1938 года было письмо 1958 года в прокуратуру СССР от сына прадеда — Петра Климука, в котором он описывал жизнь семьи с момента раскулачивания и запрашивал информацию об отце — семья ведь ничего не знала о нем с тех пор, как его забрали (и расстреляли) в 1938 году. Было в письме и про лагерный срок Якова Янцена 1933 года, который он отбывал «где-то в Новосибирской области», — эта ниточка позволила мне понять, в каком направлении нужно дальше искать информацию. На основании этого обращения в прокуратуру в 1959 году семье выслали справку о прекращении дела 1938 года, а также фальшивое свидетельство о смерти Якова Петровича в 1942 году. Это тогда практиковалось, причиной смерти был указан гнойный плеврит. Мы провели в архиве целый день, ксерокопируя все что можно и переписывая от руки то, что копировать нельзя, — протоколы свидетелей, справки и т. п. Я вернулась в Москву с огромным пакетом документов и отчетливым желанием двигаться дальше.

⁵ В 2020 г. Татьяна Стефаненко сделала анимационный документальный фильм «Дополнить ничего не могу», который рассказывает о судьбе Якова Петровича Янцена.

⁶ Согласно Закону РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (ст. 11), реабилитированные лица и их наследники имеют право на получение сохранившихся в делах рукописей, фотографий и других личных документов.

Практически сразу я вышла на связь со своими многочисленными немецкими родственниками, разбросанными по всему миру, попросила их изучить семейные архивы и поделиться ими со мной. И вскоре мне прислали художественный рассказ на немецком языке, основанный на реальных фактах жизни моего прапрадеда Петра Петровича Янцена, написанный его дочерью, Еленой Гардер (в девичестве — Янцен). Мне удалось наладить общение с ее внуком, живущим в Канаде. В 1924 году Елена с мужем Абрамом Гардером эмигрировала в Германию. Прадед писал ей письма из спецпоселка Касское Северного края (эти самые письма и вменялись ему в вину). У внука огромный семейный архив, прямо-таки сокровищница — 12 коробок с письмами и фотографиями. Меня пригласили приехать и разобрать их, но попасть на другой конец земли мне пока сложно.

Мне нужна была помощь в том, чтобы сориентироваться в дальнейшем поиске: в какие еще архивы можно отправить запросы. Сначала я отправилась в Российско-Немецкий Дом, где познакомилась со специалистом по российским письмам Александром Иннокентьевичем Безносовым⁷. Именно он посоветовал мне поработать с госархивом Крыма⁸. Я буквально засыпала их запросами, причем поначалу очень туманными и неточными — тогда я еще не очень понимала, что и где искать. На одно из таких обращений я получила копию прошения прабабушки Екатерины Янцен о возвращении с детьми на родину после первого ареста прадеда в 1933 году. Когда мои запросы стали более конкретными, мне удалось найти в госархиве еще много ценного: дело о восстановлении Якова Петровича в избирательных правах, дело о его раскулачивании, дела о купле-продаже имения прапрадеда Янцена П. П., архивно-следственные дела на репрессированных братьев прадеда и другие документы.

Потом я наконец вспомнила про Музей истории ГУЛАГа — я уже бывала в нем раньше. Открыв страницу музея в соцсети, увидела анонс семинара по поиску репрессированных родственников 16 мая 2019 года, его вел Александр Makeев. Я немедленно записалась и в день семинара пришла пораньше — заказала книги в библиотеке, почитала, поговорила с сотрудницей Центра документации музея Анастасией Катаевой, а потом и с Сашей. В тот вечер я получила совершенно новое понимание того, куда дальше двигаться, обращаться и, главное, с какими вопросами. На следующий же день я написала более десятка запросов, в том числе:

- в Главный информационно-аналитический центр МВД России;
- в Информационный центр МВД по Республике Крым (по месту нахождения семьи Янцен на момент репрессии — высылки в Северный край на спецпоселение в 1931 году);
- в Информационный центр Управления МВД России по Архангельской области (по месту нахождения Якова Янцена на момент репрессий в 1933 и 1938 годах);
- в Информационный центр Управления МВД России по Кемеровской области, в УФСИН Кемеровской области (по месту нахождения Осинового отделения Сиблага, в котором Яков Янцен содержался перед освобождением в 1936 году);
- в УФСИН Архангельской области (по месту нахождения тюрьмы, где Яков Янцен содержался до расстрела в 1938 году);

7 Безносов Александр Иннокентьевич — кандидат исторических наук, ведущий специалист по истории кафедры истории и культуры АНО ДПО «Институт этнокультурного образования — ВІЗ», ответственный секретарь МАИИКРН — Международной

ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев.

8 Государственный архив Республики Крым, г. Симферополь, ул. Кечкеметская, д. 3.

— в государственные архивы Архангельской и Кемеровской областей;

— в Информационный центр Управления МВД России по Пермскому краю (по месту нахождения спецпоселения, где с 1947 года жила Екатерина Янцен с детьми).

Мне ответили практически отовсюду, и пусть фактической информации было немного, но, самое главное, были заданы ориентиры. Постепенно кроме информации о прадеде я стала искать сведения и о других репрессированных членах семьи Янцен. Оказалось — об этом мне рассказал Александр Макеев, — на спецпереселенцев заводились личные дела, и летом 2019 года я начала эпопею по поиску этих документов в архивах МВД. Четыре дела оказались в Крыму, два других — в Кургане и Перми. Для их получения мне были нужны свидетельства о смерти всех моих выселенных родственников, и тут не обошлось без сложностей: свидетельство о смерти бабушкиной сестры Анны выдано в Германии. Требования МВД России к таким документам очень жесткие — на них необходимо поставить апостиль⁹, сделать перевод в консульстве или посольстве Российской Федерации, там же сделать копию, которую и предоставить в МВД. Я таких тонкостей не знала — просто попросила родственников сделать нотариально заверенную копию свидетельства на немецком языке и прислать. В Москве я его перевела в бюро переводов и отправила в архив МВД Крыма. К счастью, документы у меня приняли. А свидетельства о смерти бабушкиного брата Петра Климука у меня вообще не было, но я рискнула отправить неполный пакет документов, и мне снова повезло. Очень часто решающее значение имел человеческий фактор, так было со многими инстанциями, с которыми я связывалась. Не всегда мне удавалось собрать все бумаги полностью, зачастую это было просто невозможно сделать в силу разных обстоятельств. Но все документы бабушки Елены Яковлены Янцен у меня были, и первым делом я получила копии именно ее личного дела¹⁰. Вместе с этим мне прислали справку о реабилитации бабушки по национальному признаку¹¹. В 1997 году она уже была реабилитирована как дочь раскулаченных и высланных на спецпоселение родителей, как оставшаяся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессирован-

⁹ Международная стандартизированная форма заполнения сведений о законности документа для предъявления на территории стран, признающих такую форму легализации. Штамп «Апостиль» ставится на оригиналы и копии документов.

¹⁰ МВД по Республике Крым, ф. 3, д. 35707. Личное дело выселенки Е. Я. Янцен: анкета; подпись Соликамскому ГО МВД по Молотовской области о правовом положении спецпереселенцев; расписка выселенки в том, что ей объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.; разрешение на выезд из спецпоселения на постоянное место жительства в г. Соликамск Молотовской области; разрешение на выезд из Боровска в г. Молотов в связи со сдачей приемных экзаменов в институт; заявление на выезд в г. Молотов для сдачи приемных экзаменов в институт; извещение из Молотовского фармацевтического института о приемных экзаменах; автобиография; регистрационный лист; справка УМВД по Молотовской области об освобождении со спецпоселения от 28 июня 1954 г.

¹¹ Справка о реабилитации из ГУ МВД России по Самарской области от 25 июля 2019 г. Реабилитирована на основании п. «в» ст. 3 Закона РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий».

¹² Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий»

Ст. 1. Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями. Ст. 1.1. Подвергшимися политическим репрессиям и подлежащими реабилитации признаются: дети, находившиеся вместе с репрессированными по политическим мотивам родителями или лицами, их заменявшими, в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении; дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей или одного из них, необоснованно репрессированных по политическим мотивам.

ного по политическим мотивам¹². Но по национальному признаку реабилитации не было, равно как и у братьев и сестер. Я реабилитировала всех членов семьи и очень рада, что довела эту историю до логического завершения.

В сентябре 2019 года я наконец получила справку о реабилитации прадеда по делу 1938 года¹³ — до этого у меня был лишь документ 1959 года об отмене постановления тройки УНКВД Архангельской области и прекращении дела за недоказанностью обвинения. В конце года, предварительно получив из РУФСБ России по Архангельской области нужную справку¹⁴, я отправила в ЗАГС города Плесецка заявление на внесение изменений в запись о его смерти, и на основании ст. 69 п. 2 Закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»¹⁵ мне прислали новое, настоящее свидетельство о смерти прадеда с реальной датой.

Я для себя еще не определила, в какой момент считать исследование истории семьи Янцен завершённым. Я понимаю, что основной массив информации найден, сейчас я уже вычлению детали, причем сложные. Из личных дел высленцев я узнала, что в 1942 году все дети Якова Янцена, кроме моей бабушки, которая тогда была несовершеннолетней, попали в трудовую армию¹⁶. Материалы по этому периоду очень трудно найти, но я пытаюсь. Мне удалось выстроить географию и хронологию перемещений семьи, и я собрала эти данные в карту. Мне хочется придать всей найденной информации какую-то законченную форму, зафиксировать ее не только в виде сканов документов в «Открытом списке», а в изложении моего личного отношения к этому опыту восстановления истории семьи — потому что оно, безусловно, есть. Будет ли это книга, сайт или еще какой-то информационный контент, я пока не знаю.

Меня очень тянет туда, где изначально жили и куда были высланы мои предки, мне важно увидеть эти места своими глазами, прочувствовать их. В 2019 и 2020 годах я уже предприняла пару экспедиций — в Архангельск и Крым. В Архангельской области я проехала по местам, где предположительно находились спецпоселения (Плесецкий район, поселки Ломовое и Обозерский, деревня Малиновка). А в Крыму нашла сохранившийся большой дом прапрадеда Петра Петровича Янцена — место, откуда и началась вся эта история. А вот цели найти захоронение прадеда Якова у меня нет. Для меня важнее места жизни, а не смерти.

Перед поездками я много общалась с исследователями ГУЛАГа и, в частности, с сотрудником научного отдела Архангельского краеведческого музея Дмитрием Викторовичем Ивановым. Я могу совершенно определенно сказать всем, кто собирается в подобные путешествия, — не стесняйтесь обращаться к краеведам, погружение в среду очень важно. А всем исследователям, начинающим свой поиск информации о репрессированных родственниках, советую запастись терпением, потому что это про-

13 В соответствии с п. «а», «б» ст. 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» по заключению Прокуратуры Архангельской области от 4 сентября 2019 г. Янцен Яков Петрович, необоснованно осужденный за контрреволюционное преступление по политическим мотивам, признан подвергшимся политическим репрессиям и реабилитирован.

14 Справка о факте смерти лица, необоснованно репрессированного и впоследствии реабилитированного.

15 Согласно ст. 69 п. 2 Закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», внесение исправлений и изменений в записи актов гражданского состояния производится органом записи

актов гражданского состояния при наличии документа установленной формы о факте смерти необоснованно репрессированного и впоследствии реабилитированного на основании Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» лица в случае, если смерть зарегистрирована ранее.

16 Принудительная трудовая повинность, которая была введена в СССР в конце 1941 г. «Трудовая» комплектовалась прежде всего из представителей «провинившихся» народов — советских граждан, этнически родственных населению воюющих с СССР стран: немцев, финнов, румын, венгров, болгар и других. Немцы оказались в «Трудовой» уже с конца 1941 — начала 1942 г.

История четвертая

цесс на год или даже годы. Переписка, сбор и отправка документов — все это занимает время. В большинстве архивов уже есть интернет-приемные, это значительно упрощает процедуру взаимодействия. Из личного опыта поиска я сделала вывод: если есть возможность, то лучше самостоятельно изучить архивные фонды, понять, где хранится нужный документ, чтобы максимально ускорить его получение. Не нужно бояться звонить в архивы, уточнять спорные моменты. Если вам не прислали какие-то материалы, совершенно не обязательно, что это сделали намеренно. Личный разговор может поправить ситуацию, возможно, архив просто не счел эти документы важными. В основном я общалась с архивами МВД, их специфика заключается в том, что они высылают крайне мало копий, делают их избирательно и возражений на этот счет не терпят. В моей истории было одно исключение — Информационный центр ГУ МВД РФ по Пермскому краю. Там работает замечательная женщина — Сиряченко Ольга Александровна¹⁷, в какой-то момент я даже отправила благодарности (она выполнила свою работу идеально — проконсультировала по всем вопросам и выслала мне все документы). С региональными архивами УФСБ России у меня проблем не возникало — они оперативно отвечали и предоставляли информацию. Вообще, по большей части мне встречались прекрасные и равнодушные люди. Например, сотрудники архивного отдела Администрации муниципального образования «Плещецкий район» разыскали для меня, казалось бы, совсем крошечные документы — карточку работника Якова Янца и распоряжение, в котором буквально две строчки о его зачислении на должность строительного десятника.

Нотариально заверенные копии документов, подтверждающих родство, необходимо было предоставлять только в архивы МВД. В архивы ФСБ достаточно послать по электронной почте обычные копии. Так как цепочка родства с прадедом у меня довольно длинная, стоимость оформления документов у нотариуса составляла около 500 рублей. Но можно и нужно просить архивы возвращать заверенные копии, особенно в случае долгосрочных исследований. Следует быть готовым к тому, что некоторые госархивы оказывают услуги копирования документов на коммерческой основе. В Законе «О реабилитации жертв политических репрессий» прописано, что родственники имеют право на ознакомление с материалами дел и получение копий документов¹⁸, а приказ Минкультуры, МВД и ФСБ¹⁹ подчеркивает, что копирование выполняется бесплатно — что и делают архивы ФСБ и МВД, однако в действующем законе об архивном деле говорится, что архив вправе решать, за что ему взять деньги²⁰. В моем случае платные услуги предоставлял Российский государственный архив социально-политической истории и Государственный архив общественно-политической документации Курганской области, где я заказывала копии документов и архивную справку на сына прадеда — Петра Яковлевича Климука. А вот государственный

17 Инспектор фонда отдела специальных фондов и реабилитации жертв незаконных репрессий ИЦ ГУ МВД РФ по Пермскому краю.

18 Ст. 11 Закона РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий» — реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти — родственники имеют право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получение копий документов.

19 Приказ Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 «Об утверждении Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государ-

ственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел», п. 15 — копирование документов, содержащихся в прекращенных уголовных и административных делах, фильтрационно-проверочных делах, по запросам реабилитированных лиц и лиц, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам, их родственников и наследников выполняется архивами бесплатно.

20 Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», ст. 26 п. 4, 5.

архив Республики Крым исполняет запросы безвозмездно²¹. Его сотрудники уже прислали мне огромное количество документов, за что я им очень благодарна и всякий раз стараюсь писать им как можно более теплые письма.

Так случилось, что я в каком-то смысле оказалась первооткрывателем истории нашей семьи. С самого начала поисков я создала «семейный» чат, в котором делилась своими находками, тогда и выяснилось, что никто почти ничего не знает. В большой семейной истории 30-летний кусок жизни — время репрессий — был просто вырезан, потому что братья-сестры моей бабушки предпочитали на эту тему не говорить, по возможности даже забыть о ней. И их дети переняли этот вектор — «об этом не надо знать». Если они и пытались расспрашивать своих родителей об этом времени, немедленно «включалась» защита: у родителей повышалось давление, текли слезы и т. п., и тема естественным образом стала табуированной. Несправедливость в отношении людей, история которых забыта, а трагедия — не пережита, побудила меня во всем разобраться. Поначалу у моих родственников, так же как и у меня, не было ни малейшего представления о том, сколько информации хранят в себе архивы, и что, если постараться, можно действительно «собрать» путь человека. Да, по официальным бумагам, но тем не менее. Для родственников это было открытием, и реагировали все по-разному. Кто-то — с опаской, не будет ли потом проблем с ФСБ или не всплывут ли какие-то компрометирующие документы на родных. А кто-то поддерживал, благодарил, помогал и помогает. Моя мама интересуется движением и успехами моих исследований. У нее нет страха, что я ворошу «темное» прошлое.

У меня есть желание встретиться и пообщаться со всеми родственниками, возможно, сблизиться, «переоткрыть» наши отношения, — потому что пока они формальные и прохладные. Но я вижу, как постепенно настороженность и отстраненность все же переходят в расположение и даже активное соучастие — я чувствую поддержку, пусть и дистанционно.

1 Конверт письма Екатерины Янцен брату Абраму Гардеру в Германию, 1933 г. РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-14928

2

Письмо Екатерины Янцен брату Абраму Гардеру в Германию, 1933 г.

21.1. 33

Liebe, liebe Geschwister!

Da wir nun fast zur neuen Neujahr festung
wird in alle Gärten pflanzten. Diese letzten Brief
von dir lb. Bruder ^{me} auch, die persönlich, daß die Stunden.
für mich demnachspürbar zu pflanzungslage in einem
Stintungstest, daß die jetzt selber nicht mehr können
daß die Geld abgepflichte in. willigste Weise in zu machen
aber dennoch mit großer Bestimmtheit, dann mein
Jakob ist schon seit dem 11. aus mit fest in. wir wissen
nicht, müssen mich nur so ist. Hier ist so beuge, dann
wir sind in einer Genuß. Können in fast fast
alles zeigen in. für eine gesunde Person,
mensch, mensch würde nicht zu bewegen sein
aber nicht für mich sind nur umgeben -- Rinn
Worte, keine Befest ist ohne R... alle. Mit jetzt
fließ in fast aus, best, best, ohne Unterlaß für mich, dann
es nicht so dunkel in. was nicht in nach für dunkle
Linsen Jakob ist. I. dann in dieser Dunkel, in. im
sind meine Gedanken bei dir, so nicht so schnell, daß

13. Отношения допрашиваемого к обвиняемому. 13

14. Отношение к военной службе

Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано (подпись допрашиваемого)

Показания по существу дела *)

Если бы я мог сам себе написать письма, то вы бы все увидели. С трудом действовал на скамье и тяжело, оставшее в то время в этом возрасте показалось несколько. Письма получали от друзей из родины у меня не было таких родственников, но среди них, но сам бы и знал, что будут несправедливы, что я не писал бы за границу по почте. Я писал своей семье, что в первое время много здесь увидели от недоверия и что мне как работнику не в состоянии проехать на этом поезде без помощи друзей наших детей. Если бы какой-нибудь командир присутствовал передо мной о том, что я не могу об этом писать, я бы этого и не сказал бы. Но обвиняемого и соображения в этом, прочту мне это прошить, я в жизни больше не буду писать о трудностях и буду их перетирать до самой смерти и переживший может бы то ни стало. Я очень жалел, что вы в Ваших глазах являюсь врагом и что вы не хотели, я хотел только ли сказать и написать о нашей несчастной жизни. Вообще эту книгу мы не читали.

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

И-ЖЦ № 047005

Гр. Янцен
Яков Петрович

умер(ла) 16 мая 1959 года в 11 часов 45 минут
в больнице № 2794 г. Талшич

возраст 39 лет

Причина смерти инфаркт миокарда

«16» мая 1959 года в 11 часов 45 минут произведена соответствующая запись в № 14

Место смерти: город, поселение Талшич

район Талшичский Архангельская область, край,

республика Архангельск

Место регистрации: Талшичский район № 39
Архангельская область

Место рождения: 16 мая 1919 г.

Место выдачи свидетельства: М.И. Чисткина

Печать ТЗА

ИСТОРИК

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Янцен
Яков Петрович
СССР

Крымская область, Джанкойский район, д. Шенталь

13 ноября 1938 г.

- Ч. - МОН.
Архангельская область

№ 1959 года мая 16

специально записан актом о смерти № 148

Место государственной регистрации: 92900021 Паспортно-районное бюро ЗАГС Архангельской области

Место выдачи свидетельства: 92900021 Паспортно-районный отдел агитativo ЗАГС Архангельской области

25 декабря 2019

А.И. Чисткина

ВИД № 31704

ЯКОВ ПЕТРОВИЧ ЯНЦЕН

Семья Янцен.
Крымская
АССР.
1928—1929 гг.

Мой прадед Яков Петрович Янцен родился в 1893 году в деревне Шёнталь (Ишунь немецкий) Таврической губернии в состоятельной многодетной семье немцев-меннонитов Петра и Анны Янцен. Всего у них было семеро детей. Начиная с 1910-х годов Янцены жили в большом имении — «экономии Китай»²² площадью более чем 978 десятин земли, состоявшем при деревнях Евпаторийского и Перекопского уездов (Казанчи — 298 дес., 1986 саж., Китай — 223 дес., Чалле — 456 дес., 787 саж.)²³. По воспоминаниям родственников, Петр Петрович владел также домом в Симферополе и доходными домами в Феодосии, но пока документальных подтверждений этому нет. Мennonиты — прекрасные земледельцы, Петр Петрович не был исключением, поэтому и хозяйство у него было богатым. Судя по рассказу его дочери Елены, Петра Петровича можно считать весьма предприимчивым и остроумным человеком — однажды к нему ворвались бандиты «за машиной, которая печатает деньги», но он не испугался и со словами «Вот моя «печатная машинка», которой я зарабатываю!» отвел их в сарай, где хранились орудия сельхозтруда. Серьезные испытания для семьи начались в 1916 году, когда прапрадед был вынужден продать

22 Теперь — с. Широкое Симферопольского района Республики Крым. В здании бывшей усадьбы расположен Музей боевой и трудовой славы села Широкое (филиал МКУ «Симферопольский районный музей им. Н. Островского»).

23 ГА РК, ф. 71, оп. 1, д. 2663, л. 96: жалоба в Правительствующий сенат от поселянина П. П. Янцена, жительствующего в собственном имении «Китай» Перекопского уезда Таврической губернии.

24 Совет Министров Российской империи на основании Свода государственных законов (ст. 87) 2 февраля 1915 г. принял три закона: «О землевледении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных», «О прекращении землевледения и землепользования австрийских, венгерских или германских

выходцев в приграничных местностях», «О землевледении и землепользовании некоторых разрядов, состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев». Законы получили название «ликвидационных», они лишали немцев России земельных владений и права землепользования в пределах 150-верстной полосы «вдоль существующей государственной границы с Германией и Австро-Венгрией и прилегающего к сей полосе района» и в пределах 100-верстной полосы «вдоль государственной границы в Бессарабской губернии, побережья Черного и Азовского морей с их заливами, включая всю территорию Крымского полуострова, и по всей государственной границе в Закавказье от Черного до Каспийского морей».

имение Крестьянскому земельному банку в результате так называемых «ликвидационных» законов 2 февраля 1915 года²⁴, лишивших его как немца права владеть землей в Крыму. После продажи он арендовал бывший свой дом в имении Китай для проживания с семьей. В 1918 году Крымское краевое правительство²⁵ землю ему вернуло, и, как гласит семейная легенда, Петр Петрович даже успел потом большую часть имущества продать. Правда ли это, неизвестно: документы ни о продаже, ни о национализации пока не найдены. Так или иначе, вскоре последовала череда трагических событий. Одного из его сыновей — Дитриха — убили в 1918 году, когда бандиты искали выроченные от продажи дома в Симферополе деньги²⁶. Говорят, вскоре после этих событий прапрабабушка Анна сошла с ума от горя. Она умерла в 1926 году²⁷, Петр Петрович доживал свой век очень скромно, на иждивении сына Ивана и скончался 29 января 1930 г. на 70-м году жизни от паралича сердца²⁸.

О моем прадеде Якове Янцене известно, что с ноября 1914-го по март 1918 года он служил санитаром на фронте Первой мировой²⁹. Вскоре после возвращения со службы в 1918 году (по некоторым данным — 6 июня 1918 г.) он женился на немке из своей же общины — Екатерине Абрамовне Гардер (1895), моей прабабушке. В 1919 году у них родился первенец — Абрам, через год — Фрида (1920), затем Петр (1923), Анна (1926) и Герхард (1928), который, вероятно, умер в младенчестве. В 1920 году Яков отошел от отца и начал жить самостоятельно в селе Чонграв³⁰. Наследование земли у меннонитов происходило по старшинству, так что прадед не имел никакого отношения к владениям своего отца. У него был небольшой кусок земли, которую он обрабатывал, это и был его способ заработка.

«Отец был последним собственником <...>, имел земли 997 десятин... Лошадей было 35 голов, молодняка 10 голов, волов 12, коров 10, молодняка 5, свиней 5, все это до 1920 года. В 1920 году я отошел от отца и жил самостоятельно, работал конторщиком. В 1922 я купил одну лошадь и стал заниматься сельским хозяйством, всего засеивал 18 десятин, в 1923 году я купил корову...»³¹ Потом семья прадеда перебралась в деревню Спат (ныне — Гвардейское), в 1926—1927 годах построили там небольшой, в 30 квадратных метров, колыбный дом. Но вскоре тихая семейная жизнь закончилась — прадеда и прабабушку лишили избирательных прав, отобрали имущество и выслали за пределы района. В 1928 году им все-таки удалось вернуться в Спат и восстановиться в правах. «Меня выслали из пределов сельсовета, и я проживал в деревне Борангар всего два месяца, а потом дали мне бумажку о том, что я подлежу возвращению, а также подлежит возврату отобранное имущество —

25 Крымское краевое правительство было создано в июне 1918 г. после оккупации Крыма немецкими войсками. Оно действовало под контролем оккупационного командования. Краевое правительство провозглашало самостоятельность полуострова, вводилось гражданство Крыма и государственная символика, ставилась задача создания собственных вооруженных сил и денежной единицы. Столицей был объявлен Симферополь. Вводилось три государственных языка: русский, крымско-татарский и немецкий. Восстанавливалась частная собственность.

26 Из газеты «Голос мира» (Friedensstimme) от 6 августа 1918 г.: «Ограбление и убийство. 15 июля в имении Китай, экономии господина Петра Янцена, четыре бандита напали на его детей. Старший сын Дитрих был убит. Отец Петр Янцен, который тем временем вернулся домой, двумя выстрелами был легко ранен в ногу и в руку. 19000 рублей было украдено. На машине, на которой господин Янцен приехал

домой, бандиты отправились в имение господина Якова Штэдлера, чтобы также убить его, но им это не удалось. По дороге в Симферополь у них закончился бензин. Они бросили машину и убежали в город, где их через 2—3 дня поймали».

27 ГА РК, ф. Р-5043, оп. 2, д. 174, л. 204: актовая запись о смерти Анны Янцен по Шунукскому сельсовету Симферопольского района Крымской АССР от 21 мая 1926 г.

28 ГА РК, ф. Р-5043, оп. 2, д. 338, л. 106, 106 об.: актовая запись о смерти П. П. Янцена по Спатскому сельскому совету Симферопольского района Крымской АССР от 30 января 1930 г.

29 ГА РК, ф. Р-1639, оп. 3, д. 857: анкета и автобиография Я. П. Янцена.

30 Там же.

31 Там же.

лошадь, корова, домик. Я вернулся в Спат, и мне вернули все отобранное имущество, после чего я продал лошадь, а корову оставил. Лошадь продал из-за отсутствия корма...»³² По возвращении прадед поступил на службу в Крымскую контору «Агроджойнт» строительным десятником³³, но уже в мае 1931 года его как кулака вместе с многодетной семьей выслали из Крыма в Северный край на спецпоселение Касское Плесецкого района³⁴. Прабабушка на тот момент была беременна пятым ребенком. 25 октября 1931 года, уже в ссылке, у них родилась дочь Елена, моя бабушка. Как писал Петр Климук, «семью отправили в совершенно бесплодную местность. Выселенцы умирали от недоедания и сурового климата. В Касском в основном находились только члены семей работников, трудились же в лесосеке на расстоянии 10–15 км. Вокруг поселка были сплошные болота, почва состояла из чистого песка, на ней ничего не росло»³⁵. Прадед работал возчиком на лесозаготовках. Дневные нормы выработки были практически невыполнимыми, а от этого зависела жизнь целой семьи. Пятерых детей невозможно было прокормить пайком, и, чтобы выжить, прадед обратился за помощью к родственникам в Германии, там жила его сестра Елена с мужем Абрамом Гардером.

«Поводом к налаживанию моей связи с Германией в Севкрае послужил ряд писем от моего родственника, проповедника Гардер Абрама Абрамовича, который в своих письмах ко мне и к другим спецпереселенцам просил описывать ему положение и условия спецпереселенцев в ссылке, все наши письма он зачитывал на общих меннонитских собраниях в своем приходе, а интересные письма описывает в буржуазной прессе. Помощь, которую я получаю с 1930 года из-за границы от Гардера, является довольно хорошей, деньги я получал часто, а посылки до сего времени получал по 1–2 в месяц. Средства Гардер извлекает из того, что после зачитки наших документов он собирает добровольные пожертвования, на которые и нам оказывает помощь...»³⁶

Я просил прислать для моего семейства посылку по возможности, потому что у меня пять детей от 12-летнего возраста и меньшему ребенку 1 год. Для последнего они больше всего посылали. Иногда они посылали печенье и, например, какао, но я им писал, чтобы они таких дорогих предметов, как какао, не посылали, а лучше переводили эти деньги

32 Там же.
33 ИЦ МВД по Республике Крым, ф. 9, д. 1247, л. 7: справка из Крымской конторы «Агроджойнт» от 4 марта 1931 г.

34 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно этому постановлению, кулаки были разделены на три категории: первая категория — «контрреволюционный кулацкий актив», подлежащий «немедленной ликвидации» путем заключения в концлагеря или расстрела; вторая категория — «остальные элементы кулацкого актива», которых следовало выселять в «отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края»; и к третьей — «кулаки», которых оставляли в районах их проживания, но расселяли на неудобных землях вне пределов колхозов. Члены семей кулаков 1-й категории и кулаки 2-й категории подлежали выселению в отдаленные местности СССР или отдаленные районы данной области (края, республики) на спецпоселение. Кулаки, отнесенные к 3-й категории, расселялись в пределах района на специально отводимых для них за пределами колхозных массивов землях. «Спецпереселенцы не имели

никакого имущества, только то, что разрешалось вывезти на себе. Они не имели права отлучаться с места высылки без разрешения органов НКВД, самовольно посещать пункты, где им было запрещено проживание. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривалась как побег и влекла уголовную ответственность: по закону до трех лет лишения свободы, а на деле — вплоть до расстрела. Главы семей или лица, их заменяющие, обязаны были ежемесячно являться на регистрацию, в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру о всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождении ребенка, смерти члена семьи, побеге и т.п.). Дети спецпереселенцев также находились под административным надзором и ограничивались в правах. За нарушение установленного порядка спецпоселенцы подвергались штрафу до 100 рублей и аресту до пяти суток». (Сабурова Т. С. Немцы и Русский Север: Этнические немцы на севере СССР).

35 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175. Обращение П. Я. Климука в Прокуратуру СССР от 10 октября 1958 г.

36 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-14928: протокол допроса Я. П. Янцена от 13 февраля 1933 г.

на другие, более дешевые продукты, потому что мы недостойны этих роскошей. Если бы моему семейству не посылали посылки, то они бы уже умерли. Грудных детей, насколько я помню, осталось в живых в этом возрасте только несколько. <...> Насколько мне известно, все немцы писали не за границу за посылками на свое имя, а учитель Эйзенбраун получил одну посылку на девичью фамилию его жены. Получали также заграничные посылки многие русские, также и татары. Были разговоры по поселку, что даже кооператор Мельников получил посылку, как не спецпереселенец, и тем более что он в этом не нуждался. Но во всей заграничной корреспонденции я контрреволюционного ничего не вижу, а люди нуждаются и просят помощи ввиду того, что кооперация не в состоянии снабдить население всеми необходимыми продуктами для питания, и недоедание влечет за собой плохие последствия, также и разные болезни³⁷.

Писал я проповеднику Гардеру о принудительном труде, существующем в Севкрае на лесозаготовках, а также о нечеловеческих мучениях спецпереселенцев на поселке, о зверских издевательствах административного персонала, о голоде, о большой смертности ссыльных и спецпереселенцев в Севкрае, и т. д. ... Письма переправляли не через имеющееся у нас на поселке почтовое отделение, а специально передавали на железнодорожный разъезд Ломовое, где бросали прямо в почтовый вагон поезда»³⁸.

На одном из собраний прадед открыто возмутился условиями жизни, работы и обращением с людьми, которые «не соответствуют принципам советской власти», и 17 января 1933 года его арестовали по обвинению в связи с меннонитской организацией Германии и проведении антисоветской агитации по срыву производственных заданий. В тот же день допросили в качестве свидетелей четверых его односельчан по Касскому: учителя Г. П. Вибе, десятников Б. И. Горчакова и Э. К. Гофмана, прораба С. С. Палкина³⁹. Все они показали, что Яков Янцен, имея большой авторитет среди спецпоселенцев, методично использовал этот факт в целях борьбы против мероприятий советской власти и открыто возмущался условиями жизни и труда спецпоселенцев.

Г. П. Вибе: «Везде и всюду Янцен сеял антисоветскую агитацию против всех мероприятий партии и советской власти... Например, всегда твердил: «Вперед накормите нас, а затем спрашивайте работу. От советской власти ждать ничего хорошего нельзя, скоро все с голоду помрем». Весь 1932 год Янцен жил хорошо, питался вдоволь из Торгсина⁴⁰, и все же проявлял недовольство и разводил антисоветские контрреволюционные агитации и, в частности, среди спецпереселенцев утверждал, что в 1933 году при помощи интервенции буржуазных государств советская власть будет свержена. Всякие провокационные слухи на спецпоселке Касское среди переселенцев о том, что уже на советских границах идут военные действия — бои между поляками и нами и т. д., исходили всегда от одного Янца».

37 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-14928: протокол допроса Я. П. Янца от 29 января 1933 г.

38 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-14928: протокол допроса Я. П. Янца от 13 февраля 1933 г.

39 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-14928: протоколы допросов свидетелей по делу Я. П. Янца от 17 января 1933 г.

40 Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами) — советская организация, занимавшаяся обслуживанием гостей из-за рубежа и советских граждан, имеющих «валютные ценности» (золото, серебро, драгоценные камни, предметы старины, наличную валюту), которые они могли обменять на пищевые продукты или другие потребительские товары. Торгсин был создан во время массового голода в январе 1931 г., ликвидирован в январе 1936 г.

Б. И. Горчаков: «Янцен совершенно открыто выступает на собраниях, что работать заставляют, но ничего не дают, и норм выполнить мы не можем. Не было случая, чтобы он не выступал против всех предложений советской власти. Сам исключительный саботажник, вместо 4,5 км по возке дает по 1,5—2 км, вследствие чего снабжается по очень низкой норме».

Э. К. Гофман: «15 января Янцен в конторе спецпоселка говорил: “Так с нами обращаться не должны, это издевательство, наш труд — принудительный труд”. На проводимых собраниях он всегда бузит, особенно по поводу того, что очень мало дают хлеба и прочих продуктов».

С. С. Палкин: «Среди массы его держать никак нельзя, т. к. он ведет систематически контрреволюционную агитацию. Например, говорит, что труд у нас принудительный и один раз, а именно 15 января, он мне лично в присутствии людей в окно кассы сказал, что труд наш принудительный. Ведет агитацию за то, чтобы возчики делали меньше число оборотов по вывозке. Нормально могут сделать семь оборотов, а он стоит за пять и сам делает от 4 до 5 оборотов при расстоянии от километра до полутора. После каждого выходного дня два прогуливает регулярно. Среди масс ведет агитацию за то, что худо кормят тех людей, кто мало выполняет норму. Об этом совершенно открыто выступает на всех собраниях. Он приводит пример, что поставь паровоз на рельсы, но не натопи, то паровоз не пойдет, что нужно кормить, и тогда будем рабатывать... Саботажник исключительный, пытается на это же подбить и других, приходит с ним все время вести борьбу. Иногда пускает провокационные слухи о том, что их кругом обманывают, особенно десятники. Один раз мой помощник говорил лесорубам о том, что мы растем, и даже пошли советские комбайны. Янцен же заявил: «Эх вы, в Америке давно их бросили, а мы здесь подбираем заграничное старье».

Отметили свидетели и то, что прадед получал из Германии материальную помощь в ответ на его «клеветнические письма»:

Г. П. Вибе: «За границей у Янцена имеется шурип Гардер, проповедник, коему Янцен описывал положение на поселке Касское в преувеличенном виде. Янцен писал о якобы существующем принудительном труде на лесных работах, о нечеловеческих мучениях, об уменьшенных пайках, большой смертности на спецпоселке, в частности детей... Письма от Янцена шурип-проповедник читает перед своими в знак сочувствия и вспомоществования Янцена...»

Б. И. Горчаков: «Янцен имеет связь с заграницей, откуда систематически получает продовольственные посылки, а иногда и валюту... Янцен явился первым организатором связи с заграницей, которая впоследствии из случайной перешла в систематическую связь, и теперь немцы все без исключения имеют посылки. Янцен многим из русских спецпереселенцев давал адреса с той целью, чтобы они писали о том, что здесь не кормят, живем все худо, поэтому посылайте посылки. Как результат, эта форма связи с заграницей перебросилась и на русских, которые тоже стали получать посылки из заграницы. Вследствие того, что Янцен получает солидную помощь, он на выполнение нормы особенно не напирал, а использует свое свободное время на истолкование разных провокаций среди спецпереселенцев; встретив нового человека, он обязательно с ним познакомится и сразу же начинает говорить о непорядках, говорит таинственно, на ухо».

Э. К. Гофман: «За границей имеет родственников, с которыми поддерживает систематическую связь — получает посылки».

То, что чувствовала и как переживала арест прадеда его жена, сохранили ее письма родным в Крым и Германию. Судя по датировке, она начала писать их в день ареста мужа, 17 января 1933 года, и дописывала в течение нескольких дней, пока ждала вестей о нем.

«Милые родители и сестры!

Ваши письма, папа и мама, и твое, Берта, несколько дней тому назад получили и очень благодарны, так как мы с тоской ждали письма. Часто, когда изо дня в день ждешь писем, то думаешь, что заболеешь, так как мы лихорадочно ждем известий о ходе дела. Нам тяжело верится, что здесь нам лучше, если б не имели поддержки от сестер, то было б очень печально, т. к. многие терпят нужду. Слава Богу, что Он нас поддерживает. Еще милость Божья, что мы здесь, так как мы и этого не заслужили. 21 января хочу закончить письмо и завтра дать с собой. Мой Яков вызван был во вторник вечером в Ломовое и в тот же вечер был увезен неизвестно куда. Мне так страшно, т. к. там был помощник уполномоченного районного коменданта... Уже 4 дня мы не имеем никакого известия. Неужели он не вернется?.. Молитесь. Пусть Бог нас выведет, т. к. здесь так темно. Очень холодно, Леночка весь день должна лежать в колыбели. Так дует, что вода замерзает на два пальца толщины, плитку топим так, что она совсем красная. С 20 января до 1 февраля совсем не получали хлеба. Сейчас получаем 240 г, но мы еще не голодаем... У меня зубная боль, коренной нужно удалять, куда-то уехать, а мне страшно — трое старших в школу ходят, Анну не могу одну оставить. Кто знает, перенесет ли Лена это холодное время. Привет всем <...>

Милые, милые братья и сестры!

Так как от вас не имею никаких известий, я вам несколько строк напишу. Последнее твое письмо, милый брат, было о том, что среди учеников воскресной школы собрали денег. До сих пор у нас нет сообщения, что деньги высланы, может быть, можно что-то сделать... Яков 17 января ушел от нас, и мы не знаем, куда и где он находится. Мне так страшно, так как мы в их власти. Если бы я могла вам написать свободно от всего сердца, было бы гораздо легче, но мы окружены... Ни одного слова, ни одной записки без коменданта. Умоляю вас, молитесь беспрестанно, так как темно становится, и кто знает, в каких темных глубинах находится Яков. Когда я о нем думаю, а мысли мои всегда с ним, становится так тяжело, что сердце чуть не разрывается. Не забывайте нас, молитесь. Рада, что Яков и Абрамка в последний раз взяли в Торгсине пшена и муки. Сейчас мы едим крупу, и так как печки нет, то делаю коржики: вареная крупа, мука, вода, соль и немного соды, жарю на сковороде, немного салом смазываю. Лучше бы, конечно, в печке. В эту неделю почти до смерти замерзли, сегодня немножко легче, 27 градусов, а было минус 40, так холодно, что ноги в бурках застывали. У нас только тогда ноги становятся теплыми, когда мы стол к плите подвинем, и ноги — на скамейку, в постели мерзнем. Маленькая Лена со мной в кровати, так как в колыбели мерзнет. Перенесет ли она это холодное время? Очень осунулась. Когда наступит наше освобождение? Наша Анна не совсем здорова. Неужели мы, несмотря на всю любовь и заботу, погибнем? Прежде, чем нас сюда послали, и дома была тяжелая борьба. Но так тяжело погибать, так как я не одна.

Благодаря вашей заботливости и любви Абрамка имеет теплое пальто, очень простой материи, но для этих условий подходящее. Мальчики оба имеют пальто, теперь только Фридошке нужно, надеюсь, что, может быть, удастся. Она каждый день об этом просит, но мы не голодаем сейчас, было бы только известие от папы. <...> Нет бодрости, нет радости. С 5 января не имеем известий от родителей. Кто знает, как им живется? Пишите, не переставайте писать...»

Первый допрос Якова Янцена состоялся 29 января 1933 года⁴¹. Складывается ощущение, что прадед был весьма спокоен и бесстрашно разъяснял свои позиции следователю.

«Если бы я знал, что будут неприятности, то я не писал бы за границу за помощью. Я писал своей сестре, что в первое время много здесь умерло от недоедания, и что мы как рабочие не в состоянии прокормить на этом пайке без помощи других наших детей. Если бы какой-нибудь комендант предупредил меня о том, что нельзя об этом писать, я бы этого и не сделал. Я согрешил в этом, прошу мне то простить, я в жизни больше не буду писать о трудностях, а буду их переживать до самой смерти и переносить во что бы то ни стало. Я очень жалею, что этим я в Ваших глазах являюсь врагом, я этого не хотел, я хотел только им сказать и написать о нашей тяжелой жизни вообще...»

В письмах из-за границы было написано, «чтобы мы, как евангельские христиане, были готовы ко второму пришествию Иисуса Христа в облаках». «Когда придет наш Господин» — это сказано в духовном смысле, а не как многие думают, что мы ждем перемену времени от иностранцев, так ни в коем случае понимать нельзя...

В конце ноября я зашел в поселке Касское в контору лесопункта и видел, что прораб лесопункта Ломовое С. С. Палкин, как и старший десятник Корельский, были совершенно пьяны и имели в своей комнате на столе бутылки с водкой... С этих пор меня ненавидят и даже не выписали мне хлеб за засыпку чердака песком в доме № 21. Мне следовало всего несколько килограмм, но тогда это было для меня много, потому, что я был без хлеба.

Невнимательное отношение прораба к рабочим послужило поводом массового бегства рабочих из поселка. Я один раз ему сказал, что вы должны заботиться о том, чтобы рабочие были сыты, они и бежать не будут. Он сказал, что считается только с грузчиками и конюхами, и рабочие стали еще больше бежать, этим он обвиняет меня в контрреволюции, между тем как я никогда ругательного слова ему, напротив, не употреблял. Он как прораб требует работу чрезмерно, а приобретенные продукты тормозит и не беспокоится... Что касается нормы вывозки лесоматериалов, то ее никто не может выполнить совсем... Я всегда выезжал одним из первых и приезжал один из последних вечером. Что вывозил не меньше всех, видно из списка выписки хлеба от ударного дня, где мне выписано 400 грамм хлеба, а некоторым 300. Были случаи, когда выписывали по 200 грамм и один раз одному возчику даже только 100 грамм за день. Инспектор труда сказал: «Кто испорчит лошадь или покалечит — тому пахнет десятью годами», после этого каждый возчик боится нагрузить много... Что касается выражения моего на собрании «Нужно натопить сначала паровоз, а потом можно им поехать», это я сказал в отношении лошадей, которых нужно сначала десять дней кормить овсом, а потом требовать работу. Лошади худые,

а в особенности моя болела все лето, не могла работать, так что я не мог вывозить больше... Антисоветской агитацией я не занимался, а имел недовольство к порядкам, и это считается все контрреволюция».

По мнению следствия, сообщая о голоде и тяжелой жизни, Янцен провоцировал Запад на развязывание клеветнической кампании против СССР. На последующих допросах тональность и стиль «его показаний» изменились, и он признал себя виновным в проведении антисоветской агитации.

«Проживая на спецпоселке Касское и поддерживая связь с Нид(д)ерманом в Швейцарии совместно с группой немцев из семи человек, а также, в особенности, с Гардером в Германии, я осознаю сейчас всю свою контрреволюционную деятельность, направленную на передачу за границу всяких нелегальных сведений об условиях жизни спецпереселенцев в Севкрае, а также проведении на поселке антисоветской агитации, что всю корреспонденцию посылал нелегально путем вбрасывания их в почтовый вагон. Сознаю также и то, что я, пользуясь авторитетом среди спецпереселенцев-немцев, наталкивал отдельных спецпереселенцев на связи с заграницей, описывая положение в Севкрае⁴².

Связь с заграницей началась почти с первых дней прибытия на спецпоселок Касское в 1930 году. Первое, о чем я сообщал в Германию одному меннонитскому проповеднику Крэккеру Якову Ивановичу, это как погиб его брат — Крэккер Иван Иванович — во время обвала дома на спецпоселке, причем сообщение мое носило целью проиллюстрировать перед германскими людьми, как мучительна жизнь здесь, в Севкрае, высланным спецпереселенцам...»⁴³

Через месяц после последнего допроса, 25 марта 1933 года, тройка ПП ОГПУ Севкрая обвинила прадеда по ст. 58 п. 10 УК РСФСР — «Антисоветская агитация» — и постановила заключить в концлагерь сроком на пять лет⁴⁴. Его отправили в Сиблаг, куда он прибыл 19 апреля 1933 года⁴⁵.

Прабабушка Екатерина осталась практически без помощи с пятью детьми, младшему из которых было всего два года. В октябре 1933 года она обратилась в Биук-Онларский райком Крыма с прошением восстановить ее в правах и вернуться на родину.

«В мае месяце 1931 года меня с мужем Яковым Петровичем Янценом и с детьми выслали из селения Спат Биук-Онларского района в Северный край, где мы проживаем теперь уже третий год спецпереселенцами в поселке Касское при разезде Ломовое. Муж мой не служил ни в Белой, ни в Красной армии, а во время империалистической войны был санитаром. Хозяйство мужа, по оценке сельсовета, никогда не поднималось выше средняцкого, и правом голоса он пользовался до последних дней перед высылкой. В 1930 году муж мой был раскулачен, но после был восстановлен и хозяйство признано не подлежащим раскулачиванию. В настоящее время муж мой, согласно постановлению ОГПУ Севкрая, выслан от семьи на пять лет в Новосибирск, так что я с пятью малолетними детьми осталась без кормильца, а старшему ребенку всего 14 лет. Положение мое беспомощное, и я в полном смысле слова бедствую. Поэтому я прошу рассмотреть дело моего мужа, войти в мое по-

42 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-14928: протокол допроса Я.П. Янцена от 13 февраля 1933 г.

43 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-14928: протокол допроса Я.П. Янцена от 25 февраля 1933 г.

44 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-14928: выписка из протокола заседания судебной тройки ПП ОГПУ Севкрая от 25 марта 1933 г.

45 ГУ МВД России по Новосибирской области. Архивная справка от 18 июля 2019 г.

ложение, восстановить меня в правах и разрешить мне с детьми возврат на родину...» В ходатайстве о возвращении на родину ей отказали. Вскоре семью вместе со всеми жителями Касского перевезли в трудпоселок⁴⁶ Дубровка Плесецкого района Архангельской области⁴⁷.

Из архивной справки, выданной ГУ МВД России по Новосибирской области, известно, что Яков Янцен провел в лагере три с половиной года вместо пяти. Работал бухгалтером, прорабом, забойщиком в шахте⁴⁸. Он освобожден 19 ноября 1936 года из Осинового отделения Сиблага⁴⁹, и 9 декабря 1936 года Плесецкое районное отделение Управления НКВД по Северному краю рапортовало в лагерь, что «трудпоселенец Янцен Яков Петрович в район прибыл 5 декабря 1936 года и водворен по месту проживания семьи».

Прадед устроился в Северный лестранхоз, был касиром, сторожем, десятником по строительству. Известно, что на день повторного ареста — 21 марта 1938 года — он работал на смолокурне. «Об этой перемене специальности, то есть мест работы, позаботилась местная комендатура»⁵⁰.

В конце 1937 года по трудпоселкам прокатилась волна арестов, как писал П. Климук, «были арестованы все немцы в возрасте от 18 до 45 лет и некоторые украинцы. Время было такое, что председатель колхоза всем угрожал при первой перебранке: вот упеку тебя куда следует, и будешь поговорчивее. В такой атмосфере в марте 1938 года был, очевидно, арестован одним из последних и наш отец»⁵¹.

Как записано в следственном деле, прадед открыто выражал сочувствие арестованным: «Вместо свободы трудпереселенцу советская власть дает поголовные аресты, скоро должно все это кончиться, тогда мы свое возьмем»⁵². Санкционировался арест начальником Плесецкого РО УНКВД Заборщиковым и помощником оперуполномоченного РО НКВД Дьяковым. Прадеда обвиняли во враждебности к советской власти, установлении связи с контрреволюционными фашистскими организациями за границей и сообщении клеветнических сведений о СССР и жизни трудпереселенцев, получении за это денежных вознаграждений и распространении с этой целью заграничных адресов среди населения. На время следствия его заключили под стражу в Няндомскую тюрьму⁵³.

В качестве свидетелей по делу были допрошены плотник А. Н. Зотов, возничий С. В. Кобзев из трудпоселка Малиновка и счетовод Я. Д. Кельберер из трудпоселка Дубровка. Все трое подтвердили, что немец Янцен — «враг советской власти», сообщавший за границу «наглуемую контрреволюционную клевету, рисуя в небывалых красках голод населения СССР», который после возвращения из лагеря еще больше «затаил лютую злобу на советскую власть и продолжил контрреволюционную деятельность»:

46 С 1933 г. до начала Великой Отечественной войны спецпоселки для раскулаченных крестьян именовались трудпоселками; обладали признаками экстерриториальности, на их территории коменданты наделялись властными полномочиями.

47 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175: обращение П. Я. Климук в Прокуратуру СССР от 10 октября 1958 г.

48 Там же.

49 ГУ МВД России по Новосибирской области. Архивная справка от 18 июля 2019 г.

50 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175.

51 На основании приказа наркома внутренних дел СССР от 30 июля 1937 г. №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

52 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175: справка на кулака Я. П. Янцена от 21 марта 1938 г.

53 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175: постановление начальника Плесецкого райотделения УНКВД по Северному краю об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения Я. П. Янцену по ст. 58-4 УК РСФСР от 22 марта 1938 г.

«...В августе 1937 г я рыл колодец, а Янцен работал на железнодорожной ветке. Он пришел ко мне покурить. Мы стали беседовать. На мой вопрос: как живешь, Янцен, высказал: “Не жизнь, а мученье, не пот, а кровь течет из людей. Вспомни, придет время, здесь останутся одни штопки, которыми подбивают песок под шпалы, а людей здесь не будет, и это будет скоро”. Я у него спросил: “Как это получится?” Он сказал: “Увидишь и тогда вспомнешь Янца. Чего сейчас есть, этого не будет, это перед концом коммунисты так измываются перед народом, значит, советская власть слаба, раз боится людей, каждого начинает сажать в тюрьму”. Надо сказать, что на выходе из концлагерей Янца сразу подобрал к себе Эммануил Кист и поставил помощником кассира. Кист же, как известно, арестован в 1937 г за активную контрреволюционную фашистскую деятельность. С последним Янцен вел контрреволюционные фашистские разговоры и несомненно являлся участником группы Киста, арестованной органами НКВД».

Из показаний Я. Д. Кельберера 22 марта 1938 года⁵⁵:

«Мне известно, что Янценом была установлена связь с обществом “Братья в нужде” в Южной Германии, куда сообщалась контрреволюционная клевета о голоде в СССР и откуда за это получали систематическую денежную помощь. Сам Янцен очень хитрый и осторожный враг. По выходе из лагерей он связался с Эммануилом Кистом, с которым вместе работал и сидел в отдельном кабинете. Работая в сельхозартели, Янцен вел агитацию среди трудпереселенцев Дубровки о бесполезности укрепления артели. Так, в августе он высказывал: “Все равно все усилия советской власти, чтобы укрепить артели и заставить здесь жить трудпереселенцев, напрасны. Настоящая жизнь может быть не в артели, а единолично. Здесь мы лишь отбываем ссылку... Скорее бы всему этому был конец”. Тайная надежда на войну и пораженческие взгляды по отношению к СССР вынашиваются Янценом все время, об этом он недвусмысленно заявлял осенью 1937 г, что при советской власти нам жизни не увидеть, пока наши заступники не прибегнут к силе».

Из показаний С. В. Кобзева 22 марта 1938 года⁵⁶:

«Янцен Яков Петрович писал за границу разную контрреволюционную клевету о голодной жизни в СССР: “Нас большевики ограбили и под конвоем вывезли на самый север в леса, здесь заставляют работать насильно, а хлеба не дают. Наши дети сгинули от голода и холода. Помогите голодным и обиженным, теперь одно спасение — это вы и ваша милостивая помощь”. Янцен не только сочинял контрреволюционную клевету, он распространял адреса среди трудпереселенцев и писал эту же фабрикованную ложь. Высказывал в своем доме в кругу трудпереселенцев в августе 1937 года: “Неверно делает правительство, арестовывает хороших людей и расстреливает цвет человечества. Ну, за что его расстреляли? За то, что поспорил со Сталиным, которого давно нужно было самого убрать... Или за что меня посадили в прошлый раз? Просто личность моя не понравилась НКВД...”» А в декабре 1937 года в конторе сельхозартели Янцен говорил: “Не много подержится это новое правительство, которое сейчас выберут, потому что выборы идут, как видно, не свободные, а под палкой, да и навыбирают душегубов... В два счета любая страна им голову свернет, да и мы здесь тоже смотреть не будем».

54 РУФСБ России по Архангельской области,
ф. 7, д. П-9175.

55 РУФСБ России по Архангельской области,
ф. 7, д. П-9175.

56 РУФСБ России по Архангельской области,
ф. 7, д. П-9175.

В марте 1938 г Янцен говорил по вопросу Бухаринской банды в конторе сельхозартели в присутствии уполномоченного: «Это просто идет война в правительстве. Это же не преступники, а такие же руководители власти, которые начинают воевать между собой, и вот теперь видно, что скоро приближается конец существования большевиков. Настанет наше время, мы тогда будем говорить по-другому».

Эти обвинительные показания свидетелей были единственными, но оказались вполне достаточными для следствия. Сам же Яков Янцен виновным себя не признал — ни в контрреволюционной деятельности, ни в контактах с фашистскими организациями за границей. На вопросы следователя о его связи с Германией отвечал прямо и честно — поддерживал общение с родственниками и принимал от них материальную помощь, жизненно необходимую семье.

Протокол допроса Я. П. Янца 5 апреля 1938 года⁵⁷:

Вопрос: Вы изобличаетесь следствием в контрреволюционной фашистской деятельности, дайте по этому вопросу показания.

Ответ: Никаких показаний по этому вопросу дать не могу.

Вопрос: Расскажите о ваших связях с заграницей и их характере.

Ответ: Связь с заграницей, в частности с Германией, я поддерживал с 1925 года, т. е. с момента выезда моей сестры из СССР в Германию с ее мужем.

Вопрос: Обстоятельства выезда из СССР в Германию вашей сестры и ее мужа?

Ответ: Еще с образования советской власти в Мелитопольском уезде мужем моей сестры Гардером Абрамом Абрамовичем был организован частный детско-сиротский приют. В 1924 году Гардеру А. А. были советской властью предъявлены требования — воспитание детей вести в коммунистическом духе. С этим требованием Гардер не согласился и в 1925 году совместно со своей женой (моей сестрой) Янцен Еленой Петровной выехал из СССР в Германию. В Германии Гардер служил в качестве проповедника, Гардер — сектант-евангелист.

Вопрос: Расскажите характер вашей связи с Гардером, проживающим в Германии.

Ответ: В 1931 году я с Гардером возобновил связь, уже будучи высланным. В своих письмах я ему писал: «Советская власть нас раскулачила и выслала на Север, живем худо, хлеба не хватает, и т. д.» Одним словом, я им сообщил, что мы находимся в бедственном положении. На такие мои письма Гардер мне высылал продовольственные посылки и денежные переводы.

Вопрос: Следствием вы изобличаетесь в том, что в контрреволюционных целях установили связь с фашистскими организациями Германии, сообщая туда сведения о СССР, получая за это денежные вознаграждения, — дайте показания.

Ответ: Виновным себя в этом не признаю.

Вопрос: Вы от следствия скрываете правду. Предлагаю прекратить упрямства и дать откровенные показания.

Ответ: Дополнить ничего не могу. Записано с моих слов правильно, мною прочитано.

20 мая 1938 года прадеда этапировали в Архангельскую тюрьму № 1, где он прожил последние месяцы своей жизни⁵⁸. В обвинительном заключении 20 октября 1938 года его «преступление» увеличилось до трех пунктов 58-й статьи: «Яков Янцен обвиняется в том, что являлся активным участником контрреволюционной фашистской организации немцев, установил связи с фашистскими организациями в Германии, сообщал туда контрреволюционную клевету о положении в СССР, среди окружающего населения вел контрреволюционную агитацию, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58-4, 58-10, ч. 1 и 58-11 УК РСФСР»^{59, 60}. Дело было направлено на рассмотрение тройкой при УНКВД по Архангельской области, заседание которой состоялось 2 ноября 1938 года. Обвиняемого Якова Петровича Янца приговорили к высшей мере наказания⁶¹. Его расстреляли 15 ноября 1938 года. Так мой прадед попал в «последний вагон» Большого террора. Место приведения приговора в исполнение и захоронения в материалах следственного дела не отражены, и, как сообщали в РУФСБ России по Архангельской области, установить это за давностью лет не представляется возможным.

После того как в марте 1938 года прадед навсегда покинул свой трудпоселок, о жизни семьи Янцен известно не слишком много. До 1942 года прабабушка с детьми жили в Малиновке. В 1942 году старшие были мобилизованы в трудармию, а прабабушка с младшей дочерью Еленой осталась в поселке. Абрам и Петр попали в трудовые отряды в Архангельской области, Фриду и Анну отправили в Чкаловскую (Оренбургскую) область на работы в нефтепроме. Петр вскоре оказался в заключении — за покупку по фальшивой карточке 600 грамм хлеба он попал в Талажский особый лагпункт⁶². Ему присудили шесть лет по ст. 59 п. 8 ч. 2⁶³, но в 1946 году досрочно освободили по амнистии. В том же году Екатерину Абрамовну с Леной выслали на спецпоселение в город Похвистнево в Куйбышевскую (Самарскую) область. Видимо, «неблагонадежных» отправляли в тылы, подальше от границы. Петра после возвращения из лагеря также определили в Похвистнево, и он устроился на работу в Куйбышевнефтьестрой. Старшего сына Абрама после трудармии отправили в спецпоселок в Соликамском районе Молотовской области (Пермский край), туда в 1947—1948 годах перевелась и вся семья. Они жили так до 1954 года, когда на основании директивы МВД СССР от 14 мая 1954 года⁶⁴ Екатерину Абрамовну с Еленой, Анной, Фридой и Абрамом освободили с учета спецпоселения как лиц немецкой национальности. Петра сняли с учета на основании приказа МВД СССР от 20 августа 1954 года⁶⁵, но он покинул семью чуть раньше, в 1953 году, — уехал

58 РГВА, ф. 18444, д. 153, т. 2. 236-й полк КВ НКВД СССР. Путевой журнал планового конвоя маршрута Москва — Архангельск, начат 3 января, окончен 27 июня 1938 г.

59 Ст. 58 п. 4 УК РСФСР — оказание помощи международной буржуазии; ст. 58 п. 10 ч. 1 — пропаганда или агитация, ст. 58 п. 11 — организационная контрреволюционная деятельность.

60 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175: заключение УНКВД Архангельской области по обвинению Я. П. Янца от 20 октября 1938 г.

61 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175: выписка из протокола заседания тройки при УНКВД по Архангельской области от 2 ноября 1938 г.

62 РГАСПИ, ф. 17, оп. 99: регистрационный бланк члена КПСС Климука П. Я.

63 Ст. 59 п. 8, ч. 2 УК РСФСР: «Подделка металлической монеты, государственных казначейских билетов, денежных бон, банковых билетов Государ-

ственного Банка и государственных ценных бумаг, если она учинена по предварительному соглашению нескольких лиц или в виде промысла», в отношении всех участников и пособников — расстрел, с понижением при смягчающих обстоятельствах до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже пяти лет, с конфискацией всего имущества.

64 14 мая 1954 г. вышло указание МВД СССР №44/4-19636 о снятии с учета спецпоселений немцев — бывших кулаков, выселенных в период сплошной коллективизации сельского хозяйства.

65 20 августа 1954 г. вышел приказ МВД СССР №00713 «О снятии ограниченных по спецпоселению с бывших кулаков, выселенных в 1929—1933 гг. из районов сплошной коллективизации, немцев — местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, откуда выселение их не производилось, и с немцев, мобилизованных во время Великой Отечественной войны для работы в промышленности, но не подвергавшихся выселению».

сначала в Свердловск учиться, а затем в Курган к жене. Именно Петр в 1958 году и обратился в прокуратуру СССР, чтобы выяснить судьбу отца. В семье не знали, что его нет в живых. Они вообще ничего не знали о нем в течение 20 лет. «Я и вся наша семья хотели бы знать, где находится наш отец и что с ним... Мать у нас сейчас на грани смерти, и вся наша семья из-за этих событий настрадалась, не зная при этом ничего о своем родном отце». Это обращение инициировало проверку и повторное рассмотрение дела по обвинению Якова Янцена.

Из трех свидетелей, проходивших по делу прадеда в 1938 году, был повторно допрошен только А. Н. Зотов. Как сказано в постановлении Президиума Архангельского областного суда, свидетелей С. В. Кобзева и Я. Д. Кельберера, «передопросить не представилось возможным». Прежних своих показаний Зотов не подтвердил: «Те протоколы я не читал. Правильно ли были записаны мои сообщения, я не знаю, а поэтому зачитанные мне показания подтвердить не могу»⁶⁶. Было установлено, что А. Н. Зотов и С. В. Кобзев являлись постоянными свидетелями по ряду уголовных дел об антисоветской агитации, а бывшие сотрудники УНКВД Архангельской области Заборщиков и Дьяков, расследовавшие дело прадеда, применяли запрещенные методы ведения следствия и допускали грубые нарушения социальности и фальсификацию следственных дел»⁶⁷. В ходе дополнительной проверки не было обнаружено никаких доказательств принадлежности Якова Янцена к шпионско-фашистской организации. Его обвинение в контактах с заграницей и проведении антисоветской агитации сочли необоснованным. Постановление тройки УНКВД Архангельской области от 2 ноября 1938 года было отменено, а дело прекращено за недоказанностью обвинения⁶⁸. Справку об отмене постановления⁶⁹ направили Петру Яковлевичу Климуку в Курган в сентябре 1959 года. Семья также получила свидетельство о смерти Якова Янцена, в котором говорилось, что он умер от гнойного плеврита 15 ноября 1942 года в Плесецке. Спустя еще 30 лет, 29 сентября 1989 года, Яков Янцен был реабилитирован по делу 1933 года прокуратурой Архангельской области на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших дело в период 30—40-х и нач. 50-х годов». В целом реабилитация моего прадеда, как и остальных членов семьи (по множественным пунктам обвинений) проходила в течение 60 лет, вплоть до 2020 года. По заключению прокуратуры Архангельской области 4 сентября 2019 года Янцен Яков Петрович, необоснованно осужденный и расстрелянный в 1938 году по ст. 58 п. 4 ч. 1, ст. 58 п. 10 УК РСФСР, признан подвергшимся политической репрессии и реабилитирован⁷⁰.

66 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175: протокол допроса А. Н. Зотова от 19 января 1959 г.

67 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175: постановление Президиума Архангельского областного суда от 28 апреля 1959 г.

68 Там же.

69 РУФСБ России по Архангельской области, ф. 7, д. П-9175: справка из Архангельского областного суда от 9 сентября 1959 г.

70 В соответствии с п. «а», «б» ст. 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1.

¹ Елена Янцен. Фотография из личного дела высленца. 1949 г.

² Петр Янцен (Климук). Молотовская область, конец 1940-х гг.

³ Петр и Абрам Янцены. Молотовская область, г. Боровск, 1949 г.

⁴ Екатерина Гардер (в замужестве Янцен) с Еленой Гардер (в девичестве Янцен). Таврическая губерния, 1917 г.

⁵ Екатерина Янцен. Молотовская область, г. Боровск, конец 1950 — начало 1960-х гг.

¹ Семья Янцен. Молотовская область, г. Боровск,

1949 г.

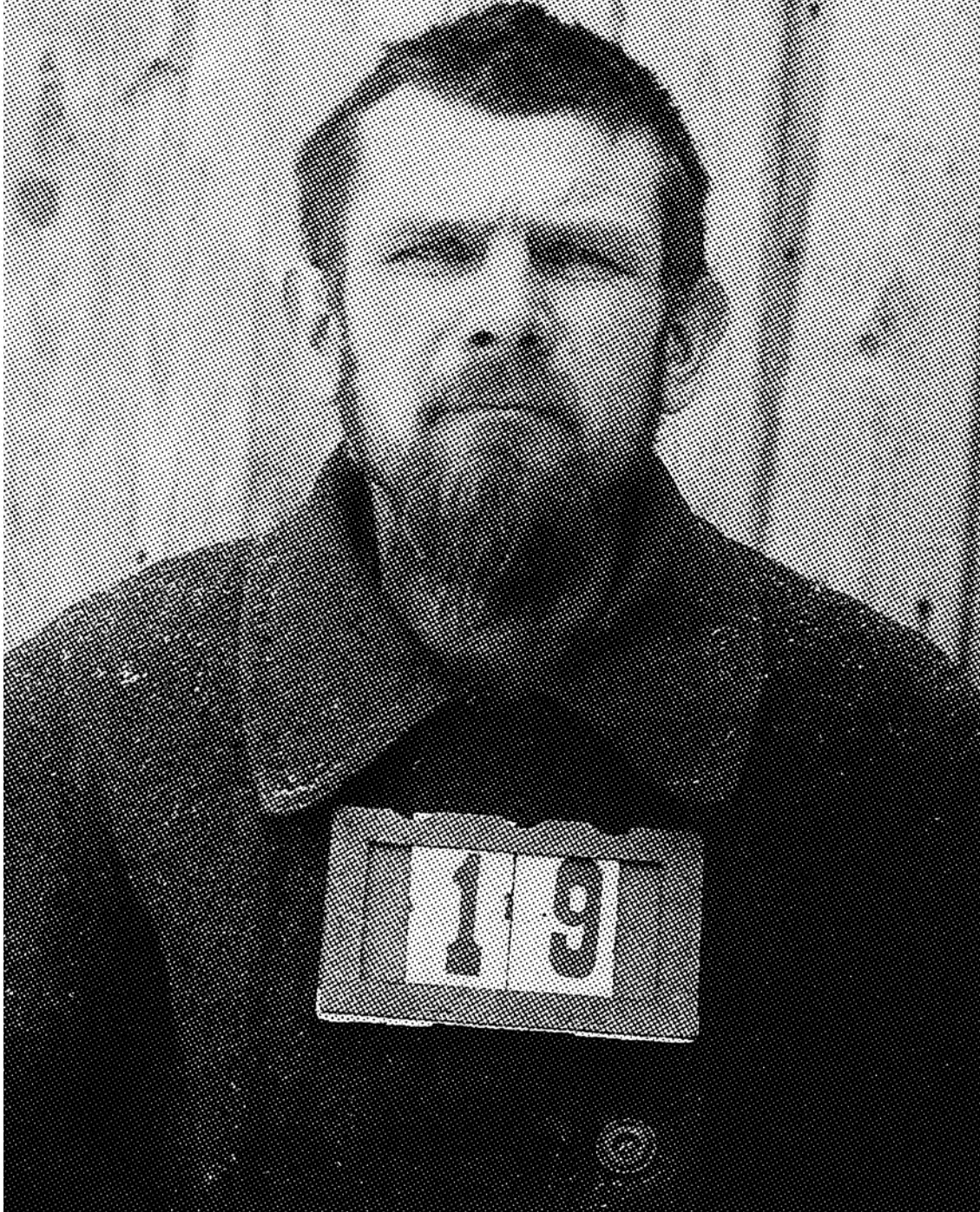
² Екатерина Янцен с внуками. Молотовская область, г. Боровск, 1950-е гг.

³ Яков и Екатерина Янцены с детьми и родственниками. Крымская АССР, 1924 г.

⁴ Екатерина Янцен с внучкой Олей. Молотовская область, г. Боровск, 1950-е гг.

119

122

ИСТОРИЯ
ПЯТАЯ

НАТАЛИЯ
ТЕРНЕР
ПЕТР
ШКУРАТОВ

ПОИСК ДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К 5 ГОДАМ ИТЛ В 1933 ГОДУ

Наталья Тернер рассказывает по скайпу о своем репрессированном деду, Петре Шкуратове. К ней присоединяются ее близкие — муж и дочь. Сейчас они живут в городе Сан-Франциско (Калифорния).

Деду чудом удалось бежать из заключения, не только из лагеря, но и из страны.

123

НАТАЛИЯ ТЕРНЕР

ДОМА НИКОГДА НЕ СКРЫВАЛИ, ЧТО ДЕД ИЗ РЕПРЕССИРОВАННЫХ, НО ОН НЕ ЛЮБИЛ ВСПОМИНАТЬ О ЛАГЕРЕ, О ТЯГОТАХ И ЛИШЕНИЯХ

Наталья Тернер, помощник финансового менеджера в брокерской фирме, Сан-Франциско, США

Мой дед, Петр Иванович Шкуратов, был репрессирован в 1933 году. Ему чудом удалось бежать не только из лагеря, но и из страны. В Харбине он познакомился с моей бабушкой, тоже эмигранткой, и в 1939 году родился мой отец. Потом семья перебралась в Бразилию и далее — в Америку, где родилась я. Мы жили с родителями, дедушкой и бабушкой в Сан-Франциско. Дома никогда не скрывали, что дед из репрессированных, но он не любил вспоминать о лагере, о тяготах и лишениях, поэтому особых бесед на эту тему не было. Мы знали, что арестовали деда за «антисоветскую» фразу: он показал на пролетающий самолет, сказал, что тот похож на японский бомбардировщик и советской власти скоро конец. Его отправили в концлагерь на пять лет. Можно сказать, ему повезло — в 1937 году за это уже давали по 10—15 лет, а могли и расстрелять. Он пробыл в лагере два года, и ему удалось бежать. Брат помнит, как он рассказывал о своем побеге — воспользовавшись ситуацией, когда поблизости не было никакой охраны, дед просто вышел за территорию и якобы даже помахал всем «на прощание». По железной дороге Петр Иванович добрался к своей сестре — до ареста он работал кондуктором и прекрасно знал, как можно прокатиться на поезде «зайцем». Его сестра недавно овдовела, и дед стал жить у нее по документам ее покойного мужа. Вскоре стало ясно, что оставаться с чужими документами ему очень опасно, и он снова решил бежать, теперь уже из страны. Решили с сестрой, что ему благоразумнее ночью переправиться через реку Амур, и, чтобы он был менее заметным на льду, сестра выдала деду в дорогу белую простыню для маскировки. И Петр Иванович перешел Амур. В детстве все это звучало сказочно: взял дед простыню, перешел реку и сразу попал в нужный город. Сейчас я понимаю, чего это ему стоило — преодолеть сибирские расстояния, когда невозможно разжечь костер, чтобы согреться, — тебя немедленно обнаружат. Папа рассказывал, что в Харбине дедушка при регистрации заполнял анкету эмигранта и честно изложил все факты — как сбежал из лагеря, как жил по до-

кументам своего покойного шурина, а затем нелегально перешел границу.

Для нас с братом у деда были свои заготовленные страшилки. Когда мы не слушались, он говорил: «Будете плохо себя вести, “черный воронок” за вами приедет!» — и показывал на темно-коричневый, без окон, грузовичок логистической компании UPS: «Смотрите, вот он приехал!»

Жизнь приучила его быть экономным, даже аскетичным. Он терпеть не мог лишних вещей и трат, и, если в доме что-то ломалось, он чинил, а не бросался покупать новое. Даже когда приходило время менять песок в кошачьем туалете, он просеивал его, просушивал на солнце и снова загружал. Мама с трудом мирилась с такими дедушкиными особенностями, но мы жили хорошо и мирно. Сколько себя помню, дед всегда работал, убирал улицы. Он так и не выучил английский язык, поэтому в семье с ним говорили только по-русски. Дед прожил долгую жизнь и умер в 1991 году. Только повзрослев, я в полной мере поняла весь масштаб лишений, которые он перенес, каково это было — навсегда оставить родину, родителей, сестер. В целях безопасности все связи были прерваны, и ни бабушка, ни его родные так никогда и не узнали о судьбе друг друга. Даже в 1990-е годы, когда появилась возможность свободно ездить, обращаться в архивы, открыто говорить на эту тему, никто не предпринимал попыток восстановить родственные связи. В 1991 году, когда Петр Иванович еще был жив, я собиралась ехать в Россию учить язык, но вся моя семья была против — они всё еще боялись.

Я знаю, что мой отец хотел восстановить историю семьи, но не знал, куда обращаться и что для этого нужно. Я тоже совсем не понимала, с чего начинать, но в 2017 году все-таки взялась за эту тему — откладывать было уже невозможно, мне очень хотелось узнать о дедке как можно больше. Скажу прямо, это было нелегко. Поразительно — семья моего мужа переехала в Америку в XVII веке, и информация об этом хорошо задокументирована. Мы восстановили его генеалогическое древо, которое насчитывает более шести тысяч человек. Но всякий раз, когда я пыталась найти информацию о своей семье, у меня ничего не получалось. Я понимала, что нужно делать запросы в российские архивы, но в какие именно, не знала. Я начала с того, что просто набрала в Google «Шкуратов Петр Иванович». Мне повезло, я как-то сразу попала на сайт госархива Хабаровского края с материалами библиографического справочника «Российские эмигранты в Маньчжурии». Рядом с фамилией деда значились 26 листов документов Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), датированные 1936—1949 гг.¹ Там же я обнаружила и документы своей бабушки, Александры Кузьминичны Петровой. Сказать, что я обрадовалась — ничего не сказать. Но я по-прежнему не понимала, как можно эти материалы раздобыть. Я обратилась в агентство, где мне пообещали сделать запросы в архив и получить архивные выписки. За услугу я заплатила 85\$, мне прислали архивные справки о бабушке и дедушке, сообщив, что русские запрашивают подтверждение родства. Но так как мне было важно получить копии архивных документов полностью, я решила действовать самостоятельно. Я начала сбор документов, подтверждающих мое родство. В Америке для получения, например, свидетельства

1 28 декабря 1934 г. в городе Харбине был создан специальный орган — Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), сформированный из видных представителей эмигрантских кругов и наделенный особыми административными полномочиями в отношении российских эмигрантов.

Документы Бюро отражают историю создания, его разностороннюю деятельность с момента образования с декабря 1934-го до конца 1945 г. Данная база представляет электронный алфавитный каталог русских эмигрантов с поисковыми данными личных дел. <https://gahk.ru/projects/brem/>.

о браке, нужно обращаться в соответствующую контору именно в том городе, где брак был зарегистрирован. То же самое со справками о рождении, смерти и т. п. Поэтому для получения свидетельства о смерти дедушки мне требовалось бы ехать в другой город — он умер неподалеку от Сан-Франциско. Я поручила это частному агентству. Собрав документы и проставив на них апостиль, я написала свое первое письмо в госархив Хабаровского края с просьбой прислать копии эмигрантских дел деда и бабушки. Я говорю по-русски, но мне трудно читать и писать. Поэтому сначала я набрала текст сообщения на английском, перевела через Google Translate, сделала корректуру и отправила по электронной почте. Завязалась довольно длительная переписка. Архиву было достаточно сканов документов, подтверждающих мое родство, однако возникли трудности с оплатой услуги через Western Union. Но эта техническая проблема решилась, и через шесть недель я получила по электронной почте оцифрованные документы из архива². И тогда передо мной встала непростая задача — разобрать текст и перевести его с русского на английский. Основная трудность — очень плохое качество отсканированных документов. Рукописный текст местами был совершенно нечитаемым. Тогда в Интернете я нашла сайт, где собраны варианты русских рукописных букв. Я сличала буквально каждую, проводя ежедневно по три часа за компьютером. Осложнялось и без того трудное дело тем, что я не ориентируюсь в русских аббревиатурах и сокращениях. «Угадав» буквы и слова, я переводила их на английский. Я также использовала ресурс Reddit — это огромный форум, на котором люди делятся разнообразным контентом. Я обращалась за помощью к пользователям ресурса, они смотрели мои сканы и помогали расшифровывать текст. На это ушло полгода.

Эмигрантское дело деда оказалось весьма интересным. Анкеты с биографическими сведениями, указанием мест работы, проживания позволили получить хотя бы общую картину его жизни. Но мне хотелось знать подробности его обвинения и ареста, а для этого нужно было найти следственное дело. Летом 2019 года я поехала Россию. Один день я посвятила Музею истории ГУЛАГа. При себе у меня были все материалы эмигрантского дела Петра Ивановича Шкуратова из госархива Хабаровского края. Сотрудница Центра документации Анастасия Катаева выслушала мою историю, внимательно посмотрела все документы, помогла разобраться в непонятных мне бюрократических клише и выдала образец запросов в архивы. Но главное, я узнала, куда мне следует обращаться: для получения уголовного дела — в архив УФСБ по Приморскому краю, за личным делом заключенного — в УФСИН России по Хабаровскому краю и ИЦ УМВД по Приморскому краю. Мне стала ясна логика, где искать.

Я побывала и в Российской государственной библиотеке. В зале периодики безуспешно перерыла все харбинские газеты в надежде увидеть хоть какое-то упоминание о родных, зато в отделе картографии я все-таки нашла карту, где был обозначен маленький приграничный город Мохэ³, в который попал дед, перейдя границу. В эмигрантском деле указано, что дед отбывал наказание в Дальлаге, в Никольск-Уссурийском, и я захотела посмотреть, где он располагался. Я поинтересовалась у сотрудников библиотеки,

² Государственный архив Хабаровского края, ф. Р-830, оп. 3, д. 54430. Эмигрантское дело Петра Ивановича Шкуратова: прошение о выдаче документов, удостоверяющих личность; анкеты БРЭМ (биографические сведения) с фотографией; заявление о постановке на учет в БРЭМ; повестка в канцелярию БРЭМ; справка по личному эмигрантскому делу.

³ Мохэ — городской уезд округа Да-Хинган-Лин провинции Хэйлуцзян (КНР). Северная граница уезда проходит по реке Амур и составляет 242 км. Граничит с Забайкальским краем и Амурской областью.

есть ли у них карта ГУЛАГа, и была поражена тем, что такой карты у них не оказалось. Хорошо, что она теперь есть в Музее истории ГУЛАГа. Мне было непросто работать и ориентироваться в фондах библиотеки. Несмотря на то, что многие каталоги представлены в цифровом виде, поиск по ним был для меня настоящим препятствием. Я привыкла к фонетической раскладке клавиатуры, поэтому набирала слова очень долго и результатов было немного. Меня удивило, что в библиотеку нельзя попасть без читательского билета, пронести в залы свои личные вещи, брать книги с полок. В США я могу не просто свободно зайти в любую библиотеку, но и взять книги домой.

Откровенно говоря, я опасалась обращаться в ФСБ. Мой сын хотел учиться в России, и я сомневалась, не повредит ли ему моя переписка с ФСБ — вдруг из-за этого ему не дадут визу? Но 7 августа 2019 года я все же написала запрос в УФСБ по Приморскому краю с просьбой предоставить мне копии документов уголовного дела моего деда. Ответа не было, и я послала еще несколько обращений. Оказалось, что электронная почта из Америки попадала в УФСБ в папку «Спам». Но это недоразумение разрешилось, и 1 сентября 2020 года из Владивостока я получила копии 13 листов из архивного уголовного дела в отношении П. И. Шкуратова⁴. Фотографий, личных документов, вещей, переписки к материалам приобщено не было. К сожалению, самая интересная часть документов — протоколы допросов, анкета, характеристика — написаны крайне неразборчивым почерком. Мне снова предстоит кропотливая работа по расшифровке и переводу. Но я доведу это дело до конца, чтобы узнать всю историю в подробностях, проверю, какие факты пересекаются, а какие разнятся в эмигрантском и уголовном делах, чтобы в итоге получилась максимально правдивая биография Петр Ивановича. Я доведу это дело до конца еще и потому, что мой сын интересуется историей деда и темой ГУЛАГа. А если говорить не в масштабе нашей семьи, а всей страны, то о ГУЛАГе нужно знать всем, о нем нельзя молчать, чтобы кошмар, через который прошел народ, больше никогда не повторился.

4 УФСБ России по Приморскому краю, д. ПУ-9461. Архивное уголовное дело в отношении Шкуратова П. И. на 13 л.: анкета арестованного, постановление о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения, протоколы допросов, характеристика,

обвинительное заключение, выписка из протокола заседания судебной тройки, заключение прокуратуры Приморского края, справка ПП ОГПУ ДВК о реабилитации.

ВЕРИЛАВ: И. И. ОДТО ОДПУ
ст. Ник-Усс.
(ТЕРЕНТЬЕВ)

Мива *УУ*
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О предъявлен. обвинения и избран. меры пресечен.

Гр. Николайск-Уссурийск.
1933 года Октября 9 дни. Я. Уполномочен. ОО ОДТО ОДПУ
ст. Ник-Усс. АНДРЕЕВ Ф. - рассмотрев следственный материал
по делу № 795 и принимая во внимание, что гр. ШКУРАТОВ
Петр Иванович, достаточно изобличается в том, что работа
на транспорте систематически проводил и/р. агитацию вместе
с кулаками - ВОЛЬСКИМ, ПАЩЕНКО и др.

5 сентября ШКУРАТОВ говорил: "Разве сейчас порядок,
я бы за этот порядок при Балмыкове ни одному бы коммунисту нагай-
пикуру согрел".

29 августа 1933 года ШКУРАТОВ идя с военных занятий
с рабочими ст. Лазо: РАЗУМНЫМ Михаилом, ЮНОВАЛО ВМ Григорием,
ИВАНЧЕНКО Михаилом, ТИЩЕНКО Архипом - среди которых говорил:
"Осталось нашим коммунистам царствовать лишь только один
месяц, же появились японские вероопланы, японские войска
под Окою. Они дадут нашей доблестной красной армии, что и
идеться некуда будет".

Руководит зурь ст. 128, 129 и 143 УПК.

ПОСТАНОВИЛ:

Гр-на ШКУРАТОВА Петра Ивановича признать в качестве
обвиняемого по ст. 58/11 и 58/10 УК.
Мерой пресечения избрать содержание под стражей
в ар. помещении ОДТО ОДПУ ст. Ник-Усс.

Уполномочен. ОО -

Андреев (Андреев)
Садельников (Садельников)

ОТПАСЕН: Ои-р Уполноч. ОО

настолюве по становление мке об" явлено 10/Х-33 года.

ИДНИОБ: *Шкуратов*

Протокол допроса 50

Сар. Николаев Засур

1933 года Октябрь, 10-го числа в Умриновском
со. село отны от Николаев - Засур Николаевич
Глебов допросил в качестве свидетеля
Который: Скажи:

Михайлов Петр Степанович

1901 г. 9 января происшедшим из
Крестовых Кудрявцевых предписано
взвешивать. Прислал сам Михайлов
Кудрявцов Р-н. АЗК. по адресу: м.ч.
приехал - у-4 СССР отработав -

Улице Бестертинской по адресу
Голубовича Магичко Котычкова
от Уезд - работан от Ново-Камед

Улицы Швейцарской Колонново Гольд
Камед Коровя, м.ч.

Адреса на 4-й улице м.ч. от
от Уезд Колонново 64-го

По судам и сведениям своим
в 1929 за первую награжден
за судам приговорен в штраф
70 рублей.

В Краевом Арми. Ву. н. с 1922. по 1924
в М. Колонново Кудря в М. Колонново
Р. Колонново Краев. Арми. Ву. н. с 1922. по 1924

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

89

Судебной ПП ОГПУ ДВК от 23 - октября 1933 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Дело № 795/978/4278 ОДГО
Никольск-Уссурийск по
г.р. ШКУРАТОВА Петра Ивано-
вича 1901 г.р. Кубанской обл.
раннее того же р-на, русско
рабочего по ст. 58-10-11-13
РСФСР.

ШКУРАТОВА Петра Ивановича
заключить в концлагерь
сроком на ПЯТЬ лет, счита
срок с 8/Х-33 года.
Дело сдать в архив.

Выписка верна: Упол. УСО ПП ОГПУ

(Грязнов)

№ 54430

БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

в Маньчжурской Империи.

Фамилия, Имя, Отчество Шкуратов
Петр Иванович

№ паспорта ВРМ

№ 3882

I. Общие сведения.

1. Время и место рождения 11-1896 г. Зурганская волость, Чирчик, станица Православная
2. Образование Православный
3. Подданство и национальность Эмигрант - русский
4. Общие сведения о семье:
  - супруга нет
  - дети нет

Почему выехали из России и в какую страну выехали

5. Настоящая профессия и специальность Б. фельдшерским - кондуктор
6. Место настоящей службы Ст. Омский
7. Полученный вами заработок или заработки (зарплата) 180 руб. в мес.
8. Текущий адрес Ст. Омский, бр. № 11
9. Когда и откуда прибыл в Маньчжурю 11-1936 г. из МОР - Владивосток
10. Семейное положение (женат, холост и кто состоит на иждивении) одинокий
11. Знание иностранных языков (какой и в какой степени) нет
12. Наличие ли каких-либо изумлений нет
13. Выходит ли труд или солдаты (запрещено) нет

2X1919
1805

Заявка обязательная

Харбин, 12 мая 1942 г.

М. г.

По распоряжению Начальника Отдела, прошу Вас по-
жаловать в Канцелярию Отдела (Большой проспект №16) 11.2 г.

16 мая 1942 г. Заявка обязательная

по известному Вас делу.

При явке необходимо представить настоящую повестку.

Начальник Отдела Шкуратов

ПЕТР ИВАНОВИЧ ШКУРАТОВ

Мой дед родился в станице Урупская Армавирского уезда Кубанской области 8 января 1901 года⁵ в крестьянской семье Ивана Ивановича и Марии Кирилловны Шкуратовых. Вскоре семья переехала на Дальний Восток, в поселок Красноярский Донского станичного округа Уссурийского края⁶. В 1910 году дед поступил в школу, а по ее окончании помогал отцу вести крестьянское хозяйство, в частности, трудился на сенокосе. Это подтверждается анкетой арестованного и протоколом допроса из уголовного дела — в 1917—1927 годах он «неоднократно переходил границу — косил сено и привозил его домой»⁷. В 1918 году дед устроился на Уссурийскую линию железной дороги и работал там вплоть до своего ареста в 1933 году, с двухлетним перерывом на службу в Красной армии (с 1922 по 1924 год). Он был и ремонтным рабочим, и путевым сторожем, и кондуктором⁸.

Петр Иванович Шкуратов

Петр
Иванович
Шкуратов,
1930-е гг.

29 августа 1933 года дед возвращался с военных занятий вместе с рабочими станции Лазо Михаилом Разумным, Григорием Коноваловым, Михаилом Иванченко и Архипом Ткаченко. Как написано в постановлении о предъявленном обвинении, он произнес фразу, которая стоила ему свободы: «Осталось нашим коммунистам царствовать лишь только один месяц, уже появились японские аэропланы, японские войска

5 Датой рождения П. И. Шкуратова в уголовном деле указано 8 января 1901 года (УФСБ России по Приморскому краю. Материалы архивного уголовного дела ПУ-9461), в эмигрантском — 7 января 1902 года, (Государственный архив Хабаровского края, ф. Р-830, оп. 3, д. 54430).

6 Возможно, это связано с массовым переселением казаков из европейской части страны

на Дальний Восток (в конце XIX — начале XX в.) для охраны строящегося уссурийского участка Транссибирской железнодорожной магистрали.

7 УФСБ России по Приморскому краю, д. ПУ-9461, л. 48 об., л. 50.

8 Государственный архив Хабаровского края, ф. Р-830, оп. 3, д. 54430.

под боком, они дадут нашей доблестной Красной армии, что и деваться некуда будет»⁹. 8 октября 1933 года его задержали сотрудники ОГПУ и обвинили в том, что, «работая на транспорте, он систематически проводил контрреволюционную агитацию вместе со своими приятелями Вольским, Пащенко и другими»¹⁰. Деда заключили под стражу на станции Никольск-Уссурийский. Из протоколов допросов видно, что следователя особенно интересовало наличие у Петра Ивановича контактов с белогвардейцами и его связи с заграницей. Но дед все отрицал, «в предъявляемых обвинениях виновным себя не признал, никакой контрреволюционной агитации и контрреволюционных разговоров не вел»¹¹. Судебная тройка ПП ОГПУ ДВК осудила Петра Ивановича Шкуратова по трем пунктам — 10, 11, 13 ст. 58 УК РСФСР¹² и постановила заключить его в концлагерь сроком на пять лет. Он отбывал наказание в Дальлаге в районе Никольск-Уссурийского¹³. 28 апреля 1934 года ему удалось бежать. Доподлинно неизвестно, как это произошло, но дед отмечал, что охрана в Дальлаге была слабой, он воспользовался этим и, украв кое-какую одежду, скрылся. По железной дороге приехал к своей сестре и следующие одиннадцать месяцев жил и работал в Амурской области по документам ее покойного мужа Александра Александровича Витта. Но так как оставаться дальше было небезопасно, он решил покинуть страну. 27 марта 1935 года Петр Иванович перешел по льду реку Амур и добрался до города Мохэ в Маньчжурии. Оттуда его отправили в город Сахалян, и уже 1 мая 1935 года дед устроился на работу на японские прииски неподалеку от Сахаляна. В июле-августе Петр Иванович зарегистрировался в бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) и подал прошение о выдаче ему документов, удостоверяющих личность. Согласно материалам эмигрантского дела, дед постоянно работал: на сенокосе, наемным работником в частном хозяйстве, рабочим на заводе¹⁴. В октябре 1938 года он переехал в Харбин — знаковый город для русской эмиграции, — где встретил Александру Кузьминичну Петрову, мою бабушку, и в 1939 году у них родился сын Илья, мой папа. Они жили в Харбине в Корпусном городке¹⁵ на улице Донской в доме №8 «в комнате с кухней»¹⁶. Семья уехала из Китая в 1945 году — сначала в Бразилию, а в 1960-х годах — в Соединенные Штаты Америки.

Петр Иванович Шкуратов был реабилитирован Прокуратурой Приморского края 18 декабря 1989 года. В документе из Прокуратуры сказано, что проведенной проверкой установить его родственников не представилось возможным и данные об их местонахождении отсутствуют¹⁷. Таким образом, дед так и не узнал, что реабилитирован. Он умер в 1991 году.

9 УФСБ России по Приморскому краю, д. ПУ-9461, л. 3.
10 Там же.
11 УФСБ России по Приморскому краю, д. ПУ-9461: протоколы допросов от 9—10 октября 1933 г.
12 Ст. 58 п. 10 — антисоветская агитация и пропаганда; с. 58 п. 11 — организационная контрреволюционная деятельность; с. 58 п. 13 — активные действия или борьба против рабочего класса и революционного движения.
13 Подтверждается ответом из УФСИН России по Хабаровскому краю. Первоначально лагерь именовался «Концентрационный лагерь полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю», с февраля 1930 г. — «Лагерь особого назначения ОГПУ

по Дальневосточному краю», в середине 1930 г. получил официальное наименование «Дальневосточный ИТЛ», но в историю этот лагерь вошел именно как Дальлаг.
14 Государственный архив Хабаровского края, ф. Р-830, д. 54430, оп. 3, л. 6, л. 6 об., л. 13.
15 Корпусной городок возник еще в период Русско-японской войны 1904—1905 гг. Для расквартирования прибывающих корпусов российской армии были сооружены полуземлянки и бараки. В память об этом городок получил название Корпусной.
16 Государственный архив Хабаровского края, ф. Р-830, д. 54430, оп. 3, л. 4.
17 УФСБ России по Приморскому краю, д. ПУ-9461, л. 12.

1

На верхней альбомной фотографии (в центре) Петр Иванович Шкуратов — крайний справа, рядом с ним его жена Александра. 1930-е гг.

2

Петр Иванович Шкуратов, в центре. Начало XX в.

3

4

Наталья Тернер, рисунок. Ленинград, 1989 г. На нижней альбомной фотографии (в центре) Петр Иванович Шкуратов крайний слева. Начало XX в.

Наталья Тернер

Петр Иванович Шкуратов

история пятая

ЕВГЕНИЯ
МАРТИНKOBA
АНДРЕЙ
НОВИЦКИЙ
ДМИТРИЙ
НОВИЦКИЙ

ПОИСК РЕПРЕССИРОВАННЫХ РОДСТВЕННИКОВ —
ДВУХ БРАТЬЕВ, ПРИГОВОРЕННЫХ К РАССТРЕЛУ
В 1937 ГОДУ

Небольшая экскурсия на трамвае от станции метро «Белорусская» до Каланчевской улицы. Евгений Мартинова пытается попасть в бывший Запасный дворец, где родился Дмитрий, один из репрессированных

братьев ее бабушки. Позже там расположился Наркомат путей сообщения, в котором работал отец репрессированных братьев, Стефан Антонович Новицкий.

Евгения Мартинкова

Андрей и Дмитрий Новицкие

история шестая

ЕВГЕНИЯ МАРТИНКОВА

О репрессированных андрее и дмитрии я знала лишь то, что помнила из бабушкиных рассказов

Евгения
Мартинкова,
психолог,
Москва

О том, что у нас были репрессированные родственники, я знала всегда. Моя бабушка Анна Стефановна Новицкая и другие родные из Новосибирска часто упоминали в разговорах ее репрессированных братьев Андрея и Дмитрия. Может быть, для меня это знание было в то время не очень важно, но оно составляло какую-то «соль жизни» нашей семьи. Кроме того, моя бабушка во времена перестройки, когда открылся доступ к архивам¹ и появилась возможность что-то узнавать о советском прошлом, обращалась с запросами в органы госбезопасности, вела с архивами переписку по поводу своих братьев. По ее запросам были пересмотрены дела в отношении Андрея и Дмитрия. В 1992—1993 годах она получила выписки из архивных материалов Управления Министерства безопасности по Новосибирской области и справки о реабилитации. Вместе с документами в конверте пришла фотография Дмитрия, сделанная в местах лишения свободы. Моя бабушка была среди тех людей, кто внес свой вклад в работу новосибирского «Мемориала»² в первые годы его деятельности. Его сотрудники составляли картотеку репрессированных в Новосибирском регионе. Анна Стефановна участвовала в закладке памятника жертвам репрессий³. Для меня пороговым стало переживание, когда она, перебирая карточки репрессированных, получила insult — это случилось у меня на глазах. Я видела, насколько для нее была трудна эта тема

¹ Ознакомить со следственными делами можно было начиная с 1992 г. 29 апреля 1992 г. Коллегия по делам архивов при правительстве РФ приняла временное положение «О порядке доступа к архивным документам и правилах их использования»: государственные архивы становились общедоступными. Был введен 30-летний срок давности для секретных документов и 75-летний срок для документов, касающихся прав личности. Следующим шагом к открытию архивной информации стал Указ Президента РФ от 23 июня 1992 г. «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права

человека». Под рассекречивание попали все документы с 1917 по 1991 г., независимо от срока их давности. Указ не выполнен до конца и по сей день.

² Новосибирский филиал общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»» существует с 1989 г.

³ 30 октября 1994 г. на месте Искитимского отделения Сибирского ИТЛ был заложен камень, взятый с Искитимского рудника, на котором работали заключенные. В 2003 г. он был установлен в Нарымском сквере Новосибирска в центре мемориальной композиции памятника жертвам политических репрессий.

и эта работа. Бабушка снова и снова погружалась в тягостные воспоминания о семейной трагедии. После этого случая сама я активных действий не предпринимала, но понимала, что продолжать поиски сведений о бабушкиных братьях необходимо.

О семье и репрессированных Андрее и Дмитриии я знала лишь то, что помнила из бабушкиных рассказов⁴. Дедушка братьев, белорус Антон Лаврентьевич Новицкий, родился в Минской губернии, окончил Топографическое училище в Санкт-Петербурге, затем работал военным топографом. Он участвовал во многих военных кампаниях Российской империи, по службе переводился то на Урал, то на Север, то в Сибирь. В звании полковника заведовал топографическим складом в Омске.

Отец братьев Стефан (Степан) Антонович родился в Польше, получил прекрасное образование в Варшавской гимназии⁵, знал тринадцать языков и даже играл на виолончели. Он окончил Петербургский институт инженеров железнодорожного транспорта⁶, после обучения сначала работал в Польше, в 1920-е годы — на Урале, затем в Восточном Казахстане. Семье приходилось часто переезжать и обустраиваться на новом месте. В разных городах рождались дети. Сохранилась маленькая книжечка жены, Анны Антоновны, в которую она любовно записывала данные о рождении и крещении каждого своего ребенка. В польском Бельске в 1912 году на свет появился Андрей. Во время Первой мировой войны Стефан Антонович принял участие в обороне Осовца⁷, после чего его перевели на службу в Москву. Здесь он с 1915 года в должности Товарища Министра путей сообщения занимался вопросами ликвидации дел Привислинских железных дорог⁸. Тогда Новицкие жили в Запасном дворце⁹. Там и родился Дмитрий. Когда семья переезжала, для них выделяли специальный вагон в поезде — у Стефана Антоновича и Анны Антоновны было восемь детей. На всю семью в пути выдавали ведро каши или картошки. Об этих путешествиях в детстве у бабушки остались самые теплые воспоминания.

К 1930-м годам Стефан Антонович перевез всех в Новосибирск. Жили в казенном общежитии — стандартном шлакобетонном доме Дирекции Томских железных дорог, на Ленинградской улице. Братья выросли и учились: Андрей — в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта¹⁰, Дмитрий — в Институте Народного Хозяйства¹¹, бывшем Плановом институте.

4 История о братьях Новицких, написанная со слов бабушки, опубликована в сборнике рассказов о репрессированных священнослужителях: Панфилов С. «И свет во тьме светит...», Новосибирск, изд-во «Русич-М», 1999.

5 4-я мужская гимназия в Варшаве (Польша). В семейном архиве рассказы сохранился дневник Стефана Антоновича за 4-й класс данной гимназии, свидетельство о ее окончании, а также несколько групповых фотографий его класса.

6 Университет создан на основании манифеста Императора Александра I в 1809 г. под наименованием «Институт Корпуса инженеров водяных и сухопутных сообщений». В 1890—1917 г. — Институт инженеров путей сообщения Императора Александра I. В настоящее время (в результате преобразований) правопреемником Института инженеров путей сообщения Российской империи является Петербургский государственный университет путей сообщения.

7 Осовец — российская опорная крепость, ныне на территории Польши, в 50 км от г. Белостока. Во время Первой мировой войны была осаждена немецкими войсками. Русский гарнизон держал оборону в течение полугодия, несмотря на превосходящие силы противника и химическую атаку.

8 Привислинские железные дороги учреждены в Российской империи в 1973 г., а образованы в 1898 г. при объединении нескольких линий, проходящих по территории нынешних Польши и Белоруссии. В 1918 г. вышли из-под юрисдикции Российской империи и отошли Польше.

9 Здание, расположенное в Москве на пересечении Новой Басманной и Садовой-Черногрязкой улиц. Было построено в 1753—1759 гг. для размещения Главной Дворцовой канцелярии и продовольственных складов, поэтому получило название «Запасный дворец». В 1919-м строение перешло в ведомство Наркомата путей сообщения. С 2004 г. здесь располагается офис ОАО «РЖД».

10 Создан в 1932 г. на базе Сибирского института инженеров транспорта. В 1934 г. был преобразован в Новосибирский институт военных инженеров транспорта (НИВИТ).

11 Сибирский институт народного хозяйства (СИНХ) открылся в 1929 г. в Новосибирске. В 1931 г. — Сибирский плановый институт, с 1935 г. — Урало-Сибирский институт народного хозяйства. Закрыт в конце 1930-х гг. Созданный в 1967 г. Новосибирский институт народного хозяйства по праву считает себя преемником СИНХа.

Одновременно с учебой с 1933 года братья исполняли обязанности иподиаконов¹² при епископах Турухановской церкви¹³ Новосибирска. Младший, Дмитрий, по воспоминаниям бабушки, хотел принять монашеский постриг, но его отговорил местный владыка, митрополит Никифор, сказав, что это не его путь. Ему была уготовлена другая судьба.

Одному из братьев было поручено заниматься со студентом, неуспевающим по многим дисциплинам. Бабушка рассказывала, что этот студент отличался нахальным поведением: приходил без приглашения, не снимал шапки в квартире, открывал шкафы, заглядывал во все углы. Потом оказалось, что это все делается целенаправленно, а студент был профессиональным соглада-таем и провокатором. Очевидно, он был не один — в архивном деле я встретила много неизвестных мне фамилий свидетелей. В Интернете прочитала, что такие люди специально засылались для того, чтобы спровоцировать ситуацию ареста. Стефан Антонович потом выгнал этого студента из дома.

В 1935 году Андрей учился на 2-м курсе института, Дмитрий — на третьем. Братьев арестовали в институтах в один день, 2 декабря, привезли домой. Дома их встретила мать, Анна Антоновна. Ей же пришлось в качестве свидетеля подписывать протокол обыска. Я не помню, чтобы бабушка рассказывала о том, как проходил сам арест. Ей тогда было всего 18 лет. Думаю, что все последующие события, которые она пережила, сделали воспоминание об этом эпизоде не настолько острым. Сильнее запечатлелось в памяти расставание с Андреем и Дмитрием, когда сотрудники НКВД уводили их из дома. Потом с Анной Антоновной они носили передачи и ходили к братьям на свидания в Новосибирскую тюрьму № 1¹⁴ на Коммунистической улице, где те содержались, пока шло следствие.

Андрей и Дмитрий обвинялись в том, что они «входили в состав контрреволюционной группы, распространяли террористические настроения и пропагандировали террор как метод борьбы с Соввластью, а также вели антисоветскую агитацию среди студентов» институтов, в которых они обучались¹⁵. Дело было построено так, якобы в управление НКВД по Западно-Сибирскому краю¹⁶ в ноябре 1935 года поступило заявление от некоего гражданина о контрреволюционной деятельности братьев. Этим гражданином и оказался тот самый студент, что бывал у Новицких, фамилия у него была «говорящая» — Мутин. Отреагировав на заявление, сотрудники НКВД провели расследование. Они выяснили, будто братья с сообщниками — такими же служителями-иподиаконами и тоже родными братьями, Леуткины-ми, — встречались в Турухановской церкви и, «принимая участие в совершении религиозных обрядов, обсуждали мероприятия советской власти в антисоветском духе, при этом достигали общности контрреволюционных взглядов»¹⁷. Братьям вменялось в вину то, что они поддерживали планы преступного «сбори-

12 Иподиакон — церковнослужитель в Православной церкви, служащий главным образом при архиерее во время его священнодействий, нося перед ним в указанных случаях трикирий, дикирий и рипиды, подстилая орлец, омывая ему руки; помощник диакона. В современной Церкви иподиакон не имеет священной степени, хотя облачается в стихарь. Иподиакон является промежуточным звеном между церковнослужителями и священнослужителями.

13 Вознесенский кафедральный собор, ранее — церковь в честь Вознесения Господня (в народе — Турухановская) на Турухановской площади г. Новониколаевска (ныне — Новосибирска).

14 Внутренняя тюрьма УНКВД по Западно-Сибирскому краю находилась на ул. Коммунистическая, д. 49. Сейчас в этом здании располагается УФСБ России по Новосибирской области.

15 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, л. 183: обвинительное заключение от 15 марта 1936 г.

16 Западно-Сибирский край — административно-территориальная единица РСФСР с 1930 по 1937 г. с центром в г. Новосибирске.

17 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, л. 180: обвинительное заключение от 15 марта 1936 г.

ща» в совершении терактов против руководящих работников органов власти. Дмитрия подозревали еще в шпионаже и антисоветской агитации. Уже летом 1936 года он был осужден, приговорен к лишению свободы на 5 лет и отправлен через Томский распределитель¹⁸ в Юргу¹⁹, где располагалось отделение Сибирского лагеря НКВД.

Осенью 1936 года в краевой прокуратуре состоялся суд над Андреем Новицким и другими фигурантами дела. Бабушка рассказывала, что на суде брата защищали два представителя общественности — преподаватели из института. В семейном архиве сохранился черновик — сложенные вчетверо бумажные листочки, исписанные мелким почерком Андрея, — с опровержением предъявленных ему обвинений — видимо, он серьезно готовился к тому, чтобы оправдать себя. Каждому пункту обвинения Андрей противопоставил факты, вспоминая встречи и разговоры в мельчайших подробностях.

Дело отправили на доследование. Нам было известно, что через два месяца после суда Андрей был отпущен из-под стражи. Уцелело удостоверение от 23 января 1937 года, выданное Новицкому Андрею в том, что он освобождается из новосибирского изолятора²⁰ под поручительство двух лиц, кого точно — мы не знаем. В семье есть фотография, датированная январем 1937 года, на которой изображен вернувшийся из тюрьмы Андрей рядом с отцом — Стефаном Антоновичем. Предполагали ли они, что это их последний совместный снимок? Освободившись, Андрей подал заявление о восстановлении в институте. Получив отказ, устроился работать чертежником-конструктором в Западнo-Сибирское представительство Всесоюзного электротехнического объединения (ВЭО).

Братья переписывались между собой и с матерью Анной Антоновной — сохранились их открытки и конверты с адресами. В посланиях они обращались друг к другу ласково, так, как привыкли делать это в семье: Батик (Андрей) и Митя (Дмитрий). «Батиком» Андрея называла самая младшая сестренка, Алла, не выговаривая «эр», а за ней слово подхватили и другие дети, и родители. Старшего брата очень любили в семье.

«Юргинский ОЛП Сиблага НКВД

21 июня 1937 г.

Дорогой Батик! Спешно посылаю тебе рецепт на синие очки, которые мне необходимы, т. к., очевидно, от усиленной работы у меня болят глаза при дневном и вообще при ярком свете. Расходы по приобретению очков % такие же как у меня всегда, т. е. большие %. Я возьму сейчас же. Будь добр, исполни мою просьбу и сейчас же вышли мне очки. Вчера написал Вам письмо. Нового пока нет. Целую Всех, а тебя особенно. Всегда твой любящий тебя брат Митя.

Ст. Юрга Том. ж. д. Юргинский совхоз. Финансовая часть.

Новицкий Дм. Ст.»²¹

Мой прадедушка Стефан Антонович в то время преподавал в Новосибирском институте военных инженеров транспорта²²

18
тюрьма.

Томская Центральная пересыльная
19
Пос. Юрга — районный центр Юргинского района Западнo-Сибирского края, с 1937 г. — Новосибирской области, ныне — Кемеровской области. Юргинский ОЛП Сиблага НКВД — отдельный лагерный пункт Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД (Сиблага), созданного в 1929 г.

20
Удостоверение № 6464-53, выданное Новицкому А. С. административной частью Новосибирской следственной пересыльной тюрьмы управления ИТЛ, ТП и МЗ УНКВД по ЗСК, 23 января 1937 г. Из архива Мартинковой Е. В.

21
Из личного архива Мартинковой Е. В.
22
Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС) — высшее учебное заведение в Новосибирске. Ранее называлось: Сибирская государственная академия путей сообщения, Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта (НИИЖТ), Новосибирский институт военных инженеров транспорта (НИВИТ), Новосибирский путеевско-строительный институт инженеров железнодорожного транспорта.

и после ареста сыновей был уволен. На него даже поступил донос. В бабушкином архиве найдено заявление, которое написал комендант домоуправления Томской железной дороги:

«Прошу Вас срочно выселить этого человека у меня в доме, по ул. Ленинградская, дом №5 кв. 15, живет инженер института транспорта военных инженеров тов. Новицкий С. А., к какому я заходил и у этого самого инженера ежедневно горит лампада перед иконами. Последний раз я был у него 29/XI-36, где нарочно сосчитал. Вот этот самый Новицкий имеет икон различных 12 штук. На его кровати на спинке привязан большой металлический крест и в головах лежит евангелия с металлической оправой. Над входными дверями на гвозде висит 9 шт. старых собранных разных пауков. И все эти волшебные и религиозные замыслы преподобного инженера наводят на ужасные недоумения, в каком духе он воспитывает новых инженеров коль он сам на сей день недопонимает...»²³

2 декабря 1936 года это заявление с резолюцией «проверить, выявить изложенные факты и представить со своим заключением» поступило парткому и дирекции транспортного института, в котором преподавал Стефан Антонович. Бумаги легли в его личное дело, и в скором времени он был смещен с должности преподавателя. Почему его не арестовали — неясно. Может быть, просто не успели. После увольнения он устроился работать в аптеку, где стал провизором благодаря знанию латыни. У нас дома до сих пор хранятся его аптекарские весы с гирьками, которыми отмеривались лекарственные препараты. Я поместила их дома под иконой, для того чтобы они висели и напоминали: во всем нужно искать золотую середину.

Стефана Антоновича не тронули и после того, как в сентябре 1937 года повторно арестовали Андрея и следы его затерялись. Анна Антонова обратилась в управление НКВД за сведениями о судьбе сына. В канцелярии ей сообщили, что Новицкий А. С. приговорен к 10 годам лишения свободы без права переписки и передач²⁴. Известие об аресте брата очередным письмом отправили Дмитрию в Юргу. В ответ он выслал 25 рублей и открытку:

«22/IX/37 г.

Дорогие Вы мои! Посылаю деньги специально для Батика, чтобы он помнил меня, не падал духом. Не падайте духом и вы. Все будет хорошо. Я жив и здоров. Целую Вас всех крепко, крепко, особенно Батика милого. Ваш сын и брат Митя».

На штампе стояли даты: Юрга 05.10.1937, Новосибирск 08.10.1937.

Родные не могли узнать, что случилось, но догадывались, что, скорее всего, Андрея расстреляли. От Мити вдруг перестали приходиться письма. Отец поехал в Юргинский лагерь к сыну, и оказалось, что Дмитрий был этапирован в Новосибирск и тоже бесследно пропал.

Стефан Антонович от испытанных потрясений вскоре получил инфаркт и скончался. В следственных документах в анкете Андрея указано, что отец и сам подвергался аресту в 1930 году, правда, через день был освобожден. А ведь когда-то он, по расска-

²³
²⁴

Из личного архива Мартинковой Е. В. «Десять лет без права переписки» — стандартная формулировка приговора, который устно сообщали родственникам репрессированного. «Согласно существовавшему порядку, при выдаче справок о лицах, осужденных к высшей мере наказания (расстрелу) тройками НКВД-УНКВД, Военной колле-

гией Верховного суда СССР, <...> указывается, что эти лица осуждены к лишению свободы на 10 лет с конфискацией имущества и для отбытия наказания отправлены в лагерь с особым режимом, с лишением права переписки и передач» — из докладной записки нач. спецотдела НКВД полковника М. В. Кузнецова Л. П. Берию, сентябрь 1945 г.

зам бабушки, приветствовал революционные лозунги, размахивая шапкой на демонстрациях в первые годы советской власти.

Прабабушка Анна Антоновна умерла от рака в 1956 году, так и не узнав правды о судьбе своих сыновей, не дождавшись их реабилитации. Только в начале 1990-х годов в справках из Министерства безопасности Новосибирской области бабушка прочитала, что оба ее брата 15 сентября 1937 года были осуждены и приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Дата расстрела указана одна и та же: 19 сентября.

У нас есть родственница, она уже 20 лет занимается восстановлением семейного архива, работает над созданием родословной книги. Это моя тетя Марина Юрьевна Новицкая, дочь Юрия Стефановича, самого младшего из братьев. За ее работой я больше наблюдала со стороны, хотя мы иногда обсуждали, какую главу в книге писать следующей и о ком. Когда говорили о репрессированных братьях, то упирались в вопросы: возможно ли что-то о них узнать? Куда нужно для этого обратиться?

А десять лет назад я начала ездить с сыном на Соловецкие острова²⁵ — просто из желания побывать на Севере. Детская мечта. Теперь каждое лето я работаю там администратором в Морском музее²⁶. Сын сначала помогал на верфи музея, выполняя подсобные работы, а потом стал водить экскурсии. На Соловках я познакомилась с Олесей Сириченко, экскурсоводом Соловецкого музея²⁷. Позже мы стали работать вместе. В 2019 году Олеся мне рассказала, что в архивах можно запросить копии следственных дел репрессированных, а в московском Музее истории ГУЛАГа есть Центр документации, где консультируют, как это сделать.

В августе того же года мы встретились в Москве и вместе посетили музей. Я рассказала все, что знала о братьях Новицких, показала документы из семейного архива, а Елена из Центра документации дала мне подробные рекомендации по поиску. Прежде всего, я должна была отправить запрос в Управление ФСБ по Новосибирской области — там на постоянном хранении находятся архивные уголовные дела обоих братьев. Второй запрос — в Информационный центр МВД по Новосибирской области, по месту отбывания наказания брата Дмитрия.

Как известно, архивы просят выслать документы, подтверждающие родство, — с этим возникли сложности. Бабушкины братья умерли неженатыми, и прямых наследников у них не осталось. Для того чтобы доказать родственную связь с ними, я должна была выстроить всю родственную цепочку через маму, бабушку и ее родителей. Получалось, что у нас не хватает одного документа: девичья фамилия моей мамы — Никифорова, а когда она уже училась, получала документы на Новицкую, и справка о перемене фамилии была утеряна. Сотрудники Центра документации посоветовали сделать запросы через другого родственника, чью родственную связь с репрессированным можно доказать документально.

25 Соловецкие острова — архипелаг в Белом море на входе в Онежскую губу. Соловецкие острова состоят из шести крупных островов. Главной достопримечательностью и духовным центром островов является Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь. В 1918 г. на Соловках впервые появились отряды красной гвардейцев, произошла конфискация части продовольственных запасов монастыря. В 1920 г. состоялась прибытие на Соловки комиссии М. С. Кедрова, Соловецкий монастырь был ликвидирован, а его руководство сослано. С 1923 г. на территории монастыря располагался один из первых лагерей для политических и уголовных заключенных — Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). В 1937 г. он был реорганизован в тюрьму. В 1939 г.

произошла ликвидация тюрьмы на Соловках, архипелаг был передан Северному флоту, в 1974 г. создан Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник.

26 Соловецкий морской музей — проект некоммерческой общественной организации «Товарищество Северного Мореходства». Музей размещен в огромном амбаре, предназначенном для гребных морских судов, возведенном еще в 1841 г. Экспозиции музея посвящены мореходству и технологиям судостроения.

27 Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник (СГИАПМЗ). С конца 2018 года Олеся Сириченко также работает в Музее истории ГУЛАГа.

И мы были уже на это готовы. Но все сложилось удивительным образом. В тот же день, когда я пришла домой, мама обнаружила у себя эту справку, теперь я могла отправлять запросы. Чудесная находка нас спасла.

По регламенту архив должен был ответить в течение месяца. Первые черно-белые бумажные копии следственных дел я ждала недолго — их прислали в конверте уже в начале декабря 2019 года. Предварительно мне сообщили, что в запрашиваемых материалах большой массив документов. Я не представляла, что это значит, поэтому попросила прислать копии наиболее важных листов дел. Все получилось так легко и непринужденно, что я даже написала сотрудникам архива благодарность.

Когда я увидела черно-белые копии материалов следственных дел²⁸ бабушкиных братьев, я расчувствовалась. По правде говоря, когда я шла на почту, уже плакала. Может, это были не мои слезы, а слезы моей бабушки и тех родных, кто ушел на покой, так и не узнав о судьбе репрессированных Андрея и Дмитрия. После получения конверт еще долго лежал, в течение недели никто не решался его открыть. Мама отказывалась взглянуть на фотографию Дмитрия, которую прислали вместе с делом. Она была даже против обращения в архив. Для нее это было тяжело. Она все время повторяла: зачем это копать, это ничего не изменит, это нехорошо, они уже умерли и пусть им будет Царствие Небесное.

Я первая собралась с духом и прочитала документы. Остальные члены семьи поддержали меня и тоже вскоре ознакомились с материалами дел. И наступило какое-то облегчение... Потом и мама смогла. Сейчас мы с ней разговариваем о братьях, эта тема перестала быть закрытой, хоть и остается болезненной. Мой сын тоже активно участвует в поисках. Он был с нами в архиве УФСБ, изучает все, что мы находим, что-то подсказывает и объясняет. Для него это тоже определенный этап взросления, понимания жизни, осознания себя в истории семьи и даже в истории страны.

Еще до получения копий дел из архива управления ФСБ я предполагала, что арест бабушкиных братьев был связан с Союзом эсперантистов²⁹ и репрессиями против них. В нашем семейном архиве был обнаружен членский билет Союза эсперантистов № 18010 (место выдачи — Оренбург) на фамилию «Новицкий». Мне казалось, я прочитала об этом в обвинительном заключении. Но, как мы поняли из материалов дела, работа следствия строилась больше вокруг того факта, что дедушка братьев был полковником топографической разведки и хранителем топографических складов в городе Омске. Очевидно, предполагалось, что братья, как потомки царского полковника, обладают какими-то знаниями и заинтересованы в связях с заграничными разведками. Упоминаний о членстве братьев в Союзе эсперантистов я не обнаружила вовсе.

В протоколах допросов видно, что братьев подробно расспрашивали об их церковной деятельности и службе. Среди церковнослужителей, которые попали с ними в групповое дело,

28 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, т. 1. Копии архивного уголовного дела (материалов в отношении Новицкого А. С. и Новицкого Д. С.): постановления об избрании меры пресечения и предъявления обвинения; ордера на право обыска и ареста; протокол обыска Новицких Андрея и Дмитрия; анкеты арестованных; протоколы допросов; постановления о переквалификации преступления; акты медосвидетельствования о способности к физическому труду; обвинительное заключение; постановление о направлении дела на следствие и освобождении Новицкого Андрея; выписки из протокола заседания тройки УНКВД по Запсибкраю; выписка из акта о при-

ведении приговора в исполнение. Ф. 8, д. 9682, т. 1, 3. Копии архивного уголовного дела в отношении Новицкого Д. С.: постановление о предъявлении обвинения; протокол обыска; постановление о приобщении к делу вещдоков; протоколы допросов; обвинительное заключение; приговор Военного трибунала пограничной и внутренней охраны Запсибкрая; определение Военной коллегии Верховного суда; уведомление об этапировании подсудимого в Томский учраспределитель. 29 Союз эсперантистов советских республик (СЭСР) был основан в 1921 г. В 1937 г. члены этого Союза были подвергнуты репрессиям (так называемое «Дело эсперантистов»).

были и другие, такие же молодые, как и они. Двое фигурантов тоже состояли в Турухановском храме иподиаконами. В обвинении упоминается, что именно в храме происходила их «контрреволюционная деятельность» — якобы существовала ячейка, в которой они готовили покушения. В частности, им вменялось покушение на Роберта Эйхе³⁰, партийного деятеля и организатора репрессий в Сибири, который через некоторое время и сам тоже был репрессирован.

История осуждения Андрея и Мити оказалась для меня прозаичнее, чем я себе представляла. Может быть, мне хотелось видеть в братьях что-то более героическое. Когда я читала протоколы допросов, удивлялась тому, насколько по-разному они вели себя на следствии. Передо мной будто раскрылись характеры обоих братьев, ведь до того момента я видела только их неясные образы из бабушкиных историй. Я рассмотрела в Андрее прямого, честного, вдумчивого человека. В семье старший брат был любимцем, и для меня стало понятно, почему о нем всегда так тепло вспоминали, — он действительно был человеком высоких нравственных качеств. Когда я читала материалы допросов Дмитрия, то удивилась, почему и зачем он так подробно отвечает на вопросы следователя. Однако в какой-то момент я подумала, что не имею права его осуждать. Я поняла, что это совершенно другой человек. Когда следствие только началось, ему было всего 20 лет. Он верил в то, что если будет говорить правду, то будет лучше.

Старший брат, очевидно, был более опытным, лучше прогнозировал ситуацию. На допросы его вызывали три раза; виновным он признал себя частично и в основном отрицал то, что ему вменялось. Образы братьев стали объемными и живыми — у меня долго сохранялось впечатление, будто я получила возможность встретиться с очень родными, дорогими людьми. Ушел тот ореол мученичества, который делает человека безусловно положительным. Каждый вел себя достойно в силу своего понимания мира и людей.

После изучения документов я поняла, что информации недостаточно, получена лишь выжимка из дела. Все фамилии третьих лиц в копиях были забелены. В Музее истории ГУЛАГа я узнала, что более полно дела можно изучить лично в читальном зале архива. Стала планировать поездку, написала в архив Новосибирского УФСБ и попросила предоставить мне возможность ознакомиться с делами. Так как в Новосибирске я была проездом, то посмотреть архивные дела могла только в выходной день архива — но мне пошли навстречу, я получила доступ!

К назначенному времени я приехала с сыном и тетушкой в архив Новосибирского УФСБ. Семейная память очень крепкая, она работает почти на генетическом уровне. Когда мы шли в архив, меня охватил страх. Я подумала: боже мой, зачем же я веду туда сына; не надо было вообще говорить о том, что у меня есть дети, лучше бы я одна пошла, а вдруг сейчас собирают досье на всех потомков репрессированных?! Такие у меня были мысли... Когда мы зашли внутрь здания, стало легче, я увидела обычную рабочую суету. Я позвонила, и к нам вышла женщина-майор с веселыми глазами, доброжелательная и приветливая. Нам предоставили отдельный кабинет, в котором стояло три стула, принесли дела — три тома. Сотрудница архива сопровождала нас. Она все

30 Роберт Индрикович Эйхе (латыш) (1890—1940) — советский государственный и партийный деятель, революционер. Член ЦИК СССР. Принимал участие в репрессиях. Секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). Член тройки НКВД СССР

по Западно-Сибирскому краю. 29 апреля 1938 г. Эйхе был арестован и обвинен в создании «латышской фашистской организации». 2 февраля 1940 г. приговорен к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день.

время стояла, так как стульев на всех не хватило. Дело оказалось групповым, и страницы, которые касались других людей, были закрыты конвертами. Очень хотелось заглянуть в эти конверты. Майор ФСБ подробно отвечала на вопросы, давала комментарии, проявляя заинтересованность и деликатность. Я благодарна ей за это. Каждый из нас троих изучил один том, а потом мы обменялись. Через два часа наступило пресыщение, я поняла, что больше работать не могу. Мы и так получили много информации и не пожалели, что съездили в архив. Когда мы завершили чтение дел, сотрудница архива дала нам на подпись документ, в котором нас предупредили о том, что мы не должны использовать против других людей те сведения, которые получили из дел. Предполагаю, это соглашение гарантировало то, что человек не будет мстить, узнав других участников процесса, которые оказали влияние на ход следствия, доносили или сыграли трагическую роль в судьбе репрессированного родственника.

Конечно, надо еще не один раз приехать сюда и продолжить работу с материалами следственных дел. Так как в архиве нельзя было фотографировать заинтересовавшие нас страницы, мы оставили запрос на их копии. Их прислали по почте позже, совершенно бесплатно.

В Управлении ФСБ нам сообщили, что в описи изъятых при обыске братьев предметов упоминаются топографические карты в качестве вещественных доказательств. Я обратилась в ФСБ с просьбой вернуть их³¹. У нас дома сохранилось некоторое количество таких карт, в том числе времен Русско-турецкой кампании³² и Венгерского похода, было бы интересно дополнить коллекцию. В описи перечислены и другие личные вещи. Хотелось их увидеть, подержать в руках. В феврале 2020 года я отправила в УФСБ запрос на возврат конфискованных у Андрея и Дмитрия вещей. К сожалению, через месяц в ответе сообщили, что «паспорта, удостоверения и других личных вещей в отношении братьев в материалах дела не имеется».

Без ответа оставалась загадка трагической судьбы Дмитрия. 15 сентября Андрей и Дмитрий были приговорены к расстрелу. 19 сентября 1937 года Андрей был расстрелян в тюрьме — есть подтверждающий документ. Дмитрий в этот период отбывал наказание по другому делу в лагере в Юрге³³. В соответствии со справкой о реабилитации и с теми бумагами, которые находятся в следственном деле, получается, что Дмитрий тоже был расстрелян 19 сентября 1937 года без суда и без защиты. Однако, если верить нашему семейному архиву, открытки от него продолжали приходить в течение еще двух месяцев. Нам было совершенно очевидно, что на тот момент он был жив. Его письма были связаны друг с другом содержанием, они продолжают переписку, и это не открытки, которые задержались на почте. Дмитрий узнал о том, что арестован Андрей, постоянно в каждом письме спрашивал, почему брат молчит, что случилось.

31 По закону РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», ст. 16.1 «В случае смерти реабилитированных лиц возврат имущества, возмещение его стоимости или выплата денежных компенсаций производится их наследникам по закону первой очереди. <...> Заявления о возврате имущества, возмещении его стоимости или выплате денежных компенсаций должны быть поданы в течение трех лет после введения в действие настоящего Закона, а в случае более поздней реабилитации — в течение трех лет с момента получения документа о реабилитации».

32 Русско-турецкая война 1877—1878 г. — война между Российской империей и союзными ей балканскими государствами, с одной стороны, и Османской империей — с другой. Цель войны — свобода балканских государств от турецкого владычества.

33 Юргинский ОЛП Сиблага НКВД (Юргинский отдельный лагерный пункт Сибирского исправительно-трудового лагеря ОГПУ — НКВД) существовал в 1937 г.

«Дорогие мои Вы все милые папа, мама, Батик, Ася, Вадик, Юрик, Галка и Муля! Что у Вас? Подтверждается ли справка о высылке Батика или нет? <...> Если правда, то теперь будем ждать письма от Батика. Дела у меня по-прежнему. По случаю составления квартального отчета работаю очень много, по 10 часов, но все же остается время для чтения. Гулять не хожу, т. к. погода плохая и грязно. Получили ли вы 25 р., кот. я послал, как только узнал об аресте Батика? Как у Вас дела? Не устроился ли папа на службу? Уход Батика ухудшил Ваше финансовое положение и зарплаты своей Батик получить не смог? Надо хлопотать о выплате Батиновой зарплаты и выслать ее туда, где он будет находиться. Скоро “20-летие Окт. Р.” Надеюсь или не надеясь, но все-таки чего-то ждем. Пишите скорее, особенно о Батике. Целую всех крепко-крепко. Любящий Вас сын и брат Митя»³⁴.

Переписка закончилась 16 ноября, и никаких сведений от него больше не поступало. Когда его отец, Стефан Антонович, поехал в лагерь, ему сказали, что Дмитрий этапирован в неизвестном направлении. Что случилось с Дмитрием, нам еще предстояло выяснить. По совету Елены я запросила копию протокола заседания тройки НКВД от 15 сентября 1937 года, копию акта о приведении приговоров в исполнение и копии приказаний о приведении приговоров в исполнение. В марте 2020 года на мой второй запрос из УФСБ мне прислали несколько документов, которые и помогли распутать сложную историю.

Я бы хотела узнать о месте захоронения братьев, это важно для нашей семьи. Сотрудники УФСБ мне не смогли ответить, сказали, что им это неизвестно. Не подвергаю их ответ сомнению, полагая, что никто и ни в чем в таких делах тогда не отчитывался³⁵. Я знаю, что моя мама работала в психоневрологическом диспансере³⁶, который располагался в здании бывшей пересыльной тюрьмы. Можно предположить, что Андрей второй раз был арестован и отправлен именно в ту самую тюрьму, и даже есть вероятность того, что именно там они с Дмитрием и были расстреляны. Таким образом, их племянница могла работать в тех же стенах, где закончились дни их короткой жизни. Такое грустное совпадение.

Еще я понимаю, что нужно как можно раньше получить копии остальных интересующих меня материалов из следственных дел Андрея и Дмитрия. Копии, которые нам прислали, уже плохо читаются. Сотрудники архива мне сказали, что у них сейчас много запросов на следственные дела репрессированных, они еле справляются. То ли это пик интереса, то ли только самое его начало — мне судить трудно. Я пишу главу о братьях для нашей семейной книги — мне это поручили родные. Нужно еще сделать публикацию о трагической судьбе братьев Андрея и Дмитрия в одном из соловецких изданий. А вопросов остается много. Предстоит еще написать запрос в архив МВД по Новосибирской области. Но пока еще сложно осмыслить все то, что мы узнали...

34 Текст почтовой открытки от 16 ноября 1937 г. Станция Томск-1 Томской ж. д., Юргинский ОЛП Сиблага НКВД, Ферма № 1, финчас. Новицкий Д. С. Из личного архива Мартиновой Е. В.

35 Оперативный приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447 «Об операции по репрессиванию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» предписывал приговор по первой категории (расстрел) приводить в исполнение с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение.

36 Новосибирская следственно-пересыльная тюрьма № 1 Управления ИТЛ, ТП и МЭ УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Была построена в конце 1920-х гг., располагалась на ул. 1905 года. Эта тюрьма являлась одним из главных тюремных распределителей в СССР. Через нее этапировали заключенных в лагеря Восточной Сибири и на Колыму. После 1951 г. в здании Новосибирской тюрьмы располагался областной психоневрологический диспансер (до 2006 г.).

НОВОСИБИРСКАЯ

АДМИНИСТРАЦИЯ ИТУРЕННЫХ ИЗ

ТЮРЬМА

ПРАВЛЕН. ИТД. ТП. И МЗ

упквд по ЭСК

Часть АДМ

231 1937 г.

№ 6464-53

г. Новосибирск

Телефон № 30-755

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано наст. удостоверение Новицкому

Андрею Степановичу

проживающего Н. Смирнов

Ленинградская Станционная дом № 5 кв. 33

в том, что он с 2/1 1935 по 16/1 1937

содержался при Новосибирском изоляторе и освобожден

согласно Ивановича Прем-Прокура

от 5/1 36. под личное

поручительство двух лиц

Ивановича (Лазарев)

и Ивановича

Удостоверение Новицкого А. С. в том, что он содержался при Новосибирском изоляторе и освобожден под поручительство двух лиц, 23 января 1937 г. Из личного архива Е. В. Мартинковой

УТВЕРЖДАЮ: Нач. УНКВД по ЗСО
1935 г.

Постановление

об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Город Новосибирск 1935 г. 11 декабря

г. Новосибирск 17-го отд-ния ОБ отдела
(полномочия и фамилия)

Управления Государственной Безопасности

УНКВД по Запсибкраю, рассмотрев следственный материал по делу № _____
и принял во внимание, что гр. НОВИЦКОМ Андрей Степанович, 1912 г. р.,
родился в семье рабочих из Восточной Сибири в г. Троицко-Иркутск

достаточно изобличается в том, что он систематически в 1934-1935 гг. в течение
пяти месяцев: 1) в угонном деле следственного материала № 100-
100/35-104/35 по отводу в 20-й район г. Новосибирска, а именно:
на ухудшение положения НОВИЦКОМ.

2) в расследовании гр. НОВИЦКОМ в деле Секретаря С. С. С. С. С.
тов. С. С. С. С. С. ст. ст. 129, 144 и 147 УК.

ПОСТАНОВИТЬ:

гр. НОВИЦКОМ А. С. привлечь в качестве обвиняемого по
ст. ст. 50-10 ч. 1 УК, мерой пресечения способ уклонения от следствия и
суд избрать обязательство под подпиской при 100 000 руб. по 100

Уполномоченный И. С. С. С.

СОГЛАСИЛИ

Нач. 17-го отд-ния ОБ

И. С. С. С.

Настоящее постановление мне объявлено 11.12.35 1935 г.

Подпись обвиняемого Н. С. С. С.

Брод. м. коша. № 112-1 Копия
от команданта
А. Сиб. в Якимович.

Заявление

Позвольте сообщить вам следующие и прошу вас срочно выселить этого шловеца у меня в доме по ул. Ленинградская дом № 15, имеет инженер института транспорта

Левин инженер тов. Волнушко С. П. в вагончик и загодил и у этого самого инженера имеется горит лампада, перо и зонтик, последний раз ушел у него 23/5-36, где нагрозил сообщить. Вот этот человек

Новичков имеет много развешивает 12 картинок. У него есть на спинке привезенной большой металлический ящик и в нем есть лампа с ватным с металлической проволокой. Над входными дверями на стене

висит 9 или 10 картин собраны разные науки. И все эти картины и религиозные картины приводят на удивление перо и в каком духе и воспитывает не все инженеров как он сам на сей день недополняет.

Прошу срочно выселить подполковника команданта Якимовича с подполковником врио Сиб. сиб. в Якимович.

1915 года рожд., русский, гр-н СССР,
урожд. г. Самара, с/п, по профессии - мастер-фотограф. С 1933 года вы-
полняет обязанности иподполковника при Туреханской церкви.
В настоящее время безработный, проживает в г. Новосибирске.

Активный участник к-р группы. Стоял на позициях борьбы с соввластью
и партией путем применения террора над руководящими партия и пра-
вительств. Открыто заявил, что готов ехать в Москву с тем, чтобы со-
здатель террористической акт над г. Вискариваши за необ-
ходимость борьбы с совластью с целью ее свержения, перед задания
участникам группы НОВИЧКОМУ Д., и ~~А. Сидорова~~ А. вести работу по оконча-
чванию к-р кадров.
Вновь себя признал. Кроме того изобличается показаниями: НОВИЧ-
КОГО А., НОВИЧКОГО Д.,

НОВИЧКИ: Андрей Степанович, 1912 года рожд., русский, гр-н СССР,
урожд. г. Бельск, с/гродненской губ., с/п. с 1933г. исполняет обязан-
ности иподполковника при епископате и в г. Новосибирске.
В настоящее время безработный, проживает в г. Новосибирске.

Активный участник к-р террористической группы. Сторонник террора.
Лично сам изложил готовность совершить террористический акт над
кем-либо из вождей партии и правительства, либо провести в изменение
политике соввласти и прославиться на весь мир.
Сторонник фашизма. Активно вел к-р агитацию, направленную и дискре-
дитации политике соввласти. Получал задания от ~~А. Сидорова~~ по ведению
к-р деятельности, направленной к свержению контрреволюционных
кадров для борьбы с совластью.

Вновь себя признал, в том, что будучи несогласен с политикой
соввласти вел к-р агитацию, получал задания от ~~А. Сидорова~~ с ведении
к-р работ. В остальном изобличается показаниями обвиняемых
НОВИЧКОГО Д., и свидетелей: и друг.

1918 г. рождения, русский, гр-н СССР,
урожд. г. Новосибирск, с/п, с 1933 года исполняет обязанности иподпол-
ковника при Туреханской церкви. В настоящее время без работы, проживает
в г. Новосибирске.

РАСПРЯКЛЯТЬ

лично принадлежало ему
имущество юрисковать.

№ 471-2

НОВИЧКОГО Андрея Сте-
пановича-

РАСПРЯКЛЯТЬ

лично принадлежало ему
имущество юрисковать.

№ 471-3

сважа-
заклучить в исправтруд-
лагерь на ВОСЕМЬ лет, с
поражением в правах на
5 лет, срок заключения сч
всего 0 7 946вста

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
Новосибирской области

630026, Новосибирск, ул. Каменская, 20а
от 13.11.92 № 13-162-91

На № _____

СПРАВКА РЕАБИЛИТАЦИИ

Новичкий Андрей Степанович, 1912 года рождения, уроженец г.
Бельска Сиввей Гродненской губернии. До ареста, (2.12.35), проживал
в г. Новосибирске, учился на 2 курсе института военных инженеров
транспорта. Осужден 16.08.37 тройкой управления НКВД Западно-Сибирс-
кого края по ст.ст. 58-10, ч.1, 58-11 УК РСФСР и иной мере наказания
расстрелу.

Новичкий Андрей Степанович на основании п. "а" ст.3 и п. "а" ст.5
Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18.10.
91 по данному делу реабилитирован.

У. Прокурор области
Государственный советник
Котинина 3 класса

В.В.Токарев

АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ (СТЕФАНОВИЧ) НОВИЦКИЙ

Старший брат моей бабушки, Андрей Стефанович Новицкий, родился 30 ноября 1912 года в городе Бельске Гродненской губернии, нынешней Польше. С 1933 года Андрей стал служить в церкви, сана не имел — исполнял обязанности иподиакона при епископах Никифоре и Сергии в Турухановской церкви города

Андрей
Новицкий
(слева)
с отцом
Стефаном
Антоновичем
Новицким.
Новосибирск.
1937 г.

Новосибирска. Одновременно учился: на момент ареста в декабре 1935 года числился студентом 2-го курса Новосибирского Института Военных инженеров транспорта, где преподавал в то время его отец, Стефан Антонович.

2 декабря 1935 года во время учебы в институте Андрей, так же как и его брат Дмитрий, был задержан по постановлению 4-го отделения секретного политотдела управления госбезопасности УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Андрея и Дмитрия привезли домой, на ул. Ленинградскую, д. 5, в квартире провели обыск. Были изъяты паспорта и военные билеты братьев, удостоверение о службе иподиаконом; кроме документов — ноты пьесы «Боже, Царя Храни!»³⁷, оружие: два кинжала в ножнах, рапира, старинный татарский пистолет, а также карта театра военных действий

37 «Боже, Царя храни!» (Молитва русского народа) — официальный государственный гимн Рос-

сийской империи с 1833 по 1917 г., заменивший предыдущий гимн «Молитва русских».

с портретом Николая Второго, план города Омска, пособие для военных разведчиков 1875 года и 35 военно-топографических карт³⁸.

Андрей обвинялся по «контрреволюционной» ст. 58 п. 10 в том, что он якобы вел систематическую агитацию, утверждая среди студентов, что «мероприятие советской власти по отмене карточной системы³⁹ повлияло на ухудшение положения населения», и «предлагал убить секретаря райкома ВКП(б) товарища Эйхе». На время следствия арестованных братьев увезли в Новосибирскую тюрьму на Коммунистической улице.

Весь декабрь по групповому делу № 969 велись допросы. В день ареста Андрей вины своей не признал. Кажется, он пытался контролировать процесс ведения следствия, уверенный в своей правоте. К сожалению, машина террора работала по другим правилам. В протоколе допроса 13 декабря записано, что несовпадение его взглядов с политикой власти было вызвано тем, что он «воспитывался в семье и вращался в кругу лиц, не целиком разделяющих политику советской власти». Но позже Андрей пояснил, что следователь исказил его слова, а говорил он о своих религиозных убеждениях. При этом прямо заявил, что его взгляды являлись результатом его собственных убеждений и рассуждений.

Вопрос: На предыдущем допросе Вы показали, что в Ваших взглядах имелись расхождения с политикой Сов. Власти. Расскажите подробно в чем заключаются эти расхождения?

Ответ: Мои расхождения с политикой Сов. власти заключаются в том, что я не верил в построение коммунистического общества. Исходя из того, что люди имеют разные взгляды на труд и в обществе найдется много таких, которые не захотят трудиться и будут жить тунеядцами. Отсюда я делал вывод о том, что вся политика Сов. власти и компартии, направленная к этой цели, неверна, так как она недостижима. <...>

Вопрос: На том же допросе Вы показали, что Ваши антисоветские взгляды являются результатом контрреволюционных влияний среды. Расскажите подробнее об этих влияниях.

Ответ: Каких-либо влияний среды, в которой я вращался, на выработку у меня несоветских взглядов не было⁴⁰.

На типовой вопрос следователя о круге знакомых Андрей назвал фамилии сокурсников и товарищей по институту, а также священников и служащих в том же храме иподиаконами братьев Леуткиных. Он не подозревал, что вскоре некоторые из них дадут свидетельские показания, а другие будут арестованы и станут фигурантами этого же дела. В ходе допросов следствие установило, будто братья Новицкие входят в состав контрреволюционной группы. Группа сформировалась под влиянием активного противника советской власти некоего Завидонова Михаила Дмитриевича, который молодым участникам «давал задания по развертыванию контрреволюционной работы в окружающей их среде». Также их якобы «обрабатывал в контрреволюционном духе» Горлов

38 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, л. 13: протокол обыска от 2 декабря 1935 г.

39 В январе 1931 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) Наркомат снабжения СССР ввел всеобщую карточную систему распределения основных продуктов питания и непродовольственных товаров. Карточки выдавались только тем, кто трудился в государственном секторе экономики (промышленные предприятия, государственные, военные организации и учреждения, совхозы), а также их иждивенцам.

Карточная система на хлеб была введена еще в 1929 г. С 1 января 1935 г. она была отменена. Через несколько дней после провозглашения политического решения пленума ЦК об отмене карточек были установлены новые розничные цены на ржаной и пшеничный хлеб и значительно более высокие цены на муку. Одновременно с началом свободной продажи продуктов вводилось ограничение по отпуску товаров в одни руки.

40 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, т. 1, л. 100: протокол допроса Новикового А. С. от 13 декабря 1935 г.

Михаил Павлович⁴¹, сосед Новицких, у которого Андрей и Дмитрий одно время проживали. Он был из бывших дворян, работал директором Западно-Сибирской краевой научно-технической библиотеки. Позже в своих оправдательных заметках, сохранившихся в семье, Андрей записал: «От Горлова я никогда не слышал разговоров, которые дали бы мне повод усомниться в нем и счесть человеком, настроенным враждебно к нашей стране. Ни в одном разговоре у нас с ним (...) я не усматриваю контрреволюционного характера. <...> Отдельные реплики были на современные темы и, очевидно, послужили материалом для дела с некоторой обработкой. <...> Мне очень стыдно, что благодаря моей невнимательности мои показания, записанные под редакцией Длужинского (следователя. — Прим. ред.) и подписанные мной, заставили сидеть Горлова»⁴². Братья Леуткины были арестованы в январе, а Горлов — в марте 1936 года.

В записке Андрея с оправдательными аргументами есть такой тезис: «Очевидно, почвой для записи контрреволюционных разговоров в Турухановской церкви послужило следующее: Леуткин Георгий, опоздав к службе, объяснил опоздание тем, что он задержался в очереди за хлебом. Он был недоволен плохой работой хлебозавода. Рассказывал, что в очередях за это обвиняют советскую власть. Он говорил, что следовало бы разъяснять массам, кто настоящий виновник».

На допросах Андрей не скрывал, что на встречах с разными знакомыми ему приходилось обсуждать и методы политики Гитлера в Германии, и положение интеллигенции в СССР, и расстрел белогвардейцев-террористов. Затрагивая такие вопросы, политически активные и равнодушные к судьбе своего государства молодые студенты, как оказалось, ходили по тонкому льду:

«Я восхвалял Гитлера как оратора и утверждал, что методы проведения им политики являются верными, т. к. они принесли результаты, выражающиеся в том, что в Германии все политические партии уничтожены и компартия в загоне. <...> Гитлер — человек твердой воли, хороший оратор и что благодаря этому на него обратил внимание один полковник, который решил вывести его в люди, с этой целью познакомил его с государственными деятелями. Эти данные я взял из биографии Гитлера, которую читал в книге, взятой моим братом Дмитрием в библиотеке института Народного хозяйства».

На последнем допросе Андрей отрицал все обвинения, что предъявлял ему следователь по свидетельским показаниям:

Вопрос: Какую к-р работу вы провели, выполняя задания (Завидонова. — Прим. ред.)?

Ответ: Практической работы по выполнению к-р заданий <...> не проводил.

В оправдательной записке Андрей записал для себя: «Завидонова, разговаривая с нами у него на квартире, утверждал, что советская власть организована всемирным еврейским конгрессом и фашизм также им же, и даже крупные капиталисты мира — или евреи, принадлежащие к этому конгрессу, или нанятые им люди, работают в нем. Слушая такую галиматью, можно начать сомневаться в нормальных

⁴¹ [https://ru.openlist.wiki/Горлов_Михаил_Павлович_\(1880\)](https://ru.openlist.wiki/Горлов_Михаил_Павлович_(1880)).

⁴² Здесь и далее: Черновые записки Новицкого А. С. Тезисы для подготовки к судебному заседанию. 1936—1937 гг. Из личного архива Мартинковой Е. В.

умственных способностях Завидонова, в чем я и был убежден, а следовательно, к нему не относился серьезно и о разговорах о контрреволюционной работе, выполняемой нами по его заданию, речи не может быть».

Вопрос: Вы показали неправду. Следствию известно, что вы среди студентов НИВИТа и других вели антисоветскую агитацию. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Отрицаю. Среди студентов НИВИТа я антисоветской агитации не вел.

Вопрос: На допросе 13/ХІІ-35 года вы показали, что среди студентов НИВИТа вы вели разговоры, в которых восхваляли Гитлера и его политику, также вели агитацию о невозможности построения коммунистического общества, а сейчас же отрицаете это. Чем объяснить ваши противоречивые показания?

Ответ: В моих показаниях противоречий нет, т. к. мои разговоры среди студентов НИВИТа о Гитлере не носят антисоветский характер, а разговор о невозможности построения коммунистического общества у меня был <...> не со студентами <...>

В оправдательных тезисах он поясняет: «В деле записано, что я восхвалял Гитлера перед студентами, а я просто рассказывал им биографию его, прочитанную мной в книге из библиотеки ИНХ (Института народного хозяйства. — *Прим. ред.*), сказал, что там творится, что Гитлер захватывал слушателей не смыслом сказанного, а манерой говорить, истеричностью (Фейхтвангер — «Успех»⁴³)».

Вопрос: Свидетели показывают, что вы при проработке на группе вопроса о коммунизме в своем выступлении утверждали, что коммунизма построить нельзя. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Отрицаю.

Андрея сложно было запутать с помощью свидетельских показаний. Он восстанавливал в памяти обстоятельства всех разговоров и встреч до ареста. «Свидетели показывают, что я выступал перед студентами с вопросом о невозможности построения коммунизма в 1935—1936 году. В это время занятий по эконом-политике не было, а они показывают, что это было на этих занятиях».

Вопрос: Из показаний тех же свидетелей установлено, что вы вели разговоры о том, что отмена карточной системы направлена на ухудшение материального положения населения. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Отрицаю.

Вопрос: Те же свидетели показали, что вы среди них восхваляли Гитлера и одобряли политику фашистов, которая, как вы говорили, привела Германию в число передовых стран. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Отрицаю.

Андрей вспоминал, что он «говорил, что Германия приняла очень энергичные меры для того, чтобы загнать все

43 «Успех» — роман Лиона Фейхтвангера, написанный в период 1927—1930 гг. Частично основан на реальных событиях, которые происходили в Баварии накануне и после Пивного путча (1919—1923). Часть романа Фейхтвангер посвятил истории становления Адольфа Гитлера как вождя радикальных «патриотов»,

показал немецких нацистов как представителей реальной политической силы. В Советском Союзе роман был очень популярным среди читателей, в первую очередь потому, что затрагивал актуальную тему становления нацистской Германии.

политические партии, кроме фашистской. На вопрос следователя, «правильно ли она поступила», я ответил, что как метод достижения цели она сделала правильно, выбрав этот. Не следует эти слова расценивать как одобрение политики Германии с моей стороны. Я говорил о методах, а это вопрос теоретический. Разумеется, действовать энергично — правильно и хорошо».

Вопрос: Свидетель показал, что вы ему неоднократно предлагали побить начистав Института. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Отрицаю.

Вопрос: В этой же беседе, как показал <...>, вы ему высказали террористические намерения в отношении одного из краевых руководителей ЗСК (имеется в виду Р. Эйхе. — *Прим. ред.*). Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Этого я <...> не говорил⁴⁴.

Снова Андрей опроверг показания свидетеля. «Разговоры о терроре я не слышал, и в тот день, какой указан в деле, меня в церкви не было. Личных счетов у меня с Эйхе не было. Наоборот, я должен быть благодарным ему за восстановление моего брата в правах студента ИНХ».

26 января 1936 года обвинение Андрея со ст. 58 п. 10 ч. 1 УК было перевалифицировано на ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР.

В обвинительном заключении Андрею вменялось то, что он:

«А) являлся участником к-р. группы <...>

Б) участвовал на собраниях группы, где обсуждались вопросы <...> методах борьбы с Соввластью.

В) распространял в окружающей его среде террористические настроения и высказывал намерения произвести теракт над одним из руководящих работников Зап. Сибири.

Г) вел а/с агитацию среди студентов НИВИТа, доказывая невозможность построения коммунистического общества, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал частично»⁴⁵.

Групповое дело было передано на рассмотрение Спецколлегии крайсуда. Слушание состоялось 28 октября 1936 года. Андрей боролся за свою правду и невиновность, опровергая пункт за пунктом предъявленные ему обвинения. На судебном заседании он отказался от показаний, данных на предварительном следствии. В итоге суд направил дело на доследование, все обвиняемые, кроме братьев Новицких, были освобождены из-под стражи. Андрей был отпущен позже, 16 января, по постановлению крайпрокурора от 5 декабря 1936 года, под личное поручительство двух лиц.

В постановке вопросов на досудебном расследовании Андрей видел желание следователя уличить его во лжи и неполнозначности. «Мне известны методы допросов Длужинского»⁴⁶, — пишет он в своем черновике, — судебные органы я не дискредитировал. Наоборот, судом я очень доволен,

44 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, т. 1, л. 118—120: протокол допроса Новицкого А. С. (без даты).

45 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, т. 1, л. 183: обвинительное заключение по делу № 969 к-р группы от 25 марта 1936 г.

46 Следователь, оперуполномоченный 5-го отделения секретно-политического отдела УНКВД по Западно-Сибирскому краю Длужинский М. И. был арестован 17.09.1938, уволен 05.11.1938, осужден 27.11.1938 и приговорен к двум годам лишения свободы. [https://nkvд.memo.ru/index.php/Длужинский, Михаил_Иванович](https://nkvд.memo.ru/index.php/Длужинский,Михаил_Иванович).

а Длужинский — другое дело. Дурачком я не собирался прикидываться».

Он три раза писал заявления прокурору. В копиях материалов дел заявлений нет, но можно предположить, основываясь на сохранившейся записке, что в них он разъяснял свою позицию, доказывал невиновность и просил о пересмотре дела. Его протесты остались без ответа. После суда возможности оспорить предъявленные обвинения не было. Следственных действий больше не производилось. УНКВД по Западно-Сибирскому краю передало дело на рассмотрение тройки⁴⁷.

Андрей был признан виновным в том, что он:

«Активный участник к-р террористической группы. Сторонник террора, лично сам изъявлял готовность совершить террористический акт над кем-либо из вождей партии и правительства, дабы "привести к изменению политики соввласти и прославиться на весь мир". Сторонник фашизма. Активно вел к-р агитацию, направленную к дискредитации политики соввласти. Получал задания от <...> по ведению к-р деятельности, направленной к сколачиванию контрреволюционных кадров для борьбы с соввластью»⁴⁸.

Постановлением от 15 сентября 1937 года Новицкий Андрей Степанович был заочно осужден по ст. 58 п. 10 ч. 1 и п. 11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу. 17 сентября Андрея арестовали повторно и через два дня расстреляли.

В ходе политической реабилитации конца 1950-х годов, по постановлению Президиума Новосибирского областного суда от 19 июля 1958 года дело Андрея было прекращено за отсутствием состава преступления. Мера наказания по ст. 58 п. 10 снижена до 5 лет, и в соответствии с указом «Об амнистии»⁴⁹ судимость с него посмертно снята. К этому времени родителей Андрея в живых уже не было. 1 сентября 1992 года по заявлению моей бабушки Анны Стефановны дело по обвинению Андрея было направлено на пересмотр в Прокуратуру Новосибирской области. 13 ноября бабушкин брат, Андрей Степанович Новицкий, был полностью реабилитирован на основании п. «а» ст. 3 и п. «а» ст. 5⁵⁰ Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

47 Тройки НКВД — внесудебные органы при республиканских, краевых и областных управлениях НКВД СССР, созданные в целях проведения операции по репрессированию «антисоветских элементов» в соответствии с секретным приказом НКВД от 30 июля 1937 г. № 00447. Тройки действовали с августа 1937-го по ноябрь 1938 года. В состав каждой тройки входил нарком или начальник управления НКВД, секретарь партийной организации и прокурор области республики или края. Первой (еще до официальной кампании) была учреждена тройка УНКВД по Запсибкраю в составе С. Н. Миронова (с 16.08.1937 — И. А. Мальцева), Р. И. Эйхе, И. И. Баркова. В пределах планов-лимитов на аресты, утвержденных в Москве для данной области или республики, тройки выносили приговоры и отдавали приказы о немедленном приведении их в исполнение, включая расстрел. Приговоры обжалованию не подлежали.

48 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 7/1, д. «Протоколы заседания Тройки УНКВД Новосибирской области с № 27/1 по № 27/29-к за 1937 год», л. 370: протокол заседания тройки УНКВД по Западно-Сибирскому краю № 27/25-к от 15 сентября 1937 г.

49 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии».

50 По Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.: — ст. 3 п. «а»: подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам были осуждены за государственные и иные преступления. — ст. 5 п. «а»: признаются не содержащими общественной опасности нижеперечисленные деяния и реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения лица, осужденные за антисоветскую агитацию и пропаганду.

г. Новосибирск.Заказное.464
107/10Западно-Сибирское представител-
-тельство В. Э. О.ул. ул. Максима Горького и Красного
применения. дом. № 61.Конструктору. Андрею Степановичу
Новицкому.

Ст. Юрга I Там. м. д. Юргинский соххоз.

Ленинградская Газета. Новицкий Сем. Ст.

Юргинский ОЛП
Сиблага НКВД.
21 Июнь 1937 г.

Дорогой Франюк! Спешно напи-
-сано тебе письмо на сибла-
-ге, которое мне понадо-
-дится, т.к. очевидно ои усиленным рабо-
-той у меня добриша маза при зветном и
-добуде при хрком смете. Выходи по приоб-
-ретенно оков%. так же как у меня
-всегда, т.е. добуде%. Я возмужу сейчас-
-же. Будь добр, исполни это письмо и
-сейчас же выими мне оки. Вера на-
-писал. Как митно. Ного пока нет.
Целую тебя, а тебе одбесно. Вера
твоя любящая мед Франюк Шенюк.

2) Андрей (Батик)

род. 30 ноября
пятница в 7 утра
1912 года в

г. Бельск

Гродненской губ.
по Боцковской
ул. д. Е. П. Саму-
сенко

3) Димитрий (Ми-
та) родился в
воскресенье -

13 сентября 1915г.

в гор. Москве
у Красных Ворот
в Запасном
Дворце.

Крещен в цер-

13

... в типичные обстановки ...

и системы ... установленно, что основной задачей недрейтингового административного управления является создание широкой кооперативно-публичной организации, работающей в пользу страны из иностранных государств, имеющих в Новосибирске своего административного подразделения (Том 1-Б, к.д.147; Том 2-Б, к.д.162/66. и том 2-Б к.д.14-25).

--- 1-1 ---

Интенсивная деятельность группы была направлена в сборе информации сведений в различных областях вышедших в свет журналов ... дела жизни, касающиеся деятельности в государстве вблизи СибВО, интересовали людей, доставляя в области лесной техники (Том 1-Б, к.д.95,94,96 и 142; Том 2-Б, к.д.31,37 и 49; Том 2-Б к.д.149).

Он же ... получив сведения НКЧХ поберечь сведения о новозависимых на территории ... от него отходила (Том 1-Б, к.д.103,104; том 2-Б, к.д.106).

После этого ... в Новосибирске, с ... .. и лицами ... .. в Новосибирске ... .. в Новосибирске ... ..

В этом году ... .. в Новосибирске ... .. в Новосибирске ... ..

...

2

В Восточной Сибири ... ..

Сообщают, что ... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

1 Обвинительное заключение по делу в отношении Новицкого Д. С. от 27 мая 1936 г. УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 9682, т. 3, л. 153

2 Уведомление о следовании з/к Новицкого Д. С. в Томский Учраспределитель от 7 июля 1936 г. УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 9682, л. 238

205

ИЗЪЯВЛЕНИЕ В-го ОТДЕЛА УГО ТРУДА ССР
СИ. ЗАКОННИКУ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

ИЗЪЯВЛЕНИЕ
СЕР. ПРОСВЕЩЕНИЯ

П Р И К А З А Н И Е

По рассмотрению дела приговора в КАССАЦИИ

1890 год росс., урсс. гор. Ленинград.

1916 год росс., урсс. гор. Омск.

Д. НОВИЦКИЙ АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ, 1912 год росс., урсс. гор. Омск, с/Трудовой т/о.

Д. САДОВНИКОВ ДАВЫД СТЕПАНОВИЧ, 1916 год росс., урсс. гор. Ростовск, с/Трудовой т/о.

С рассмотрением дела приговор приведен в исполнение. Об исполнении сообщить вк. в месте в настоящее время не имеется. Инт. Осведомительный т/о.

ОБЪЯВЛЕНИЕ: Тройка УНКВД ССР, заседание в 27/25-к от 15/11-1937 года.

КАС. УГО. ТРУДА ССР
КАССАЦИЯ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

КАС. ОБЩЕПРИКАЗНОЙ
КАССАЦИЯ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

15/11-1937 года

гор. Новосибирск.

А К Т

Тройка Тройка УНКВД ССР от 15 октября 1937 года, согласно приговору Инт. Освед. УПРАВЛЕНИЯ ИДЕО ССР от 16 октября 1937 года за № 757/471 в отношении НОВИЦКОГО ДАВЫДА СТЕПАНОВИЧА, указанного на обороте настоящего приговора, приведен в исполнение 2 ноября 1937 года в 20 часов 30 мин. вечера. (подпись)

КАС. ОБ. СТАВА УГО ТРУДА ССР

КАС. ВНУТРЕННЕЙ ТРОЙКИ

Ак.

3 Приказание №471 от 17 сентября 1937 г. о приведении приговора в отношении четырех осужденных, в т.ч. Новицких А. С. и Д. С. УФСБ России по Новосибирской области, ф. 7/1, дело: «Приказание и акты о приведении приговоров в исполнение на основании решения тройки УНКВД ЗСК» по протоколам с №26 по 27/29, т. 10 (протокол №27/25-к), л. 205

4 Акт о приведении приговора в отношении Новицкого Д. С. в исполнение. УФСБ России по Новосибирской области, ф. 7/1, дело: «Приказание и акты о приведении приговоров в исполнение на основании решения тройки УНКВД ЗСК» по протоколам с №26 по 27/29, т. 10 (протокол №27/25-к), л. 206 об.

ДМИТРИЙ СТЕПАНОВИЧ (СТЕФАНОВИЧ) НОВИЦКИЙ

Дмитрий Новицкий родился 13 сентября 1915 года.

В анкетах из следственного дела, которое я получила из новосибирского архива, местом его рождения указан город Ростов Ярославской губернии, хотя на свет он появился в Москве, в Запасном дворце у Красных ворот, как записано в материнской книжечке Анны Антоновны Новицкой.

Дмитрий
Новицкий,
1920-е гг.

Во время ареста в декабре 1935 года Дмитрий числился студентом 3-го курса Урало-Сибирского института народного хозяйства, факультета народно-хозяйственного учета. В 1934 году он был кандидатом в члены ВЛКСМ, но уже в начале 1935-го исключен «за двурушничество и контрреволюционные разговоры», обвинялся в участии в троцкистской группировке. Дмитрий активно участвовал в общественной жизни института, был секретарем студенческих организаций, например, шахматно-шашечной секции и других. При этом вместе с Андреем непременно приходил на богослужения в Турухановскую церковь.

После ареста, как и Андрей, Дмитрий со 2 декабря 1935 года содержался в доме предварительного заключения при новосибирском НКВД. Следствие обвиняло Дмитрия в ведении антисоветской агитации, распространении террористических настроений и восхвалении зиновьевской оппозиции, которая возникла якобы как результат неправильной политики ВКП(б).

Протокол первого допроса, устроенного в день ареста — 2 декабря, будто списан с протокола допроса Андрея.

Вопрос: Признаете ли вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении по ст. 58 п. 10 ч. 1 УК, то есть в антисоветской агитации?

Ответ: Я воспитывался в семье и вращался в кругу лиц, которые в некоторой части не разделяли политики советской власти, в силу этого у меня имеются некоторые сомнения в правильности политики соввласти, в частности, у меня было сомнение в том, действительно ли отмена карточной системы улучшает положение населения. По этому вопросу я говорил с студентами ИНХа <...> и другими⁵².

В течение декабря следователь допрашивал Дмитрия шесть раз. На первом допросе Дмитрий «назвал» следователю 15 человек, знакомых ему через отца, по учебе в институте и по службе в церкви. Оказалось, что со многими во время случайных встреч — на трамвайной остановке, в гостях на чаепитии, в столовой института — происходили разговоры антисоветского толка. Среди собеседников особое внимание было уделено Горлову, заведующему научно-технической библиотекой, и отцу братьев Завидоновых-Леуткиных, служащих в Турухановском храме с Андреем и Митей. Следствие предполагало, будто эти люди «обрабатывали» братьев Новицких и в результате этой обработки те «встали на путь организованной контрреволюционной деятельности».

В протоколах было зафиксировано, что Дмитрий участвовал в беседах с Горловым на разные острые темы: о том, что политика советской власти привела к разорению деревни; об эффективности политики Гитлера; о расстрелах белогвардейцев-террористов; о несвободном положении интеллигенции и молодежи в СССР; о террористических методах борьбы с советской властью. Митя признавался, что Горлов «является антисоветским человеком, который в беседах со мной и братом Андреем убеждал нас в неправильности проводимых мероприятий Соввласти, особенно это происходило в конце декабря 1934 года и в начале января 1935 года, когда я и мой брат жили в его квартире».⁵³

Почему же выбор «подстрекателей» пал на братьев Новицких?

Вопрос: Чем Вы объясняете, что Завидонов вам предложил заняться активной работой с Сов. властью? Какие у него были к этому основания? Ответ: Предполагаю, что его сыновья охарактеризовали меня и моего брата Андрея как людей, настроенных антисоветски. Кроме того, он знал, что я сын старого специалиста, студент и служу в церкви, поэтому он мог предполагать, что я контрреволюционно настроен. Также ему, вероятно, известно через его сыновей, что мой дедушка в прошлом полковник (царской армии).

С братьями Завидоновыми активно обсуждалось убийство Кирова⁵⁴, которое было совершено в 1934 году и вызвало волну массовых репрессий.

«Я в этом разговоре одобрения убийству Кирова не высказывал, а только говорил о том, что этот акт свидетельствует о существовании сильной оппозиции и что в руководстве не все благополучно, т. к. партийцы на-

52 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, л. 40: протокол допроса Новицкого Д. С. от 2 декабря 1935 г.

53 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, л. 43: протокол допроса Новицкого Д. С. от 5 декабря 1935 г.

54 Киров Сергей Миронович (1886—1934) — советский политический и государственный деятель, первый секретарь ленинградского обкома ВКП(б). Киров был убит 1 декабря 1934 г. Это убийство стало поводом для расправы Сталина с политическими

противниками и развязывания массовых репрессий. 1 декабря 1934 года было издано Постановление ЦИК и СНК СССР, в соответствии с которым следствие по делам о террористических организациях и террористических актах должно было вестись в ускоренном режиме, судебное слушание — производиться без участия сторон и без вызова свидетелей, ни кассационного обжалования, ни подачи ходатайств о помиловании не допускалось, смертные приговоры приводились в исполнение в тот же день.

чинают убивать друг друга. По вопросу же расстрела белогвардейцев-террористов⁵⁵ я высказал сомнение в правильности этого расстрела, т. е. сомнение в том, действительно ли они виноваты».⁵⁶

С немецким инженером-архитектором произошла беседа о жизни в Германии. Тот рассказывал, что «в СССР положение не такое хорошее, как об этом говорят и пишут. Инженеры, высококвалифицированные рабочие и другие слои населения в СССР живут хуже, чем безработные в Германии, там безработный независимо от социального происхождения получает пособие в 50 шиллингов и бесплатные обеды, а это равно на советские деньги 300 с лишним рублей, чего в СССР не получает работающий высококвалифицированный рабочий».

Вопрос: Как вы реагировали на высказанное <...>?

Ответ: Я в разговор не вмешивался. Но после этого разговора я не стал верить в правдоподобность сообщений в газетах о тяжелом положении населения в Германии.⁵⁷

По окончании допросов 26 января обвинение Дмитрия было переквалифицировано на ст. 58 п. 10, 11. Теперь, как и брату Андрею, ему вменялась в вину не только антисоветская агитация, но и участие в контрреволюционной организации.

В конце марта 1936 года братьям Новицким было вынесено обвинительное заключение по делу контрреволюционной группы, к которой они якобы имели отношение. Следственный отдел НКВД направил дело на рассмотрение Спецколлегии краевого суда.

В обвинительном заключении по делу указано: Дмитрий признал себя виновным в том, что он:

- «а) является участником к-р. группы;
- б) распространял террористические настроения и пропагандировал террор как метод борьбы с Соввластью;
- в) вел а/советскую агитацию, направленную на дискредитацию отдельных мероприятий Соввласти, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10-11 УК РСФСР».⁵⁸

Часть следственных материалов, будто бы свидетельствующих о шпионской деятельности младшего брата, были выделены в другое дело — № 1092. По делу проходили семь человек в составе контрреволюционной группы: два перебежчика государственной границы со стороны Польши, двое — дети в прошлом репрессированных родителей; Дмитрий — «иподиакон, пробравшийся в вуз»; один родственник генерала и один сын рабочего. В качестве вещественных доказательств к делу были приобщены 37 военно-топографических карт, изъятых из квартиры Новицких. Следствие посчитало, что они «подтверждают материалы расследования в части шпионской деятельности участников организации»⁵⁹.

55 6, 12 и 18 декабря 1934 г. советские газеты сообщили о расстрелах террористов-белогвардейцев (всего 104 человека), большая часть которых нелегально прибыла в СССР из Польши, Литвы, Финляндии и Румынии. Создавалось впечатление, что они были расстреляны в связи с делом убийцы С. М. Кирова Л. В. Николаева, которого подозревали в связи с белогвардейцами.

56 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, л. 58: протокол допроса Новицкого Д. С. от 5 декабря 1935 г.

57 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, т. 1, л. 74—75: протокол допроса Новицкого Д. С. от 21 декабря 1935 г.

58 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 17900, т. 1, л. 183: обвинительное заключение по делу № 969 от 25 марта 1936 г.

Пока фигуранты первого дела ждали назначения заседания краевого суда, допросы Дмитрия продолжились — уже по новому делу — в январе и феврале 1936 года. Предварительное расследование показало, что в 1933 году в Плановый институт поступил студент, который установил связи с антисоветски настроенными учащимися. Вовлеченных в группу он «обрабатывал в контрреволюционном духе, прививая им фашистские мировоззрения». Дмитрия он вербовал лично. Инициаторами этой группы считались двое перебежчиков из Польши, а их основной задачей являлось «создание широкой контрреволюционной шпионско-диверсионной организации, работающей в пользу одного из иностранных государств, имеющего в Новосибирске своего дипломатического представителя»⁶⁰. Практическая деятельность группировки выражалась в сборе шпионских сведений. Через студентов организаторы группы якобы выясняли данные о численности и вооружении войск, новейших достижениях военной техники, о перевозках по железной дороге военных грузов и строительстве важных стратегических объектов.

Во время допросов Дмитрий честно и подробно изложил разговоры, которые с начала 1934 года вел с одним из «вербовщиков»:

Вопрос: Расскажите подробно о ваших разговорах с (Айзенштадтом)?
 Ответ: В процессе общения и разговоров я убедился что (Айзенштадт) является человеком антисоветски настроенным, который утверждал, что в СССР ничего хорошего нет и не может быть, что за границей жизнь хорошая, в частности в Германии, при этом он восхвалял Гитлера... <...>

Вопрос: Скажите, (Айзенштадт) не интересовался в разговорах с Вами вопросами, не подлежащими оглашению и представляющими из себя государственную тайну?

Ответ: Да, интересовался.

Вопрос: Не давал ли он Вам каких-либо поручений?

Ответ: (Айзенштадт) обратился ко мне с просьбой достать ему дня на два, на три профиль этой вновь строящейся дороги⁶¹ через моего отца, который работал в Сибстройпути и у которого находились эти документы, о чем Айзенштадт знал из разговоров со мной. На мой вопрос, зачем ему этот профиль дороги, (Айзенштадт) заявил, что его эта дорога очень интересует и что кроме этого ему надо ознакомить с профилем дороги одного человека, как будто родственника, который якобы едет работать на эту дорогу. Я ему сказал: «Эти документы являются секретными, я их не обещаю достать, но, возможно, достану». Тут же он меня предупредил о том, чтобы об этом я никому не говорил. В этот же раз он просил меня достать чертежи паровозов, находящихся на дорогах СССР, причем говорил, что это ему нужно исключительно для того, чтобы ради любопытства просмотреть их. <...>

Вопрос: Не говорил ли Вам Айзенштадт о том, что просимые у Вас секретные документы, профиль ж. д. линии Новосибирск — Ленинск и др. он кому-либо передаст?

Ответ: Вскоре как (Айзенштадт) просил меня достать ему проект ст(анции) Эйхе, в институте во время перерыва от занятий он мне сказал: «Документы, которые я у тебя прошу, можно передать дипломатическо-

59 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 9682, т. 3, л. 4: постановление о приобретении к делу вещественных доказательств от 27 апреля 1936 г.

60 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 9682, т. 3, л. 153: обвинительное заключение от 27 мая 1936 г.

61 Дорогу Новосибирск — Ленинск-Кузнецкий, ведущую на Южный Кузбасс, стали активно возводить в 1930 г.

му представителю одного из заинтересованных государств, который за них уплатит крупную сумму денег». Кому именно, (Айзенштадт) не сказал. Я ему на это заявил: «Люди, которые этим занимаются, изменяют родине и, кроме этого, постоянно рискуют, живя под страхом провала и последующих последствий».

«<...> Он спрашивал меня о том, не сообщают ли в Институте Военных Инженеров транспорта, где учится мой брат Андрей Новицкий, секретных сведений о состоянии охраны границ, устройстве вооруженных сил СССР, новейших достижений военной техники и т. п. и нельзя ли об этом узнать через моего брата Андрея. Я ему сказал, что секретные сведения им говорят, но мой брат о них не рассказывает»⁶².

Тогда же у Дмитрия вербовщик якобы попросил достать имеющиеся у Новицкого-отца топографические карты пограничных районов Дальневосточного края СССР. Если эти карты принадлежали еще Антону Лаврентьевичу Новицкому, начальнику топографического склада в Омске, могли ли они быть полезными и использоваться иностранными разведками?

Помимо привлечения новых членов в группировку и сбора шпионских сведений, группой якобы велась работа по подготовке диверсий на новых строениях для подрыва экономической мощи СССР. В Новосибирске планировался взрыв военного склада. В апреле 1935 года Дмитрию предлагалось вербовать для этого людей и войти в ядро организации:

«В СССР должна возникнуть нелегальная партия молодежи, которая объединит в себе недовольные элементы Соввластью. В основу деятельности этой партии должны быть положены программные установки фашистских передовых западноевропейских стран Италии и Германии. <...> Пока нет партии, молодежи необходимо заняться изучением политики Соввласти по иностранной печати, вести работу среди населения по разоблачению политики Совправительства и подрывать экономическую мощь СССР путем диверсий. <...> Ты и я могли бы сейчас начать некоторую работу — собирать студентов, имеющих аналогичные с нами взгляды, обсуждать с ними политику соввласти, выработать программу. <...> Она должна предусматривать борьбу за изменение существующего государственного строя»⁶³. В протоколе записано, что Дмитрий из предосторожности на предложение промолчал и перевел разговор на другую тему.

Групповое дело в отношении семерых подследственных по обвинению в шпионаже было направлено 27 мая 1936 года через прокурора Сибирского Военного округа на рассмотрение Военного трибунала.

«Подсудимый Новицкий, будучи студентом Института Народного Хозяйства в городе Новосибирске и соприкасаясь с контрреволюционной группой <...>, являясь сам антисоветски настроенным, солидаризировался со взглядами <...>, хотя организационно и не вошел в эту группу. Причем сам систематически вел среди студентов института контрреволюционную антисоветскую агитацию».

На закрытом заседании 4 и 5 июля 1936 года Военный трибунал пограничной и внутренней охраны Западно-Сибирского края рассмотрел дело. Дмитрий был оправдан по ст. 121, но при-

62 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 9682, т. 3, л. 81—86: протокол допроса Новицкого Д. С. от 28 января 1936 г.

63 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 9682, т. 3, л. 118, 119: протокол допроса Новицкого Д. С. от 4 февраля 1936 г.

знан виновным по ст. 58 п. 10 УК и приговорен к тюремному заключению сроком на 5 лет с поражением в правах на 2 года. Уже 7 июля 1936 года Дмитрия этапировали в Томский Учраспред и далее — по месту отбывания наказания, в исправительно-трудовой лагерь.

Приговор Военного трибунала подлежал обжалованию в течение 72 часов с момента вручения. В ответ на кассационную жалобу Военная коллегия Верховного суда на заседании 2 августа 1936 года постановила Дмитрию Новицкому лишь «исключить поражение в правах»⁶⁴, оставив в силе решение об осуждении на 5 лет. Предстояли долгие месяцы несвободы в Юргинском лагпункте Сиблага НКВД, располагавшемся в поселке Юрга. В заключении Дмитрий работал в финансовой части Юргинского совхоза.

Несмотря на то, что следственных действий по первому делу, общему с Андреем, не производилось, осенью, 15 сентября 1937 года, для его рассмотрения состоялось заседание тройки УНКВД по Западно-Сибирскому краю. В протоколе заседания Дмитрий признан виновным в том, что он «... активный участник к-р террористической группы. Был связан с <...>, вместе с которым вели беседы о необходимости борьбы с советской властью с целью свержения. С ним же обсуждали вопросы о преимуществе фашистского строя над строем, существующим в СССР. Стоял на позициях борьбы с советской властью путем применения массового террора над руководителями партии и правительства. Активно вел к-р агитацию, направленную к дискредитации политики партии и сов. власти. Получал задания <...> по объединению недовольных соввластью элементов для борьбы с существующим строем»⁶⁵.

На этом заседании решением тройки УНКВД были приговорены к расстрелу 4 человека: оба брата Новицкие, Горлов Михаил Павлович и старший из братьев Леуткиных Георгий⁶⁶. Рукописные надписи на приказе от 17 сентября свидетельствуют о том, что расстреляны были только трое из осужденных. Дмитрия к этому времени еще не доставили из Юргинского лагеря. Напротив его имени в документе стоит пометка со страшным словом «замена». Для кого это слово стало приговором в тот день?

Дмитрий по-прежнему посылал теплые письма семье и волновался только из-за отсутствия новостей о любимом Батике. Через месяц, 16 октября, новым приказом о расстреле окончательно решилась судьба 22-летнего Мити. Он пока ничего не знал, отправил в этот день очередную открытку в Новосибирск:

«Дорогие мои Вы все: папа, мама, Ася, Вадик, Юрик, Галка и Муня! Вчера не успел написать, т.к. срочно заканчивали квартальный отчет. Сегодня нашел свободную минутку. Скоро две недели, как я не имею от Вас письма. Зная Ваше положение, понимаю, что Вам не до писем, но все-таки хочу быть в курсе домашних дел. Что слышно о Батике? Какое настроение у Вас? Я без перемен, здоровье может только радовать. Душевное состояние неспокойно только в отношении Вас, дорогие мои, и бедного Батика, в отношении себя я спокоен. Дни текут, через 1½ мес. будет 2 года, т.е. 2/5 моего срока. Впереди 3 года. Жду весточек от Вас. Пишите все, все. Как Ваши финансовые дела? Желаю Вам всем

64 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 8, д. 9682, т. 3, л. 223 об.: определение №00941 Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 августа 1936 г.

65 УФСБ России по Новосибирской области, ф. 7/1, д. «Протоколы заседания Тройки

УНКВД Новосибирской области с № 27/1 по № 27/29-к за 1937 год», л. 371: протокол заседания тройки УНКВД по Западно-Сибирскому краю № 27/25-к от 15 сентября 1937 г.

66 [https://ru.openlist.wiki/Леуткин_Георгий_Григорьевич_\(1915\)](https://ru.openlist.wiki/Леуткин_Георгий_Григорьевич_(1915)).

здоровья и душевного спокойствия. Целую Вас всех. Да хранит Вас всех господь! Любящий вас безгранично Ваш сын и брат Митя»⁶⁷.

Еще через месяц он написал:

«Нового у меня ничего нет. Работа в финчасти, чтение, игра в шахматы, еда и сон. Настроение и душевное состояние спокойное, не волнуюсь, не беспокоюсь. Тревожит молчание Батика, что это значит — ума не приложу. Не могу подумать, что писать не хочет. Очевидно, нет возможности, да и денег нет»⁶⁸.

Сложно представить, с какой болью в сердце читали эти строки родные. Что могли они ответить? Что могли они подумать, когда от Мити перестали приходиться письма, а приехавшему в Юргу Стефану Антоновичу сообщили, что его сын вдруг перевезен в Новосибирск?

2 декабря 1937 года Дмитрий был расстрелян.

Постановлением Президиума Новосибирского областного суда от 19 июля 1958 года решение тройки УНКВД от 15 сентября 1937 года было изменено. По ст. 58 п. 11 дело прекратили за отсутствием состава преступления. Мера наказания по ст. 58 п. 10 ч. 1 снижена до 5 лет. В соответствии с Указом президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» судимость с него посмертно снята.

По делу об участии в шпионской организации Дмитрий был реабилитирован Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 4 июня 1959 года.

1 сентября 1992 года бабушка подала заявление в Прокуратуру Новосибирской области. Дело в отношении Андрея и Дмитрия было пересмотрено, и братья Новицкие полностью реабилитированы по нему в один день, 13 ноября 1992 года, в соответствии с законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

67 Текст почтовой открытки от 16 октября 1937 г. Юргинский ОЛП. Дмитрий Новицкий. Из личного архива Е. В. Мартинковой.

68 Текст почтовой открытки от 16 ноября 1937 г. Юргинский ОЛП. Дмитрия Новицкого. Из личного архива Е. В. Мартинковой.

Дмитрий Новицкий. Новосибирск, 1933 г.

182

ИСТОРИЯ
СЕДЬМАЯ

ЛЕНАРГ
АРИСТАКЕСЯН
ГЕВОРК
АРИСТАКЕСЯН

ПОИСК ОТЦА, ПРИГОВОРЕННОГО
К РАССТРЕЛУ В 1937 ГОДУ

Ленарг Георгиевич Арестакесян приходил в Центр документации и рассказывал о своем репрессированном отце. Сотрудники помогли ему оформить запрос и получить архивную справку со сведениями из след-

ственного дела по обвинению его отца. И в свои 85 лет Ленарг Георгиевич решил не продолжать архивное расследование. Он отдал все найденные документы детям и внукам, они будут хранить память.

GULAG
History
Museum

ЛЕНАРГ АРИСТАКЕСЯН

МНЕ ЯСНО, ЧТО МОЕМУ ОТЦУ ДЕВЯТЬ ГРАММ СВИНЦА В ЛОБ

Ленарг
Аристакесян,
инженер-
геофизик,
почетный
нефтяник,
кандидат
экономиче-
ских наук,
пенсионер,
Москва

Я родился в далеком 1935 году в городе Облучье Еврейской автономной области. Папу арестовали, когда мне исполнилось два года. Сестре Лиане было 10 лет, брату Арлену — 8, мама была беременна четвертым ребенком. Она чудом избежала высылки и спасла нас от детдома — друзья помогли получить удостоверение для проезда по железной дороге, и сразу после ареста отца нам удалось уехать в Тбилиси к бабушке Вартуш, маминной маме. 31 июля 1937 года родился наш младший брат Ларисс. Это необычное имя он получил в память об отце. Наш папа восхищался некой немецкой танцовщицей Лариссой¹ и мечтал о рождении дочки, чтобы дать ей это имя. Но родился мальчик, и, поскольку папы уже не было, мама назвала сына Ларисс. Брат много из-за этого претерпел, в школе его дразнили «Ларисой». Кстати, об именах — они у нас придуманы: например, Ленарг — сложено из начальных букв имени мамы «Лена», фамилии «Аристакесян» и имени отца «Геворк».

Мы жили в тридцатиметровой комнате коммуналки подвального типа с общей кухней, коридором и туалетом. Мальчиков от девочек, детей от взрослых только на ночь отделяли занавесками-простынями.

В 2005 году, разбирая после маминной смерти ее архив, мы с сестрой нашли последнее папино письмо 1937 года, в котором содержалось написание: «Лена, тебе перешлют мою зарплату за два месяца, себе оставлю лишь отпускные, чтобы потом было на что к вам приехать. Ни на чем не экономь, но трать с умом. Тебе этого хватит на родовой и послеродовой отпуск, а потом найди работу, тебе помогут друзья...»

Маму взяли на работу в трест «ХрамГЭССТРОЙ», и вместе со мной и Лариссом она уехала в село Розенберг² в ста километрах от Тбилиси (на реке Храми, недалеко от села, начиналось строительство ГЭС). Лиана и Арлен остались с бабушкой в Тбилиси. Розенберг было очень красивым богатым немецким селом с костелом, прекрасными дорогами и мощными родниками. В 1941 году, когда началась война, всех немцев оттуда выслали как потенциальных предателей³.

В Розенберге мы жили до апреля 1947 года, а потом переехали к бабушке в Тбилиси.

¹ Возможно, речь идет о Лариссе Николаевне Андерсен (1911—2012) — русской поэтессе и танцовщице первой волны эмиграции.

² Село основано немецкими крестьянами, переселившимися из Элизабеттала (сейчас — Асурети) в 1857 г., под названием Александерсгильф в честь российского наместника на Кавказе Александра Ивановича

Бярятинского. В дальнейшем название села менялось, в 1915 г. на волне антигерманских настроений было переименовано в Александрово, с приходом в Грузию большевиков — в Розенберг, в 1941 г., после высылки немецкого населения, — в Молотово, после разоблачения культа личности Сталина — в Триалети.

В пятый класс я пошел уже в тбилисскую мужскую среднюю школу №21. Хорошо успевая по всем предметам, особенно по физике и математике, я уверенно шел на одну из медалей. К сожалению, окончить десятилетку мне не удалось — из армии вернулся Арлен и настоял на моем поступлении в техникум после восьмого класса. Я принял это решение со слезами, но нужно было получать специальность и зарабатывать деньги, чтобы поднимать Ларисса. Лиана к тому времени уже окончила политехнический институт, вышла замуж и уехала в Донецк.

Я поступил в Тбилисский нефтяной техникум на геологическое отделение и успешно его окончил в 1955 году. По роду занятий мне предстояло иметь дело с картами разных степеней секретности, и на работу принимали при наличии специального допуска. Чтобы его получить, нужно было заполнить анкету и что-то писать об отце. Я впервые столкнулся с такой ситуацией. Ни в школе, ни в техникуме про моего отца никто не спрашивал, а мама оберегала нас от любой информации о нем. Говорила лишь, что папа был очень хороший. В нашем техникуме работал военрук и физрук — прекрасный человек — Петр Петрович Колобов, участник войны. Я пошел к нему, объяснил ситуацию, спросил, что мне делать. Петр Петрович посоветовал написать правду — что отец в 1937 году был арестован по неизвестной мне причине и судьба его на сегодняшний день неясна. Я так и сделал. Допуск мне дали, и я попал на работу в государственную союзную Сталинградскую геофизическую контору. Начал с техника и дослужился до управляющего, и это с такой-то биографией! Я был единственный «армянин грузинского разлива» в Сталинграде — никакого национализма тогда не было. Я дорос до начальника Главка Министерства нефтяной промышленности, объехал весь мир, несколько стран еще при «железном занавесе», и никто никогда меня ни в чем не ограничивал. Я не знаю, что писали в анкетах об отце Лиана и Ларисса, который дослужился до полковника-криминалиста, — его, я думаю, тоже проверяли на «благонадежность». Но старший брат пострадал. В память о маминном брате, дяде Ванике — летчике, героически погибшем во время Великой Отечественной войны, — Арлен из обычной школы перевелся в среднюю школу ВВС. После ее окончания поступил в военное летное училище в Кировобаде⁴. Он блестяще учился, был первым в прыжках с парашютом, его неоднократно поощряли (фотографировали на фоне знамени училища и т. п.). При выпуске курсантам присваивали офицерские звания; троечникам давали «звездочку», а кто учился хорошо и отлично — две «звездочки»⁵. Но, как говорил Арлен, из Москвы приехала мандатная комиссия и ему не присвоили офицерского звания, отправили в армию дослуживать с одногодками. Арлену запретили летать — рядом ведь Турция, Иран, якобы он может запросом перелететь границу на реактивном самолете. По брату, с его слов, это больно ударило, но тем не менее на «гражданке» он потом достиг больших профессиональных высот.

Перед отъездом в Сталинград Арлен провел со мной беседу: «Тебе 20 лет, пора уже что-то про отца узнавать. Мы с сестрой будем везде писать, но и ты подключайся». Надо сказать,

3 После издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» была ликвидирована Автономная Республика немцев Поволжья и произведена тотальная депортация немцев. В последующие месяцы депортация коснулась почти всего немецкого населения, проживающего на территории Европейской России и Закавказья. Переселение немцев производилось постепенно и завершилось

к маю 1942 г. Всего в годы войны было депортировано около 950 тыс. немцев.

4 Ныне — г. Гянджа в Азербайджане.

5 Воинские звания и знаки различия: младший лейтенант — погон с одним просветом по центру и одной маленькой звездочкой. Лейтенант — на погоне один просвет и две равноудаленные от него маленькие звездочки.

то малое, что было известно об отце, породило в семье много слухов и домыслов, а в общем и лжи. Ни от кого из родственников я не слышал фактов, которые бы совпали, в моей голове был полный «винегрет». Я знал от старших, что отец учился в Грузии в политехническом институте и параллельно — в вокальной студии при госконсерватории. При распределении он попал на строительство Беломорканала. У нас есть фотография оттуда, на ней папа в форме, мама со старшими — Арленом и Лианой, и домработница. После Беломорканала его перебросили в Бамлаг⁶ НКВД и назначили начальником 12-го отделения, которое располагалось в Облучье. Каждое отделение выполняло конкретные работы. Отец был специалистом по строительству мостов и тоннелей, прокладывал первую, южную, ветку БАМа. Якобы у него было два шефа — собственнно НКВД и Л. М. Каганович⁷, который курировал железнодорожные пути.

До той поры, пока не прислали уголовников, никакой колючей проволоки в зоне не было, более того, со строительством первого барака отец распорядился построить и клуб, создал самодеятельность. На территории предусмотрели даже гостевой вагон, где останавливались на ночлег известные личности. Папа со многими был знаком, любил их фотографировать и особенно — фотографироваться вместе. При аресте в 1937 году у него забрали большой альбом с фотографиями, где он и с Блюхером⁸, и с Ворошиловым⁹, и с Кагановичем, и с Туполевым¹⁰. У нас больше нечего было изымать. Что было дальше, никто из родственников не знал. Вроде бы семье озвучили отцовский приговор — десять лет. Тетя Верико, вдова маминого брата Ваника, сказала мне однажды: «Ленарчик, твой папа был добрейшим человеком. Он беззаветно любил вас. Если он жив, то вернется через десять лет». Лиана единственная не верила в «десять лет», у нее и характер был самый крутой: «Знаете, хватит заниматься ерундой. Десять лет без права переписки означает, что его расстреляли, а вы все ждете...» Но я сам был свидетелем того, что многие возвращались, в том числе и наши соседи, родственники моих школьных друзей. Арлен с Лианой вспоминали, что, когда в 1947-м отец так и не вернулся, мама добилась приема в управлении МГБ.

В ожидании новостей дома собрались родственники, бабушка накрыла на стол. Когда мама переступила порог, все бросились ее расспрашивать... А она вдруг достала из сумки бутылку коньяка. Мы жили очень бедно, нам на хлеб не хватало, и тут — коньяк! Мама рассказала буквально следующее: «Сказали, что отец жив-здоров, работает на отдаленном острове, он опоздал на единственный пароход, поэтому вернется на следующий год. Мне разрешили написать ему письмо через приемную Берии¹¹, сообщить

6 Бамлаг (Байкало-Амурский исправительно-но-трудовой лагерь) — действовал в 1932—1938 гг. Организован в 1932 г. приказом ОГПУ № 1020/с от 10 ноября 1932 г. и в оперативном управлении подчинялся непосредственно ГУЛАГу НКВД. Перед Бамлагом было поставлено три основные задачи: строительство Байкало-Амурской железной дороги; прокладка вторых путей на Транссибе (в частности, на Забайкальской и Уссурийской железных дорогах); лесозаготовка, деревопереработка и добыча золота. В 1935—1938 гг. Бамлаг был одним из самых крупных лагерей в СССР. В его состав входили лагерные отделения и отдельные лагпункты, которые дислоцировались по всей территории Забайкалья и Дальнего Востока. Управление Бамлага располагалось в городе Свободный Дальневосточного края (ныне город в Амурской области).

7 Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991) — советский государственный, хозяйственный

и партийный деятель. В 1935—1937 гг. — нарком путей сообщения СССР.

8 Блюхер Василий Константинович (1890—1938) — советский военный, государственный и партийный деятель. Маршал Советского Союза (1935). Арестован 22 октября 1938 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. 9 ноября 1938 г. умер во время следствия в тюрьме НКВД на Лубянской площади. Реабилитирован в 1956 г.

9 Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — российский революционер, советский военный, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых маршалов Советского Союза. Входил в ближайшее политическое окружение Сталина. В 1953—1960-х гг. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

10 Туполев Андрей Николаевич (1888—1972) — советский ученый и авиаконструктор, генерал-полковник-инженер (1968), доктор технических наук.

наш адрес, чтобы он знал, куда возвращаться. Но я ничего не написала, чтобы нас всех не отправили туда, откуда я сейчас вернулась... Я купила коньяк — если отец жив, выпьем за его здоровье, он обязательно нас найдет. А если нет — Царство ему Небесное».

Однажды в 1955 году, прогуливаясь по центру Сталинграда, я набрел на здание городской прокуратуры. Решил зайти, выяснить, где мне искать информацию об отце. В фойе спросил дежурного, так мол и так, что мне делать и куда обращаться, чтобы узнать о судьбе родного отца. Дежурный меня выслушал и посоветовал написать К. Е. Ворошилову. Мой отец был когда-то с ним знаком, и я отправил письмо в Верховный Совет. Ответ пришел быстро — мне предлагалось обратиться в Хабаровскую военную прокуратуру.

Письмо туда мне составил дежурный юрист, и в апреле 1958 года я получил документы — свидетельство о смерти отца и справку о его посмертной реабилитации. В свидетельстве о смерти значилось, что Аристакесян Геворк Аристакесович умер 30 декабря 1939 года из-за порока сердца. Майор Бабушкин выдал мне только справку о реабилитации, а свидетельство о смерти оставил у себя — велел, чтобы за ним приехала моя мама. Он обещал помочь ей оформить пенсию за отца. «Вам все ясно?» — «Мне ясно, что моему отцу девять грамм свинца в лоб», — ответил я. Бабушкин сделал паузу и сказал: «Молодой человек, намотайте себе на ус и отвечайте так всем любопытным: ваш отец, Аристакесян Геворк Аристакесович 1903 года рождения, умер от врожденного порока сердца в декабре 1939 года, это понятно?» Он так это произнес, что у меня по спине пробежал холодок. Приказал немедленно идти к нотариусу, заверять копии справки о реабилитации и высылать родственникам: «Смывайте черное пятно с вашей биографии». Бабушкин очень по-доброму отнесся и ко мне, и к маме.

Арлен обожал отца, всегда говорил о нем только восторженно, как о любимейшем, умнейшем и великом. В своих поисках он тоже дошел до Хабаровской прокуратуры, но получилось, что я его опередил и документы на отца отправили мне в Сталинград (дважды их не выдавали). И это так его возмутило — ему было очень важно получить их первому. Потом, конечно, он остыл, приехал ко мне, я рассказал ему, как хорошо отнеслись ко мне и маме. Брат посвятил отцу эти пронзительные строки:

«Отец ваш умер. Сердечный порок...»

И ничего о его судьбе

Большого мне сообщить не смог

Приемный покой КГБ.

«Письмо получено ваше тут...»

Сухая учтивость слов.

В приемной ровесники молча ждут.

Ищут своих отцов.

— И мною запрос об отце тебе дан.

И мне это надобно знать.

Но то, что ты мне показал, капитан,

Я не хочу читать.

В сейф убери эти несколько строк.

Захлопни за ними стальную дверцу.

Как ты посмел приписать порок

Отцовскому чистому сердцу?

11 Берия Лаврентий Павлович (1899—1953) — нарком (министр) внутренних дел СССР (1938—1945; март—июнь 1953-го). В 1941—1953 гг.

заместитель, 1-й заместитель председателя Совнаркома (Совета министров) СССР. Организатор массовых репрессий.

история седьмая
 Порочных тогда не сажали в тюрьму,
 А он не донес ни цепей, ни сроков,
 И умер так рано, как раз потому,
 Что сердце его не имело пороков...¹²

Вроде бы я узнал горькую правду об отце, но не был ею удовлетворен и поэтому все время искал еще какую-нибудь информацию через свои контакты, знакомых. Но это не принесло плодов. Мне говорили, что протоколов нет, документы уничтожены. И я решил снова написать, уже сам. В тот же день по телевизору я увидел репортаж о Музее истории ГУЛАГа. Это было в 2018 году. Я сразу туда позвонил и так познакомился с Александром Макеевым. Мы встретились, он помог составить первое обращение в архив. Завязалась переписка, потому что постоянно возникали какие-то трудности. Сначала потребовали мою метрику, чтобы доказать, что я сын. А я ее потерял еще в Волгограде, когда в 40 лет менял паспорт. Александр меня успокоил, посоветовал написать в ЗАГС города Облучье, чтобы получить дубликат свидетельства о рождении. Оказалось, в Облучье архив не сохранился, но в Облученском районе нашлись сведения о регистрации моего рождения, и 30 октября 2018 года мне выдали нужную справку: Аристакесян Ленарг Геворкович действительно родился 18 марта 1935 года, отец — Аристакесян Георгий Аристакесович, мать — Егинэ Константиновна Гукасян, место государственной регистрации — Облученский поселковый совет Хингано-Архаринского района Амурского округа Дальневосточного края. Запись датирована 14 июля 1935 года, т. е. через четыре месяца после моего рождения. А в мамином архиве обнаружилась запись ее рукой «18 марта в 4 часа утра на железнодорожной станции Забайкальской железной дороги Тахтамыгда Сковородинского района Амурской области родился Ленарчяк». Это был какой-то железнодорожный узел, видимо, ЗАГС там не было, и зарегистрировали меня в Облучье.

Я написал в УФСБ России по Хабаровскому краю, откуда 17 января 2019 года получил ответ, что архив сведениями об Аристакесяне Геворке Аристакесовиче не располагает и мой запрос перенаправлен в ИЦ УМВД по Хабаровскому краю. Однако оттуда тоже пришел аналогичный ответ — сведениями не располагаем. Ну, думаю, тупик. Но 4 февраля 2019 года вдруг снова пришло письмо из УФСБ по Хабаровскому краю — мы нашли концы, вам следует обратиться в архив УМВД по Амурской области в Благовещенске или в Главный информационно-аналитический центр МВД России в Москве.

Добытую мною справку о рождении я послал в УМВД России по Амурской области, но ее мне вернули для нотариального заверения. Я сделал как просили, снова отослал и в мае 2019 года получил наконец архивную справку со сведениями из следственного дела по обвинению моего отца, копию его письма прокурору и его фотографии анфас и в профиль.

Как я и думал, отец не умер от болезни в 1939-м — его расстреляли в 1937 году по обвинению во вредительской шпионско-диверсионной деятельности. Я не верю ничему из того, что приписали отцу. Царил чудовищный произвол, я убежден, что он не был никаким врагом народа — троцкистом-террористом, как это написано в приговоре. Наверное, ответ можно найти в архивах МВД, но я не хочу — у меня нет ни сил, ни здоровья этим заниматься, и я ставлю точку. Я отдал все документы своим детям и внукам, они будут хранить память. Сын составляет генеало-

12
 Цит. по кн.: Встречный: Рассказы и стихи / Арлен Аристакесян. — М., 2003. С. 119.

гическое древо, ему это интересно, но заряжать его на новые поиски я не буду. Я очень жалею, что многие фотографии и последнее папино письмо остались в Донецке у сестры. Ее уже нет в живых, есть мои племянники, можно попросить их выслать, но сейчас там не работает почта. Украина — наша семейная боль. Там могилы мамы, сестры, дяди, а я не могу их навестить.

Арлен умер в 2018 году¹³ и перед смертью все спрашивал меня: «Ты пишешь, ищешь?» Он уже не ходил, тяжело болел и все равно просил взять его с собой, если меня пригласят в архив знакомиться с делом.

Папина жизнь так и осталась до конца неразгаданной. Из сухих фактов архивной справки известен лишь ее конец. Вот как нашу общую грусть выразил Арлен в стихах:

Глаза твои, чтоб с моими не встретиться,
 В улыбке прищурены вдаль.
 С петлиц гимнастерки загадочно светится
 Тусклого ромба эмаль.
 Что мое детство сумело выкрасти,
 Каторга, ссылка, свинец?
 Зачем без тебя суждено было вырасти
 Мне. Отвечай, отец.
 Если не верил ты в серп или молот,
 В предписанных символов суть,
 Зачем ты в тайге проектировал город,
 Зачем проложил к нему путь?
 Ну, скажем, тот год тем и был удивителен,
 Что всех не вмещала тюрьма,
 Но если ты был для людей вредителем,
 Зачем ты им строил дома?
 Ты предо мной на стенной фотографии
 С умным открытым лицом.
 Я никогда не скрывал в биографии,
 Кто был моим отцом.
 Я не из тех, кто, карьеру начав, ник
 Сильным штиблеты лизать.
 Плюнул, когда мой трусливый начальник
 Мне запретил летать.
 Юность провел я в труде и скитаниях
 В жарком далеком краю.
 Но ни за что не винил тебя ранее,
 Да и сейчас не вино.
 Знаю, что ты моей веры достоин.
 Об этом твержу я родне.
 Город, что в дебрях таежных построен,
 Служит порукою мне...
 Вот то, что нам не придется уж встретиться,
 Это действительно жаль.
 Тусклым рубином загадочно светится
 С карточки ромба эмаль...¹⁴

¹³ Аристакесян Арлен Георгиевич (1929—2018) — военный летчик, инженер-конструктор, изобретатель, преподаватель. С 2000 по 2010 г. опубликовал более ста повестей и рассказов. С декабря 2005 г. член Союза писателей России, номинант Национальной литературной премии «Писатель года» (2014), (2015).

¹⁴ Цит. по кн.: Встречный: Рассказы и стихи / Арлен Аристакесян. — М., 2003. С. 117—118.

Див. воен. прокурору КПО ДВК Кузнецову от 26 августа 1937 г. ООУСФ ИЦ УМВД России по Амурской области, ф. Р-45, д. Р-1949, т. 3, л. 357

Заявление

857
 Арестованного ЦИЗО
 Зайделя Бамлаг НКВД
Аристакесяна Г. А.
 (Див. нар. Ротм. Бамлаг)

Под арестом нахожусь уже более десяти лет. До сего времени я все время старался поддерживать со своим помощником Гуртенико переписку всеми возможными способами строгой изоляции (одиночка, запрещение даже чтения книг). Как Вам известно, ранее при аресте мне было предъявлено обвинение по ст. ст. 154 и 193 ч. 17^а - ч. 2. Мерсман, которое подтверждено освобождением НКВД ДВК г. Корганский с участием Ващенко помощника г. Редкина, - незаконно (в начале июня с.г.) мою невиновность в пр. ку. ст. 154 - ч. 2, таким образом далее я продолжал находиться под арестом по обвинению по ст. ст. 193 и 17^а - ч. 2. По личному заявлению тов. Корганского, сделанному мне в первых числах июня месяца, я через него отъезжаю из гор. Свободного, г. Р к 10/VI с.г. тов. Корганский сразу возмощил мне меру наказания в отношении ст. ст. 193 и 17^а, освободил меня из под ареста, обратил Корганский о не въезде. В процессе всех моих действий, подтверждающих тов. Корганский а также со стороны тов. Ващенко тов. Березкин, я все время старался поддерживать переписку на все возможные праваемые мне. После своего последнего отъезда, г. Р к 10/VI, г. Корганский мне обещал, что

В отношении угрозы убийств, поступивших до окончания
 переговоров на меня, как выше требуется проверка
 в связи с тем, что меня из под стражи освобо-
 дили пока не было. Покидая Великобританию,
 по поступившим на меня материалам конечно
 требуется проверка и тогда, что в данном случае
 мной изданным неотложным в истреблении сле-
 дующим, - я также безропотно выполняю
 требования в отношении не принимаю никаких
 на свою судьбу. Я не покидаю пределы и всегда
 был уверен, что следствие безусловно будет
 мной невинно осужден в совершении
 каких либо уголовных преступлений и вообще
 преступлений, направленных на казнь в
 уголовном порядке и я в конце концов буду
 реабилитирован. До первого июня меня
 вообще не вызывали и не запрашивали.

1 июня вызван меня сотрудниками Заведения губ.
 следствия и словесно разъяснил мне, что меня
 обвиняют в совершении К-Р в период
скай следствия. 2 и 3 июня губ. следствием
 также словесно подтвердил вышеуказанное. На
 это указание координаты я вполне ясно и крат-
 ко казенно-деловыми записями, что это обвинение
 предъявлено не по направлению адресу и я никогда
 никаких преступлений не совершал и никогда
 ни в каком случае не совершу в своей жизни.

С тех пор меня совершенно не вызывали
 (кроме одного случая по окончании по истечении
 срока уголовного обвинения к моему делу).
 граждански меня по моему делу запра-
 шивали начиная с 24 мая по 10 июня.

До этого времени я никаких под арестом
 не чувствуя за собой никаких уголовных и
 политических преступлений, направленных
 на казнь в уголовном порядке.

УДОК

С С С Р
 НАРОДНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ
 СИСТЕМА ИТЛ
 ЦЕНТРАЛЬНЫЕ
 БАЙКАЛО-АМУРСКОГО
 ИТЛ-УПРАВЛЕНИЯ
 12 Отделение
 28 декабря 1935 г.
 № 20150
 ст.Облачные

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель этого пр. АРИСТАКЕСЯН-ГУАКО
 из числа восстановленных работниками изде-
 отенской Восточной 12-го Отделения
 БАЙКАЛО-АМУРСКОГО ИТЛ-УПРАВЛЕНИЯ в г.Тулун и месту жительства в г.Тулун. С 1935 года
 следует дата: Лось Иван 8 лет, специаль-
 Архан 8 лет и Лариса 5 месяцев.

За проезд выдан разовый билет
 № 620820 в байкальском направлении № 120443.

Выдано в: 12 Отделении
 ЕКА ИТЛ ИТЛ - выдана (САВЕНЧУ)
 Начальник отделения-выдатель (ЛОГВИНЦОВ)

История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722

№ 1

История № 14/1935
 История № 14/1935
 История № 14/1935
 История № 14/1935

История № 14/1935

История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722

История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722

История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722

История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722

История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722

История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722

История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722

История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722

История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722
 История № 14/1935, № 1849722

№ 7

КОПИЯ С КОПИИ
СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ И-РЭ № 467037

Гр. АРИСТАКЕСЯНА Гелена Аристакесовна, умер 1961 года
26/IV-числу девятисот тридцать девятого года тридцати
два года возраст 30 лет.
Прочная слепота - первая группа в чем и лежит внешняя
визуальная функция с момента смерти 1961 года 11 числа
14 числа промахи зрения соответствующая запись № 15/р.

место смерти -
место регистрации - Бере ЗАС р-на им. 26 Коммунаров
г. Юмашев.

дата выдачи 26/IV- 1961г.

Зем. бере ЗАСУ-подп. с.

Гербовая печать - Бере ЗАС р-на 26 ком.г. Юмашев
170 в. ОУР.

о имени 1-ой Гр. Н. Мушнина Л.М. которую 1-ой
Селивановской гос. ноториальной конторы, свидетелю с твое
личность - этой конторы с идентификацией 08.
при заключении брака с подданством в последний
подпись, подписан, зачтен, след в других
особенности не выявлены.

Возраст государственной 30 лет.

По паспорту № 1-5443.

Зем. ст. ноториальной-подпись.

печатка гербовая - 1-ой Селивановской государственной
ноториальной конторы.

27 апр 1961 года Селиванов Л.Д.

государственная контора № 14

государственная контора № 14

4-6062

0,22

государственная контора № 14

государственная контора № 14

ГЕВОРК АРИСТАКЕСОВИЧ АРИСТАКЕСЯН

Мой отец родился в 1903 году в деревне старый Армавир (Курдукули) Эгмезинского района Ереванской области в крестьянской семье. Окончил пять классов гимназии в Ереване и два класса трудшколы второй ступени. Неизвестно, получал ли отец высшее образование в политехническом институте в Тбилиси, как об этом сообщала семейная легенда, — документально этот факт не подтвержден. С 1925 по 1927 год он служил в Объединенной Армянской военной школе руководителей кружков и помощников начальников политпросвета¹⁵. В этот же период женился на моей матери — Елене Константиновне Гукасовой (1903 г. р.), в 1927 году в семье родилась дочь Лиана, а через два года — сын Арлен. Доподлинно не известно, но предположительно с 1927 по 1929 год отец работал на строительстве Беломорканала.

Геворк
Аристакесян
(слева),
1930-е гг.

Согласно архивной справке, по вольному найму его назначили начальником 12-го отделения Бамлага НКВД, которое располагалось на станции Облучье Еврейской автономной области. Через три года, 18 марта 1935-го, там родился я, Ленариг Аристакесян. Судя по фотографиям и воспоминаниям родных, отец был прекрасным семьянином и любящим мужем. Я был очень маленьким и вряд ли могу помнить, скорее, это впечатления Арлена и Лианы, — всей семьей мы часто ездили на реку Амур, на лоно природы на папином газике.

Отец был специалистом по строительству мостов и тоннелей, сдавал в эксплуатацию перегоны, станции, технические сооружения, объекты инфраструктуры. После четырех лет

¹⁵ ООУСФ ИЦ УМВД России по Амурской области. Архивная справка от 14 мая 2019 г., выданная

по материалам архивно-следственного дела по обвинению Аристакесяна Г. А.

самоотверженной работы его отстранили от должности, а 20 апреля 1937 года арестовали. Согласно сведениям из архива УМВД по Амурской области, его поместили в СИЗО 3-го Отдела Бамлага НКВД в городе Свободный Амурской области и содержали в одиночной камере. Сначала ему предъявили обвинения по ст. 154 и 193 п. 17 «а» УК РСФСР¹⁶, но к началу июня следствие установило его невиновность по 154-й статье. Особый уполномоченный УНКВД ДВК Корчинский¹⁷, который вел следствие, посчитал возможным даже освободить моего отца из-под ареста, изменив меру пресечения на подписку о невыезде. Но 10 июня 1937 года отцу объявили, что поступили дополнительные материалы, и его оставили в тюрьме. Вскоре ему предъявили обвинения уже в контрреволюционной вредительской деятельности:

«После своего последнего допроса, то есть 10 июня, товарищ Корчинский мне объявил, что положение изменилось, поступили дополнительные материалы на меня, каковые требуют проверки, в связи с этим меня из-под стражи освободить пока нельзя. Понимаю великолепно, что поступившие на меня материалы требуют проверки, и зная, что в этом случае моя изоляция необходима в интересах следствия, я также безропотно продолжал находиться в одиночке, не жалуясь никому на свою судьбу. Я не покидал надежды и всегда был уверен, что следствие, безусловно, установит мою невиновность в совершении каких-либо уголовных преступлений, подлежащих наказанию в уголовном порядке, и я в конце концов буду реабилитирован. До первого июля меня вообще не вызывали и не допрашивали. 1 июля вызвал меня сотрудник 3-го отдела тов. Слабоденюк и словесно заявил мне, что меня отныне обвиняют в совершении контрреволюционной вредительской деятельности. 2 и 3 июля тов. Слабоденюк также словесно повторил вышесказанное. На его устные вопросы я вполне честно и правдиво категорически заявил, что это обвинение не по адресу и я никогда подобных преступлений не совершал и никогда ни в коем случае не совершу в своей жизни. С тех пор меня совершенно не вызывали <...> Фактически меня по моему делу допрашивали начиная с 24 мая по 10 июня. <...> Я нахожусь под арестом, не чувствуя за собой никаких уголовных и политических преступлений, подлежащих наказанию в уголовном порядке»¹⁸.

Полтора месяца сидя в одиночной камере, отец пребывал в полном неведении в отношении следственных действий. 19 августа ему снова сообщили, что выявлены факты его виновности: «Следствием якобы подтверждается моя виновность в контрреволюционной вредительской деятельности, и якобы выявлен ряд фактов вредительского и диверсионного характера в некоторых сооружениях 12-го отделения, за что я как начальник отделения должен быть привлечен...»¹⁹

16 Ст. 154 УК РСФСР — понуждение женщины к вступлению в половую связь или удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой; ст. 193 п. 17 «а» УК РСФСР — злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, а также халатное отношение к службе лица начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, если деяния эти совершались систематически либо из корыстных соображений или иной личной заинтересованности, а равно если они имели своим последствием дезорганизацию вверенных ему сил либо порученного ему дела, или разглашение военных тайн, или иные тяжелые последствия, или хотя бы и не имели означенных последствий, но заведомо могли их иметь.

17 Корчинский Роман Федорович (1901—1938) — особый уполномоченный УНКВД по ДВК, был осужден на выездной сессии Военной коллегией Верховного суда СССР 8 сентября 1938 г. по ст. 58 п. 1 «а», 7, 8, 11 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания. По постановлению Пленума ВС СССР реабилитирован 30 сентября 1988 г. «за отсутствием состава преступления» — информация из базы данных «Жертвы политического террора в СССР», Книги Памяти Хабаровского края.

18 ООУСФ ИЦ УМВД России по Амурской области, ф. Р-45, д. Р-1949, т. 3, л. 357—358: заявление арестованного СИЗО 3-го отдела Бамлага НКВД Аристанеса Г. А. дивизионному военному прокурору КПО ДВК Кузнецову от 26 августа 1937 г.

19 Там же.

«Гражданин дивизионный военный прокурор! Я вынужден обратиться к Вам с категорическим заявлением, что если заявление тов. Слабоде-нюка соответствует действительности, то для меня совершенно ясен факт, что я должен стать жертвой ситуации и обстоятельств, к которым лично не имею никакого отношения, стать жертвой отдельных преступлений других лиц или же стать жертвой алчной жажды сведения личных счетов со мной некоторыми лицами, которые фактически никогда мне в работе не помогли, занимались все время подсиживанием и теперь весьма удачно воспользовались моим положением и, теряя совесть свою, делают мне всякую пакость с целью погубить меня. Заявляю Вам честно, правдиво и совершенно искренне, что я не преступник, никаких преступлений я не совершал. Я ранее и теперь признаю, что я был горяч по натуре, резок по характеру своему, прямолинеен чересчур. В своей работе имел и ошибки, но несравненно больше имел достижений, успехов и заслуг. Я, будучи сравнительно малоопытным, кроме того, за 8-летнее нахождение в лагерях всегда будучи на ударной напряженной работе в условиях Беломорстроя и Бамлага, я сильно отстал и политически. Невзирая на это и совершенное отсутствие товарищеской личной помощи вращивания меня, политического воспитания и т. д., невзирая на непрерывные подсиживания, все же задачу, поставленную перед 12-м отделением в части своевременной качественной сдачи в срок перегонов, станций, технических сооружений и общежитий во временную эксплуатацию выполнил полностью. Если имеются отдельные случаи некачественности (об этом мне неизвестно никаких фактов, более или менее заслуживающих внимания), то за это должны нести ответственность лица, допустившие это непосредственно. Заявляю Вам совершенно ответственно и честно, что в допущении удорожания строительства я невиновен совершенно. От моей личности это не зависело. Этому предшествовали целый ряд серьезнейших обстоятельств и событий, на самом деле зависящих и исходящих частично от других, более ответственных инстанций и лиц, и частично просто в результате скверного и головотяпского планирования финансового учета. Если за 4-месячное следствие моя невиновность не установлена, значит, следствие идет не по правильному пути, значит, оно не идет по настоящим следам, которые в действительности привели 12-е отделение к финишу, за что за решеткой оказался лично я, фактически отдавший всего себя с безграничной преданностью и энергией, приложивший все свое умение и способности за интересы строительства, за его своевременное и качественное окончание и пуск в эксплуатацию.

...Я не преступник, преступлений не совершал, я в весьма тяжелых, подчас невероятно труднейших условиях, преодолевая колоссальные трудности, строил и фактически творил вторые пути. Ошибки для работающего неминуемы, за них меня нельзя привлекать, и наоборот, надо дать возможность приобретать опыт и перестроить себя для будущего. Советское правосудие никогда еще не судило людей за ошибки, когда эти люди занимались творением большого дела, каковым являются также вторые пути Дальневосточного края.

Гражданин прокурор! В данное время совершенно без всяких средств к существованию остались моя жена (на днях родившая четвертого ребенка) с маленькими беспомощными детьми. Невзирая ни на что, я все же был великодушным мужем для своей жены и идеальным отцом для моих детей, все свое ограниченное свободное время отдавал семье, детям, весь свой заработок полностью я отдавал на содержание моей семьи, на воспитание моих детей, не расходуя ни одной копейки на сторону или на себя

лично. Теперь вся моя семья — жена, дети, которые и без того немало лишений перенесли в связи с моим первым сроком, вновь лишились меня и моего заработка и фактически обречены на голодную жизнь.

Осудить меня — это значит погубить меня, погубить меня — значит погубить мою несчастную семью. Осудить меня — это значит смазать более серьезные преступления, более ответственных инстанций и лиц, чем моя фактически ни в чем неповинная несчастная личность.

...Обращаюсь к Вам с просьбой: пока не поздно, изыщите возможность, посетите меня и выслушайте меня лично обо всем, что писать невозможно. Прошу Вас, выслушайте меня лично и вмешайтесь в мое дело и особенно в ход следствия. Примите заблаговременно меры, во избежание непоправимой ошибки, каковую может совершить правосудие, если не будет Ваше соответствующее вмешательство в мое дело после посещения меня. Если посетить меня не имеете возможности, прошу под конвоем затребовать непременно меня в Хабаровск на один день. Допросы мои начнутся не раньше середины сентября, и мой вызов в Хабаровск несколько не отразится на ходе следствия. Убедительно прошу Вас учесть, что в данное время я нахожусь в состоянии сильнейшего отчаяния. Больше не в состоянии переносить положение, в котором я очутился безвинно. Мое отстранение от должности в последний год строительства, на котором я работал ровно 4 года непрерывно, отдавший за него полжизни своей, всего себя; мой арест, строгая изоляция, тяжелое, трагическое положение моей многолетней семьи, вместе с тем плачевные для меня результаты следствия, каковое продолжается вот уже более 4 месяцев, отказ в личных переговорах со мной руководством 3-го отделения (по моему делу), невзирая на мои просьбы в течение месяца девятью письменными заявлениями, наконец, отсутствие возможности увидеться с Вами лично из-за Вашего нахождения в Хабаровске — все это толкает меня (заявляю Вам совершенно искренне) на отчаянный шаг, поправить результаты которого будет невозможно. Я пойду в жертву. Я пойду в жертву невинно, незаслуженно. Прошу Вас, выслушайте меня. Прошу Вашего вмешательства в установление правды, истины, справедливости»²⁰.

Неизвестно, был ли ответ на заявление отца, но 15 ноября 1937 года состоялось заседание тройки УНКВД по Дальневосточному краю, на котором отцу предъявили обвинения в членстве в троцкистско-шпионско-вредительско-диверсионной организации, проведении контрреволюционной работы, срыве строительства важных объектов, подрыве экономической и финансовой базы отделения (Бамлага), а также издевательствах над заключенными²¹. Вину отец не признал. Его осудили по ст. 58 п. 7, 11 УК РСФСР²², приговорили к высшей мере наказания и расстреляли 2 декабря 1937 года в 4 часа утра. Место его погребения не установлено²³. Через двадцать лет, 27 сентября 1957 года, Военным Трибуналом Дальневосточного Военного округа мой отец Геворк Аристакесович Аристакесян был полностью реабилитирован за отсутствием в его деле состава преступления.

20 ООУСФ ИЦ УМВД России по Амурской области, ф. Р-45, д. Р-1949, т. 3, л. 357—362.

21 ООУСФ ИЦ УМВД России по Амурской области. Архивная справка, выданная по материалам архивно-следственного дела по обвинению Аристакесяна Г.А. от 14 мая 2019 г.

22 Ст. 58 п. 7 УК РСФСР — подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях; ст. 58 п. 11 — организационная контрреволюционная деятельность.

23 Информация с сайта «Некрополь террора и ГУЛАГа. Картотека захоронений и памятных мест»: В 1937—1938 гг. на городском кладбище г. Свободный хоронили расстрелянных заключенных. Численность их не установлена, неизвестно также, расстреливали ли их прямо на кладбище или привозили сюда тела казненных. В марте 2012 г. после пожара на кладбище были обнаружены многочисленные фрагменты человеческих останков, в некоторых черепах имелись пулевые отверстия. Останки были собраны и перезахоронены на лагерьном кладбище Бамлага в г. Свободный. <https://www.mapofmemory.org/28-03>.

¹ Геворк Аристакегович Аристакесян
² Совещание сотрудников Бамлага НКВД. Геворк
Аристакесян (крайний справа во втором ряду). Хабаровск, 1936 г.
³ Совещание сотрудников Бамлага НКВД. Геворк
Аристакесян (крайний слева в первом ряду). Хабаровск, 1937 г.

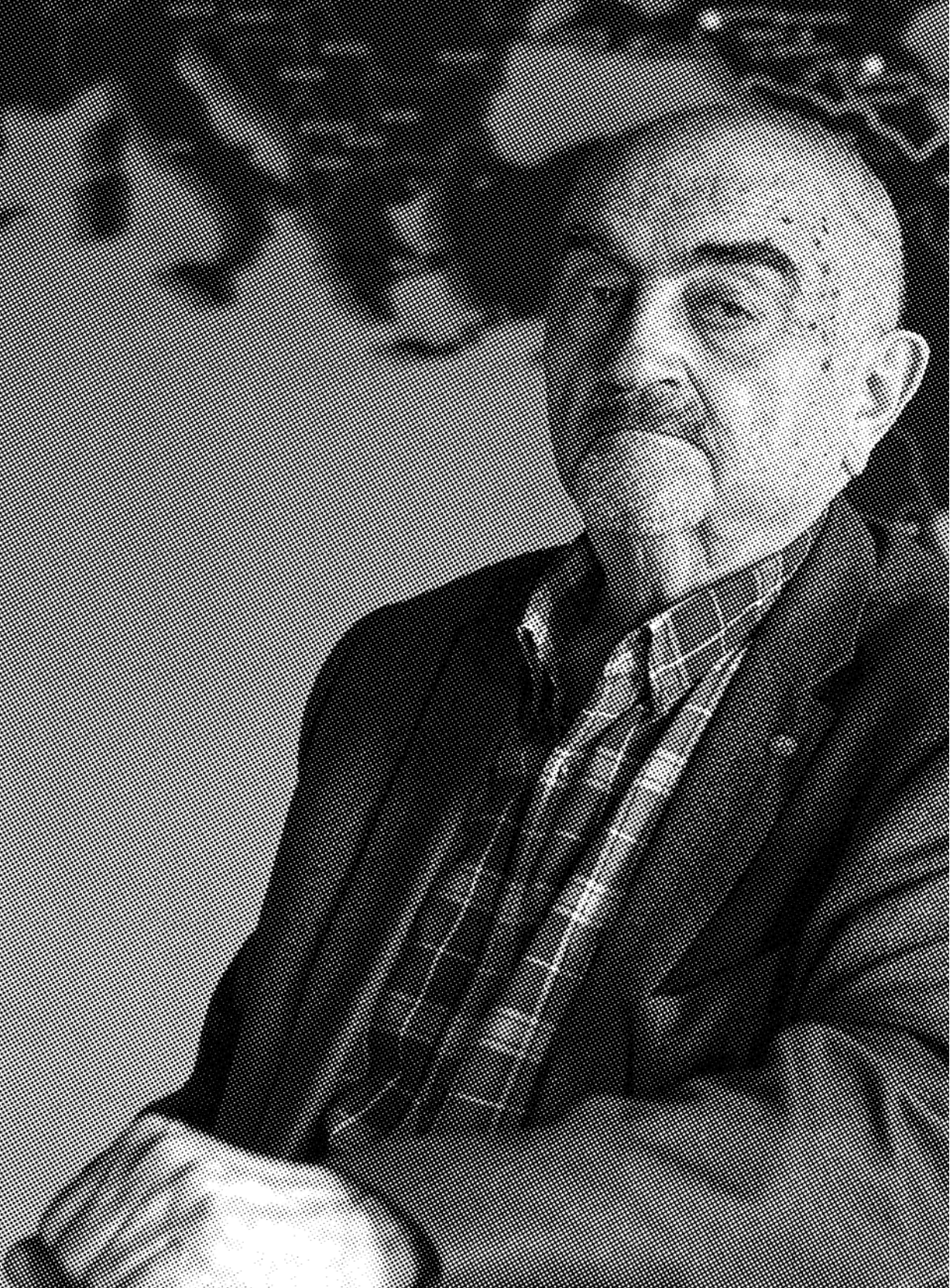

¹ Геворк Аристакесян с женой Еленой. Ленинград, 1930 г.
² Геворк Аристакесян, начальник 12-го лаготделения Бамлага НКВД. Пос. Облучье, 1937 г.
³ Жена Геворка Аристакесяна Елена, со старшим сыном Арленом

⁴ Семья Аристакесян на прогулке. Пос. Облучье, 1936 г. На обороте надпись: «Фотографировал папа»
⁵ Ленарг Аристакесян, Лиана (слева), Арлен (справа) с няней. 1937 г.
⁶ Геворк Аристакесян. Фотография из следственного дела. Г. Свободный, 1937 г.

206

ИСТОРИЯ
ВОСЬМАЯ

МАРИЯ
ВТЮРИНА
АЛЕКСЕЙ
БУРМИСТРОВ

ПОИСК ПРАПРАДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К РАССТРЕЛУ В 1937 ГОДУ

Мария Втюрина родом из Владимира. В ее семье не осталось практически ничего, напоминающего об ее прапрадеде — Алексее Дмитриевиче Бурми-строве, кроме нескольких фотографий. Мария часто

посещает Владимирский мемориал жертвам полити-ческих репрессий, который находится на территории Богородице-Рождественского монастыря.

Мария Втюрина

Алексей Дмитриевич Бурмистров

история восьмая

МАРИЯ ВТЮРИНА

ВОЗМОЖНО, ЛЮДИ НЕ ХОТЯТ ЗНАТЬ О ПРОШЛОМ, ПОТОМУ ЧТО ИМ ТАК ПРОЩЕ ЖИТЬ?

Мария
Втюрина,
историк,
Москва

Я исследую историю моего репрессированного прапрадедушки Алексея Дмитриевича Бурмистрова. Все те события от меня далеко — с 1937 года прошло много лет, и живых свидетелей уже не осталось. Несмотря на то, что в нашей семье не было принято часто говорить о предках и их жизни, мой интерес к прошлому оформился еще в детстве.

Маленькой я много времени проводила вместе с бабушкой Галиной — внучкой Алексея Дмитриевича. Говорят, я была пылливой и постоянно приставала к взрослым: а расскажи про свое детство? Я доводила их до белого каления, когда просила по пятому, десятому, двадцатому разу. Но бабушка мне многое об этом рассказывала. Их семья жила в небольшом городе Гаврилов-Ям под Ярославлем. Отец воевал на фронте, мама работала токарем, начальником смены на заводе, и бабушка часто оставалась дома совсем одна. Естественно, я у нее спрашивала: «А где же были твои бабушки и дедушки?» Оказалось, папины родители к тому времени уже умерли, бабушка со стороны мамы серьезно болела и жила где-то у дальних родственников, а про дедушку она знала, что он куда-то пропал. Помню, меня это очень удивило: как может человек просто взять и пропасть? Он же не за грибами пошел и потерялся, там было что-то другое...

И как-то эта история отложилась в моей детской памяти. Время от времени я о ней вспоминала — в школе, когда на уроках истории говорили о 1937 годе, и когда сама что-то читала. В классе восьмом или девятом я наткнулась в Интернете на базу репрессированных «Мемориала». Я знала фамилию и имя бабушкиного деда — Бурмистров Алексей, и просто из интереса решила проверить его в списках. Нашелся Бурмистров Алексей Дмитриевич, годы и место действия тоже подходили. Позвонила бабушке уточнить отчество, оказалось — Дмитриевич. И стало понятно, что это он. В семье никто не знал, что Алексей Дмитриевич был репрессирован. Бабушка не могла этого помнить, потому что в 1937 году, когда это случилось, ей было всего полтора года. Насколько я понимаю, у нее в семье не говорили о прошлом, ничего не обсуждали. Я не раз пыталась разузнать какие-то детали о детстве ее родителей, и бабушка всегда отвечала: «Мы об этом

не разговаривали». Даже про своего отца, о том, как он воевал, она ничего не слышала. Недавно я нашла на сайте Министерства обороны наградные листы и обнаружила, что ее папа был награжден, — она и об этом не знала. Это о многом говорит: в семье многими важными вещами не делились.

У прапрадеда Алексея Дмитриевича кроме Екатерины — бабушкиной мамы, были еще дети, они все жили в одном общежитии. Когда я начала задавать бабушке конкретные вопросы, она, например, вспомнила, что им на стенах писали «дети врага народа». Какие-то смутные детские воспоминания у нее проснулись. Но вот о том, что ее дед действительно был репрессирован, осужден и расстрелян, она узнала фактически от меня.

От прапрадедушки в семье осталась всего одна фотография, да и то нельзя с полной уверенностью сказать, что именно он на этом снимке. Фотография долгие годы считалась потерянной. Бабушка и тетя иногда упоминали, что была такая старая карточка, судя по одежде людей, дореволюционная, но из-за частых переездов она где-то затерялась. Однажды на школьных каникулах я решила ее найти, перерыла у бабушки весь дом, просмотрела все фотоальбомы — дореволюционной карточки нигде не было. И вдруг кто-то вспомнил, что какой-то альбом лежит в подвале — бабушка с дедушкой жили (а бабушка и сейчас там живет) в длинном кирпичном доме, в подвале которого у каждой семьи было свое хозяйственное помещение для хранения вещей. Я буквально схватилась за голову и решительно заявила, что пойду туда немедленно, дайте мне ключ. На что мне ответили: «Нет, ты туда не пойдешь, там страшно, там крысы и вообще, ты его не сможешь найти...» Наверное, все бабушки с дедушками думают про своих внуков, что они всегда маленькие и неразумные. Альбом я нашла. Принесла домой, открыла — а оттуда посыпались какие-то жучки-паучки. Пришлось нести его на улицу и на лавочке у подъезда вынимать фотографии из альбома — он был совсем ветхий. И оказалось, что это тот самый альбом с фотографиями из Гаврилова-Яма. Там маленькая бабушка в детстве со своими папой и мамой, и среди этих фотографий лежала старая фотокарточка, где, как я предполагаю, как раз и изображен мой прапрадедушка Алексей Дмитриевич Бурмистров со своей женой, и с ними кто-то третий — возможно, родственник или друг. Там же нашлась еще одна фотография, скорее всего, середины 1930-х годов — времени, когда родилась моя бабушка. На ней бабушкин отец и два человека, которые похожи на «героев» первого снимка, но уже в более пожилом возрасте. Когда я это обнаружила, побежала показывать маме и тете, но мое «открытие» их не очень впечатлило. Мама вообще сказала: «Ну и с чего ты взяла, что это он?» Эта фотография — единственное, что у меня осталось от прапрадедушки. Вот так жил человек, а потом кто-то посчитал, что его нужно расстрелять. И от человека не осталось ничего. Осознание, что такое возможно, — ужасно. И если бы не его помешанная на истории праправнучка, которая начала копать и разбираться, никто бы вообще о нем не вспомнил.

Когда я нашла фотографии, мне казалось, что это предел. Я тогда училась в девятом классе и еще достаточно плохо представляла, что такое 1930-е, что такое Большой террор. А потом я поступила на факультет гуманитарных наук (образовательная программа «История») Высшей школы экономики. В этом же году как раз вышла книга Олега Хлевнюка о Сталине. Я ее прочитала и решила, что хочу писать курсовую у Олега Витальевича, а на третьем курсе записалась на его научно-исследовательский семинар. А потом я послушала лекцию в Музее истории

ГУЛАГа и узнала, что можно работать с архивами, знакомиться со следственными делами.

Я не сразу послала запрос в архив УФСБ по Ярославской области — сначала решила восстановить документы, подтверждающие родство. Я долго ждала ответа из ЗАГСа Гаврилова-Яма, где запрашивала дубликат свидетельства о браке прабабушки и прадедушки. Попутно выяснилась еще одна история: оказалось, бабушкины родители поженились уже после того, как поняли, что у них будет ребенок. Бабушка была очень удивлена, когда я ей об этом рассказала. Моя прабабушка родилась еще до революции, в 1914 году, поэтому данные о ее рождении нужно было получать из метрических книг, а это другой архив. Сбор документов затягивался, и я решила так: никто же мне не мешает отправить запрос без документов, подтверждающих родство, — почему бы не попробовать? В начале января 2018 года я написала в управление ФСБ по Ярославской области, шаблон запроса взяла с сайта «Мемориала». И мне довольно быстро ответили, что дела репрессированных были переданы в Государственный архив Ярославской области. К письму была приложена архивная справка и скан страницы из Книги памяти Ярославской области, изданной «Мемориалом». Там упоминался прапрадедушка. Вот это меня откровенно впечатлило — ФСБ ссылается на «Мемориал». Я решила поехать в Ярославль и посмотреть дело своими глазами — раз оно лежит в областном архиве, то, наверное, это будет не очень сложно сделать. Позвонила туда и попросила разрешения ознакомиться с делом. Сразу предупредила, что документов, подтверждающих родство с прапрадедушкой, у меня пока нет, но с момента закрытия дела прошло больше 75 лет¹. Мне ответили: «Хорошо, приезжайте». Это было накануне 23 февраля, в архиве был сокращенный рабочий день, и сотрудница читального зала отчитала меня за то, что я пришла в 11 часов, а не в 9 утра, как договаривались. Я долго извинялась, в конце концов оказалось, что сотрудница читального зала милая и дружелюбная, и она очень мне помогла. Ее заинтересовало дело моего прапрадеда: его обвинения были связаны с событиями ярославского мятежа 1918 года, а она в институте как раз писала работу по этой теме. В материалах была справка, выданная прапрадеду летом 1917 года, написанная таким витиеватым почерком, что очень сложно разобрать некоторые буквы. К тому же и подшта как-то небрежно, начало строчек скрыто в корешке. Мы обратились к сотруднице архива — специалисту по документам XIX века, и она помогла все прочитать. В общем, у меня остались только позитивные воспоминания от общения с сотрудниками этого архива. Я заказала и оплатила копирование документов и уехала. Спустя какое-то время мне прислали отсканированную цветную копию дела².

Мой прапрадед Алексей Дмитриевич служил в ярославской пожарной дружине, о чем свидетельствовал тот самый

1 Согласно ст. 25 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ ст. 25 (ред. от 18.06.2017), ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливаются на срок 75 лет со дня датировки указанных документов.

2 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8312. Копии документов архивного уголовного дела по обвинению А. Д. Бурмистрова: справка на арест; постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения; ордер на обыск и арест; протокол объяски; анкета арестованного; удостоверение о службе старшим унтер-офицером; протоколы допросов; протокол объяснения обвиняемому об окончании следствия; обвини-

тельное заключение; выписка из протокола судебного заседания тройки УНКВД Ярославской области; выписка из акта о приведении приговора в исполнение; заключение УКГБ при Совмине СССР по Ярославской области по архивно-следственным делам на А. Д. Бурмистрова, Т. Х. Федоренко и П. А. Попова от 19 ноября 1957 г.; протест в порядке надзора по делу А. Д. Бурмистрова в Президиум Ярославского областного суда от 29 января 1958 г.; постановление Президиума Ярославского областного Суда об отмене решения тройки УНКВД по Ярославской области в отношении А. Д. Бурмистрова; справка из Ярославского областного суда; паспорт А. Д. Бурмистрова; документ Управления Комитета Госбезопасности при Совмине СССР по Ярославской области о передаче архивно-следственных дел в Прокуратуру Ярославской области.

трудночитаемый документ — временное удостоверение, выданное старшему унтер-офицеру Бурмистрову летом 1917 года, когда после двадцати с лишним лет службы он вышел на пенсию. Потом работал в государственном банке, который во время Ярославского восстания 1918 года³ был ограблен. Я, конечно, посмотрела опубликованные документы об этом мятеже — огромный том. По этому делу было долгое следствие. На том процессе директор банка, который и распорядился выдать мятежникам деньги, проходил просто свидетелем, а не обвиняемым. Конечно, это было начало 1920 года, вполне еще «травоядное» время, как принято сейчас говорить. Но, видимо, тогда моего прапрадеда как-то «отметили» и он оказался в картотеке органов безопасности. Его арестовали в 1937 году. Непонятно, что именно послужило причиной, потому что обвинительный акт состоял из двух частей: антисоветская пропаганда в очередях в магазине и кража денег из банка во время белогвардейского мятежа. Но в банке он был служащим низшего звена — счетчиком денег. Очевидно, что сам он этого не мог сделать. Кроме того, в материалах следствия по делу об ограблении его имя вообще не фигурировало. Выяснить это оказалось просто, все документы того дела оцифрованы, и можно просто запустить поиск — фамилия «Бурмистров» там нигде не встречается. Во время допроса прапрадеда просили назвать участников того мятежа. В протоколе приведен пронумерованный список с фамилиями, именами и отчествами, якобы им озвученный. С большой долей вероятности можно предположить, что список этот был ему продиктован. Я пыталась искать информацию о людях из этого списка. Кто-то был осужден сразу после расследования, кто-то позднее, а кого-то я не нашла в базах «Мемориала» и «Открытого списка». Но в деле есть упоминание еще двух человек, с которыми Алексей Дмитриевич в 1918 году работал в банке: Попов и Федоренко. Их арестовали и расстреляли позже, в феврале 1938 года. Я подумала: можно ведь получить их дела в госархиве Ярославской области. И вместе с другом-историком — Львом Поливановым — мы составили письмо, красивое такое, не подкупаешься, со ссылками на нормативные акты, на федеральный закон об архивном деле. И на мое удивление, мне прислали материалы дел этих двух людей, и совершенно бесплатно. Дела отсканированы были не полностью, с купюрами. Оказалось, что Попова и Федоренко взяли исключительно по показаниям моего прапрадеда. И когда их просили назвать участников мятежа, они назвали ровно такой же список — полностью фамилии, имена, отчества. Казалось бы, речь шла о событиях почти двадцатилетней давности. Может, конечно, у всех троих была такая прекрасная память, хотя они были уже совсем немолодыми людьми. На момент ареста оба этих человека жили в Ярославле, один работал в банке, другой — в сберкассе. И видно, что они совсем не ожидали, что что-то случится. Их дела были гораздо толще, чем дело моего прапрадеда. Следственных материалов совсем немного, большинство — документы по реабилитации. Но в делах Попова и Федоренко были еще и письма, которые писали в высокие инстанции их родные и близкие. А в деле моего прапрадеда таких писем нет. Меня это огорчило — неужели никто за него не хлопотал?.. Именно жалоба родственников осужденно-

3 Ярославское восстание — эпизод Гражданской войны в России, антибольшевистское выступление горожан в Ярославле 6—21 июля 1918 г., в результате которого были ликвидированы органы советской власти. В Ярославле была восстановлена городская управа, в деятельности местного самоуправления приняли участие представители разных партий,

включая и социалистов. Однако восстание не было поддержано в других городах. После артобстрелов и бомбардировок, разрушивших значительную часть центра города и повлекших гибель мирных граждан, Ярославское восстание было подавлено превосходящими частями Красной армии. Попавшие в плен его участники — расстреляны.

го Федоренко (в деле есть отметка об этом) стала причиной того, что в 1958 году всех троих реабилитировали. Из личных вещей в деле прапрадеда был лишь его паспорт, но ничего особо важного в нем не указано: имя, место и дата рождения. Насколько я понимаю, паспорт был выдан в тот момент, когда самой младшей дочке Софье еще не было 18 лет, поэтому в документ была вписана только она. В протоколе обыска указано, что при аресте были изъяты письма — 30 листов. В деле их не было. Я спросила об этом сотрудницу архива, и она сказала, что, вполне возможно, их просто уничтожили, когда в ФСБ готовили дела на передачу в архив. Или их изначально не хранили после того, как был вынесен приговор. Потому что, если бы они были как-то приобщены к делу, это было бы видно по нумерации листов.

Место захоронения прапрадеда мне найти не удалось. В Ярославской области известны расстрельные места под Рыбинском. Но там лежат те, кто строил водохранилище. Есть еще одно место — Селифонтово⁴, но имена расстрелянных там и похороненных известны — прапрадеда среди них нет. Я читала, что новоярославский нефтеперерабатывающий завод строился в 1960-е годы на местах массовых расстрелов, но никаких официальных документов об этом, конечно, нет.

В самом конце дела есть документ 1958 года, в котором сообщается, что справка о реабилитации не вручена за отсутствием сведений о месте жительства родственников Бурмистрова. Я понимаю, что за 20 лет родственники успели переехать из общезжития, но Гаврилов-Ям не такой уж большой город, при желании можно было их разыскать.

На переписку с ЗАГСом и архивом у меня ушло два месяца. Прежде чем приезжать, я заранее звонила, говорила, что я студентка из Москвы, хочу посмотреть в вашем архиве интересующие меня документы, договаривалась о дне визита. У госархива Ярославской области существует электронная опись, к ней дают доступ на 30 дней, там можно посмотреть список всех дел, это совсем недорогая услуга.

Сейчас у меня есть все документы, подтверждающие родство с прапрадедушкой. Теперь я могу действовать дальше. Материалы следственного дела дали мне много «зацепок». Моя цель — максимально все узнать о жизни Бурмистрова Алексея Дмитриевича. Судя по документам, первый раз он привлёкся за «контрреволюционную агитацию» в 1930 году и даже отсидел полтора месяца в ярославской тюрьме. У меня есть желание узнать об этом подробнее. Но более всего мне хочется найти какую-то информацию о прапрадеде, не связанную с репрессиями, узнать о его судьбе, поэтому я снова планирую визит в госархив Ярославской области — там хранятся документы пожарной дружины, в которой он состоял на службе. В деле есть запись и о том, что Алексей Дмитриевич в 1898 году числился в ярославском кадетском корпусе. Возможно, и об этом я смогу узнать подробнее.

Копию архивно-следственного дела прапрадедушки я отдала в Музей истории ГУЛАГа. Как историк я понимаю, что оно может кому-то пригодиться для исследования. Когда я была в ярославском архиве, мы разговаривали с сотрудницей — она уже давно там работает и считает, что не нужно ворошить прошлое. «Зачем это вообще? Ну было и было». Это сказал человек, профессия которого — сохранять историю для потомков. Удивительно... Возможно, люди не хотят знать о прошлом, потому что им так проще жить?

⁴ Селифонтово — мемориальное кладбище на месте расстрельного полигона, одного из мест массовых казней и захоронений жертв Большого терро-

ра близ д. Селифонтово Ярославского района Ярославской области.

Временное удостоверение № 330

Выдано Ярославским Уездным Воинским Начальником предъ-

сего *старшему унтер-офиц. А. Д. Бурмистрову*

уроженцу Ярославской губернии

сходящему изъ гр. *Ярославского уезда Ставотинской вол.*

Угличского уезда ср. св. *1195* г. въ томъ, что какъ

изъ *набывшаго* *Службы* *срочника* *периода*

Временнаго отпуска *указаннаго* *Росказа* *Н. Д. Бурмистрову*

по *тому* *что* *срочникъ* *периода* *Маш. Вол. 1895*

удовленъ **вовсе отъ службы.**

овыми деньгами удсветворенъ по _____

_____ года.

Что подписью съ приложеніемъ казенной печати удостоверяется.

Настоящее удостоверение выдано *Бурмистрову*

до высылки ему *по* *полученіи* *удостовереніе* *это* *подлежитъ* *воз-*

вращенію въ Управление Ярославскаго Уезднаго Воинскаго Начальника:

В. Бурми 191 _____ года гор. Ярославль.

Полковникъ *Селивановъ*

Д. Д. Дзюковъ *Производитель* *Бурмистровъ* *Селивановъ*

Мелким восторгом от его 25 рублей тут кто-то изложил
под вырвот посылку улетит из страны и от сослуживцев в раз-
ные лет Перуровы была дана возможность сделать. Все
идея вырвот посылки вырвот из страны Перуровы
Вывод: Кто кроме вас из соучастников создания Австрийских
университетов Перуровы Перуровы все вырвот из страны
Вывод: Кроме вас из соучастников создания Австрийских
университетов Перуровы Перуровы все вырвот из страны
1) Ученый Иван Савельевич П. П. Перуровы все
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
2) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
3) Савельевич Перуровы Перуровы Перуровы
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
4) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
5) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
6) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
вот вырвот из страны Перуровы Перуровы все
Полном Перуровы

Показания обвиняемого (составитель) Попов Пётр 6
Андреевич 1938 г.
Вопрос - Как арестованы, как ураль-
ские революционеры и революционеры
Вывод: и от него показания?
Ответ: Да, революционеры, революционеры
и революционеры революционеры
как революционеры революционеры
революционеры революционеры
Перуровы в 1918 году. Как
Вопрос - Кто кроме вас из соучастников
создания Австрийских университетов
Вывод: и от него показания?
Ответ: Кроме меня революционеры рево-
люционеры революционеры
1) Ученый Иван Савельевич П. П. Перуровы
Ученый Иван Савельевич П. П. Перуровы
2) Савельевич Перуровы Перуровы Перуровы
3) Савельевич Перуровы Перуровы Перуровы
4) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
5) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
6) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
7) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
8) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
9) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
10) Перуровы Перуровы Перуровы Перуровы
Полном Попов

Выписка из протокола № 32

14

Общественного заседания тройки Упр. НКВД Ярославской обл. от 8 " XII - 37 193 г.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

р 4 ОТДЕЛА УТБ УНКВД № 6302
По обвинению:
БУРМИСТРОВА Алексея Дмитриевича,
г. рождения, ур. с. Унимер, Гаврило-
го р-на, Яр. области, бывш. ст.
-офицер, участник белогвар-
дского мятежа г. Ярославля.
Будучи враждебно настроенным
к власти вел к-р деятельность
в течение ряда лет, систематиче-
ски среди населения в целях дискр-
дипации сов. власти в очередях и ма-
гарах вел а/с агитацию, являясь участ-
ником белогвардейского мятежа, при-
няв непосредственное участие в
делении полковника Перхурова денга-
да в нем из кладовых госбанка
получил миллионы рублей.

БУРМИСТРОВА АЛЕКСЕЯ ДМИТРИЕВИЧА
РАССТРЕЛЯТЬ

СЕКРЕТАРЬ ТРОЙКИ

(АНТОНОВ)

история восьмая

Алексей Дмитриевич Бурмистров

Мария Второвна

24

СЕРТИФ

На второе производство
№ 48-У-15с

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум Ярославского областного суда в составе:

председательствующего **КОЛПАКОВА**,
члены президиума **ВЕРИНА**, **КОШКОВА**,
БОРОДИН, **ЛЕВИКОВА**,
БЕДУЛОВ
и участия прокурора **ВРОВА**

рассмотрев в заседании от 10 февраля 1958г. дело по про-
тесту прокурора Ярославской области на постановление Тройки
УИИД по Ярославской области от 6 декабря 1957г., кото-
рым

БУРНИСТРОВ Александр Дмитриевич 1907г. рожде-
ния, гренадер С. Уиперль Газракот-инского р-на
Ярославской области, гренадер, б/в., ранее
во судении, выслан из местожительства командой
г. Газракот-ин,

о с у д е н и к лаской мере наказания — расстрелу.

БУРНИСТРОВ признан виновным в том, что в 1946г., на-
ходясь участником Белогвардейского отряда в г. Ярославле и
воспользовавшись в Государственном банке, признан виновным
в незаконном учете в кассе руководителем поставил возмож-
ности **И. РАДЧЕВУ** на командой Государства 2,5 миллиона руб.

На протяжении ряда лет среди населения проводил агитаци-
онную работу и восхвалял жизнь при царском строе.

Протест внесен на основу постановления Тройки УИИД
и прекращен дела производства.

Заслушав доклад члена Президиума **КОШКОВА**, закончивше
прокурора **ВРОВА** и поддержавше протесты, Президиум находит
протест основательными и подписании удовлетворенно.

БУРНИСТРОВ возмещает, что вместе с другими счетчиками Го-
сударства **КОШКОВ** и **КОШКОВ** вывели из распоряжения управленче-
ского банка **КОШКОВ** и вывели 2,5 миллиона руб. помощнику
И. РАДЧЕВУ. Произведенной проверкой установлено,

2. 25

БУРНИСТРОВ, **КОШКОВ** и **КОШКОВ** участниками белогвардей-
ского отряда не являются. В судебном процессе по делу
И. РАДЧЕВ в 1957г. установлено, что деньги в
сумму 2,5 миллиона руб. были выведены из кассы
исключительно этой суммой и не было
осуществлено более ста миллионов руб. денег и на такую же
сумму наличности, находившихся в банке.

Обвиненный **И. РАДЧЕВ** подтвердил, что деньги были вы-
несены по его указанию.

О порочности на сторону обвиненных белогвардейских работни-
ков **И. РАДЧЕВ** показания не дал.

Исходя из **БУРНИСТРОВА** с проведения им агитационной
работы в отношении, в том же отношении, что, когда и в
присутствии как проводилась агитационная работа.

Других доказательств кроме показаний **БУРНИСТРОВА** по
делу не имеется.

При наличии таких данных следует признать, что **И. РА-
ДЧЕВ** осужден незаконно.

В силу указанного в руководстве Указом от 14/8-
1954г., Президиум

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Постановление Тройки УИИД по Ярославской области от
8/12-1957г. отменить в деле в отношении **БУРНИСТРОВА** Алек-
сандра Дмитриевича производством прекратить за отсутствием
составля преступления.

п/и. Председатель Президиума Ярославского областного суда **КОШКОВ**

Исполнительный секретарь Президиума
Ярославского областного суда: *Александр* (КОШКОВ)

№ 48-У-15с

АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ БУРМИСТРОВ

Мой прапрадед Алексей Дмитриевич Бурмистров родился 7 февраля 1873 года в селе Унимерь Гаврилов-Ямского района Ярославской губернии в крестьянской семье. Согласно анкете и протоколу допроса, поначалу он занимался сельским хозяйством, в 1898 году поступил на службу в Ярославское кадетское училище — дядькой⁵, а затем — в пожарную дружину, в которой проработал до 1917 года. У него была семья — жена Мария Михайловна и шестеро детей: Лидия, Борис, Екатерина (моя прабабушка), Антонина, Дмитрий, Софья.

Алексей Бурмистров (в центре) с женой и братом. Российская империя, Ярославская губерния, начало XX в.

Летом 1918 года в Ярославле произошло антибольшевистское восстание во главе с полковником Перхуровым⁶. Штаб восстания располагался в ярославском отделении Государственного банка, где в то время прапрадед работал счетчиком денег. Управляющий банком Иван Севастьянович Цехонский сочувствовал восставшим и предоставил им свою квартиру, располагавшуюся в здании банка, для размещения там телефона и телеграфа. В те дни из банка исчезло два с половиной миллиона рублей. Как сообщал об этом инциденте на допросе мой прапрадед, Цехонский распорядился выдать деньги Перхурову для выплаты пособия участникам мятежа и их семьям:

⁵ Дядька — в царской России служитель в закрытых мужских учебных заведениях. В армии — приставляемый к новобранцам опытный солдат, обычно унтер-офицер.

⁶ Перхуров Александр Петрович (1876—1922) — один из организаторов и военных руководи-

лей антисоветского восстания в Ярославле 6—22 июля 1918 г. Во время тех событий выступал против необоснованных обысков и арестов: «Приказываю твердо помнить, что мы боремся против насильников за правовой порядок, за принципы свободы и неприкосновенности личности».

«Я, как служащий госбанка, по указанию Цехонского вместе с рядом других лиц, работавших счетчиками и охранниками, оказывал услуги Перхурову, выражавшиеся в том, что из кладовых банка переносил деньги в размере 2,5 млн рублей, которые Цехонский выдал Перхурову. Деньги были отпущены мелкими купюрами от 1 до 25 рублей, как говорил Цехонский, для выдачи пособия участникам мятежа и их семьям. В результате чего Перхурову была дана возможность оказывать сопротивление значительно дольше»⁷.

Восстание было подавлено, мятежники арестованы и расстреляны, а по факту ограбления госбанка было проведено большое следствие, но никаких обвинений прапрадеду как исполнителю поручений управляющего предъявлено не было, в материалах следствия по делу об ограблении его имя не фигурировало. Но спустя десять лет его арестовали органы ОГПУ по обвинению в антисоветской агитации. Полтора месяца прапрадед провел в Ярославской тюрьме, но потом был отпущен, так как «на допросах категорически отрицал предъявляемое обвинение, отрицал и участие в мятеже»⁸. После освобождения из заключения он даже встречался с коллегами по работе в банке, чтобы выяснить, как складывалась их судьба после тех событий 1918 года, задерживался ли кто-то из них органами ОГПУ так же, как он:

«Зная, что участники мятежа после 1920 года оставались на старой работе, я решил встретиться с ними и выяснить, арестовывался ли кто из них за участие в мятеже. Деревянского, Попова и Федоренко я встретил в Губфинотделе во время работы и в краткой беседе поделился, что только вышел из тюрьмы, — они мне сообщили, что никто из них за это не арестовывался, так как участниками мятежа себя не считают»⁹.

Почему из всех невольных участников событий выбор пал именно на прапрадеда? Возможно, потому что он был унтер-офицером. Второй, фатальный арест произошел 1 ноября 1937 года. Алексею Дмитриевичу было уже 64 года. К этому времени он вместе с семьей перебрался из Ярославля в Гаврилов-Ям, где работал телефонистом в пожарной охране фабрики «Заря социализма» и жил в общежитии при пожарном депо. В справке на арест изложены следующие обвинения: «В 1918 году Бурмистров являлся активным участником Ярославского бело-гвардейского мятежа, снабжал денежными средствами организатора восстания полковника Перхурова. После мятежа и до сего времени систематически ведет антисоветскую агитацию...»¹⁰. На допросе прапрадед признался в участии в Ярославском восстании и рассказал, как по требованию полковника Перхурова и распоряжению управляющего банком Цехонского с группой коллег выдавал деньги из кладовых банка на нужды восставших. В числе соучастников этой операции он «перечислил» по памяти 11 человек по фамилиям, именам и отчествам. Среди них были и Попов Петр Андреевич, и Федоренко Терентий Харитонович, — коллеги, с которыми Алексей Дмитриевич виделся в 1930 году после первого ареста, когда узнавал, не преследуют ли их за участие в мятеже. На допросе он упомянул об этой встрече. Позже Попов и Федоренко также воспроизвели наизусть список

7 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8312, л. 8:
протокол допроса Бурмистрова А. Д. от 1 ноября
1937 г.

8 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8312, л. 11:
протокол допроса Бурмистрова А. Д. от 8 декабря
1937 г.

9 Там же.
10 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8312, л. 1:
справка на арест Бурмистрова А. Д.

из 11 человек, назвав и моего прапрадеда участником мятежа. Примечательно, что в начале допроса на вопрос следователя о том, признает ли арестованный вину в том, что «вел систематическую антисоветскую агитацию», прапрадед ответил отрицательно, а затем поменял показания:

Вопрос: В 1930 году вы арестовывались за антисоветскую агитацию, а сейчас заявляете следствию, что никакой антисоветской агитации среди населения не вели. Вы лжете. Предлагаем дать по этому вопросу правдивые показания.

Ответ: Должен признать, что действительно на протяжении ряда лет, будучи враждебно настроенным к советской власти, я среди населения вел антисоветскую агитацию, используя всевозможные трудности, которые имелись в период развернутого социалистического строительства. Еще в 1920—30 г., когда не хватало мешкотары для перевозки заготовляемого хлеба, с целью дискредитации советской власти я говорил: «Смотрите, дожили: мешков у советской власти и то нет», и, восхваляя жизнь при царском строе, указывал, что «раньше все было». Аналогичного рода агитацию я вел в 1935—36 году в очередях у магазинов, когда имели место перебои в торговле хлебом, мануфактурой и т. д.¹¹

В тот же день следствие было официально завершено. В обвинительном заключении установлено, что Бурмистров Алексей Дмитриевич, «являясь участником белогвардейского мятежа, принимал непосредственное участие в снабжении полковника Перхурова деньгами, выдав ему из кладовых банка два с половиной миллиона рублей, а также на протяжении ряда лет систематически среди населения в целях дискредитации советской власти в очередях у магазинов вел антисоветскую агитацию, восхваляя жизнь при царском режиме. Виновным себя признал»¹². Следственное дело было передано на рассмотрение тройки УНКВД по Ярославской области, и в тот же день, 8 декабря 1937 года, был вынесен приговор: Бурмистрова Алексея Дмитриевича расстрелять. Постановление привели в исполнение 10 декабря 1937 года.

19 ноября 1957 года в связи с жалобой родственников Т. Х. Федоренко Управлением КГБ при Совете министров СССР по Ярославской области были рассмотрены архивные следственные дела по обвинению А. Д. Бурмистрова, Т. Х. Федоренко и П. А. Попова и возбуждено ходатайство перед прокурором Ярославской области об отмене решений тройки УНКВД по Ярославской области и прекращении дел в отношении этих людей.

10 февраля 1958 года президиум Ярославского областного суда полностью реабилитировал моего прапрадеда. «Бурмистров показал, что вместе с другими счетчиками Госбанка, Поповым и Федоренко, выполнили распоряжение управляющего банком Цехонского и выдали 2,5 миллиона руб. коменданту Перхурова. Произведенной проверкой архивных материалов Бурмистров, Попов и Федоренко участниками белогвардейского мятежа не значатся. В судебном процессе по делу Перхурова в 1922 г. свидетель Седов показал, что деньги в сумме 2,5 миллиона руб. были выданы мятежникам по принуждению, что передачей этой суммы мятежникам ими было сохранено больше ста миллионов руб. денег и на такую же сумму ценностей, находившихся

11 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8312, л. 10: протокол допроса Бурмистрова А. Д. от 8 декабря 1937 г.

12 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8312, л. 12: обвинительное заключение от 9 декабря 1938 г.

в банке. Обвиняемый Перхуров подтвердил, что деньги были изъяты по его указанию. О переходе на сторону мятежников банковских работников Перхуров показаний не дал. Показания Бурмистрова о проведении им антисоветской агитации неконкретны, в них не указано, где, когда и в присутствии кого проводились антисоветские разговоры. Других доказательств кроме показаний Бурмистрова по делу не имеется. При наличии таких данных следует признать, что Бурмистров осужден неосновательно. В силу изложенного постановление тройки УНКВД по Ярославской области от 8/12—1937 г. отменить и дело в отношении Бурмистрова Алексея Дмитриевича производством прекратить за отсутствием состава преступления»¹³.

13 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8312, л. 24, 25: постановление Президиума Ярославского Областного Суда об отмене решения тройки УНКВД по Ярос-

лавской области в отношении Бурмистрова А. Д. от 10 февраля 1958 г.

¹ Мария Бурмистрова с дочерьми (Лидия — слева и Софья — на коленях). Ярославская область, конец 1920-х гг.

² Алексей Бурмистров (в центре) с зятем. Ярославская область, 1930-е гг.

Мария Втораина

Алексей Дмитриевич Бурмистров

История восьмая

230

ИСТОРИЯ
ДЕВЯТАЯ

ВИТАЛИЙ
КОЛТЫГИН
ВАЛЕРИЙ
ГРИГОРЬЕВ

ПОИСК ПРАДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К РАССТРЕЛУ В 1937 ГОДУ

Виталий Колтыгин на бывшем спецобъекте НКВД СССР, расстрельном полигоне «Коммунарка». В период со 2 сентября 1937 года по 24 ноября 1941 года здесь были захоронены 6609 человек.

Виталий у стены памяти, где есть имя и его репрессированного прадеда — Валерия Григорьева.

Виталий Колтыгин

Валерий Владимирович Григорьев

История девятая

Баевский
Илья
Леонидович
1894 1901
1938

Илья Леонидович Баевский
родился 11.01.1894 г.
в семье С.А. и А.И. Баевских

Григорьев
Валерий
Владимирович
1901 1938

Валерий Владимирович Григорьев
родился 11.01.1901 г.
в семье В.И. и А.И. Григорьевых

Виталий Колтыгин

Валерий Владимирович Григорьев

История девятая

ВИТАЛИЙ КОЛТЫГИН

ВОЗВРАЩЕНИЕМ ИМЕН ИЗ НЕБЫТИЯ ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Виталий
Колтыгин,
экскурсовод
Музея истории
ГУЛАГа,
Москва

В детстве я жил с бабушкой в одной комнате. Помню, что у нас на полке стояла большая фотография в позолоченной рамке. Как-то я спросил, кто на ней изображен, и бабушка сказала, что это ее папа, Валерий Владимирович Григорьев. Его расстреляли, когда ей было всего шесть лет, а спустя двадцать лет реабилитировали, потому что осудили несправедливо. Каким-то образом я с самого детства знал, что все это связано со Сталиным. В семье о прадедушке почти не говорили, но табу по отношению к теме репрессий не было, скорее, наоборот. Просто знали крайне мало, бабушка его практически не помнила, но чтла и уважала всю жизнь, даже дала его отчество своим детям. Мои мама и дядя — Владимировичи, хотя отцов их звали иначе. Мама интересовалась судьбой своего репрессированного деда, но не знала, где и как искать о нем информацию. Я всерьез задумался над этим в 2012 году, когда поступил в Историко-архивный институт¹. Мы изучали различные аспекты архивных исследований, но до поиска документов о прадеде я тогда так и не дошел. А спустя шесть лет попал на семинар «Открытого списка» в Центре документации Музея истории ГУЛАГа, где обсуждалось, как искать сведения о репрессированных родственниках. Тогда я уже знал о прадеде чуть больше благодаря обнаруженной автобиографии прабабушки Марии Менделеевны Вайнштейн, в которой она вкратце изложила основные факты не только о себе, но и о Валерии Владимировиче. Эти сведения мне существенно помогли в дальнейшем. Прабабушку тоже коснулись репрессии — как жену «врага народа» с двумя малолетними детьми ее выслали из Москвы. Узнав, что в ГА РФ можно посмотреть дела репрессированных, следствие в отношении которых велось в Москве, я отправился на Большую Пироговскую² и в электронном каталоге нашел не только следственные дела, но и личное дело прадеда с места его работы. Тот день стал переломным, я понял, что еще немного, и мне откроется то, о чем никто в моей семье не знал. Я ощутил себя первопроходцем. Так начался мой поиск, который продолжался год — с осени

¹ Историко-архивный институт РГГУ (ИАИ РГГУ) — высшее учебное заведение в составе Российского государственного гуманитарного университета, правопреемник Московского историко-архивного института (МГИАИ), основанного в 1930 году.

² Архив расположен в двух зданиях по адресам: ул. Большая Пироговская, 17 и Бережковская наб., 26.

2018-го по осень 2019 года. Для того чтобы попасть в Государственный архив Российской Федерации, заявителю нужно отправить запрос любым удобным способом — по обычной или по электронной почте. После рассмотрения обращения вам выпишут пропуск и назначат день визита в читальный зал. Сначала я запрашивал по электронной почте следственные дела прадеда и прабабушки, а потом — личное дело работника в отделе архива на Бережковской набережной. Зная, что архивы требуют документальных подтверждений родства с репрессированными, я собрал необходимые бумаги³. Мне это не составило никакого труда, поскольку в нашей семье все документы сохранились, даже весьма ветхое свидетельство о рождении моей бабушки, выданное в 1931 году в Абхазии. На практике оказалось, что в ГА РФ подтверждение родства с реабилитированными лицами не обязательно⁴.

С документами я знакомился в читальном зале. Это было сильнейшее переживание. Я держал в руках бумаги, которые подписывал мой прадед, и история становилась осязаемой. Естественно, я предполагал, что меня ждет масса открытий — ведь о прадеде было известно не так уж много: что его расстреляли, реабилитировали, что якобы он был писателем и общался с Александром Григорьевичем Шлихтером⁵, участником Октябрьской революции, наркомом продовольствия в Сибири. Об этом знакомстве была лишь смутная семейная легенда, а теперь появилось и документальное подтверждение в личном деле работника Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), где служил прадед. Я наконец узнал, что прадед родился в Енисейске — центре золотодобычи, и, если верить протоколу допроса, его отчимом был владелец золотых приисков Власов. Конечно, нужно учитывать, что в годы Большого террора большинство показаний сочинялись следователями, а обвиняемый их только подписывал. В личном деле работника содержались данные, косвенно подтверждающие, что у прадеда действительно был отчим. Был ли это богач Власов или кто-то другой, я не знаю. То же самое могу сказать об остальной истории. Прадед курировал табачную промышленность, и в личном деле сохранились бумаги, касающиеся его профессиональной жизни — анкета ответственного работника РКИ, направления на командировки, заявления и т. п. Эти документы оказались весьма информативными, из них я узнал, что он объездил все «табачные» регионы Советского Союза — Кавказ, Крым и т. д. В 1929 году прадеда командировали в Абхазию, где он стал заместителем наркома земледелия. Согласно истории, изложенной в следственном деле, карьера прадеда шла в гору, но в 1936 году ему внезапно объявили строгий выговор за «антипартийные дела» и уволили с работы. В материалах дела это отражено очень плохо, хотя, казалось бы, задачей следователя было выстроить наглядную картину «грехопадения» человека, составить «со слов обвиняемого» убедительный рассказ, о том, как он перешел в стан врага. Как следует из протокола допроса, политические ошибки прадеда начались еще в красноярском райкоме комсомола, продолжались в Москве во время работы в Рабоче-крестьянской инспекции, когда он демонстрировал позиции, сходные с точкой зрения Бухарина, и окончательно проявились в Абхазии, где ярче всего расцвела сущность его «троцкизма». Восстановить эти события мне будет весьма трудно,

³ Для предоставления в архив были собраны следующие документы: паспорт, свидетельство о рождении, свидетельство о рождении матери, свидетельство о браке родителей, свидетельство о рождении бабушки.

⁴ Если с момента заведения дела прошло 75 лет, можно ознакомиться с делом реабилитированного человека без доказательства родства.

⁵ Шлихтер Александр Григорьевич (1868—1940) — советский государственный и партийный деятель, политолог, ученый-экономист, нарком продовольствия РСФСР (1917—1918).

так как архив Абхазии сгорел во время абхазо-грузинской войны⁶. То, что происходило по возвращении прадеда в Москву, изложено и вовсе как фантастическая шпионская история про его вовлечение в тайную контрреволюционную троцкистско-вредительскую организацию, действовавшую в Московском областном земельном управлении. Похоже, следователю для убедительности потребовалось подробно описать структуру, состав и цели этой «тайной организации». Все это он вложил в показания прадеда, представленные обстоятельно и даже дотошно. Следствие длилось полгода, и в нем заметна интересная динамика. Сначала прадеда пытались подвести под ст. 58 п. 7 УК РСФСР — «Вредительство в сельском хозяйстве». Слово «вредительский» встречается почти в каждом предложении протокола допроса. По этому обвинению также могли расстрелять, но был шанс и просто попасть в лагеря ГУЛАГа. Но, как я узнал из базы «Мемориала», 1 ноября 1937 года был утвержден очередной «расстрельный список»⁷, в котором говорилось, что Григорьева нужно судить по первой категории, а это означало расстрел. Статью исправили на 58 п. 8 — «Терроризм». Я видел, как в обвинительном заключении семерка красным карандашом исправлена на восьмерку. У А. Ю. Ватлина в исследовании «Террор районного масштаба» рассказывается об этом «красном карандаше»⁸, которым вышестоящее руководство исправляло в следственных делах то, что считало нужным. Прадеда расстреляли 11 декабря 1937 года в Москве. Точное место его захоронения до сих пор неизвестно. Но я нашел имя прадеда на стене памяти расстрельного полигона «Коммунарка». Однако пока не хватает одного существенного документа — акта о приведении приговора в исполнение. В справке о расстреле указано, что акт о приведении приговора в исполнение хранится в архиве спецотдела НКВД (известен даже номер дела и лист), но где находится сам архив, пока неизвестно. Мне встречалась информация, что архив подразделения с похожим названием во время войны был эвакуирован в Омск и находится там до сих пор, но я не уверен, что это тот самый архив. Надеюсь, мне поможет Центр документации и я смогу продолжить поиски.

Из следственного дела прабабушки Марии Менделеевны я узнал, что ее дважды допрашивали о муже. Родственники рассказывали, будто благодаря связям она уже знала, что его расстреляли, хотя официально «расстрельные» приговоры озвучивали как «10 лет без права переписки». На допросах она отвечала довольно кратко — что муж ее арестован, и упоминала о некоем письме «о безобразиях в Абхазии», которое прадед отправил Сталину, вернувшись в Москву. Видимо, он пытался себя как-то реабилитировать. Хотелось бы мне увидеть это письмо. Подобные документы хранятся в архиве Сталина⁹ и по ним проводятся исследования, но архив до сих пор недоступен не полностью. Может быть, письмо прадедушки когда-нибудь найдется. Прабабушку обвинили в том, что она утаила от органов НКВД факт «контрреволюционной деятельности» мужа, и осудили за «недонесение о преступлении». С двумя малолетними детьми ее выслали из Москвы на Украину. В 1940 году она пыталась обжаловать приговор, настаивала на своей невиновности, но его оставили в силе. Рассказывали, что, несмотря

6 Центральный государственный архив Абхазии сгорел 22 октября 1992 г. в ходе вооруженного конфликта на территории Абхазии между абхазскими и грузинскими вооруженными силами. Все неопубликованные материалы ЦГАА потеряны безвозвратно.

7 Списки лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР, утверждались Сталиным и членами Политбюро ЦК ВКП(б). С 1936 по 1938 г. было составлено 383 списка, которые включают 44,5 тысяч имен.

8 «Террор районного масштаба» — книга, написанная на основе анализа архивно-следственных дел, переданных в Государственный архив Российской Федерации.

9 Фонд 558 (И. В. Сталин) хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

на все лишения, которые ей пришлось пережить, Мария Менделеева сохранила веру в коммунизм и чуть ли не умирала с партбилетом в руках.

Кроме возможности «погрузиться» в личную историю, в архивных материалах можно увидеть много любопытного. Например, в следственном деле прабабушки я нашел интересный эпизод, скорее, бытописательский и оттого красочный и рельефный. Вернувшись из Абхазии в Москву, семья жила в деревянном бараке на Волоколамском шоссе. После ареста прадеда его комнату опечатали, но, оказалось, забыли закрыть окно. Спустя несколько месяцев жильцы стали жаловаться на холод, идущий из-под двери. Для того, чтобы распечатать комнату и закрыть окно, последовала долгая переписка между инстанциями, составляющая в деле несколько листов.

После архива мне казалось, что значительных открытий уже не будет. Но они были, и еще какие! В Интернете я обнаружил сборники произведений абхазских писателей, в том числе и моего прадеда. Семейная легенда оказалась правдивой, он действительно был писателем. И хоть его рассказы предельно тенденциозные и пропагандистские, мне важно знать, что написал их прадед и это часть его истории. Описываемые им действия часто происходят в Сибири и даже на золотых приисках, и это заставляет меня думать, что доля истины в следственном деле все же есть.

Поиск никогда не заканчивается, ведь каждая новая деталь дает интуитивное понимание того, где и что еще можно искать. Мой прадед учился в Красноярске, и у меня есть все основания запросить сведения о нем в красноярском архиве. Он окончил Петровскую сельскохозяйственную академию, и значит, я могу обратиться в архив ее преемницы — РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева. У прадеда были репрессированные коллеги, чьи следственные дела я также хочу изучить, чтобы составить полную картину репрессий против всего Московского областного земельного управления. К сожалению, чтобы ознакомиться с материалами «третьих лиц», в моем случае — людей, проходивших по делу прадеда, нужно объяснить цель своего интереса. И если я не кандидат наук, не исследователь из музея или архива, работающий над книгой или монографией, мне вполне закономерно могут отказать. Также до сих пор невозможно посмотреть материалы дел нереабилитированных лиц. Я считаю, что надо снять все ограничения, не позволяющие знакомиться со следственными делами репрессированных. Важно, чтобы любой человек мог прийти в архив, без всяких вопросов и объяснений заказать нужное дело, изучить его и вернуть обратно.

Несмотря на то, что наследники имеют право бесплатно получать копии документов своих репрессированных родственников, ГА РФ сначала отказал мне в этой услуге. Мне помог Александр Макеев из Центра документации. После длительной переписки с архивом мне удалось частично получить причитающиеся мне копии следственного дела¹⁰, которые я передал в архив Музея истории

10 ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 62153. Копии документов архивного следственного дела Григорьева В. В. на 87 листах: постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения; ордер на арест и обыск; протокол обыска; анкета арестованного; квитанция на документы; справка из военного комиссариата; протоколы допросов; выписка из протокола допроса свидетеля; протокол подготовительного заседания ВКВС СССР; протокол закрытого судебного заседания выездной сессии ВКВС СССР; обвинительное заключение; расписка подсудимого в получении обвинительного заключения; приговор; справка о приведении приговора в исполнение; справка о прекращении следственного дела свидетеля; протокол допроса следователя; заключение зам. Главного военного прокурора

в ВКВС СССР; определение ВКВС СССР; направление для исполнения определения ВКВС СССР; заключение о признании пострадавшим от политической репрессии; заявление на получение справки о месте работы подсудимого; справка о месте работы подсудимого на момент ареста; запрос начальнику учетно-архивного отдела по Днепропетровской обл.; расписка жены репрессированного об объявлении результата рассмотрения дела по реабилитации; справки об отсутствии компрометирующих материалов на репрессированного; требование на выдачу описи имущества репрессированного; сообщение об имуществе семьи репрессированного на момент ареста; справка об отсутствии описи имущества репрессированного.

ГУЛАГа. Стоимость копирования в архиве довольно высока: дело в сто страниц обойдется примерно в четыре с половиной тысячи рублей, и не каждый в наше время может себе это позволить. Это досадно, особенно когда речь идет о важных для любой семьи документах.

На вопросы «зачем проводить архивные расследования и изучать семейную историю, почему это важно?» я отвечаю для себя так: возвращением имен из небытия восстанавливается справедливость. Миллионы людей потеряли своих родных в годы Большого террора и жили, не зная правды об их судьбе. Изучение архивов дает возможность узнать то, что было сокрыто от родителей, дедушек, бабушек, прабабушек, прадедушек, но что они всю жизнь хотели знать. Тем самым исполняется важная для нескольких поколений семьи миссия. И это осознание значимости и нужности дела очень вдохновляет. Когда знакомишься с историей жизни родного человека, будто продлеваешь свою собственную жизнь на сто лет назад и обретаешь ранее неизвестную часть себя.

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
 ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
 УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

г. августа) мес. 4 дня Яков Павлович Фрол. Трубочкин
(должн. назв. органа, фамилия)
 допросил в качестве административного

1. Фамилия Тригорьев
2. Имя и отчество Валерий Владимирович
3. Дата рождения 20 в (ч. г.) 1904 г.
4. Место рождения г.р. Бийский
5. Место жительства г.р. Москва
6. Нац. и гражд. (подданство) СССР, русский
7. Паспорт _____
(когда и какии органом выдан, номер, категор. и место приписки)
8. Род занятий полк. всего НК, Маново-фин. сектора Управления НКВД
(место службы и должность) МОЗУ
9. Социальное происхождение служащий
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
  - а) до революции с 1910 г. жил на иждивении отца,
который имел золотые приказы в Сибири
  - б) после революции служащий
11. Состав семьи жена Вайнштейн Мария Менделевна, 35 лет
(близкие родственники, их имена, фамилия, адреса и род занятий)
и служащий, дочь Ирина 6 лет, сын Сергей 5 месяцев.
Адрес: Москва 101, Волоколамское шоссе, поселок
"Красная Горка" дом № 76 кв № 4.

Вал. Тригорьев

21. Образование (общее, специальное) окончил в 1925 г. (без диплома работы) экономич. факультет Тбилисского ун-та С.Х. Делми

18. Партийность (в прошлом и в настоящем) член ВКП(б) с 1928 г. по 26 июля 1937 г. В 1936 г. получил от П.К. КБК с выговор с предупреждением за парт. невыдержанность

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)

а) до революции нет

б) после революции нет

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти нет

16. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете п.п.7. октябрьский райвоенкомат г.р. Москвы

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах) когда и в качестве кого, отношение к воинской повинности с 1920 по 1921 в Польском отделе ВС 5 Армии

18. Служба в белых и др. н.-р. армиях (когда и в качестве кого) нет

19. Участие в бандах, н.-р. организациях и восстаниях нет

20. Сведения об общественно-политической деятельности 1932-1934 г.г. член абхазской обком. КП(б) Грузии; 1934-1936 г.г. член Абх. обкома КП(б) Грузии; 1934-1936 г.г. член ЦИКа и Президиума ЦИК АССР Абхазии

Примечание: Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а последняя — допрашивающего.

Вал. Григорьев

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

Имя Вайнштейн Фамилия Морисовна
 Адрес Москва, ул. Крестовский пер. д. 10, кв. 10

- Фамилия Вайнштейн
- Имя и почтение Мария Морисовна
- Дата рождения 1901
- Место рождения г. Кременчуг, Укр.
- Местожительство Москва по пр. Горького д. 4, Крестовский пер. д. 10, кв. 10
- Над. и гражд. (подданств.) пр. член СССР Советов
- Паспорт Зыков 22/2 № 452394
- Род занятий Ф-ка Коммунистической Молодежи СССР
- Социальное происхождение отцу служилому

10. Социальное положение (род занятий и местожительное положение)

а) до революции случайная

б) после революции случайная

11. Состав семьи отцу Вайнштейн Морисовичу, матери Вайнштейн Марии Морисовны, сыновьям Вайнштейн Михаил и Владимир

Мать работала в текстильном техникуме воен. летчик. Сестра Мария была домохозяйкой, брат Владимир швейцар. Мать работала в Фаб. К.К. Сестра Вайнштейн Мария Морисовна. Младший брат - брат Работин, сестра Вайнштейн Мария Морисовна. Мать работала в текстильном техникуме воен. летчик. 1945-1947 гг. - в Фаб. К.К. 1947-1949 гг. - в Фаб. К.К.

12. Образование (общее, специальное) среднее

13. Партийность (в прошлом и в настоящее) ЧП.
была чл. ВКП(б) с 1927 по 1937 август 4-го
назначена за членство в партии Коммунистической

14. Каких преступлений совершила: судимости, арест и др. (когда, каковы органы и за что)
 а) до революции нет

б) после революции Университетская

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти
нет

16. Категория школьного учета-класс и где состоит на учете
нет

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого, опознание и воинской повинности
вслучае

18. Служба в белой и др. к-р. армии (когда и в качестве кого)
вслучае

19. Участие в буржуаз., к-р. организациях и организациях
не работала

20. Сведения об общественно-политической деятельности
работала в Коммунистической Рабочей Молодежи
г. Москва с июля 1935 по январь 1937

Вайнштейн

Протокол составлен в соответствии с требованиями, изложенными в инструкции к форме № 1 от 1937 г.

УТВЕРЖАЮ
ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛ. МО
И. П. ПЕТРОВ
(подпись)

16 апреля 1938

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу № 5611 по обвинению
ВАЙНШТЕЙН Марии Михайловны по ст.ст.
17-58 п.п. 8 и 12 УК РСФСР.

1938г. апреля "4" г.г. Я, сотрудник Соер. группы
УПРАВЛ. по делам иностр. гос. гражданства СРОВО, рассмотрев
следственные материалы по обвинению ВАЙНШТЕЙН Марии Михай-
ловны, -

И. А. П. Е. Я:

Постановлением Военной Коллегии Верховного суда
СССР от 1937г. осужден по 1-й категории ТРИКОРЬЕВ Валерий
Евгеньевич, как враг народа, с тем вместе провозил его
жена ВАЙНШТЕЙН Мария Михайловна.

НА СОСЛОВИИ ПРИКАЗА ИЖОМ СССР № 00488 ОБВИНЯЮТСЯ:

ВАЙНШТЕЙН Мария Михайловна, 1901 г.р., уро-
д. Чиряевкут, СССР, граждан. гр-жа СССР, из инту-
ристки, работала на 3-ий "Коммунарский завод"
востром, образовала среднее, 5 кл., с 1927 по
1927г. - работала в к. 3-ий кл. 3-ий кл. - работала
на уральском заводе авиационности в к. 3-ий кл.
1937г. 19 кл. - проживает: Москва, обл. Ср. Турма,
1-я коммунальн. проезд, д. 1/73, кв. 4. -

- в том, что будучи женой осужденного врага народа ТРИКОРЬЕ-
ва В.Е., зная о его к-р деятельности, но не сообщая соот-
ветствующим органам Сов. власти, чем способствовала совершению

преступления, являясь его соучастницей, т.е. в преступлении
предусмотренном ст.ст.17-58 п.п. 8 и 12 УК РСФСР.

Обвиняемая ВАЙНШТЕЙН Мария Михайловна виновной себя не
признала.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ:

Следствие дело № 5611 по обвинению ВАЙНШТЕЙН Марии
Михайловны по ст.ст.17-58 п.п. 8 и 12 УК РСФСР прекратить и
распространить Особого Совещания при ЦКП СССР.

СОТРУДНИК СОВЕР. ГРУППЫ
И. А. П. Е. Я. (подпись)

"СОГЛАСЕН":

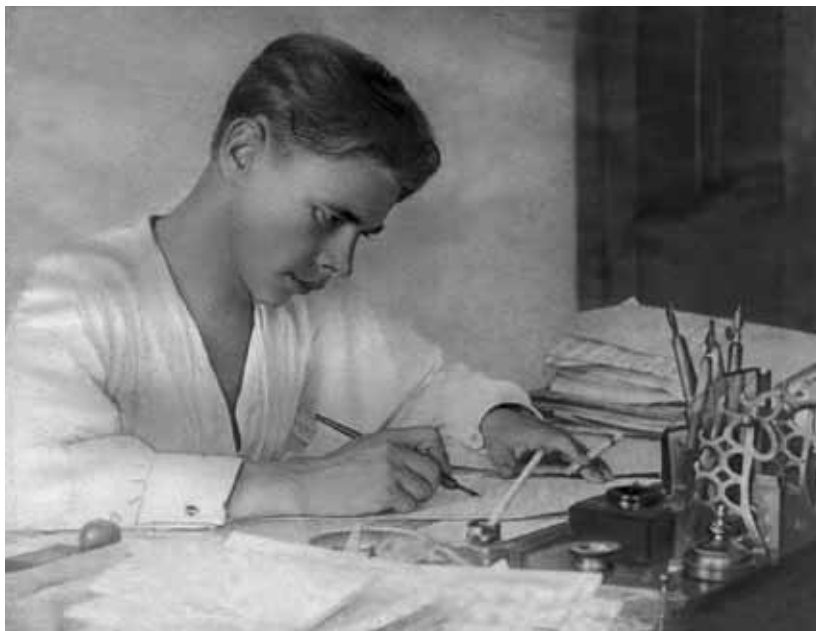
НАЧ. СОВЕР. ГРУППЫ УПРАВЛ. ПО
ДЕЛАМ ИНОСТРАН. ГОС. ГРАЖДАН. (подпись)

СИРАВКА: 1. Обвиняемая ВАЙНШТЕЙН М.М. исключается из списка
о левых.

СОТРУДНИК СОВЕР. ГРУППЫ
И. А. П. Е. Я. (подпись)

ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ

Мой прадед Валерий Владимирович Григорьев родился в 1904 году в небольшом сибирском городе Енисейске недалеко от Красноярска. В то время это был центр золотодобычи, «сибирский Клондайк». Как свидетельствовал прадед на допросе, его отец, служащий, очень рано оставил семью, и в 1910 году мать вышла замуж за владельца золотых приисков Авенира Александровича Власова. После ее смерти в 1918 году прадед недолгое время

Валерий
Григорьев,
1920-е гг.

воспитывался в семье прокурора Дмитрия Евдокимовича Лаппо¹². Вероятно, отчим прадеда в то время служил у Колчака. После его разгрома в 1919 году Власов уехал в Харбин, восточный центр русской эмиграции, и прадед с ним больше никогда не встретился. В семье Лаппо прадед не прижился — сбежал. Он беспризорничал, пока однажды на Красноярском вокзале не встретился со своим родным отцом и не ушел жить к нему. Вероятно, в этот период прадед окончил гимназию, и после установления в 1920 году в Красноярске советской власти поступил в комсомольскую коммуны, где его даже приняли в комсомол с четырехлетним кандидатским стажем, несмотря на его непролетарское социальное происхождение и членство в правлении существовавшей при Колчаке организации «Дом Юношества». В мае 1920 года прадед ушел добровольцем в Красную армию. Служил курьером в агитационном, а затем в справочном отделе. Демобилизовался в феврале 1921 года и за-

¹² Лаппо Дмитрий Евдокимович (1861—1936) — юрист, политик, педагог, этнограф.

нялся политпросветработой в Красноярском городском районном комитете комсомола. Затем уехал в Москву, где поступил на Голицынские сельскохозяйственные курсы, слившиеся в 1922 году с Петровской сельскохозяйственной академией¹³. Прадед учился на экономическом факультете и работал в Рабоче-крестьянской инспекции¹⁴ сначала как практикант, а после окончания академии в 1925 году — как полноценный сотрудник. Он курировал табачную промышленность, объездил полстраны и в 1928 году встретил мою прабабушку, которая работала в тресте «Табаксырье». Через два года прадеда командировали на ответственную работу в Сухуми, в Абхазию, и они уехали туда уже вдвоем. В 1931-м в семье родилась дочка Ирина — моя бабушка. Прадед строил карьеру и все-речь занимался писательством. Регулярно публиковал рассказы, статьи, в том числе и по сельскому хозяйству. В 1932-м он стал ответственным редактором газеты «Советская Абхазия» и членом молодого Союза абхазских писателей. В 1933 году прадеда назначили первым заместителем Наркомзема Абхазии, а с 1934 по 1936 год он был секретарем Абхазского ЦИК. Прабабушка тоже работала по партийной линии, заведовала агитмассовым отделом Абхазского обкома партии. Они были частью местной элиты и вроде бы даже жили в доме правительства. Но все рухнуло в одночасье — в апреле 1936 года прадеда сняли с работы и объявили строгий выговор с предупреждением «за партийную невыдержанность».

Из показаний на допросе В. В. Григорьева 4 августа 1937 года:

«Работая ответственным редактором газеты «Советская Абхазия», я совершенно не уделял внимания рабселькоровскому движению, не придавая ему политической сущности. Допускал проникновение в ряды Союза писателей чуждых лиц, репрессированных и т. д. <...>, пропускал в печать явный брак литературных произведений, как лично своих, так и стихов Данилевской, Жвания и др., защищал на бюро Обкома при проверке партдокументов троцкиста С. Я. Чанба. В январе месяце 1936 года, на пленуме Абхазского обкома КП(б) Грузии, я выступал против решения ЗКК ВКП(б) о смене секретарей обкома, которое было уже утверждено ЦК ВКП(б). Это выступление я рассматриваю как выступление против принципа демократического централизма. В 1934 году, после убийства С. М. Кирова, на партийном собрании своей ячейки при ЦИК Абхазии, при обсуждении письма ЦК я сознательно не выступил с саморазоблачением себя в троцкизме, боясь разоблачения. Перед 4 марта 1936 года¹⁵ я занял явно враждебную позицию по отношению к письму трудящихся Грузии на имя Сталина. Вместо того, чтобы способствовать поднятию авторитета письма и популяризации его политического значения, я начал в разговорах с рядом работников дискредитировать письмо и противопоставлять письмо трудящихся Абхазии письму трудящихся Грузии, чем разжигались националистические враждебные настроения...».

Трудно представить, как эти события потрясли семью, ведь они потеряли практически все. Прадеду было 32 года, прабабушке — 35, время расцвета и для карьеры, и для семейной жизни. В мае 1936 года семья вернулась в Москву и поселилась в поселке Красная Горка в двухэтажном деревянном бараке с окнами, выхо-

13 Петровская сельскохозяйственная академия — высшее аграрное учебное заведение в России, в 1923 г. переименована в Сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева.

14 Рабоче-крестьянская инспекция — система органов власти, занимавшаяся вопросами государственного контроля. Систему возглавлял

Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ).

15 4 марта 1921 г. в Абхазии была установлена советская власть. 31 марта 1921 г. — день провозглашения Абхазии независимой Советской Социалистической Республикой. В 1931 г. Абхазия стала автономной республикой в составе Грузинской ССР.

дившими на Волоколамское шоссе. Сейчас этого дома уже нет. Прабабушка устроилась инструктором в Свердловский райком ВКП(б), а прадед довольно долго не мог найти работу. Через полгода безуспешных попыток он написал письмо своему бывшему сокурснику по академии Александру Васильевичу Ковалеву, начальнику Московского областного земельного управления (МОЗУ). Не получив ответа через месяц, в конце ноября 1936 года прадед направился в Управление сам. Ковалева на месте не застал, но имел разговор с его заместителем Н. Л. Фельдманом¹⁶. Как следует из протокола допроса, тот взял Валерия Владимировича на работу начальником планово-финансового сектора Лыноуправления, «проявив интерес к его сложному политическому прошлому и антипартийным делам». Впоследствии именно Фельдман якобы вовлек прадеда в «контрреволюционную троцкистско-вредительскую организацию», действовавшую в Московском областном земельном управлении.

Из протокола допроса В. В. Григорьева 4 августа 1937 года¹⁷:

«... Фельдман <...> подробно расспрашивал о моих настроениях в связи с длительной безработицей и потом сказал мне, что он мне сочувствует, что в подобном положении находятся сейчас многие и что виновен в этом режим, установленный в стране Сталиным. «Недовольство этим режимом, — сказал он, — растет и захватывает все большие слои населения и партии». У меня было другое представление о положении в стране, и я выразил Фельдману свое недоумение. Он на это заметил, что я оторвался за те месяцы, что не работал, и не знаю, что неурожайный 1936 год произвел значительные изменения в настроении крестьян, а режим, установленный Сталиным после убийства С. М. Кирова, поднял недовольство в значительных партийных слоях. Фельдман сказал, что крестьянство сейчас близко к вооруженному восстанию и что Сталин держится еще только потому, что ему удалось разгромить крупные троцкистские штабы, и нужно время, чтобы восстановить организационные единицы противосталинских сил и сейчас уже формируются эти силы, даже в МОЗУ имеется троцкистская вредительская организация и что при приеме меня на работу он рассчитывал, что я приму в этом участие. Имея в виду создавшееся у меня положение в партии, он не видит препятствий к тому, чтобы мне вступить в организацию. Сообщив все это, Фельдман потребовал у меня ответа. Будучи остро восстановлен против партии и советской власти, в результате взысканий и безработицы я дал свое согласие на вхождение в организацию и на выполнение в своей работе директив ее руководителей. Когда я стал уходить из кабинета Фельдмана, он меня предупредил: “Не вздумай куда-либо сообщить о нашем разговоре, с твоим грузом политических ошибок тебе все равно никто не поверит, а мне и Ковалеву ничего не стоит доказать, что ты клеветник”. Я ему сказал: раз я дал согласие, то заявлять не думаю и буду работать в организации».

Прадед проработал в Лыноуправлении МОЗУ недолго. 25 июля 1937 года к нему домой пришли с обыском. Как сказано в протоколе, конфисковали переписку и книги, «подлежащие изъятию», а на следующий день прадеда арестовали. Его обвиняли в составлении «вредительских» финансовых планов и запутывании расчетов с колхозниками, чтобы спровоцировать их недовольство властью и подвести к восстанию. Сначала он отрицал свою вину, но затем, ссылаясь на якобы предъявленные ему неопровержимые доказательства, вину признал.

¹⁶ Фельдман Нехемий Львович (1896—1937) — советский военный и хозяйственный деятель.

¹⁷ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 62153 П-65104: протокол допроса от 4 августа 1937 г.

1937 года:

Вопрос: Вы арестованы как участник контрреволюционной троцкистско-вредительской организации, существующей в системе Московского областного земельного Управления. Признаете ли себя в этом виновным?

Ответ: Виновным в этом себя не признаю. Я участником контрреволюционной троцкистско-вредительской организации, существовавшей в системе МОЗУ, не был и о существовании ее не знаю.

Вопрос: Вы даете следствию ложные показания. Следствие располагает точными материалами о том, что Вы являетесь активным участником контрреволюционной троцкистско-вредительской организации, существующей в системе МОЗУ. Следствие требует по этому вопросу открытых и правдивых показаний.

Ответ: Я еще раз заявляю, что о существовании в МОЗУ контрреволюционной троцкистско-вредительской организации мне ничего не известно и участником ее я не был.

Вопрос: Предупреждаем вас, что будем уличать вас фактами, имеющимися в распоряжении органов НКВД, о вашем активном участии в контрреволюционной троцкистско-вредительской организации, существующей в МОЗУ, и фактами вредительской деятельности, проведенной лично вами. Поэтому категорически требуем от вас правдивых и исправных показаний на первый поставленный вам вопрос.

Ответ: Будучи арестованным 26 июля 1937 года, я до сих пор давал следствию ложные показания, хотя от меня неоднократно требовали правдивых показаний. Видя, что дальнейшее сопротивление органам следствия бесполезно, т. к. факты моей вредительской деятельности и моего участия в контрреволюционной троцкистско-вредительской организации, существовавшей в системе МОЗУ, вскрыты и мне против них возражать будет невозможно, я решил в дальнейшем давать следствию только правдивые и искренние показания.

<...> Я признаю, что до момента моего ареста я являлся активным участником контрреволюционной троцкистско-вредительской организации, существующей в Московском Областном Земельном Управлении.

В нелегальную троцкистско-вредительскую организацию я был вовлечен заместителем начальника Московского Областного Земельного Управления Фельдманом Н. Л. в начале января 1937 года.

<...> Я попросил Фельдмана проинформировать меня о направлениях и задачах вредительства как в МОЗУ, так и в районах. На это Фельдман мне ответил: «Задача нашей организации заключается в том, чтобы восстановить крестьян против советской власти и ВКП(б), подготовить их к вооруженному восстанию. Для этого необходимо путем вредительства в сельском хозяйстве привести колхозы к развалу. Этим вызвать возмущение колхозников политикой ВКП(б) и Советского правительства. 1937 год нужно использовать как решающий год для борьбы с ВКП(б) и советской властью, тем более что к этому имеются все предпосылки. Благодаря проведенному вредительству в сельском хозяйстве и неблагоприятным климатическим условиям в 1936 году урожая не было, колхозники остались без хлеба, фуража и семян. Отсюда несколько последовательных актов вредительства в сельском хозяйстве плюс проведение контрреволюционной агитации среди них. Можно легко поднять их на вооруженный мятеж. Люди для того, чтобы возглавить этот мятеж, есть.

<...> Кроме вышеуказанных задач в части вредительства наша организация ставила перед собою организацию террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительств, уничтожение колхозного и государственного имущества путем поджогов. Это мне стало известно от Фельдмана в мае 1937 года. Во время одного разговора по служебным делам в его кабинете мы перешли к разговору о деятельности нашей организации. На мое замечание, что вредительство должного эффекта в части борьбы с советской властью и партией не дает, Фельдман мне сказал, что организация занимается не только вредительством — она готовит террористические акты против руководителей ВКП(б) и Сов. правительства, что для этого созданы специальные боевые террористические группы. Кроме того, организация ведет подготовку к совершению поджогов колхозов и МТС в районах. <...> моя задача заключалась в составлении вредительских планов по районам и МТС Льноводческого Управления Московской области. Эти планы я составлял на основе спущенных вредительских лимитов планово-финансовым отделом МОЗУ».

Согласно обвинительному заключению, прадед был уличен показаниями Н. Л. Фельдмана. Сам Фельдман на допросе заявил, что был участником троцкистской организации по принуждению, никого не вербовал и принял на работу «троцкиста Григорьева» по указанию Ковалева. По его словам, Григорьеву передавались задания вредительского порядка, которые тот выполнял. «Допрошенный в качестве обвиняемого Григорьев В. В. признал себя виновным полностью. Обвиняется в том, что, являясь участником контрреволюционной троцкистской вредительско-террористической организации, существовавшей на территории Московской области, вел активную вредительскую деятельность в области сельского хозяйства, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 8 и 11 УК РСФСР»¹⁸.

11 декабря 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила прадеда к высшей мере наказания, и в тот же день его расстреляли. В феврале 1956 года в рамках пересмотра обвинительного приговора был допрошен следователь Михаил Леонтьевич Губочкин, который вел дело прадеда. Он утверждал, что не помнит, был ли он следователем по делу Григорьева, не знает, какие материалы послужили основанием для его ареста, затрудняется ответить, почему при проведении следствия были допущены процессуальные нарушения. Он также показал, что в Московском управлении НКВД применялись незаконные методы следствия по отношению к арестованным за контрреволюционные преступления — их избивали, но лично к Григорьеву незаконных методов следствия он не применял, а в отношении других работников, причастных к его аресту и делу, сказать ничего не может. 14 апреля 1956 года Военная коллегия Верховного суда установила, что следственные органы не располагали материалами, изобличающими прадеда в контрреволюционной деятельности, а показания обвиняемого являлись надуманными и не могли быть приняты как доказательства. Был отмечен и ряд грубых нарушений закона, допущенных следствием. На основании вновь открывшихся обстоятельств приговор был отменен и прадеда реабилитировали.

После ареста и гибели прадеда прабабушка Мария Менделеевна осталась с двумя детьми — шестилетней дочерью Ириной и грудным младенцем Сережей, который родился в феврале 1937 года, еще до трагических событий. Они продолжали жить

18 ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 62153 П-65104: обвинительное заключение по делу Григорьева В. В. от 9 декабря 1937 г.

в бараке, а чтобы прокормить детей, Мария Менделеевна работала мастером на фабрике «Кооперативная игрушка». Через месяц после расстрела прадедушки НКВД взялся и за нее. 9 января 1938 года ее вызвали на первый допрос. Интересовались, где ее муж, чем занимается и что она думает о его контрреволюционной деятельности. Прабабушка отвечала, что ее муж — агроном и экономист, арестован 26 июля 1937 года, имел выговор по партийной линии, уволен с высокого поста в Абхазии, а по возвращении в Москву писал Сталину:

«Мне известно, что в январе или в начале февраля 1937 года моим мужем было составлено письмо на имя т. Сталина о безобразиях в Абхазии, которое, по моему предположению, было использовано в целях антисоветской агитации; мне также известно, что мой муж Григорьев имел троцкистские колебания, т. е. голосовал за троцкистскую оппозицию, в 1936 году имел строгий выговор с предупреждением за рецидив троцкизма. Это взыскание было дано абхазским обкомом Грузии»¹⁹.

Через два месяца ее снова вызвали на допрос, на котором уже требовали признаний в том, что она знала о контрреволюционной деятельности мужа и этот факт скрывала.

Из протокола допроса Вайнштейн М. М. 1 апреля 1938 года²⁰:

Вопрос: Признаете себя виновной в том, что, будучи женой врага народа Григорьева, знали о его контрреволюционных действиях и скрывали от органов советской власти? Предлагаю показания давать правдивые.
 Ответ: В предъявленном мне обвинении виновной себя не признаю.

Прабабушку обвинили в том, что она, «будучи женой осужденного врага народа Григорьева В. В., знала о его контрреволюционной деятельности, но не сообщила органам советской власти, чем способствовала совершению преступления, являясь его соучастницей». Без доказательств и признательных показаний ее осудили по ст. 17-58 п. 8 и 12 УК РСФСР²¹, и 8 мая 1938 года Особое совещание при НКВД СССР²² приговорило ее к пяти годам высылки из Москвы с лишением права проживания в 15 населенных пунктах. Вероятно, она сама выбрала местом поселения Кременчуг — свой родной город, и выехала туда с детьми под надзор органов НКВД. После приговора прабабушку исключили из партии, это впоследствии сказалось на ее трудоустройстве — в Кременчуге она смогла найти лишь работу счетовода в промартели. Когда началась война, их эвакуировали в Оренбургскую область, Чкаловский район, где прабабушка работала в колхозе им. Ленина Подгородне-Покровского сельсовета. В 1944 году она с детьми вернулась из эвакуации в Кременчуг, но их дом оказался разбомбленным и им пришлось уехать в Днепропетровскую область, в село Екатериновка. У моей бабушки Ирины Валерьевны остались очень теплые воспоминания о жизни там, и она бережно сохранила фотографии того периода. В 1957 году, после реабилитации прадеда, Мария Менделеевна с детьми возвратились в Москву и поселились в коммунальную квартиру на Кутузовском проспекте.

19 ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 21568 П-22798, л. 11, 11 об.: протокол допроса Вайнштейн М. М. от 9 января 1937 г.

20 ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 21568 П-22798. 21 Ст. 17-58 п. 8, 12 УК РСФСР — «Содействие террористическим намерениям осужденного и недонесение о готовящемся контрреволюционном преступлении».

22 Особое совещание при НКВД СССР — внесудебный орган, существовавший с 1934 по 1953 г.,

которому в отношении лиц, признаваемых социально опасными, было предоставлено право на ссылку, высылку за пределы СССР и заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет, с 1937 г. — до 8 лет, а затем и до 10 лет. В годы Великой Отечественной войны Особое совещание имело полномочия по делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела.

² Мария Менделеевна Вайнштейн с дочерью Ириной. 1930-е гг.

³ Ирина Валерьевна Григорьева, дочь В. В. Григорьева и М. М. Вайнштейн

256

ИСТОРИЯ
ДЕСЯТАЯ

ВЕРА
ГРЮНБЕРГ-
ИВАННИКОВА
ЮЛИУС
ГРЮНБЕРГ

ПОИСК ДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К РАССТРЕЛУ В 1938 ГОДУ

У Веры Константиновны Грюнберг-Иванниковой сохранилось несколько бабушкиных вещей. Одна из них — брошь. Когда Вера была маленькой девочкой и гостила у бабушки, она любила рассматривать

и даже примерять эту брошку. Бабушка Веры Константиновны — Валентина Николаевна, жена репрессированного Юлиуса Грюнберга, была осуждена как член семьи изменника Родины и отбыла 8 лет в АЛЖИРе.

Вера Грюнберг - Иванникова

Юлиус Густавович Грюнберг

история десятая

ВЕРА ГРЮНБЕРГ- ИВАННИКОВА

ВИДИМО, СУЩЕСТВОВАЛО ТАКОЕ ТАБУ — НЕ ГОВОРИТЬ О ПРОШЛОМ, МОЖЕТ БЫТЬ, ДАЖЕ ЗАБЫТЬ, ВЫЧЕРКНУТЬ ИЗ ПАМЯТИ

О том, что в нашей семье были репрессированные, я долгое время не знала. Ни мама, ни бабушка, ни ближайшие родственники ничего об этом не рассказывали. Выяснилось это совершенно случайно. В начале 1990-х годов мой двоюродный дядя Игорь Леонидович Поль попросил помочь ему с изданием книги о своей семье¹, в которую он включил воспоминания о жизни в лагере, записанные со слов его мамы Капитолины Николаевны, родной сестры моей бабушки Валентины Николаевны Грюнберг. Как члена семьи «врага народа» ее отправили в Акмолинский лагерь жен изменников Родины, всему миру известный как АЛЖИР². Эта книга меня потрясла — оказалось, что одновременно с Капитолиной в лагере была и моя бабушка, более того, сестры там встретились. История, достойная кинофильма, но абсолютно правдивая, как раз описывалась у дяди в книге. «...Обе были настолько поражены, что молча, не спуская глаз друг с друга, сделали еще несколько медленных шагов навстречу, так же молча бросились друг другу в объятия и упали. Движение затормозилось, женщины, не зная, в чем дело, шумно напирала с обеих сторон. Произошла небольшая давка, но те, кто был рядом, окружили сестер плотным кольцом, движение остановилось, и когда окружающие поняли, что встретились сестры, в нормальной жизни разделенные десятком тысяч километров, встретились в этом неведомом людям и забытом богом АЛЖИРе, то, плача, стояли еще некоторое время и оберегали эту удивительную встречу».

Вера Грюнберг-Иванникова, заведующая редакцией журнала «Вопросы нейрохирургии имени Н.Н. Бурденко», Москва

¹ Поль И.Л. Оглянься со скорбью: История одной семьи. — Иркутск, 1991. С. 192.

² Акмолинское отделение Карагандинского ИТЛ (Казахстан) создано в 1938 году специ-

ально для осужденных жен «изменников Родины». Заключенные-женщины назвали его АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников родины).

Моя бабушка умерла, когда мне было четырнадцать лет. Я была уже разумная, но, видимо, существовало такое табу — не говорить о прошлом, может быть, даже забыть, вычеркнуть из памяти. Поэтому я долго ничего не знала ни о судьбе бабушки, ни о судьбе деда Юлиуса Густавовича Грюнберга и не подозревала о его страшной участи.

Я читала дядину книгу, когда ухаживала в больнице за своей парализованной мамой. Помню, как, ошеломленная, задавала ей вопросы: «Мама, это было? Разве это было?!» К сожалению, она перенесла тяжелый инсульт, у нее была потеряна речь, и на мои вопросы она отвечала знаками, открывая и закрывая глаза. Вскоре мама умерла. Я тогда была молода, маленькие дети и связанные с ними заботы меня захватили, и в выяснение судеб своих родных я так и не углубилась. Сейчас, оставшись одна — брат с сестрой умерли, став свободнее — дети выросли, я поняла, что мой долг — восстановить память. Как говорится, люди живут, пока мы их помним. Мои родные пережили страшное время. У деда была яркая, активная, интереснейшая жизнь. Конец его был печален. Бабушка восемь лет провела в лагере, оторванная от детей. Моя мама в пятнадцать лет осталась без родителей. Она мечтала выучиться на врача, но была вынуждена после восьмилетки пойти работать. Да и меня это коснулось. Из-за того, что маме нужно было зарабатывать на жизнь, я все время была на пятидневках — в яслях, детском садике и даже в школе с первого по восьмой класс. Если я по молодости на маму обижалась, то теперь понимаю, что у нее просто не было другого выхода.

В 2017 году произошло знаковое событие — на сайте www.geni.com мой двоюродный брат увидел фотографию молодого Юлиуса Грюнберга. Я написала администратору в надежде выяснить авторство публикации, и оказалось, что фотографию разместила моя троюродная сестра, живущая в Эстонии. Вот так благодаря сайту я не только познакомилась со своей эстонской родней, которая проявляет к генеалогическим вопросам большой интерес, но и узнала о молодых годах моего деда. Все сложилось замечательно, и я считаю, что это Бог помог мне начать поиск.

Мой дедушка родом из Ревеля (Таллин). У него была младшая сестра Лилли, моя эстонская родня — ее потомки. Когда я увидела семейную фотографию Грюнбергов, была просто поражена, насколько моя мама похожа на свою бабушку Алине и тетю Лилли в зрелом возрасте — не нужно никакой генетической экспертизы. 1 августа 2018 года я первый раз увиделась со своими родственниками. Никогда не забуду нашу встречу. Я вышла из поезда в Таллине, а на перроне меня уже ждали с цветами и клубникой мои троюродные сестры Анн, Криста и брат Мартин. У меня еще есть сестра Марию и брат Алар³ — такая я богатая. Я пробыла в Эстонии неделю и просто влюбилась в страну. Я поняла, что эстонка, хотя во мне всего лишь четверть эстонской крови. Оказалось, что ни у кого из родственников не сохранилась фамилия Грюнберг, и я решила — а возьму-ка! Сколько буду жить, столько пусть будет и эта фамилия. Более того, я так прониклась, что даже захотела получить эстонское гражданство. Но мне отказали за неимением доказательств того, что дедушка с 1918 по 1940 год был гражданином Эстонии. Он в то время жил в Чите. Сестры нашли в архиве запись от 1921—1922 гг. на эстонском языке: «Юлиус Грюнберг, лютеранин, уроженец города Ревеля, родился 29 апреля 1883 года, шатен, глаза светло-серые, кооператор, место проживания — город Чита».

Эстонское правительство собирало такие сведения о каждом своем гражданине — страна ведь очень маленькая.

В 2018 году я обратилась в Государственный архив Российской Федерации, в филиал на Бережковской набережной, чтобы уточнить, есть ли какие-то сведения о Юлиусе Грюнберге. Мне повезло — нашлось его личное дело. Я собрала документы, подтверждающие родство с бабушкой — свое свидетельство о рождении, свидетельство о рождении моей мамы, свидетельство о маминном браке и смене фамилии, свидетельство о браке бабушки и дедушки. Мне назначили день для ознакомления с материалами дела в читальном зале, и я помню, как переживала, когда ехала туда, — как будто мне предстояло свидание с дедом. В личном деле оказались документы, касающиеся его трудовой деятельности⁴. В 1936 году Юлиус Грюнберг обращался в Народный Комиссариат социального обеспечения РСФСР для назначения ему персональной пенсии. Материалы чрезвычайно интересные, чего стоит одна автобиография! Я узнала, что в молодости дед одиннадцать лет провел в Александровском центре города Иркутска, три из которых — в одиночной камере. Мои эстонские сестры прислали мне фотографию, где рукой Юлиуса помечено окошечко этой камеры. Дед занимал высокие посты и имел исключительные характеристики с мест службы — огромный список учреждений и обширная география: Монголия, Прибайкалье, Китай, Япония, Якутия. Моя мама родилась в Харбине в 1923 году, она рассказывала, что дед работал в Китае. У нее сохранились отрывочные детские впечатления о бесконечных рисовых полях и доносящемся оттуда специфическом запахе удобрений. В Москве семья жила на Покровке, в личной карточке был указан не только адрес, но и номер телефона. Из этого дома Юлиуса и забрали. За заслуги в работе ему назначили пожизненную пенсию в 300 рублей, и он даже успел ее получить — до ареста оставалось полтора года. Вся эта информация произвела на меня такое впечатление, что я решила продолжать поиски дальше.

В 2019 году исполнялось 50 лет со дня смерти бабушки Валентины Николаевны, и мне очень захотелось в память о ней поехать туда, где она прожила страшные восемь лет. Написала письмо в музей АЛЖИРа⁵, и меня пригласили посетить их 31 мая, в день памяти жертв политических репрессий и тоталитаризма, который ежегодно отмечается в Казахстане. Это была незабываемая поездка. За пять дней у меня было столько встреч, съемок, интервью, впечатлений, будто я прожила там месяц. Я счастлива, что существует этот музей и в нем проводятся прекрасные экскурсии. Первое время я там только рыдала, настолько атмосферное это место. Оказалось, мой дядя Игорь Поль там бывал, а его книга «Оглянись со скорбью» пользуется большой популярностью. Более того, еще девятнадцатилетним юношей он приезжал в 1946 году в АЛЖИР за своей мамой, но им не дали воссоединиться. Капитолина, как мы ее называли в семье — Капочка, осталась там еще на год, уже на вольном поселении. В своей книге он описывает, как женщины бежали и кричали: «К нашей Капочке сын приехал!» Она оставила своего кудрявого мальчика в 12 лет, а увидела уже взрослого мужчину в шинели. Представляете себе

4 ГА РФ, ф. А539, оп. 34, д. 5848. Личное дело Грюнберга Ю. Г.: личная карта лица, испрашивающего назначение персональной пенсии; справка о полученном образовании и трудовом стаже; прошение в Народный Комиссариат социального обеспечения РСФСР о назначении персональной пенсии; автобиография; удостоверения, аттестаты, справки с мест работы; рекомендательное письмо; личная карточка.

5 Мемориально-музейный комплекс памяти жертв политических репрессий и тоталитаризма АЛЖИР открыт 31 мая 2007 г. по инициативе Н. А. Назарбаева в ауле Акмол Целиноградского района Акмолинской области на месте прежней «26-й точки» трудпоселения, где было создано Акмолинское отделение Карлага.

семилетнюю разлуку с сыном? Очень тяжелое испытание. У них была прекрасная любящая семья, а потом все рухнуло. Когда Капу отправили в лагерь, Игорь попал в детдом, где над ним издевались ребята с уголовным прошлым. Спасибо его бабушке Агнии Михайловне, которая его буквально спасла. Она писала письма в Верховный Совет, добивалась разрешения забрать внука к себе, и ей позволили.

Я очень благодарна дяде за книгу. К сожалению, он умер в Киеве в 2015 году, и мне его очень не хватает. Он был бы счастлив, узнав, сколько документов я разыскала.

Вернувшись из Казахстана, я сразу сделала запрос на ознакомление со следственным делом Юлиуса Грюнберга в Центральный архив ФСБ Российской Федерации. Для получения допуска к материалам дела у меня попросили документы, подтверждающие родство, и я в очередной раз убедилась, как хорошо, что год назад я взяла фамилию Грюнберг — это значительно упрощает процедуру доказательства родства. 12 ноября 2019 года я поехала в читальный зал на Лубянку. Мне выдали дело⁶, я открыла первый лист, увидела опись имущества, изъятого при аресте деда, и у меня полились слезы... Печатная машинка, счетная машинка, бинокль, 100 долларов в одной купюре с таким-то номером, книги, альбомы с фотографиями — все такое личное, домашнее... Из всего списка мне больше всего жаль альбомы. Вот почему нет ни одной фотографии, на которых моя бабушка вместе с дедом. Незадолго до ареста дедушка перенес инсульт, это очень хорошо видно на фотографии из следственного дела: уголок рта у него опущен. Шел 1938 год, время массовых репрессий, дед все понимал, но, мне кажется, он надеялся, что за ним, тяжело больным человеком, не придут. И я не представляю, что чувствовала моя пятнадцатилетняя мама, когда уводили ее любимого отца. Мало того, на следующий день его опять пришли арестовывать, вот так работала эта машина-молот — сотрудники НКВД не успевали информировать друг друга, что такой-то уже арестован. Оказалось, Юлиус Грюнберг был в «разработке» еще с 1934 года. Агентурные наблюдения, донесения, справки и т. п. собраны во втором томе дела по обвинению деда. К сожалению, мне не позволили сделать копии материалов этого тома, но я его переписала. В одной из анкет⁷, заполненной рукой деда, есть упоминание о его родственниках в Швеции и Эстонии, с которыми он «со времени своей подпольной революционной работы связей не имеет». Мои эстонские родственники, когда мы только познакомились, спрашивали: почему же дед ни разу не дал о себе знать, не написал ни одного письма родным? А теперь мне стало понятно — чтобы не подводить своих родителей, братьев и сестер. Если бы узнали, что он переписывается с ними, его бы арестовали и расстреляли еще раньше, и пострадала бы его семья. Дед был умным человеком, он их оберегал, и не писал не потому, что забыл, а потому, что очень любил.

Деда арестовали 13 января, а 25 апреля приговорили к расстрелу, обвинив в участии в контрреволюционной террористической организации. Известно, какой это был суд: без свидетелей и без защиты, предъявили обвинение, зачитали приговор и в тот же

6 ЦА ФСБ России. Архивно-следственное дело по обвинению Грюнберга Ю. Г. в 2-х томах. Том 1: ордер на обыск и арест, протокол обыска, анкета арестованного, постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения, протоколы допросов, обвинительное заключение, протокол подготовительного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР, протокол закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР,

приговор Военной коллегии Верховного суда СССР, справка о приведении приговора в исполнение. Том 2 «Наблюдательное дело»: справки, отношения, донесения.

7 ЦА ФСБ России. Архивно-следственное дело по обвинению Грюнберга Ю. Г. Том 2: анкета работников административно-технического состава транспорта 9 августа 1934 г.

день расстреляли. И мне кажется, что он этого расстрела ждал как избавления от мучений. Ведь над «врагами народа» издевались — пытали бессонницей, жаждой, заставляли сутками сидеть на табуретке, избивая за любую попытку пошевелиться...

А уже через месяц как члена семьи изменника родины арестовали и бабушку Валентину Николаевну. Совсем недавно вдова моего дяди Гавриила Грюнберга Нина Викторовна Добровольская отдала мне бабушкины письма из АЛЖИРа, а также письмо моей мамы брату в Ленинград: «Дорогой Гаврик, три часа назад забрали маму...» Пятнадцатилетняя девочка, оставшаяся совсем одна, еще утешала старшего брата — не волнуйся, береги сердце. Как она все это пережила! Ничего, увы, я об этом не знала. Бабушка отбыла в лагере восемь лет. В Москву ей удалось вернуться только после того, как она получила справку о реабилитации в 1957 году. После окончания срока ей было запрещено проживать в Москве. У меня есть оригинал телеграммы, присланный ею из Нижнего Тагила, где она жила у сестры Капитолины: «Получила разрешение, счастлива. Мама». Теперь я понимаю, о чем идет речь: ей наконец позволили вернуться в Москву и воссоединиться с семьей. Перед своим арестом дед купил трехкомнатную кооперативную квартиру, но семья не успела туда переехать. Квартиру изъяли в пользу государства, и, когда после реабилитации бабушка пыталась ее вернуть, ей сказали, что у семьи никакое жилье не изымалось. И она всю жизнь ютилась в коммуналках, своей отдельной квартиры у нее не было. Некоторое время она жила с нами в маленькой шестнадцатиметровой комнате, потом ей удалось получить жилье в коммуналке в подвальном этаже. Я хорошо помню эту комнату — в окнах были видны лишь ноги проходивших по улице людей.

Бабушка и мама умерли, так и не узнав, что Юлиус Грюнберг был расстрелян в 1938 году. Вернувшись из лагеря, бабушка получила справку о том, что дед умер от воспаления легких в 1944 году. Когда в 1991 году началось «потепление» и открыли доступ к секретным документам, дядя Гавриил написал запрос в КГБ, чтобы прояснить вопрос с местом захоронения деда и уточнить, почему в свидетельстве о смерти указан возраст смерти 70 лет, в то время как ему в 1944 году был всего 61 год. К сожалению, ознакомиться с документами дядя не успел — он умер в 1992 году. Вместо него читать дело Юлиуса ходила его вдова Нина Викторовна и даже переписала его от руки, но тогда она никому ничего не сказала. Я узнала об этом буквально пару лет назад.

Согласно расстрельному списку⁸, деда захоронили на спецобъекте НКВД «Коммунарка»⁹, куда в фургонах «Хлеб» и «Продукты» свозили расстрелянных в московских тюрьмах. Тела без одежды складывали штабелями в заранее подготовленные ямы, и чтобы они быстрее истлели, присыпали землей с известью. Сейчас там построили храм¹⁰, а церковное подворье выделило небольшой домик для размещения экспозиции, посвященной жертвам, похороненным в Коммунарке.

В обвинительном заключении по делу Юлиуса Грюнберга сказано, что после революции он сотрудничал с Колчаком. Чтобы

⁸ Список жертв политических репрессий, расстрелянных и захороненных в Москве и Московской области в 1918—1953 гг.

⁹ Спецобъект «Коммунарка» — мемориальное кладбище на месте одноименного расстрельного полигона. В 1937—1940-х гг. на этом месте функционировал расстрельный полигон — спецобъект НКВД СССР, в котором в ходе репрессий производились рас-

стрелы и захоронения людей, приговоренных к смертной казни.

¹⁰ В 1999 г. территория полигона передана из ведения ФСБ в ведение Русской православной церкви. 22 сентября 2007 г. на территории полигона был освящен храм Святых Новомучеников и Исповедников российских. 27 октября 2018 г. была открыта «Стена Памяти».

прояснить этот период жизни деда, я обратилась в филиал Государственного архива на Большой Пироговской. Вот как иногда судьба распоряжается — я же пять лет училась в МГПИ имени Ленина¹¹, а архив находился буквально за углом! Удивительные, знаковые события происходят — мне кажется, что мои родные меня направляют. Я нашла документы¹², подтверждающие, что в 1918 году Юлиус Грюнберг работал начальником информационного отдела в кабинете военного и морского министра Временного правительства Сибири во Владивостоке. Оказывается, и такое было! Вот так благодаря деду я много нового узнаю и об истории нашего государства.

Я с большим увлечением занимаюсь «раскопками». Но поиск у меня все же заканчивается — осталось не так много мест, где я могла бы узнать о Юлиусе Грюнберге что-то новое. Но то немалое, что мне удалось найти, так приблизило меня к деду, что у меня впечатление, будто я его очень хорошо знаю, хотя ни разу в жизни не видела. Я очень счастлива, что мне это удалось. Когда я набираю в Интернете «Грюнберг Юлиус Густавович», выпадает множество ссылок, и в этом есть и моя заслуга. Моя задача — чтобы как можно больше людей узнали о его судьбе. В 2019 году я участвовала и в акции у Соловецкого камня¹³, и на Коммунарке¹⁴. Я плохо себя чувствовала, но все же собралась и поехала. Отстояв в очереди к микрофону два с половиной часа, я рассказала о своем деду. После выступления меня попросили дать небольшое интервью, и оказалось — для эстонского телевидения! Вот так меня Бог поднял и повел — как бы иначе я попала на эстонское телевидение? Мои родственники в Таллине видели этот сюжет, написали мне теплые слова, и это такое счастье для меня!

Мне есть чем делиться, и я очень рада сотрудничеству с Музеем истории ГУЛАГа, Коммунаркой, музеем АЛЖИРа, «Мемориалом». Оглядываясь назад, я думаю: «Верунчик, а ты молодец, ты столько сделала!» Мои родственники написали прекрасную книгу о своей семье, где о Юлиусе Грюнберге были сведения лишь до 1918 года. И вот ровно через 100 лет, в восемнадцатом году XXI века вдруг появилась я со своей информацией о дедушке. Они были потрясены, узнав о трагической судьбе брата их дорогой бабушки Лилли. Мои сестры и братья очень интересуются историей рода и сразу включили в генеалогическое древо мою линию от Юлиуса. Спасибо им, хранящим память. Вот такая интересная жизнь.

11 Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина (1941—1990 гг.), сегодня это Московский педагогический государственный университет (МПГУ).

12 Временное правительство автономной Сибири. Информационный отдел кабинета военного и морского министра. Рапорты офицеров для поручений, помощника начальника отдела, требовательные ведомости на жалованья обер-офицеров для особых поручений, список членов военной организации по борьбе с советской властью, сентябрь 1919 г.:

требовательная ведомость; справка за подписью начальника информационного отдела прапорщика Грюнберга.

13 Каждый год 29 октября у Соловецкого камня в Москве проходит общероссийская гражданская акция памяти жертв политических репрессий «Возвращение имен», организуемая международным правозащитным просветительским обществом «Мемориал».

14 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, с 2009 г. проводится акция «Молитва памяти», организуемая Преображенским братством.

ПРОТОКОЛ

на основании ордера Главного Управления Государственной

СССР за № Г.863 от 13. Января мес. 1938 г.

веден обыск у гр. Грюнберг Ю. Г. в доме № 3/7 кв. № 1

Покровка

при обыске присутствовали: дворник Толмачев И. П.

Согласно ордера задержан гражд. Грюнберг Юлий Густавович

Взято для доставления в Главное Управление Государственной Безопасности

следующее: 1. Паспорт за А. М. П. 664857.

Проездный билет за № 33268. 3. Удостоверение комиссии по пер. дел. № 2

Визовый билет общества Красн. Комитет и СВ. М. П. за № 54.

Американские доллары 100. Водный купон № 184174.

Сберкнижка за № 27776 - с остатком на сумму 1000 руб.

Сберкнижка за № 76025 - " - " - 5,033 руб. 79 к.

Секретное удостоверение за № 293. обмен. на сумму 4500 р.

Одна книга и две брошюры врагов народа.

Личный автомобиль "Ремингтон" за № 60571.

Световой аппарат "Мелитта" за № 8136.

Бинокль "Цейс" 8/11

Шрек с розной служебной перешейкой

Сверток с розной личной перешейкой

Фотокартон с розной 52 шт.

Альбом с фотокорточками и итд.

Дорогой бабушка!

5/IV.

Павелко Враса назад в дом маму
не возьмётся, у неё далеко, а после
летя приедет в Ивановский и т.д.
Бабушка писала мне назад, т.е.
она скоро приедет.

Мне солгунки... сказан, что
я повохила ему, если не будет
ее прописывать.

Деньги пока есть. Возьму у мамки
на работе. Хатисы, когда надо
выкупать овец.

Спасибо, это письмо не
повлияло на состояние моего
здоровья. Аппетит, чувствовать себя.

Скажу маме. И. В. Помни мать, будет
давать тебе ну очень много. Девчонка
(село БУ), но все же деньги.

А потом баба устроится, когда
денег не будет. А пока отдохнет
старуха.

Всё как буду убираться, а потом у
меня есть.

Всё как будет в 4-й день за
деньгами, т.е. не. когда нет.

Ну, бабушка.

Будь спокоен

Лена.

ПОВТОРНОЕ

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

И-А № 767690

Гр. Грюнберг Юлиус Густавович
 умер (на) 21.10.1992 в Москве девятисот сорок семь лет двадцать семи лет
 возраст 70 лет
 Причина смерти воспаление легких
 о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти 19 53 года августа месяца 28 числа произведена соответствующая запись за № 521
 Место смерти: город, название Москва
 район Московский область, край: Р. С. Ф. С. Р.
 республика Краснодарский край
 Место регистрации б-ро 3006 г. Москвы
 Дата выдачи 5 ноября 1992
 Подпись Е. Куралев

Форм. 104

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (на) Грюнберг Юлиус Густавович
 умер (на) 25 августа 1938 года
после девятисот пятидесяти
воинской смерти
 в возрасте 55 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти 19 53 года августа месяца 28 числа произведена запись за № 521
 Причина смерти расстрел

Место смерти: город, название Москва
 район _____
 область, край _____
 республика Россия
 Место регистрации **ЛЕОФОРТОВСКИЙ
 ОТДЕЛ ЗАГС
 г. Москвы**

Дата выдачи 20 октября 1992
 Подпись В.И.

Х-МЮ № 327102

ИТ Формы. 100.

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

СПРАВКА

13. марта 1957 г.
№ 4Н-020131/56

Москва, ул. Воровского, д. 13.

Дело по обвинению ГРЮНБЕРГА Юлия Густавовича пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 9 марта 1957 года.

Приговор Военной коллегии от 25 апреля 1938 года в отношении ГРЮНБЕРГА Ю.Г. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ГРЮНБЕРГ Ю.Г. реабилитирован посмертно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

А. Костромин

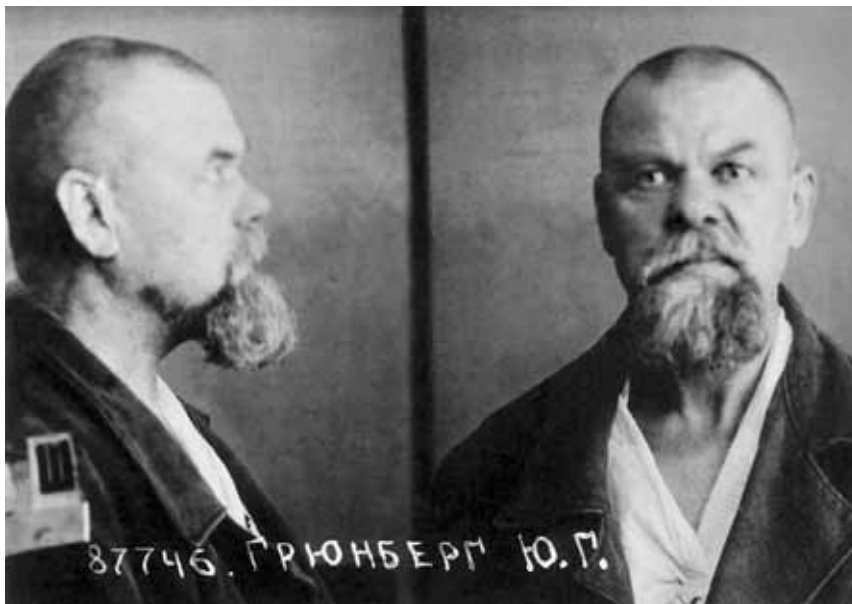
А. КОСТРОМИН

ДС

ЮЛИУС ГУСТАВОВИЧ ГРЮНБЕРГ

Мой дед Юлиус (по-русски — Юлий) Густавович Грюнберг родился 29 апреля 1883 года в Ревеле (ныне — Таллин) в купеческой семье. Его отец Густав Грюнберг (1848—1920), уроженец эстонской деревни Руйла, был торговцем и держал небольшую лавку. Мать Алине (1857—1936) родом с острова Найссаар¹⁵. По семейному преданию, она была очень энергичной и темпераментной женщиной с большим чувством юмора. В семье родилось восемь детей, но трое умерли в младенчестве. У деда были братья Артур, Вальтер, Роман и сестра Лилли. Как писал он в одной из анкет¹⁶, его воспитывали по традициям бюргерской семьи, где основными добродетелями были послушание родителям и наставникам и чувство долга к своим обязанностям.

Юлиус Густавович Грюнберг

В период с 1890 по 1902 год дед учился в начальной школе, гимназии и затем на коммерческих курсах, где получил среднее образование. Один год он был студентом Лейпцигского университета. Уже с юных лет Юлиус был очень активным и неравнодушным — с 1899 года участвовал в национальном движении, с 1902-го — в социально-революционном профдвижении. Как он пишет в автобиографии¹⁷, «впервые мое тяготение к общественной работе выразилось в исполнении мелких

Юлиус
Густавович
Грюнберг.
Фотография
из следствен-
ного дела.
1938 г.

¹⁵ Найссаар (эст. Naissaar), в переводе с эстонского «женский остров», — остров в Финском заливе к северо-западу от Таллинна. До 1940 г. на острове проживала коммуна эстонских шведов.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Архивно-следственное дело по обвинению Грюнберга Ю.Г., том 2: анкета

работников административно-технического состава транспорта 9 августа 1934 г.
¹⁷ ГА РФ, ф. А539, оп. 34, д. 5848. Личное дело Грюнберга Ю.Г., л. 7: автобиография для общества политкаторжан 22 сентября 1936 г.

поручений Квартирной комиссии Комитета по организации Эстонского национального певческого праздника в 1896 году в ознаменование 75-летия освобождения эстонского крестьянства от крепостной зависимости. В школьные годы я участвовал в нелегальных ученических кружках самообразования. В 1902 году вступил в Ревеле в марксистский социал-демократический кружок рабочей и учащейся молодежи и стал членом союза торговых служащих». В этот период он познакомился с М. И. Калининым¹⁸, который отбывал ссылку в Ревеле. В документальной повести Д. М. Руднева «Тихая окраина» есть упоминание о встрече будущего «всесоюзного старосты» с юношей Юлиусом. Кроме политических увлечений в молодые годы, не будучи профессиональным актером, дед успешно играл в театре «Эстония» в Таллине. В театральном музее и сейчас висит фотография, где он в роли Сатина в спектакле Горького «На дне». После учебы в 1902 году дед поступил служащим в фирму «Карлтон и Ко», а в конце 1904-го уехал в Петербург. Его деятельная натура не могла оставаться в стороне от политических выступлений, и 9 января 1905 года¹⁹ он принимал участие в строителе баррикад на Васильевском острове. Вскоре после январских событий дед покинул Петербург и переехал в Баку, где работал в германской фирме «Артур Шуберт», а затем перевелся в Ферганскую область управляющим Кокандской конторой. Он не оставлял сотрудничества с социал-революционерами и принимал активное участие в организации подпольной партийной типографии и первого профсоюза торговых служащих. В начале 1906 года деда даже привлекали к полицейскому дознанию за открытое участие в Октябрьской всеобщей политической стачке²⁰ и в порядке служебной репрессии перевели в Ташкент. Там он возглавил главконтору Туркестана и Персии и вступил в члены комитета партии социал-революционеров. Летом 1906 года произошло драматическое событие — Юлиус убил бывшего народошледа-провокатора Курицына, предавшего своих товарищей по партии, часть из которых казнили или отправили на каторгу. Туркестанским судом он был приговорен к повешению, но его мать Алине Грюнберг обратилась к царю с прошением о помиловании, и деду заменили казнь пожизненной каторгой. Одиннадцать лет он провел в Александровском центре Иркутска, первые три года — в одиночной камере. Февральская революция 1917 года деда освободила. Она вообще вызвала необычайный восторг среди всех арестантов. Выйдя из тюрьмы, он писал своей семье о том, как воодушевлен революцией и какие надежды на нее возлагает.

«Иркутск, 6 марта [1917] 8 часов утра

Мои дорогие! Из моей телеграммы вы уже знаете, что я свободен. Свободен не по милости неразумного и потому свергнутого царя, а по воле народа, в силу беспримерной по красоте и разумности Революции. Я только что приехал в Иркутск, каких-нибудь 12 часов тому назад. Всем нам случалось читать и слышать о королевских или царских приемах. Не знаю, как у вас и у людей вообще, но у меня всегда представление о царских встречах являлось чисто головным продуктом.

18 Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — русский революционер, советский государственный и партийный деятель. В 1919 г. Л. Д. Троцкий назвал его «всероссийским старостой», после 1935 г. его стали называть «всесоюзным старостой», а также «рабоче-крестьянским президентом», поскольку с 1919 г. и до своей смерти Калинин занимал должность главы государства в РСФСР, а с 1922 года — в СССР.

19 События 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге, известные как «Кровавое воскресенье», — разгон шествия петербургских рабочих к Зимнему дворцу, имевшего целью вручить царю Николаю II коллективную Петицию о рабочих нуждах.
20 Октябрьская всеобщая политическая стачка 1905 г. — первое общероссийское политическое выступление рабочих и служащих, один из ключевых этапов революции 1905—1907 гг.

Такие истории ассоциировались у меня в самом деле с приемом царя, когда уличная толпа, отчасти из любопытства, отчасти и с побуждениями патриотического долга, высыпается на большую дорогу, чтобы встретить какого-нибудь венценосца. Даже прием Гарибальди лондонцами, который описывается самим Герценом, не дает и отдаленнейшего представления о том приеме, которого удостоились мы, выходцы из Мертвого Дома. Прием этот был такой подавляюще грандиозной красоты, что я не в состоянии его описать. Все равно никакого толку не выйдет. Замечу лишь, что были представители и делегации от гражданских и военных властей города, общественных учреждений, политических партий и т. д., почетный военный караул, масса войск, стоявших шпалерами, и десятки тысяч народу. Я знаю, что вы одобрите мое решение остаться пока в Сибири. Здесь страшно много работы по одной только разгрузке каторги и ссылки. Нужно же кому-нибудь это было делать. Затем я имею еще в виду призыв всех освобожденных в войска. В этом случае я намерен поступить в школу прапорщиков. В Иркутске имеются, кажется, 4 школы. Я не могу не видеть и сознаться, что для армии я буду более полезен в качестве офицера, чем рядового. Пишите, что у вас, и будьте все благополучны. Я страшно занят. Как только будет свободная минута, снова напишу»²¹.

В его решении остаться в Сибири — «здесь страшно много работы... нужно же кому-нибудь это делать» — весь Юлиус Грюнберг. Политическая ситуация в то время была сложная, дед сочувствовал эсерам и работал при Временном Сибирском правительстве²² сначала начальником милиции Иркутска, помощником начальника охраны города, затем — уполномоченным по заготовкам Иркутского союза потребительских обществ. В начале 1918 года он уехал в Харбин, а затем, для содействия в формировании правительства во главе с П. Я. Дербером²³, — во Владивосток, где его назначили начальником информационного отдела военного министерства. Вернувшись в Иркутск, дед служил до конца 1919 года в армии Колчака в 9-м Иркутском полку в чине штабс-капитана, а после его разгрома перешел на сторону Советов.

У деда были яркие организаторские способности и широкая эрудиция, это замечали все, с кем ему доводилось встречаться в жизни. В 1921 году его назначили заместителем начальника Облпроднарревармии Дальневосточной республики²⁴. На этом посту он «проявил исключительную добросовестность к делу, редкую тщательность и талантливую инициативу»²⁵. Карьера шла в гору, в 1921—1922 годах он руководил управлением торговли и кооперации министерства народного хозяйства Дальневосточной республики. В этот период, будучи в Чите, он познакомился с моей бабушкой Валентиной Николаевной Куликовой. На тот момент она

21 ГА РФ, ф. А539, оп. 34, д. 5848: письмо Юлиуса Грюнберга от 6 марта 1917 г.

22 Временное Сибирское правительство — временный орган государственного управления регионами Сибири и Дальнего Востока, просуществовавший с июня по сентябрь 1918 г. Летом 1918 г. в результате восстания Чехословацкого корпуса была свергнута советская власть. Правительство было сформировано в Омске под председательством П. В. Вологодского. 4 ноября 1918 г. на базе министерств и центральных управлений Временного Сибирского правительства П. В. Вологодским был сформирован Всероссийский Совет министров, исполнительный орган Директории — высшего органа власти Российского государства, образованного 23 сентября 1918 г. на государственном совещании в Уфе.

23 Дербер Петр Яковлевич (1883—1938) — российский революционер, военный и политический

деятель, первый председатель Временного Сибирского правительства Сибирской республики (с 29 января 1918 г. по 21 июля 1918 г.).

24 Дальневосточная республика (ДВР) (6 апреля 1920 г. — 15 ноября 1922 г.) — де-юре независимое демократическое государство с капиталистическим укладом экономики, провозглашенное на территории Забайкалья и российского Дальнего Востока. Де-факто являлось марионеточным буферным государством между Советской Россией и Японской империей. Провозглашение ДВР способствовало предотвращению прямого военного конфликта между Советской Россией и Японией и выводу иностранных войск с территории Дальневосточного края.

25 ГА РФ, ф. А539, оп. 34, д. 5848, л. 14: аттестат, выданный Грюнбергу Ю. Г. Прибайкальским областным Управлением по снабжению Нарревармии продовольствием 11 июня 1921 г.

была уже вдовой с четырехлетним сыном Гавриилом — Гавриком, как его звали в семье. Первый брак ей счастья не принес, семейная жизнь не сложилась, муж ее погиб, попав под поезд при невыясненных обстоятельствах. Бабушка была очень интересная женщина, и Юлиус в нее влюбился. Сначала он ей не очень понравился — круглолицый, лысоватый, с бородой и старше ее на пятнадцать лет. Но потом очаровал интеллигентностью, воспитанностью, умением вести интересный разговор, деликатно ухаживать. И моя бабушка-красавица тоже влюбилась. В апреле 1922 года они поженились. Юлиус оказался замечательным мужем и хорошим отцом, усыновил Гаврика, дав ему свою фамилию и отчество — Гавриил Юльевич Грюнберг. Они прожили в Чите около года, и дед получил назначение на должность коммерческого представителя Дальторга в Харбине, где в 1923 году родилась моя мама Елена. В 1928 году он стал заместителем уполномоченного Торгпредства СССР в Китае. Через год в связи с беспокойной обстановкой деда направили в Японию заведующим отделом экспорта в советском торгпредстве «в целях дальнейшего его использования в Северной Манчжурии после ликвидации конфликта»²⁶. На работе его ценили, и когда в 1931 году он собрался вернуться на родину, не хотели отпускать. Торгпред Аникеев после долгих увещеваний остаться в Японии написал рекомендательное письмо члену Коллегии Наркомвнешторга Богомолу, чтобы Юлиусу оказывали всяческое содействие, и охарактеризовал его как опытного, честного и преданного делу сотрудника, знающего иностранные языки и имеющего большой опыт работы во внешней торговле. Посол СССР в Японии Трояновский дружил с дедом и тоже отговаривал его возвращаться. Трояновского переводили на работу в США, и он звал деда с собой, но тот не согласился, сказав, что его дети должны получить образование на родине. Перед отъездом Грюнбергов в Москву в посольстве был устроен прощальный вечер, о чем была заметка в японской газете Japan Times²⁷. Этот номер газеты долго хранился в семье Гавриила.

10 августа 1931 года семья переехала в Москву.

Им дали комнату в коммунальной квартире по адресу ул. Покровка, д. 3, кв. 1, где они поселились вчетвером и жили дружно и счастливо до ареста деда в 1938 году. В СССР дед получил должность заместителя директора Соевой конторы Экспортхлеба, вступил в Общество политкаторжан²⁸. Эта организация была довольно заметным явлением в то время — у нее были собственные пионерские лагеря на море, где отдыхали и моя мама с братом Гавриком. В 1934—1935 годах дед уехал на Крайний Север, где руководил снабжением якутского треста Главсевморпути. Вернувшись в Москву, возглавлял бюро жалоб и рекламы ВАО «Интурист», а в сентябре 1936 года должность оставил, «чтобы серьезно полечиться и подыскать посильную умственную или физическую работу с нормированным рабочим днем»²⁹. Годы каторги и длительные командировки усугубили его проблемы со здоровьем, он страдал склерозом сосудов и болезнью сердца. 22 сентября 1936 года из-за «осязательного падения трудоспособности и нещептанного ухудшения здоровья»³⁰ Юлиус

26 ГА РФ, ф. А539, оп. 34, д. 5848, л. 19: справка, выданная Грюнбергу Ю. Г. Торгпредством СССР в Китае, 26 сентября 1931 г.

27 The Japan Times («Японское время») — японская газета на английском языке, первая и старейшая англоязычная газета страны. В 1918—1940 гг. носила название The Japan Times and Mail.

28 Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев — общественная организация в СССР, работавшая с 1921 по 1935 г. Оказывало быв-

шим политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам материальную помощь, организовывало лекции и доклады, занималось собиранием, хранением, изучением и изданием материалов по истории царской тюрьмы, каторги и ссылки.

29 ГА РФ, ф. А539, оп. 34, д. 5848, л. 6: обращение Грюнберга Ю. Г. в Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР от 22 сентября 1936 г.

30 Там же.

Грюнберг написал прошение о назначении ему пенсии. За его трудовые заслуги Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР просьбу удовлетворила и назначила ему пожизненное ежемесячное пособие в 300 рублей. По состоянию здоровья дед получил III группу инвалидности и перешел на должность бухгалтера в кооперативе «Теплохимик». Бабушка работала фрезеровщицей в Производственном кооперативе политкаторжан «Цветмет». В это время Гавриил учился уже в Ленинградском кораблестроительном институте, а Лена — в седьмом классе средней школы.

Осенью 1937 года у деда случился тяжелый инсульт, три месяца он пролежал в Боткинской больнице³¹, но от болезни так и не оправился, плохо ходил и говорил, с трудом удерживал в руках предметы.

В ночь с 13 на 14 января 1938 года в квартиру тяжело больного деда пришли двое сотрудников НКВД и в присутствии дворника И. П. Политова начали обыск. Изъяли письма, документы, «американских долларов 100 в одной купюре, одну книгу и две брошюры врагов народа, пишущую машинку Remington, счетную машинку Melitta, бинокль Zeiss, тюк с разной служебной перепиской, сверток с личной перепиской, фотокарточек 52 штуки, альбомов с фотокарточками 2 штуки»³². В чемоданы уложили личные вещи, одежду — фрак и смокинг, в которых дед представлял страну на дипломатических приемах. В ту же ночь едва стоящего на ногах деда арестовали и отправили в Бутырскую тюрьму. Ночь с 13 на 14 января называют «Старым Новым годом». Моя мама никогда в жизни не отмечала этот праздник.

Юлиуса Грюнберга обвиняли в участии в контрреволюционной террористической организации бывших белогвардейцев, а также в намерении совершить террористический акт в отношении руководителей компартии³³, и привлекли в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 8 и 11 УК РСФСР. На допросах из него пытались добыть признательные показания, но дед вины не признал.

Из протокола допроса 19 марта 1938 года³⁴:

Вопрос: Следствие имеет точные данные, что начиная с 1917 года до последнего времени вы вели активную борьбу против советской власти. Поэтому предлагаем дать следствию подробные показания о вашей борьбе.

Ответ: Я должен признаться, что действительно в период с 1917 по 1920 г. вел активную борьбу против советской власти. Но с 1920 года я никакой борьбы против советской власти не вел.

<...>

Вопрос: Вы свою борьбу против советской власти и работу в контрреволюционных правительствах скрывали, а также скрывали службу в армии Колчака.

31 14-я Городская клиническая больница имени С. П. Боткина. В период Великой Отечественной войны больница выполняла функции госпиталя, в день порой поступало по 600 и более раненых и больных. Всего за период Великой Отечественной войны для лечения в больницу поступило свыше 43 тыс. военнослужащих. К концу 1941 г. в Боткинской больнице функционировали отделения трех профилей: хирургические, терапевтические и инфекционные. Раненых здесь подвергали санитарной и хирургической обработке, а затем эвакуировали, если позволяло состояние их здоровья.

В 1947 г. Указом Верховного Совета СССР больница была награждена орденом Ленина.

32 ЦА ФСБ России. Архивно-следственное дело по обвинению Грюнберга Ю. Г., том 1, л. 2: протокол обыска от 13 января 1938 г.

33 ЦА ФСБ России. Архивно-следственное дело по обвинению Грюнберга Ю. Г., том 1, л. 36: постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения от 13 января 1938 г.

34 ЦА ФСБ России. Архивно-следственное дело по обвинению Грюнберга Ю. Г., том 1, л. 40—44.

Ответ: Да, я должен признать, что весь период своей борьбы против советской власти, свою работу в составе контрреволюционных правительств, а также службу в армии Колчака в чине штабс-капитана я скрывал до момента моего ареста, боясь быть репрессированным за прошлую свою контрреволюционную деятельность. Начиная с 1920 года я никакой контрреволюционной работы не проводил.

Вопрос: Вы опять говорите неправду — вы, начиная с 1919 года до дня ареста, являлись контрреволюционно настроенным и проводили активную борьбу против советской власти.

Ответ: Нет, говорю только правду, никакой борьбы против советской власти начиная с 1920 года я не проводил.

Вопрос: Вы, как участник контрреволюционной террористической организации, изобличены показаниями обвиняемых по делу вашей контрреволюционной террористической организации.

Ответ: Никакой контрреволюционной работы я не проводил и участником организации не был.

Вопрос: Вы, как участник контрреволюционной террористической организации, состоящей из бывших деятелей белогвардейских правительств в Сибири и эсеров, имели задание и восстановили связь с эсеровскими организациями за границей, находящимися в белой эмиграции.

Ответ: Нет, это я отрицаю. Никакой связи с эсеровскими организациями за границей я не имел и не имею, а также никаких заданий не имел.

Вопрос: Вы как участник контрреволюционной террористической организации имели намерение лично совершить террористический акт над руководителями ВКП(б) и советской власти? Вам предлагается говорить правду.

Ответ: Никаких террористических намерений я не имел и участником организации не был.

Вопрос: Вы еще во время вашего нахождения во Владивостоке в 1918 году были связаны с японской разведкой?

Ответ: Нет, я никогда с японской разведкой связан не был и никакой шпионской деятельности в пользу Японии не проводил.

Вопрос: С кем из бывших работников белогвардейских правительств в Сибири вы были тесно связаны после вашего приезда в Москву?

Ответ: Из бывших деятелей белогвардейских правительств в Сибири я хорошо знаю и имел тесную связь в Москве с Кашиным Иваном Прокопьевичем, Мартьяновым Александром Николаевичем.

Вопрос: Какие вопросы борьбы с советской властью вы обсуждали с Кашиным?

Ответ: Никаких вопросов борьбы с советской властью с Кашиным я не обсуждал.

Вопрос: Вы изобличаетесь показаниями Мартьянова в том, что вы совместно с Кашиным обсуждали вопрос применения террористических актов над руководителями ВКП(б) и сами лично взяли на себя задачу совершить террористический акт над товарищами Молотовым и Ворошиловым.

Ответ: Нет, я это категорически отрицаю, никогда я с Кашиным вопрос применения терактов не обсуждал и задачу совершения теракта над Молотовым и Ворошиловым на себя не брал.

«3-м отделом ГУТБ НКВД ликвидирована контрреволюционная террористическая организация из бывших белых офицеров армии Колчака и деятелей сибирских белогвардейских правительств. Как член этой организации был арестован Грюнберг Юлий Густавович, бывший эсер и белый офицер армии Колчака. В процессе следствия было установлено, что Грюнберг, будучи активным эсером и офицером царской армии с 1917 по 1920 г., находился в армии Колчака и вел активную вооруженную борьбу с советской властью. Грюнберг принимал активное участие в подготовке и совершении контрреволюционного переворота во Владивостоке в 1918 году и после переворота работал в военном министерстве белогвардейского правительства. Все это Грюнберг от советской власти тщательно скрывал. В 1924 году вступил в контрреволюционную организацию бывших эсеров и колчаковских офицеров в Москве и в 1934—1935 гг. принял личное участие в подготовке терактов против товарищей Молотова и Ворошилова. Виновным себя Грюнберг признал только в том, что, будучи белым офицером, вел активную борьбу с советской властью в период с 1917 по 1920 г., и в том, что все это от советской власти скрывал, оставаясь безнаказанным.

Как террорист Грюнберг изобличается показаниями обвиняемых по этому делу Мартьяновым А. Н. и Буховым М. С. На основании этих данных Грюнберг Юлий Густавович <...> обвиняется в том, что входил в состав террористической организации и участвовал в подготовке террористических актов над руководителями компартии и соввласти, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР».

25 апреля 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала моего деда Юлиуса Грюнберга виновным и приговорила к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией всего его имущества. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

Бабушка Валентина Николаевна до последнего дня носила в тюрьму передачи, пыталась узнать о судьбе «любимого Юленьки». Однажды посылку не приняли — видимо, это был день расстрела. О том, что Юлиуса Грюнберга больше нет в живых, семье не сообщили. В мае 1938 года арестовали и бабушку. Месяц она провела в Бутырской тюрьме, откуда ее отправили в Акмолинский лагерь жен изменников Родины на долгие восемь лет. Моя мама в 15 лет осталась без родителей и, чтобы ее не забрали в детский дом, сделала себе новое свидетельство о рождении взамен якобы утерянного. Она изменила год своего рождения на 1922-й, сказав, что ей уже 16 лет и она уже работает.

Бабушкин срок заключения истек в апреле 1946 года. Она приехала в Москву, но в столице ей жить не разрешили. Некоторое время она пыталась устроиться в Московской области, но, не найдя работы, уехала в Нижний Тагил к родной сестре Капитолине, которая освободилась из АЛЖИРа годом раньше. Работала сначала уборщицей, потом кассиром в книжном магазине. Ее хвалили за исполнительность и трудолюбие. Тяжелые годы в лагере ее не разрушили, она не огрубела, сохранила интеллигентность и достоинство.

Дело в отношении моего деда Юлиуса Грюнберга было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 9 марта 1957 года. Приговор 1938 года был отменен по вновь открывшимся обстоятельствам, и дело за отсутствием состава преступления пре-

кращено. Бабушка Валентина Грюнберг реабилитирована 9 марта 1957 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

Ни бабушка, ни дети Елена и Гавриил так никогда и не узнали всей правды о гибели Юлиуса. Им сообщили, что он умер в 1944 году от воспаления легких. Бабушка тосковала по деду и перед своей смертью в 1969 году просила нас указать на ее могиле и его имя. Мы выполнили ее просьбу — на Востряковском кладбище в Москве установлен памятник, где их имена вместе. Моя мама Елена умерла в 1991 году, Гавриил — в 1992-м, они тоже не успели узнать, что Юлиус Грюнберг расстрелян в 1938 году и захоронен в общей могиле на спецобъекте НКВД «Коммунарка».

Валентина Николаевна Грюнберг.

Начало 1920-х гг.

2
3
Юлиус Грюнберг. 1920-е гг.
Валентина Николаевна Грюнберг (справа)
с сестрой Капитолиной Николаевной Поль и подругой Анастасией
Диомидовной Калининой. 1970-е гг.

4
Юлиус и Артур Грюнберги.
Предположительно 1886 г.

282

ИСТОРИЯ
ОДИННАДЦАТАЯ

ТАТЬЯНА
ИЛЬЧЕНКО
ПАВЕЛ
КОШЕЛЬ

ПОИСК ДВОЮРОДНОГО ДЕДА,
ПРИГОВОРЕННОГО К 5 ГОДАМ ИТЛ В 1938 ГОДУ

Татьяна Ильченко рассказывает о судьбе Павла Кошеля, репрессированного литейщика Харьковского тракторного завода. Павел Федорович был отцом ее дяди Бори, с которым Татьяна была очень дружна.

Дядя Боря рассказывал о судьбе семьи «врага народа». Так случилось, что Борис Павлович работал на том же заводе, что и его репрессированный отец.

ТАТЬЯНА ИЛЬЧЕНКО

я поразила тому, как работала репрессивная машина, перемалывающая жизни людей

Татьяна
Ильченко,
врач
анестезиолог-
реаниматолог,
Москва

Мои родители работали на Харьковском тракторном заводе¹, отец был токарем-расточником, а мама — микрометристом². Когда брату исполнилось шесть лет, семья уехала в Молдавию. Отца, как мастера высшего разряда, пригласили работать на новый республиканский тракторный завод — делиться опытом. Родителям пообещали отдельную квартиру, и они, конечно, согласились — в Харькове они жили в коммуналке. Вот так семья оказалась в Кишиневе, где я и родилась. Росла, училась, работала, а в 48 лет по программе переселения соотечественников переехала в Россию³, не имея здесь никаких родственников, просто потому, что в Молдавии началась русофобия.

В Харькове остались жить мама и старшая сестра Вера с мужем Борисом Павловичем, они тоже работали на ХТЗ. Собственных детей у них не было, и всю свою любовь они дарили нам с братом. Мы были «общими» детьми на две семьи, каждое лето ездили к ним на каникулы. В их доме было много старых фотографий, к которым тетя с дядей очень бережно относились. Помню и фотографии их родителей, но мне в голову не приходило о них расспрашивать. Когда повзрослела, стала замечать в разговорах взрослых отрывочные воспоминания о том, что отца дяди Бори репрессировали, потому что было страшное время культа личности Сталина. Говорили, что люди часто пропадали, их арестовывали и увозили в фургонах с надписью «Хлеб», что забрать могли ночью из дома, днем с работы, вечером на улице и так далее. Но в целом, как и во многих семьях, об этом предпочитали не вспоминать.

1 Харьковский тракторный завод был основан в 1930 г. Первый трактор сошел с конвейера 1 октября 1931 г., и этот день принято считать Днем рождения завода. Для работы на огромном, быстро разрастающемся предприятии требовались все новые и новые специалисты различных областей, что привело к образованию отдельного жилого района Харькова, ставшего полным тезкой завода и получившим название ХТЗ.

2 Со слов Татьяны, мама была «микрометристом» и занималась высокоточными измерениями при испытаниях тракторов.

3 22 июня 2006 г. Указом Президента РФ была принята Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Программа направлена на переселение людей, оказавшихся после распада СССР за пределами РФ и желающих переселиться в Россию. 14 сентября 2012 г. Президентом В. В. Путиным был подписан Указ, содержащий новую редакцию программы и сделавший ее бессрочной.

Когда мои родители и тетя Вера умерли, а дядя Боря был уже очень пожилым, я забрала его из Харькова к себе в Подмо-сковье, чтобы легче было за ним ухаживать. Он был мне как отец, я очень его любила. Поэтому я называла и называю его «дядя Боречка». Мы привезли с собой самое дорогое, что у него было, в том числе и папку со старыми фотографиями. И вот уже тогда дядя Боря рассказал мне все, что знал о своей семье и репрес-сированном отце. Оказалось, что его родители — поляки, отец — Павел Федорович Кошель — работал литейщиком на Харьковском тракторном заводе. Семья жила в заводском поселке. Однажды ночью было в ноябре 1937 года) к ним в барак пришли люди из «органов» и забрали Павла Федоровича. Его жена, Александра Ивановна, осталась одна с тремя детьми — дяде Боре было тогда 10 лет, младшим — 3 и 1. Павла Федоровича осудили и отправили в лагерь в Коми АССР, где он и погиб в 1941 году⁴. После ареста Александру Ивановну лишили жилья. Я слушала дядю Борю и не могла понять — кому нужна была эта комната в бараке и что могло вызвать зависть? Чудом сохранились справки об аресте Павла Федоровича, о его смерти и реабилитации, справка из места отбывания наказания, а также польские документы: свидетельство о его рождении, свидетельство о рождении его жены Александры Ивановны Григор, запись о ее крещении, свидетельство о браке Павла Федоровича и Александры Иванов-ны. В самые трудные годы после ареста мужа Александра Иванов-на, скитаясь с тремя детьми на руках без жилья и работы, сумела сберечь все эти документы и семейные фотографии. Никому нельзя было их отдать на хранение — опасно, люди могли постра-дать. Взять документы жены репрессированного значило вскоре отправиться вслед за ним. Я не знаю, как она смогла это сохранить, но она это сделала.

Однажды мы с подругой гуляли по Москве и увидели на Петровке Музей истории ГУЛАГа⁵. Зашли, посмотрели экспо-зицию. Оказалось, в музее существует отдел по работе с докумен-тами и при желании можно сдать в его фонды домашний архив. Про возможность поиска репрессированных я тогда не знала. Дома я рассказала дяде Боре про этот музей и спросила, могу ли я когда-нибудь, значительно позже, отдать туда его документы. Он сказал: «Конечно». Но после его смерти в 2016 году я поняла, что пока не могу этого сделать.

В следующий раз я попала в музей в июле 2019 года. Он изменился — стал более интерактивным, атмосферным⁶. Появился в музее и новый Центр документации. Я зашла узнать, можно ли принести дядин архив, а вышла со знанием, что могу начать поиск материалов о его репрессированном отце. Не знала, что такое возможно, и не представляла, что личные и следствен-ные дела осужденных в период репрессий до сих пор хранятся в архивах — государственных и ведомственных, и я могу сделать туда запросы. У меня с собой были документы, которые позволили сотрудникам составить алгоритм поиска:

— Справка Военного трибунала Киевского военного округа о реабилитации Кошель П. Ф. 1958 года;

— Уведомление от УВД Исполкома Харьковского Об-лсовета 1958 года на имя Кошель А. И. о смерти мужа;

4 Павел Федорович Кошель был арестован и осужден в ходе операции НКВД против граждан поль-ской национальности, проживавших в СССР. Операция осуществлялась в соответствии с приказом наркома внутренних дел СССР от 11 августа 1937 г. В целом по «польской операции» за 1937—1938 гг. было осуж-дено почти 140 тысяч человек.

5 До 2015 г. музей находился по адресу: ул. Петровка, 16.

6 В 2015 г. музей переехал в новое здание в 1-м Самотечном пер., д. 9, стр. 1.

— Свидетельство о смерти Кошель П. Ф. 1958 года;

— Справка, выданная в 1976 году, о том, что Кошель

П. Ф. отбывал наказание в Учреждении АН-243.

Оказалось, АН-243 — почтовый адрес и наименование, которое позже получил Усть-Вымский ИТЛ в Коми АССР⁷, где Павел Федорович находился в заключении с 1938 по 1941 год. Наличие такого документа — редкий случай и настоящая удача для поиска. У меня увеличивался шанс найти личное дело Павла Федоровича. Личные дела заводили в момент поступления арестованных в тюрьму и отправляли вместе с ними в места отбывания наказания. Если человек умирал в лагере, дело передавали на постоянное хранение в архив. Сейчас эти документы находятся в информационных центрах УМВД или УФСИН по месту отбывания наказания. Поэтому в моем случае предстояло делать запрос в УФСИН и Информационный центр МВД по Республике Коми. Следственные же дела осужденных по политическим статьям хранятся в архивах служб безопасности и госархивах регионов, где человек был репрессирован. На момент ареста Павел Федорович проживал в Харькове, поэтому мне рекомендовали обратиться в Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины, УСБУ в Харьковской области⁸.

Я сфотографировала справку о реабилитации Павла Федоровича, свидетельство о его смерти, справку из лагеря и 13 июля 2019 года отправила изображения по электронной почте в указанные инстанции, сопроводив письмом, форму которого мне дали в музее. Из украинского архива уже через пять дней пришел ответ: мой запрос перенаправили в Государственный архив Харьковской области. На этом я успокоилась. А с архивом МВД по Республике Коми у нас завязалась переписка. Мне следовало представить нотариально заверенные документы, подтверждающие родство с Павлом Федоровичем. Родство с дядей Борей у меня не прямое, достаточных документальных доказательств нет, и я расстроилась. Со специалистами Центра мы составили цепочку из имеющихся у меня документов, копии которых я и отправила в архив⁹. Откровенно говоря, я не верила, что что-то получится. Решила позвонить и прокомментировать присланные бумаги. Мне попались очень отзывчивые сотрудники архива — Н. Е. Абдеева и И. В. Удоратина. Выслушав мою историю и пересмотрев документы еще раз, меня лишь попросили прислать нотариально заверенную копию паспорта. Я все

7 Усть-Вымский ИТЛ (Устьвымлаг) организован в 1938 г. в Коми АССР. Управление располагалось в поселке Вожаель Коми АССР. Заключенные лагеря были заняты на лесозаготовках, строительстве, лесопереработке, сельском хозяйстве. С 1 октября 1940 г. Усть-Вымскому ИТЛ были переданы все лагподразделения Локчимского ИТЛ (Локчимлаг) вместе с контингентом заключенных (10269 чел.).

8 На текущий момент известен список регионов и в России, и на Украине, в которых архивно-следственные дела репрессированных были переданы из ведомственных архивов в государственные. Сегодня бы мы сразу посоветовали Татьяне обратиться в Государственный архив Харьковской области, минуя архивы СБУ.

9 В пакет документов вошли: справка о реабилитации Кошель Павла Федоровича, свидетельство о рождении Бориса Павловича Кошель, свидетельство о рождении его жены — Веры Павловны Ушмакиной, свидетельство о браке Бориса Павловича и Веры Павловны, принявшей фамилию Кошель, справка о захоронении Веры Павловны Кошель; справка о рождении Евгении Павловны Ушмакиной, сестры Веры Павловны; свидетельство о браке Евгении Павловны Ушмакиной

и смене фамилии на Ильченко; свидетельство о рождении и страницы паспорта Татьяны Ильченко.

10 ИЦ МВД по Республике Коми, ф. 118, оп. 137п., д. 973. Архивные копии личного дела заключенного П. Ф. Кошель на 41 л.: анкета заключенного; учетно-статистическая карточка заключенного Локчимлага; выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР с постановлением о заключении в исправительно-трудовой лагерь; справка о содержании заключенного в Харьковской тюрьме; выписка из постановления Особого совещания об отправке заключенного в Локчимлаг; справка с отметкой врача о состоянии здоровья; карта зачета рабочих дней; карточка генеральной проверки заключенных; уведомление об отправке жалобы заключенного на имя Прокурора СССР; ответ из Главной Военной прокуратуры СССР с отказом на опротестование приговора; уведомление об отправке письма заключенного на имя Сталина; доверенность на имя жены на получение в конторе ХТЗ облигаций и денег за неиспользованный отпуск 1937 года с заявлением на имя начальника с просьбой заверить доверенности; характеристика заключенного; акт о прибытии в морг стационара лагпункта умершего з/к Кошель П. Ф.; акт о стагонебнии тела.

сделала и 16 августа получила письмо с архивной справкой и обещанием выслать копии личного дела Павла Федоровича, как только пройдет процедура снятия секретности. Обычно на это уходит 3 месяца, но мне снова повезло — дело рассекретили уже 12 сентября 2019 года. Через месяц я получила большой конверт из архива МВД по Республике Коми, где лежали черно-белые копии материалов личного дела заключенного Кошеля Павла Федоровича¹⁰. Фотографий и личных документов в архивном деле не было, об этом меня уведомили в сопроводительном письме. Когда я увидела эти бумаги, почувствовала какую-то беспомощность. Ужасно жалко Павла Федоровича, его жену, детей, моего любимого дядю Боречку, который не успел поддержать в руках документы своего отца... Я была потрясена похожестью почерков Павла Федоровича и его сына, дяди Бори. Один в один! Неисповедимы пути генетики.

Я надеялась, что в деле будут протоколы допросов, донос — что-то, намекающее, откуда появилось подозрение в шпионаже, в котором Павла Федоровича обвиняли. Но ничего подобного не оказалось. Я снова позвонила в архив узнать, почему этого нет, и мне разъяснили, что такие материалы хранятся в следственном деле. Его я все еще ожидала из госархива Харьковской области. Я поинтересовалась, можно ли приехать и ознакомиться с материалами лагерного дела непосредственно в архиве, и мне разрешили. Теперь я туда стремлюсь — хочу увидеть своими глазами эту папку. Мне бы хотелось найти и могилу Павла Федоровича, в деле указано место и даже номер захоронения. Но сотрудники архива говорят, что это нереально, потому что лагерь был огромным, состоял из множества лагпунктов, и сейчас даже точно неизвестно, где был лазарет, кладбище этого лазарета и уж тем более могила № 19.

Я была под таким сильным впечатлением, что сначала даже хотела показать документы на работе, но передумала. Однажды у меня был разговор с коллегами, я рассказывала о том, как была в музее «Дом на набережной»¹¹. И один доктор вдруг сказал: «Мой дед там жил, его репрессировали и расстреляли», и в таком ключе, мол, не надо нам рассказывать об этих репрессиях — «раз репрессировали, значит, было за что». Вот насколько нам перевернули мозги! Своими «находками» я все же поделилась — выложила документы в соцсети, но никакой реакции не последовало. Люди оказались равнодушны. Хотя ведь в каждой семье что-то было. В книге «Я пережила Освенцим»¹² героиня говорила, что после освобождения будет радоваться, веселиться и никогда не будет вспоминать этот ад, забудет все начисто... Такая реакция мне очень интересна. Защитная, наверное.

Копии материалов следственного дела из Харькова я ждала довольно долго. В тот же день, когда пришли материалы из архива МВД по Республике Коми, я написала по электронной почте в госархив Харьковской области. Мне быстро перезвонили, извинились за задержку и заверили, что я обязательно получу ответ, надо лишь подождать. Что я была приятно удивлена, сказать мало. Что ж, мы ждали и больше. Да и какой у меня выбор?.. Каждую неделю с ноября 2019-го по март 2020-го я звонила в архив и напоминала о себе, а 16 марта 2020 года отправила довольно жесткое обращение с требованием сообщить о сроках исполнения моего запроса. И в этот же день получила по электронной почте

11 В 2014 г. музей «Дом на набережной» стал отделом музейного объединения «Музей Москвы», а с 2016 г. вошел в состав Государственного музея истории ГУЛАГа.

12 «Я пережила Освенцим» — книга польской писательницы Кристины Живульской, которая в 1943 г. попала в Освенцим.

архивно-следственное дело¹³. Ожидаемого мною доноса в деле не было, но я с удивлением узнала, что в 1924 году Павел Федорович нелегально перешел границу с СССР. Получается, он был поклонником социалистического строя и Советского Союза? Ничего другого я предположить не могу. Не представляю, что им двигало. Будучи поляком — а простому рабочему человеку в голову не могло прийти это скрывать, — он стал «интересен» органам как польский шпион. Простой литейщик, что он мог сообщать шпионское? Я поразились тому, как работала репрессивная машина, перемалывая жизни людей, — как молот, без всякой логики. В протоколе обыска кроме изъятых паспортов, военного и профсоюзного билетов значился «пакет с различными документами и письма». Наверное, это были письма от его родных братьев, оставшихся в Польше. У них были семьи, они жили нормальной человеческой жизнью, почему они не могли переписываться? Для обвинения все шло в ход... Как бы я хотела увидеть эту переписку!

Отбывать наказание Павел Федорович был отправлен сначала в Локчимлаг¹⁴, и я искала какую-нибудь информацию об этом лагере. Нашла документальный фильм «Поселок на костях: “Локчимлаг” 80 лет спустя». Журналист приехал в столицу лагеря, поселок Анжером, где сейчас в сохранившихся лагерных административных постройках (даже изоляторе и тюрьме) живут потомки заключенных и тех, кто их охранял. Герой фильма — 90-летний литовец Анатолис Смилингис, бывший узник этого лагеря, краевед, вместе со своей женой собирает и хоронит кости заключенных, которые периодически оголяются из-под земли из-за сильных ветров и дождей. В поселке сейчас довольно много тех, кто симпатизирует Сталину. Миф о сильной руке победил память даже на земле, усыпанной костями. Этот старик не уехал к себе на родину, где мог бы жить в несравнимо лучших условиях и быть европейским пенсионером. Он бродит по лесам Коми, собирает чужие кости, и «словно заноза, не дает Анжерому забыть свое страшное прошлое»¹⁵. И я тоже абсолютно убеждена, что такое нельзя забывать. Чтобы никто никогда не сказал, что этого не было.

Дядя Боря совсем не держал зла на государство, погубившее его отца. Он говорил, что страна нуждалась в рабочей силе, и раз так случилось, значит, так было нужно. Вот так он объяснял. Наверное, иначе невозможно жить, если не оправдать хоть как-нибудь. Иногда я думаю: как можно было так терпеть и молчать? Почему это годами продолжалось, почему они не могли противостоять? И почему вся наша страна не могла?

В последний год жизни дяди Боречки (ему было уже 89 лет) мы много с ним разговаривали. Скорее у меня была в этом большая потребность, чем у него. Люди его поколения — не болтуны. Хоть он и проработал всю жизнь на одном заводе простым

13 Государственный архив Харьковской области, ф. Р-6452, оп. 2, д. 21574. Копии материалов архивного следственного дела по обвинению Кошель П. Ф. на 29 л.: постановление о начале следствия; постановление об избрании меры пресечения на время следствия; ордера на обыск и арест; протокол обыска; анкета арестованного; постановление о привлечении в качестве обвиняемого; протоколы допросов; обвинительное заключение; постановление о направлении дела на рассмотрение Особым совещанием НКВД СССР; выписка из протокола Особого совещания; заявление А. И. Кошель о реабилитации мужа; служебная записка Военной Прокуратуры КВО в Центральный Государственный особый архив МВД СССР в связи с производством доп. расследования; ответ из Центрального Государственного Особого архива МВД СССР; протест военного прокурора КВО в Военный Трибунал КВО; определение Военного Трибунала

КВО; справка Военного Трибунала КВО об отмене постановления и прекращении дела; обращение дочери Е. П. Кошель о получении справки о реабилитации ее отца в связи с потерей ранее выданной.

14 Локчимский исправительно-трудовой лагерь (Локчимлаг) НКВД СССР был организован в 1937 г. Получил свое название по названию реки Локчим, по берегам которой велась значительная часть лесозаготовительных и лесосплавных работ. Главной задачей лагеря было освоение новых крупных лесных массивов Вычегодского бассейна. Локчимлаг был ликвидирован как лагерь 1 октября 1940 г. в соответствии с приказом наркома НКВД СССР №359. Все лагподразделения вместе с контингентом заключенных (10269 чел.) были переданы Усть-Вымскому ИТЛ.

15 Цитата из фильма «Поселок на костях: “Локчимлаг” 80 лет спустя».

рабочим и никакой политической карьерой не занимался, подробности своей биографии привык скрывать, чтобы не испортить жизнь ни себе, ни близким. Ум у него был ясный, и до последнего дня дядя Боря хотел съездить и в Пермь, куда попал мальчиком почти сразу после ареста отца, и в Коми. Почему я не бросила все и не отвезла его?

Я ездила в Освенцим, поеду и в Коми. Сейчас я отправляюсь на Ямал работать врачом. Это какая-то потребность проверить себя, примерить на себя жизнь моих близких. Смогла бы я выстоять в их условиях и обстоятельствах, пережила бы ГУЛАГ и осталась бы человеком?

Теперь пришло время, и я могу отдать все фотографии и документы в Музей истории ГУЛАГа. Зачем они будут лежать у меня где-то в шкафу? Я смертна, у меня есть только сын, и живет он очень далеко. Я его спросила, и он сказал — конечно, отдай в музей.

Хранишь Моем...

1956. 6 7842-1

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КВО

№ _____

Докладчик _____

Прокурор _____

Наименование и рассмотрение _____ 1956 г.

Лист 014

Арх. № **5758**

581510

Классификационная характеристика на _____

Д. ССР при СМ УССР

О И ССР

ЗАИНВЕНТАРИЗОВАНО в 1941 г.

УЧЕНО в 1962 г.

ДЕЛО № 68972

Об обвиненного Кошель

Павла Федоровича по ст. 54-6

УК УССР.

Амнистия ввиду малолетней преступной
реабилитации за 1992

АРХИВ УКГБ при СМ УССР

на Харьковской области

Арх. № **015784**

ТОМ № _____

АРХИВ Ук. 6 при _____

на Харьковской _____

НАЧАТО 13. ноября 1937 г.

ОКОНЧЕНО 12. апреля 1938 г.

Количество томов **2**

Р-6452 2 - 2574

17

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР
от „28“ апреля 1938 г.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

234. Дело № 68972/УССР о КОШЕВЬ Павли Федоровиче; 1903г.р.

КОШЕВЬ Павла Федоровича по подозрению в шпионаже, заключить в исправтрудлагерь, сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 20/XI-37г. Дело сдать в архив.

Выписка направлена

...1... 7 ... 1938 ...

для канцелярии в

Отв. Секретарь Особого Совещания

Доктрилаг НКВД
 2-й Отдел
 Нач. 6 18 1940
 Док. № 24244
 № 13 11 - 1940г.

Объявите под расписку
 з/к Кошель Павел Федорович
 что его жалоба адресованная на имя т. Сталина
13 июля 1940г. за № 32053
 направлена по назначению
 Настоящее с распиской/к возвратите во 2-й
 Отдел.
 Инспектор 2-го Отдела - цмв
 объявлено 27 июля 1940г.
 Чинсан. Кошель

Сиблага
 Начальнику Доктрилага.
 и/о Корткерос, Коми АССР.

ПРОКУРАТУРА
 Союза Советских
 Республик

Главная
 Военная Прокуратура

Л. Мороз 1940
 № 56883-9
 Москва, Пушкино-скв ул., 12-а
 Тел. № 4-00-18

ОБЪЯВЛЕ ЗАКЛЮЧЕННОМУ КОШЕЛЬ ПAVЛУ ФЕДОРОВИЧУ, ЧТО ЕГО ЖАЛОБА И ДЕЛО РАССМОТРЕНЫ, ОСУЖДЕН ОН ПРАВИЛЬНО И ОСНОВАННО И ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАШЕНЫ - НЕТ.
 Жалоба оставлена без удовлетворения.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ГВН
 ВОЕННЫМ ЛЕЙТЕНАНТ 2 РАНГА

/РМФМ/
РМФМ

объявлено 27 июля 1940 года
 Чинсан. Кошель

1 Уведомление о направлении жалобы заключенного Кошель П. Ф. на имя т. Сталина, от 13 июля 1940 г. Личное дело заключенного Кошель П. Ф. ОСФ и ОГУ ИЦ МВД по Республике Коми, ф. 118, оп. 137п, д. 973, л. 22

2 Уведомление Главной Военной Прокуратуры о рассмотрении жалобы заключенного Кошель П. Ф. от 9 марта 1940 г. Личное дело заключенного Кошель П. Ф. ОСФ и ОГУ ИЦ МВД по Республике Коми, ф. 118, оп. 137п, д. 973, л. 19

24-⁷⁷ 1958 г. № 8/2 К-44 г. Харьков

г. Кошель А. И.

проживающей г. Харьков ХМЗ-31 поселик
барак №5 койката-4.

Сообщаем, что разысканный Вами муж Кошель Павел Федорович умер . 12. 10. 1941 г.

За получением свидетельства о смерти рекомендуем обратиться в Одесс Николаевна Карышевская Советская Жилищно-коммунальная г. Харьков, клуб
Голо поешане Извещение о смерти За № 11277 от 10.10.58

Начальник отдела УВД Исполкома
Харьковского Облисполвета Депутатов трудящихся

С. С. Шевченко

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

17. декабря 1958 г. № 2229/0-58 г. Киев, Артилл 20.

СПРАВКА

Дело по обвинению КОШЕЛЯ Павла Федоровича, 1903 года рождения, работавшего до ареста шестилетком на Харьковском тракторном заводе, пересмотрено возница трибуналом Киевского военного округа тематом 1958 года.

Постановление от 28 апреля 1948 года отменено и дело прекращено.

КОШЕЛЬ П. Ф. реабилитирован.

П. П. Шевченко
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ТРИБУНАЛА
28. 12.
1958

3 Уведомление от УВД Исполкома Харьковского Облсовета депутатов трудящихся на имя Кошель А. И. о смерти ее мужа Кошель П. Ф. №8/2 К-44 от 24 июля 1958 г. ГМИГ КП-4173 Д-2096

4 Справка о реабилитации Кошеля П. Ф., выданная Военным трибуналом Киевского военного округа 17 декабря 1958 г. за №2279/0-58. ГМИГ КП-4175 Д-2098

ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ КОШЕЛЬ

Павел Федорович Кошель родился 14 июня 1903 года в селе Рыбница Томашевского уезда Люблинской волости (Польша). Помимо Павла в семье было еще трое сыновей — Фома, Антон, Михаил и две дочери — Елена и Мария. Мать, Катерина, была домохозяйкой, отец, Федор Кошель, занимался сельским хозяйством. Павел, вероятно всего, окончил деревенскую начальную школу и имел «низшее образование», а позже получил специальность литейщика. В 1924 году его призвали в польскую армию. Получив документы для прохождения службы, в июле 1924 года он нелегально перешел границу с СССР, так как «подвергался избиениям со стороны местных властей за дезертирство своих братьев, не желавших служить в польской армии»¹⁶. На советской территории его задержали органы НКВД и отправили через карантинный пункт в Киев. Там Павлу выдали документы на проживание в СССР с точным указанием места — в городе Бобров Воронежской области, куда он и приехал в августе 1924-го. Там же в 1925 году Павла судили за нелегальный переход границы СССР и приговорили к 6 месяцам лишения свободы условно.

В 1926 году Павел Федорович женился на Александре Ивановне, в девичестве — Григор. Она тоже была родом из Польши, из села Суходнево Келецкой волости. Познакомились ли они в СССР или вместе бежали из Польши, неизвестно. Через год, в 1927 году, на свет появился их первенец — Борис. Всего же в семье было трое детей: в 1934-м родился Георгий и в 1936-м — Елена.

Павел
Федорович
Кошель
с сыном
Борисом.
1937 г.

¹⁶ Государственный архив Харьковской области, ф. Р-6452, оп. 2, д. 21574, л. 9: протокол допроса П. Ф. Кошель от 2 декабря 1937 г.

В 1930 году Павел с семьей перебрался в Самарскую область, в город Чапаевск, где жил его двоюродный брат Михаил. Устроился литейщиком на завод № 15¹⁷, но через год был отозван органами НКВД «как приезжий» и переведен в Бутурлиновку под Воронеж. Оттуда семья вскоре переехала в Харьков, и Павел поступил литейщиком на знаменитый Харьковский тракторный завод. Получил квартиру в заводском поселке, известен даже адрес — 2-й участок, барак 19, квартира 50. Уверена, что он был хорошим и честным рабочим.

Так как в 1925 году Павел Федорович был лишен Люблинским воеводством польского гражданства как лицо, пребывающее за границей, в 1933 году он обратился в польское консульство в Харькове, чтобы узнать порядок получения права на свидание со своими родственниками в Польше. Спустя четыре года этот визит стал одним из поводов для его ареста. В ноябре 1937 года Павла Федоровича арестовали по подозрению в проведении разведывательной деятельности (шпионаже в пользу Польши) и заключили под стражу в Харьковскую тюрьму НКВД.

Вот как Павел Федорович описывал свой визит в Консульство на допросе 3 декабря 1937 года¹⁸:

«В 1933 году я посещал консульство Польши в Харькове, чтобы узнать, каким образом я могу получить право на свидание в Польше с братом на время моего отпуска и каким образом я могу получить деньги от брата для Торгсина. В консульстве мне объяснили, что право на свидание я получить смогу, но для этого нужно ходатайствовать. Насчет денег мне сказали, что можно их переслать через контору Торгсина. Я разговаривал с самим консулом. Он интересовался, где я живу, работаю, сколько получаю, как живу, на что я дал исчерпывающий ответ. Когда я выходил из консульства, меня остановил консул и спросил, хочу ли я получать хлеб в СССР по карточкам или в Польше без карточек, на что я ничего ему не ответил. Когда я вышел на улицу, меня остановил незнакомый гражданин и спросил, зачем я ходил в консульство. Я ответил, и он мне сказал, чтобы я в консульство не ходил, потому что за теми, кто бывает в консульстве, следят. Этот незнакомец расспросил меня, откуда я, где работаю и живу, и я ему рассказал обо всем. Больше я в консульстве не бывал. И с этим незнакомцем больше не встречался».

Следствие шло до 25 декабря 1937 года. Павел Федорович не признавал предъявляемых ему обвинений — что он шпион, завербованный польской разведкой; отрицал он и свою причастность к диверсионно-вредительской работе на Харьковском тракторном заводе. Признался лишь в том, что выражал недовольство политической советской власти и партии по вопросу недостатка продуктов питания и предметов широкого потребления в СССР.

Вопрос: Следствие располагает данными, что вы были завербованы в польскую разведку для сбора шпионских сведений в СССР и проведения диверсионно-вредительской работы на заводе — признаете ли вы себя в этом виновным?

Ответ: В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так как завербованным в польскую разведку я никогда не был, шпионских сведений не собирал, диверсионно-вредительскую работу не проводил.

17 Одно из градообразующих предприятий города советского периода. Ныне ОАО «Полимер».

18 Государственный архив Харьковской области, ф. Р-6452, оп. 2, д. 21574, л. 11: протокол допроса П. Ф. Кошель от 3 декабря 1937 г.

Вопрос: Вы говорите неправду, следствие требует от вас чистосердечных показаний.

Ответ: Заявляю откровенно, что я ни шпионской, ни диверсионно-вредительской деятельностью не занимался.

Вопрос: В чем признаете себя виновным перед советской властью?

Ответ: Признаю себя виновным перед советской властью в том, что среди рабочих выражал недовольство политикой советской власти и партии по вопросу недостатка продуктов питания на рынке в СССР и других предметов широкого потребления¹⁹.

Следствию не удалось добыть достаточно материалов для предания Кошель П. Ф. суду Воентрибунала, но, «учитывая его социальную опасность»²⁰, было решено направить следственное дело на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

28 апреля 1938 года Павел Федорович был осужден по ст. 54 п. 6 УК УССР и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах. Местом отбывания наказания определили Локчимлаг. После вынесения приговора он находился в Харьковской тюрьме и лишь в июле 1938 года был отправлен этапом в с. Пезмег Коми АССР в распоряжение начальника управления Локчимлага и 2 сентября 1938 года прибыл в пункт назначения.

Павла Федоровича определили на общие работы на лесоповале. В карте зачета рабочих дней за 1938 год²¹ указано, что поначалу он работал «грузЦиком». Есть соответствующие отметки качества работы, отношения к труду и поведения заключенного Кошель П. Ф.: «Работает плохо. В быту плох. Поведение плохое». Потом что-то поменялось, и по итогам последнего квартала 1938 года, когда Павел Федорович работал уже лесорубом, появилась запись «к труду относится хорошо, выполняет нормы, к оборудованию относится добросовестно». В том же документе указано, что Аттестационная комиссия от 5 января 1939 года постановила зачесть 92 рабочих дня и сократить срок [заключения] на 30 дней²². Видимо, если человек выполнял план и не нарушал дисциплину, ему могли уменьшить срок. Думаю, у Павла Федоровича, как и у каждого заключенного, была на это надежда. Он очень переживал за судьбу семьи и несколько раз писал доверенности на свою жену, чтобы она получила на заводе положенные ему отпускные деньги за 1937 год, а также облигации госзайма. Скорее всего, Александра Ивановна не получила ни доверенностей, ни денег. Подробности ее жизни после произошедшей катастрофы неизвестны. Когда Павла Федоровича арестовали, Александру Ивановну с тремя малолетними детьми выселили из барака. Не без помощи добрых людей она как-то перебивалась временным жильем. Устроиться на работу она не могла — ни уборщицей, ни гардеробщицей. Дядя Боря вспоминал, что было очень тяжело и, чтобы как-то прокормиться, ему с мальчишками приходилось подворовывать. Естественно, в один «прекрасный» день его забрали в милицию и уже накануне войны отправили в Пермь

19 Государственный архив Харьковской области, ф. Р-6452, оп. 2, д. 21574, л. 13: протокол допроса П. Ф. Кошель от 3 декабря 1937 г.

20 Государственный архив Харьковской области, ф. Р-6452, оп. 2, д. 21574, л. 16: постановление о направлении следственного дела на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР от 25 декабря 1937 г.

21 ИЦ МВД по Республике Коми, ф. 118, оп. 137п, д. 973, л. 14.

22 С 1 августа 1935 г. действовал Приказ наркома внутренних дел СССР «О зачете рабочих дней

заключенным лагерей и мест заключения НКВД». В лагерях за ударную работу и образцовое поведение предусматривалась следующая схема зачета рабочих дней: за 2 дня работы — 3 дня срока наказания. В лагерях особо отдаленных, ведущих строительство государственного значения (Бамлаг, Севвостлаг, Вайгач, отдельные подразделения Дальлага и Ухты) предусматривался сверхударный зачет: за 1 день работы — 2 дня срока наказания. 15 июня 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР зачеты рабочих дней были отменены.

в специальное училище, что-то вроде ремесленного, для «трудных» мальчишек. Как и где жили младшие Георгий и Елена, неизвестно — возможно, попали в детский дом. Вернулся Борис в Харьков уже после войны. Бродяжничал, искал маму, но барака уже не было, спросить было не у кого, идти было некуда, и в поиске семьи никто ему помочь не мог. И вот однажды на улице он вдруг увидел женщину. Будто узнал ее. Подошел и сказал: «Вы моя мама!» И она действительно оказалась его мамой. Таким чудным образом они друг друга нашли. Уже вдвоем они долго искали брата с сестрой по харьковским детдомам. Как-то стало известно, что Георгий умер, а Лену вроде бы нашли в детском доме: какую-то девочку Александра Ивановна приняла за свою дочку. Забрали ее с собой, но дядя Боря до конца жизни в душе сомневался и говорил: это не наша Лена, не моя это сестра. А генетической экспертизы в то время нельзя было провести. Тем не менее все в семье считали, что это была Лена, и они жили как брат и сестра. Примечательно, что, вернувшись в Харьков, дядя Боречка поступил наладчиком станков на тот же Харьковский тракторный завод, где работал его отец. Через 11 лет после его ареста, в 1948 году мой дядя, сын репрессированного, получил награду — юбилейную рюмочку, отлитую из металла, с гравировкой: «Лучшему комсомольцу инструментального цеха ХТЗ Кошель Борису в честь XXX-летия ВЛКСМ». Вот как это все возможно? Отца арестовали, сына наградили.

Павел Федорович надеялся на пересмотр своего приговора и писал обращения в различные инстанции. Есть документ — его жалоба на имя Прокурора СССР от 15 октября 1939 года. Ответа он ждал полгода. «...Жалоба и дело рассмотрены. Осужден он правильно и оснований к опротестованию решения нет. Жалоба оставлена без удовлетворения»²³. Писал и Сталину, о чем в личном деле есть справка с распиской, что его прошение отправлено по назначению 13 июля 1940 года. Ответа он не дождался. Павел Федорович умер 12 декабря 1941 года. «Смерть последовала от отека легких, развившегося на почве сужения левого венозного отверстия»²⁴. В свидетельстве о смерти 1958 года указана причина смерти — туберкулез легких. Скорее всего, он умер от того, что жизнь была невыносимой. Локчимлаг, а потом и Устьвымлаг были одними из самых страшных лагерей тех лет.

В августе 1958 года Александра Ивановна Кошель обратилась в областную прокуратуру Харькова с прошением о проверке дела ее мужа и его посмертной реабилитации. 16 декабря 1958 года дело было пересмотрено Военным трибуналом Киевского военного округа, постановление от 28 апреля 1938 года отменено и Павел Федорович Кошель реабилитирован.

23 ИЦ МВД по Республике Коми. Архивное личное дело заключенного Кошель П. Ф., ф. 118, оп. 137п, д. 973, л. 19: ответ из Главной военной прокуратуры СССР от 9 мая 1940 г.

24 ИЦ МВД по Республике Коми. Архивное личное дело заключенного Кошель П. Ф., ф. 118, оп. 137п, д. 973, л. 33: акт о пребывании тела в морге от 12 декабря 1941 г.

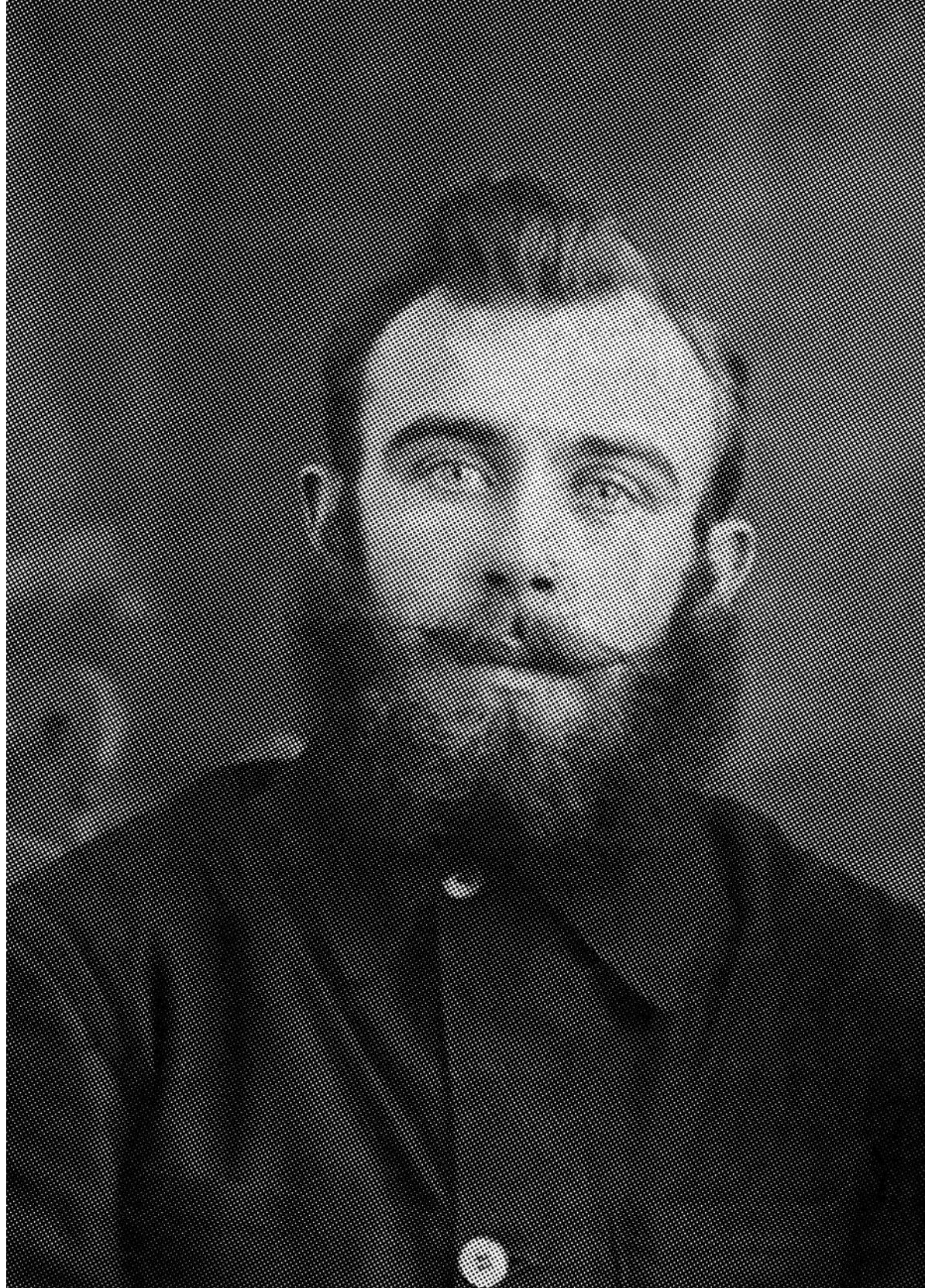

1 Павел Кошель с детьми Борисом, Георгием
и Еленой. Харьков, 1937 г.
2 Павел Кошель.
3 Борис Кошель и Вера Кошель. 1955 г.

4 Павел Кошель с женой Александрой. 1926 г.
5 Павел Кошель с сыном Борисом. 1937 г.
6 Рабочие Бутурлиновского комбината.
Центрально-Черноземная область, г. Бутурлиновка, 1931 г.

Коллектив ц. Кр. в. в Туринском

304

ИСТОРИЯ
ДВЕНАДЦАТАЯ

НАТАЛЬЯ
БЛИНКОВА
МИХАИЛ
ВОЙТКЕВИЧ

ПОИСК ДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К РАССТРЕЛУ В 1938 ГОДУ

В гостях у Натальи Блинковой. Прогулка по местам ее детства. Вместе с мамой и бабушкой они жили на Беговой улице — в том же доме, где в 1938 году арестовали ее дедушку — Михаила Ивановича

Войткевича. Его приговорили к 5 годам лагерей. В этом же году дед умер в Северо-Восточном ИТЛ, не выдержав суровых условий Колымы.

Наталья Блинкова (Войткевич)

Михаил Иванович Войткевич

история двенадцатая

НАТАЛЬЯ БЛИНКОВА

«ОН ОКАЗАЛСЯ ВРАГОМ НАРОДА», — СКАЗАЛА МНЕ КАК-ТО БАБУШКА

Наталья
Блинкова,
художник-
оформитель,
пенсионер,
Москва

Я родилась в Москве. Вместе с мамой и бабушкой мы жили на Беговой улице — в том же доме, где в 1938 году арестовали моего дедушку.

Когда меня десятилетнюю принимали в пионеры, моя бабушка Валентина Александровна в сердцах сказала: «Чему ты радуешься? Твоего дедушку посадили ни за что, и он умер в лагерях». После этих слов мое мировоззрение перевернулось, потому что я считала, что наша страна самая справедливая и у нас все правильно. Мы, дети, готовы были погибнуть, голову сложить за родину. С тех пор я стала видеть эту фальшь в советских песнях и книгах. Никому не верила и очень переживала. Я правду люблю, но считаю, что должна была узнать о такой трагедии намного позже. Возможно, из-за депрессивного состояния я не продолжила учебу, а сразу после школы устроилась художником-оформителем на завод. Только книги помогали мне отвлечься от переживаний — я читала запоем. Помню, снились жуткие сны про лагерь. Однажды в моем сне дедушку забили ногами уголовники. Может быть, так оно и было, ведь я до сих пор не знаю подробностей о его кончине.

Бабушка моя была человеком сломленным, она прожила очень трудную жизнь. Деревенской девушкой приехала из подмосковного Щапово работать в Москву, вышла замуж за бедного студента Михаила Ивановича Войткевича. Поженились они в 1926 году, ей тогда было 19, он — чуть постарше.

Михаил Иванович был родом из Латвии, семья несколько раз переезжала, а в Москву он попал уже из Рыбинска, где у него осталась старшая сестра. Она вышла замуж, родила троих детей и умерла в 27 лет. Ее муж, Мержвинский Иван Валерианович, женился снова, но через несколько лет его арестовали. Мой дедушка взял опеку над старшей дочерью Мержвинского, Верой, и привез ее Москву, в свою 20-метровую комнату на Беговой, где уже жили трое его родных детей. Хороший, видно, человек был дедушка. Мержвинский же, промучившись в лагере 5 лет, умер от пеллагры¹, хотя физически был сильнее моего деда. Очень горько, конечно, сознавать, сколько еще могли бы сделать эти люди, не случись всего этого.

¹ Пеллагра — заболевание, один из авитаминозов, который является следствием длительного неполноценного питания (недостаток витамина PP

и белков, в особенности содержащих незаменимую аминокислоту триптофан). Смерть от пеллагры была нередким явлением в лагерях ГУЛАГа.

Михаил Иванович окончил институт имени Ломоносова² и стал работать на водном транспорте в одном из московских портов. Его часто отправляли в рабочие командировки, одна из которых, в Сибирь, продлилась два года. Он взял с собой жену и шестилетнюю дочь Людмилу, мою маму. Сына Марата оставили с тещей — Натальей Степановной. Эти два года дедушка работал инженером по речным судам, а жили они в портовом городе на реке Лена. Когда переехали в Якутск, родился младший сын — Станислав. У нас сохранились воспоминания матери, в которых она описывала их жизнь в то время.

После того как семья вернулась домой, дедушка сменил работу — сначала поступил в Военно-воздушную академию РККА им. профессора Н. Е. Жуковского³, которая раньше располагалась в Петровском дворце на Ленинградском проспекте. Около года он там занимался строительством аэродинамической трубы — он был инженером-конструктором. У меня есть выписка из военного архива⁴:

«Зачислить в списки вольнонаемного состава с месячным исполнительным сроком инженером-конструктором на строительство аэродинамической трубы Войткевича Михаила Ивановича с окладом 550 руб. с оплатой из суммы строительства с 7-го августа 36 года».

В 1937 году Михаил Иванович поступил работать на завод «Красный пролетарий»⁵ инженером-конструктором, в Бюро прямоточного котлостроения⁶. Там же работал его друг по учебе в институте латыш Петр Иванович Скарайн. Они вместе строили фабрику Союзфото⁷. Проработал дедушка там недолго, может быть, год. Осенью начались массовые аресты латышей на предприятиях транспорта и строительства, обороны, в секретных учреждениях. В ходе проводившейся национальной операции⁸ сотрудники НКВД выискивали «участников» диверсионно-шпионских организаций⁹. В августе был арестован Скарайн, в январе его расстреляли. А в начале марта 1938 года арестовали и Михаила Ивановича.

2 Имеется в виду Московский политехнический университет — высшее учебное заведение в Москве. С 1924 по 1930 г. носил название Московский механический институт имени М. В. Ломоносова.

3 Академия ведет свою историю с 1919 г., когда был создан Московский авиатехникум. В 1920 г. техникум был реорганизован в Институт инженеров Красного воздушного флота имени Н. Е. Жуковского. В 1922 г. институту присвоили статус академии. В 1923 г. академия переехала в Петровский дворец и бывший ресторан Скалкина вблизи Ходынского аэродрома. До 1940 г. академия оставалась единственным военным авиационным высшим учебным заведением страны, которое готовило командиров для Военно-воздушных сил, инженеров широкого профиля, способных работать в войсках, промышленности и научно-исследовательских учреждениях. Ее выпускники командовали авиачастями и соединениями, руководили инженерно-авиационной службой, возглавляли конструкторские бюро, авиазаводы, научно-исследовательские учреждения.

4 Российский государственный военный архив (РГВА) в Москве.

5 Завод «Красный пролетарий» — одно из старейших предприятий станкостроения в России, было основано в 1857 г. в Москве как фабрика братьев Бромлей. Впоследствии — ведущее станкостроительное предприятие СССР, лидер по производству токарных станков в СССР, только станков 16К20 сходило 1000

штук с конвейера в месяц. География поставок насчитывала 32 страны.

6 Бюро прямоточного котлостроения создано в 1934 г. по Приказу Наркомата тяжелой промышленности на базе «закрытого» конструкторского бюро, которое находилось до этого в ведомстве ОГПУ.

7 Союзфото — Всесоюзный государственный литературно-иллюстрационный и фотоиздательский трест.

8 В период Большого террора (1937—1938) развернулись массовые операции НКВД против советских граждан разных национальностей: поляков, немцев, латышей, греков, румын, финнов, эстонцев и др. Одна из самых крупных «национальных операций» — «Дело латышского национального центра», в ходе которой были арестованы 17 581 человек, из них 13 944 расстреляны, остальные отправлены в исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа.

9 В шифрограмме наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 49990 от 30 ноября 1937 г. «О проведении операции по репрессированию латышей» говорилось о раскрытии в Москве и ряде областей «крупных шпионско-диверсионных и националистически-контрреволюционных организаций латышей, созданных латвийской разведкой и связанных с разведками других стран». После XX съезда КПСС 1956 г. все следственные дела по национальным операциям были признаны сфабрированными, а их жертвы реабилитированы.

«Однажды поздно вечером я спала и брат спал. Я проснулась от голосов, открыла глаза — по комнате ходят незнакомые мужчины. Потом опять уснула. Утром почему-то дома одна мать. Мы спросили: где папа? Она сказала, что он уехал в командировку. Это было 5 марта. А оказывается, все было не так. С тех пор мы отца не видели. Началась трудная жизнь»¹⁰, — написала в воспоминаниях мама.

Дедушку обвиняли в том, что он «является членом контрреволюционной вредительской группы и сознательно занимался вредительством и антисоветской деятельностью»¹¹.

В деле я прочитала, что некий инженер Спрогис, тоже из Латвии, видимо под пытками, оговорил многих людей на заводе, в том числе моего дедушку. Я на этого человека обиды не держу. Он на допросе якобы признался, что завербовал Войткевича, но даже не знал точно, где тот жил, — как это возможно? Спрогис тоже был впоследствии расстрелян. При этом бабушкиного брата, Василия Александровича Разумова, работавшего техником-конструктором на заводе «Красный пролетарий», так и не тронули, что говорит, видимо, о запланированной кампании против латышей.

После ареста Михаила Ивановича бабушка пошла, как и все, по очередям — узнавать, где он и что с ним. Сохранилось письмо без даты, написанное моей полуграмотной бабушкой, в котором она просила ответить, жив ли ее муж:

«(Н)ачальнику Лагирей

Товарищ Начальник прошу вас сообщите пожалуста, находится у вас, войткевич Михаил Иванович год рождения 1904 год арестован 5 марта 1938 года, так как о нем мы некаких сведений все время неимеем, прошу пожалуста сообщите жив или нет войткевич валентина александровна Адрес Москва беговая улица дом 10 кв. 10»¹².

Ее же почерком написана вторая записка, уже от имени тещи Михаила Ивановича, Натальи Степановны:

«Товарищ Начальник, убедительно прошу вас, сообщите мне по следующему адресу, что жив или нет ссыльный Войткевич Михаил Иванович, Я — Мать ево жены у меня находятся трое детей его воткевича дети малолетняя, прошу вас не откажитя в моей прозбе адрес какуй — Малинское почт. отделение московской области село Шапово разумовой Натальй Степановна»¹³.

2 июня состоялся суд, о котором, конечно, Валентина Александровна знать не могла и только получила ответ: ничего не принимаем, где он, не знаем, ничего не известно.

После ареста мужа Валентину Александровну нигде не брали на работу. Перед самой войной бабушка торговала мороженым за копеечную зарплату. А как только началось война, устроилась в Боткинскую больницу, но долго там не проработала. В самые трудные дни наступления немцев привозили очень много

¹⁰ Из воспоминаний Людмилы Михайловны Войткевич, 2010 г.

¹¹ ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 26753 П-27993, л. 30 (23): обвинительное заключение от 25 мая 1938 г.

¹² УМВД по Магаданской области, ф. 3, оп. 1, д. 3-9940, л. 18: копия письма супруги заключенного М.И. Войткевича, без даты.

¹³ УМВД по Магаданской области, ф. 3, оп. 1, д. 3-9940, л. 20: копия письма на имя начальника лагеря от матери супруги М.И. Войткевича Н.С. Разумовой, без даты.

солдат с обмороженными ногами. Они в окопах сидели в валенках, по колени в воде, а потом ударил мороз. Бабушка говорит, что многим солдатам ноги отрезали, и раненые так страшно кричали, что она не выдержала и ушла оттуда, а потом устроилась на завод, на стройку. Семья голодала. Было продано все, что можно было продать, вплоть до елочных игрушек, — и кто-то ведь покупал! С 12 лет пришлось работать и моей маме в мастерских по заливке галош. На вредном производстве мама стала много болеть. Тогда бабушка без трудовых книжек — их не отдавали — сбежала с моей матерью в совхоз, на родину. Ее старший сын Марат остался в столице. Он тогда обучался в школе ФЗУ при авиационном заводе недалеко от дома, позже работал там уже расточником. Во время учебы мальчиков отправляли на практику, на восстановление ДнепродзЭС, где многие переболели пневмонией, которая перешла в туберкулез легких, в том числе и у Марата. Он получил вторую группу инвалидности и умер в 24 года. В совхозе в Московской области, несмотря на тяжелый труд, бабушка с мамой все-таки немного подкормились, а в конце войны смогли вернуться в Москву. Валентина Александровна поступила работать на табачную фабрику «Ява». Мама и ее младший брат Станислав окончили техникумы, стали работать инженерами. Жили, кажется, неплохо, но при этом до конца жизни так всего боялись!

Когда я начала уже что-то понимать, мы с бабушкой стали сильно ругаться. Я ей однажды высказала: «Ты зачем сожгла фотографии и документы дедушки?» Она мне бросила в ответ: «А я осталась одна с тремя детьми!» Бабушка больше о своей боли думала, она тогда сильно озлобилась. Младшему сыну перед смертью она сказала, что отказалась от мужа после его ареста. Может быть, ее тогда напугали, что отнимут детей или посадят ее. «Он оказался врагом народа», — сказала мне как-то бабушка. Я ее спросила: «Как ты можешь так говорить? У тебя же справка, что он реабилитирован». «Ну, тогда-то вот так сказали», — ответила бабушка.

Вот все, что я знала об истории жизни своего дедушки Михаила Ивановича.

Почему я стала заниматься поиском информации о его судьбе? Еще в начале 1990-х, чтобы добиться льгот, мать ездила в военную прокуратуру. У нее на руках были справки, которые получала еще бабушка о пересмотре дела деда в 1956 году, справка о его пребывании в исправительно-трудовом лагере и свидетельство о смерти. В прокуратуре матери подтвердили, что Михаил Иванович Войткевич действительно реабилитирован. Ей выдали справку¹⁴, и она смогла оформить льготы. Дальше узнавать информацию о своем репрессированном отце она не стала — думаю, просто побоялась. После смерти матери в 2012 году я решила, что все-таки доведу дело до конца. Я уже давно знала, что документы рассекречены, можно подать запрос в архив ФСБ и ознакомиться с делом. Но в то, что сама получу дело, не верила. Наконец в феврале 2018 года я отправилась на Кузнецкий Мост, в приемную Центрального архива ФСБ¹⁵. Честно говоря, шла туда с содроганием. Написала заявление, которое потом перенаправили в другие архивы: Главный информационно-аналитический центр МВД и Управление МВД по Московской области. Из Центрального архива ФСБ и информационного центра пришли ответы, что сведениями о Михаиле Ивановиче Войткевиче они не располагают. А из последнего, МВД по Московской области, позвонила вдруг

14 Справка 1994 г., выданная Л. М. Войткевич, о реабилитации М. И. Войткевича. Из личного архива Н. В. Блинковой.

15 Приемная Центрального архива ФСБ России располагается по адресу: Кузнецкий Мост, д. 22.

отзывчивая женщина и взволнованно сообщила, что дело, скорее всего, находится в Государственном архиве Российской Федерации — ГА РФ. Она отправила туда копию моего заявления, и надо было лишь дождаться окончательного ответа.

В ГА РФ, на Большой Пироговской улице, я впервые познакомилась с архивным уголовным делом¹⁶ дедушки. Держать его в руках было очень страшно. Трудно представить, что бы я почувствовала, если бы в деле оказалась его тюремная фотография — с номером на груди. Я увидела в материалах какие-то незнакомые имена — Скарайн, Спрогис, — о которых вообще никогда не слышала. Долго все это анализировала, кое-что даже выписала.

В скором времени я увидела телевизионный репортаж о том, что в Музее истории ГУЛАГа открылся Центр документации, который помогает в поиске информации о репрессированных близких. Поняла, что мне это нужно, попросила сына найти в Интернете адрес музея.

Когда весной 2018 года я обратилась в Центр документации, там работал его первый руководитель Александр Макеев. Он мне рассказал, как нашел архивные лагерные документы своего прадеда. Я удивилась — неужели что-то сохранилось? Показала ему выписки из следственного дела из ГА РФ и все документы, которые оставались у нас в семье. Только тогда я узнала, что в архиве можно было сделать копии дела. Позже мне пришлось второй раз направлять запрос в ГА РФ, опять брать дедушкино дело, заказывать копии, правда, платно. Получив на руки документы, я испытала такое чувство, будто я дедушку похоронила. Но вместе с этим пришло и успокоение.

Разбирая мои документы, Александр обнаружил справки с обратным адресом «п/я № АВ-261, г. Магадан» и запись в деле о том, что Войткевич Михаил Иванович умер в Севвостлаге 17 ноября 1938 года¹⁷. Тогда я узнала, что это один из лагерей Дальстрой, огромного государственного треста на Колыме, и за информацией надо обращаться в Информационный центр МВД по Магаданской области¹⁸. Александр подсказал мне, как составить запрос и по какому адресу его отправить. На удивление быстро пришел ответ. Мне написали, что я должна заверить у нотариуса документы, подтверждающие родство, и выслать. Я это сделала и уже в июне получила архивную справку и материалы еще одного дедушкиного дела — личного дела заключенного¹⁹.

Я предполагаю, что после осуждения Михаила Ивановича, наверное, сразу отправили на Колыму. Солженицын описал этот долгий мучительный путь — этап до Магадана. Особенно меня впечатлил рассказ о легендарном пароходе «Джурма»²⁰, который перевозил туда заключенных из Владивостока. У Шаламова я чи-

16 ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 26753 П-27993. Копия архивного уголовного дела 1938 г. по обвинению М. И. Войткевича: постановление об избрании меры пресечения; справка на арест; ордер на арест-обыск; протокол обыска; анкета арестованного; протоколы допросов обвиняемого; протоколы допросов свидетелей; выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР Московской области; обвинительное заключение и постановление о передаче дела на рассмотрение судебной инстанции; постановление о выделении материалов следствия в отдельное делопроизводство; заявление супруги осужденного о пересмотре дела; запросы Прокуратуры о проверке по учету 1-го спецотдела; справки о результатах проверки спецотдела МВД СССР; обзорная справка в отношении свидетеля по групповому архивно-следственному делу; протест по делу осужденного Военного трибунала МВО; определение Военного трибунала МВО; справка в учетно-архивный отдел УКГБ о направлении дела на хранение.

17 Справка от 22 мая 1956 г. Прокуратуры г. Москвы о результатах проверки по делу в отношении М. И. Войткевича. Из личного архива Н. В. Блинковой.

18 Для получения сведений следует отправлять запрос в архив ИЦ МВД или УФСИН по месту отбывания наказания. Там на постоянном хранении находятся личные дела заключенных, умерших в лагере.

19 УМВД по Магаданской области, ф. 3, оп. 1, д. 3-9940. Копия материалов личного дела заключенного: учетно-статистическая карточка заключенного; копия выписки из протокола Особого совещания НКВД СССР; талон ордера № 5693 на прием арестованного; письма родственников (без даты); заявление в ГУИТК МВД СССР от супруги о выдаче справки о пребывании заключенного в ИТЛ; копия справки о реабилитации репрессированного; акт о смерти заключенного.

тала про условия жизни и работы заключенных в колымских лагерях. Он писал, что в тех краях не было ничего хуже командировок²¹. До командировок часто шли пешком, километров 500, по дороге многие умирали. Вероятно, в такие же путешествия отправляли и Михаила Ивановича.

В акте о смерти из личного дела указано, что дедушка умер на территории одной из таких командировок, и стоит диагноз: «самоотравление травой»²². Я думаю, что он просто однажды не смог выйти на работу и его забили до смерти, как в моем сне. В свидетельстве о смерти от 12 марта 1957 года, которое выдали бабушке в ЗАГСе, указана причина — «паралич сердца». Михаилу Ивановичу тогда было всего 34 года.

В 1956 году, когда по стране началась волна реабилитаций политзаключенных, младшему сыну дедушки, Станиславу — он в то время служил в армии, — командир подсказал попросить бабушку написать ходатайство о пересмотре дела Михаила Ивановича. Заявление было отправлено, и в том же году дедушку реабилитировали.

С кем я могла поделиться своими открытиями? Разве только с сестрой Валентиной, внучкой того самого Ивана Валерияновича Мерзвинского, погибшего в лагере. Я передала ей информационную методичку из Музея истории ГУЛАГа, а она проконсультировалась с сотрудником Центра документации и тоже стала запрашивать документы о своих родственниках.

Я собираюсь продолжать поиски и потихоньку восстанавливать историю семьи: в ГА РФ нужно искать информацию о московских портах, чтобы узнать, в каком из них работал мой дедушка. Еще я хочу найти архив завода «Красный пролетарий», хотя знаю, что завод был эвакуирован и вряд ли что-то сохранилось.

Также я знаю, что у Михаила Ивановича был двоюродный брат Антон Антонович Линкевич, тоже эвакуировавшийся из Латвии, — он жил в Москве на Самотечной улице. Наша семья давно потеряла с ним связь. В 2019 году я снова посетила Музей истории ГУЛАГа. Сотрудники Центра документации выяснили, что Антон Антонович был осужден в 1938 году, приговорен к высшей мере наказания и его дело также находится на хранении в ГА РФ. Собираюсь ознакомиться с ним и запросить архивные копии документов. Теперь я знаю, как это сделать. В нашей семье был еще один репрессированный родственник — бабушкин брат Дмитрий Александрович Разумов. Бабушка рассказывала, что он работал художником в Сергиеве Посаде, даже принял монашество, но был арестован и расстрелян за побег. Надеюсь, что по документам мне удастся выяснить, как на самом деле сложилась его судьба. Планов много, и это важно, мне это нужно и интересно. Жаль только, не с кем поделиться, кроме сестры, ведь многие ничего об этом не знают...

20 Пароход флота Дальстроя для перевозки грузов и заключенных на Колыму, преимущественно по маршруту Владивосток — бухта Нагаева (Магадан).

21 Командировка — лагерное подразделение, выделенное из лаготделения для выполнения определенных работ в более отдаленном месте. На командировки вместе с рабочими отправляли из лаготделения коменданта, нарядчика, фельдшера. Хлеб и другие продукты доставлялись из лаготделения. Пищу варили на месте. На маленьких командировках продукты выдавали сухим пайком и заключенные сами готовили пищу.

22 Случаи отравления травой в исправительно-трудовых лагерях были нередки. В 1938—1939 гг. резко увеличилось число заключенных ГУЛАГа, что привело к ухудшению условий содержания и снабжения питанием лагерного населения. Голод заставлял заключенных потреблять в пищу в том числе и траву. В официальной документации ГУЛАГа, а также в мемуарной литературе есть описания смерти лагерников от употребления такой травы, как, например, цикута (Вех ядовитый (лат. *Cicuta virosa*)). Заключенные, прибывавшие на Колыму, после длительного этапа были уже в крайне плохом физическом состоянии, а климат Колымы, тяжелый подневольный труд и недостаток питания приводили к истощению и смерти.

10
Показания обвиняемого (свидетеля) Я. Войткевич Михаил Иванович

„7“ Марта 1938 г.

Дано следственным органам НКВД свидетелю о своей контр-революционной деятельности на территории Советского Союза. Первым человеком, который оказал на меня влияние анти-советского характера было разоблаченный в 1937 г. враг народа Скараин Георг Иванович. С ним я познакомился в 1924 г. как с товарищем по работе в Московском институте им. Ломоносова и с 1924 по 1926 г. я проживал в одной комнате общежития со Скараином и еще одним студентом-комсомольцем, в то время я был также комсомольцем.

За эти два года мы находились под полным влиянием Скараина, который в то время сформировал привилегию нам правильность взглядов троцкистской оппозиции и анти-советской генеральной линии ЦК ВКП(б). При этом неоднократно и систематически при жизни газеты „Правда“ он Скараин выдвигал доказывая нам это напечатанным материалом в газете „Правда“ говоря нам, что мол „Правда“ искажает действительное положение в Советском Союзе, а вы наоборот вы если вы бы почитали зарубежные газеты, то вы многое бы узнали о действительном положении у нас в стране“.

Эти два года советского проживания со Скараином несомненно дали некоторый отпечаток на мою мировоззренческую и идеологическую ^{в то} некоторую часть его взглядов, ~~и также благодаря тому что я в 1926~~

Подпись Войткевич

22 28

ВЫИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Сособого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР
от 2 - июня 1954 г.

СЛУШАЛИ	ВОСТАНОВИЛИ
5. Дело № 2300/Д от 20.06.54 в отношении Шварцмана, Исаак И., 1904 г.р. Ленинград.	ДОСТАВИТЬ копию постановления за № 6-1954/1000 - взыскать взыскать взыскать взыскать на ИСАИИ ШВАРЦМАН от 01/6- 1954 г. Дело сдать в архив.

И. Шварцман

Московский В.И. № 1

Управление Сов. Восточных Исправительно Трудовых лагерей НКВД

Форма № 1

Учетно-статистическая карточка

Личное дело № 77433

Находился в лагере 3. 18

Категория иностранца			
Категория труд-способ	ИРМ		

Фамилия и инициалы Войткович
Имя и отчество Михаил Иванович
Год рождения 1904 Место рождения Латвия

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ

- 1 Рост 1,75 м
- 2 Телослож стройный
- 3 Цвет волос каштановый
- 4 Цвет глаз карие
- 5 Волос короткие
- 6 Особенности красная помада

Образование Общее высшее техническое
Специальное
Гражданство СССР Национальность Польша
Общая Инженер-механик
Специальность Ужас
Ужас Электротехника
Постановка, квалификация, должности

Какие языки знает кроме родного русский
Социальное происхождение из рабочих
Социальное положение служащий
Партийность нет

Служба в армии
Служба в органах и НКВД

Продолж. судимости
Семейное положение вдова (указать фамилию и адрес близких)

Текущее и последнее место жительства г. Москва, ул. Беговая, 10 кв. 10

Работа до заключения

Учреждение или предприятие	Занимаемая должность	От	До
<u>Завод Красный</u>	<u>Инженер</u>	<u>1932</u>	<u>до заключения</u>
<u>Трест "Ленхимпром"</u>	<u>Конструктор</u>		

55 ответственности за дату последних или об'явлено
Подпись заявителя Войткович

Товарищу начальнику, убедительно
 прошу вас, сообщить мне по
 следующему адресу, что жив
 или нет Евсейбой

Войткевич Михаил Иванович,

и я мать его жена
 у меня находятся трое
 детей его воткевичи дети
 малолетних, прошу вас
 не отказывать в моей просьбе
 адрес

карьер-Малыньское порт отделение
 Московской области село Щапово
 Разумовой Натальей Степановной

Гор. Москва, ул. Белова, дом 26, кв. 10
ВОЙТКЕВИЧ В.А.

11 2
В-90

На Ваше заявление от 9 января 1957 года сообщу, что ВОЙТКЕВИЧ Михаил Иванович, 1904 года рождения, уроженец Латвии, умер 17 ноября 1928 года. За получением свидетельства о смерти обратитесь в ЗАГС Моссовета, гор. Москва, куда нами высланы сведения 11 февраля 1957 года при ир. В-90.

Одновременно высылаются справка о пребывании в ИТЛ ВОЙТКЕВИЧ В.А.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ
П/Я АВ-261

исп. ГРАЧЕВА
11.2.57г.

Ансефов
АНСЕФОВ

1938
1904
—
4
3

★
ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
МОСКОВСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

Гр-ке ВОЙТКЕВИЧ Валентине Александровне

Москва, Белова ул., д. 26, кв. 10

31. ноября 1957г.

№ 4-4952

г. Москва, Арбат, 37

Дело по обвинению ВОЙТКЕВИЧ Николая Ивановича, 1901 года рождения, пересмотрено Военным трибуналом Московского военного округа 18 ноября 1936 года.

За получением справки о реабилитации проси-
те в Военный трибунал МВО в один из экземпляров прилага-
емых /вторым, третьим или четвертым/ с 10 кв. 20-10-1957г.

КАМ. ПРЕДС. АКСЕНОВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Аксенов
АКСЕНОВ Ю.А.

исп. ГРАЧЕВА
10.11.57г.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОЙТКЕВИЧ

Мой дедушка Михаил Иванович Войткевич родился в семье польских рабочих 17 февраля 1904 года в местечке Грива Иллуkstского уезда Латвии, тогда — Курляндской губернии. Во время Первой мировой войны эта территория оказалась оккупированной германскими войсками. Осенью 1915 года семья вынуждена была эвакуироваться вглубь Российской империи. В Латвии осталась только тетка, в городе Двинске, — дедушкин отец переписывался с ней до самой своей смерти в 1936 году. Около года семья пробыла в Витебске, потом переехала в Рыбинск, где дедушка

Семья
Войткевичей.
Нижний ряд,
слева направо:
Розалия
Матвеевна
(мачеха),
Иван
Михайлович
(отец), Михаил
Иванович.
Верхний ряд,
слева направо:
Иосиф
Иванович,
Иван
Иванович.
Рыбинск,
1926 г.

устроился работать слесарем на кожевенный завод. Проработав четыре года, Михаил Иванович поступил учиться в техникум. В 1920 году, после двух лет учебы, уехал в Ленинград, еще через год — в Москву, где стал студентом Института имени Ломоносова. Во время учебы он вступил в ряды комсомола, с такими же комсомольцами-студентами жил в общежитии. Получив в 1931 году высшее техническое образование по специальности «инженер-механик», Михаил Иванович стал работать на водном транспорте в Москве. К этому времени он уже обзавелся семьей — в 1925 году встретил мою бабушку, приехавшую в Москву работать, и через год они поженились.

Его соседом по студенческому общежитию оказался товарищ по учебе Петр Скарайн — два года они жили в одной комнате. После окончания института он дал Михаилу Ивановичу рекомендацию-поручительство для поступления на службу в Военно-воздушную академию. При содействии Скарайна дедушка устроился работать и на завод «Красный Пролетарий», в бюро прямооточного котлостроения. Петр Иванович Скарайн занимал

там должность старшего инженера. Они вместе работали на реконструкции фабрики «Союзфото». Там же дедушка познакомился с латышом Спрогисом Эдуардом Андреевичем, своим непосредственным начальником.

В августе 1937 года Петра Скарайна арестовали по обвинению в участии в контрреволюционной террористической шпионской латышской организации. Всего по групповому делу были привлечены к ответственности 39 человек. Петр Иванович был осужден, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в январе 1938 года. В январе же арестовали Спрогиса, а 4 марта 1938 года был выписан ордер на арест и обыск квартиры Михаила Ивановича на Беговой улице. На следующий день, 5 марта, Михаил Иванович был арестован как «член контрреволюционной фашистской группы, руководимой латышом Спрогисом», с предъявлением обвинений по ст. 58 п. 6²³. У него изъяли паспорт, профбилет, блокноты, топографическую карту, справки и «разную переписку». В доме № 10 на Беговой остались его жена Валентина Александровна с тремя малолетними детьми: дочерью Людмилой семи лет, сыновьями Маратом девяти лет и Станиславом трех лет, и их бабушкой Натальей Степановной Разумовой.

Дедушку обвинили в том, что он, якобы завербованный Спрогисом, «занимался вредительской и антисоветской деятельностью, умышленно затягивал выполнение чертежей для строительства новой фабрики «Союзфото» и тем самым срывал ее реконструкцию, вел антисоветскую агитацию против мероприятий советского правительства и партии». Во время следствия он содержался в Таганской тюрьме в Москве.

Уже на второй день после ареста, 7 марта, дедушка дал признательные показания:

«...Будучи антисоветски настроенным, я сознательно вступил в контрреволюционную шпионскую вредительскую группу, тем самым встал на прямой путь борьбы с советской властью и сознательно проводил контрреволюционную вредительскую работу, работая в конструкторском бюро. В чем и признаю себя полностью виновным»²⁴.

В его показаниях подробно и тщательно описана история отношений с коллегами, Скарайном и Спрогисом:

«Два года совместного проживания со Скарайном несомненно дало некоторый отпечаток на моем мировоззрении и оставило во мне некоторый процент его взглядов. <...> Два года мы находились под влиянием Скарайна, который в то время старался привить нам правильность взглядов троцкистской оппозиции и ошибочность генеральной линии ЦК ВКП(б). При этом неоднократно и систематически при чтении газеты «Правда» он всячески доказывал нам, что помещаемым материалам газеты «Правда» верить нельзя, что, мол, «Правда» искажает действительное положение в Советском Союзе, а вот если бы мы почитали заграничные газеты, то многое бы узнали о действительном положении у нас в стране».

23 Ст. 58 п. 6 УК РСФСР — шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые

последствия для интересов Союза ССР, — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества.

24 ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 26753 П-27993, л. 13 (12): протокол допроса Войткевича М. И. от 7 марта 1938 г.

«В шпионскую деятельность я был завербован Спрогисом в декабре 1937 г., находясь на службе после работы <...> Я не смог разглядеть, что Спрогис умышленно затягивал выполнение чертежей, чем работа в срок не была выполнена и были почти впустую затрачены средства и время. В этом деле я был в полном смысле на поводу у Спрогиса. Он вредил, а я, можно сказать, ему помогал, т.к., будучи инженером-конструктором, не смог выявить и разоблачить вредительство в реконструкции фабрики <...> При всяком удобном случае высказывал антисоветские настроения среди своих сотрудников по работе, иногда высказывал недовольство тем или иным мероприятием советской власти (дороговизна жизни и т.п.). Совместно со Спрогисом [я] сорвал реконструкцию фабрики «Союзфото», т.к. своевременно не выполнил чертежи и притом низкого качества. Конкретно я никого не успел обработать за краткостью времени, была только общая попытка повлиять на товарищессю по работе»²⁵.

После первых допросов дело в отношении Войткевича Михаила Ивановича выделили в отдельное производство.

Позже, при пересмотре дела Михаила Ивановича, была сделана обзорная справка по следственным материалам на Скарайна, в которой указано, что он не давал на дедушку показаний и своей вины также не признал:

«О существовании контрреволюционной организации, и что она существует с 1927 года, я узнал на следствии. <...> Контрреволюционной работы я не проводил. Я не знал о контрреволюционной работе тех людей, с которыми я был связан...»²⁶

Получается, что именно Спрогис, будучи арестован ранее, дал «откровенные и честные» показания (вполне вероятно, под давлением следствия) на Войткевича как на члена контрреволюционной шпионской группировки. Из постановления от 14 марта 1938 года по делу Спрогиса:

«Из показаний обвиняемого СПРОГИС Эдуарда Андреевича видно, что работавший на строительстве ф-ки «Союзфото» ВОЙТКЕВИЧ Михаил Иванович, по нац. поляк, б/п, является а/с элементом и обрабатывается им для вербовки в к/р шпионскую группу»²⁷.

К делу Михаила Ивановича приложен протокол допроса Спрогиса:

Вопрос: Назовите членов Вашей контрреволюционно-диверсионной организации.

Ответ: В члены контрреволюционно-диверсионной организации завербовать я еще никого не успел, но помню, были подготовлены к вербовке следующие враждебно настроенные к советской власти лица: <...> ВОЙТКЕВИЧ Михаил Иванович, б/п, поляк, конструкторское бюро, строительство фабрики «Союзфото», проживает где-то около Бегов <...> Будучи враждебно настроены к соввласти, они систематически вели контрреволюционные разговоры среди сотрудников Бюро и полностью разделяли мои контрреволюционно-диверсионные настроения, о которых они знали от меня <...>»²⁸.

25 ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 26753 П-27993, л. 10, 13: протокол допроса Войткевича М. И. от 7 марта 1938 г.

26 ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 26753 П-27993, л. 42: обзорная справка по делу Скарайна П. И. от 25 сентября 1956 г.

27 ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 26753 П-27993, л. 32: постановление о выделении следственной переписки по делу Спрогиса Э. А.

28 ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 26753 П-27993, л. 33: протокол допроса Спрогиса Э. А. (без даты).

Вопрос: В чем конкретно выразалось недовольство Войткевича к политике советской власти?

Ответ: Войткевич часто поддерживал и защищал контрреволюционные разговоры Спрогиса Эдуарда Андреевича, который был резко враждебно настроен к советской власти и партии и открыто вел контрреволюционные разговоры <...> В частности Войткевич М. И. поддерживал и защищал Спрогиса по вопросам жизни трудящихся в СССР и за границей. Спрогис и Войткевич всегда говорили, что: за границей трудящимся живется лучше, чем в СССР, и если наши газеты пишут обратное, то это сплошное вранье. Им верить нельзя <...> Во всех таких контрреволюционных разговорах Войткевич поддерживал и защищал Спрогиса <...>²⁹.

Следователь посчитал, что теперь Михаил Иванович «достаточно избалован» во вменяемых ему преступлениях. 25 мая дело направили на слушание в «судебную инстанцию» — Особое совещание при НКВД СССР Московской области. 2 июня 1938 года дело было рассмотрено 265-м по счету, мой дедушка был осужден за контрреволюционную агитацию и приговорен к заключению в исправительно-трудовые лагеря на пять лет.

На выписке из протокола заседания Особого совещания стоит отметка: «выписка направлена 10 июня 1938 года...в...» и угадывается слово «Колыма».

Отбывать наказание Михаила Ивановича этапировали в Магаданскую область. В Северо-Восточный ИТЛ дедушка прибыл в сентябре 1938 года печально известным пароходом «Джурма» в списке заключенных № 31. На его лагерной учетной карточке была поставлена категория трудоспособности: «СФТ», что, видимо, значит «способен к физическому труду»³⁰. В маленькой рамке — отпечаток большого пальца, а среди особых примет указана родинка под правой лопаткой. Через два с половиной месяца, 11 ноября, Михаил Иванович умер на командировке Правый Омчак, в Тенькинском районе Магаданской области. Способный к труду, но не способный пережить что-то более сложное и нечеловеческое. Что с ним на самом деле произошло и где он точно похоронен — об этом документы молчат. Тогда там в тяжелейших условиях строили Тенькинскую трассу, геологи обнаружили богатые месторождения золота, развернулось строительство и добыча. Но теперь ничего не найдешь.

Только во второй половине 1950-х семья смогла узнать о судьбе Михаила Ивановича. 15 мая 1956 года моя мама помогла бабушке красивым почерком написать Прокурору города Москвы заявление на пересмотр дедушкиного дела. «Прошу сообщить о его судьбе», — так заканчивается ее письмо. 19 ноября Определением Военного трибунала Московского военного округа постановление Особого совещания при НКВД СССР от 2 июня 1938 года было отменено, а дело прекращено за отсутствием состава преступления. На приеме в Военном трибунале бабушке вручили справку о смертной реабилитации ее мужа Михаила Ивановича Войткевича.

29 ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 26753 П-27993, л. 27: протокол допроса свидетеля от 9 мая 1938 г.
30 По степени трудоспособности заключенные в ИТЛ делились на категории. 1-я категория допускала использование заключенного на тяжелых физических работах, 2-я — на работах средней тяжести, 3-я — на легких работах из-за физических недостатков

и заболеваний, к 4-й категории, исключавшей возможность трудового использования, относились инвалиды. Соответственно, на бланках врачебной комиссией ставились отметки: ТФТ — тяжелый физический труд; СФТ — средний физический труд; ЛФТ — легкий физический труд.

Станислав Войткевич, младший сын Михаила Войткевича. Примерно 1955 г.

² Дети, слева направо: Марат Войткевич, Вера Мержвинская — дочь сестры Михаила Ивановича, временно проживавшая в семье Войткевичей, Людмила Войткевич. Щапово, Московская область, 1936 г.

³ Наталья Степановна Разумова с внуками Маратом и Людмилой. 1932 г.
⁴ Валентина Войткевич с матерью. 1932 г.

328

ИСТОРИЯ
ТРИНАДЦАТАЯ

ВАЛЕНТИНА
ПОПЦОВА
ИВАН
МЕРЖВИНСКИЙ

ПОИСК ДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К 10 ГОДАМ ИТЛ В 1938 ГОДУ

В гостях у Валентины Попцовой в городе Кирове. Она рассказывает о своем репрессированном деду — Иване Мержвинском, который сначала работал простым строгалем на кожевенном заводе в городе

Рыбинске, потом стал начальником отдела снабжения, был арестован и обвинен в вербовке и участии в шпionской контрреволюционной организации.

Валентина Попцова

Иван Валерианович Мержвинский

история тринадцатая

Валентина Попцова

Иван Валерианович Мержвинский

история тринадцатая

ВАЛЕНТИНА ПОПЦОВА

через несколько лет семья узнала, что, пока шел ответ, дедушка уже умер в лагере от истощения

Валентина
Попцова,
строитель-
проекти-
ровщик,
на пенсии,
Киров

Я родилась в городе Могилеве, в то время Белорусской ССР. Мои родители много переезжали. Папа, Алексей Александрович Щёкин, родом из Котласского района Архангельской области, из семьи спецпоселенцев, а мама, Вера Ивановна Мержвинская, — из города Рыбинска Ярославской области. Родители познакомились в Калининграде. Мама после института попала туда по распределению, а отец прошел всю Великую Отечественную войну, получив три медали, и как раз на севере закончил боевой путь в составе Балтийского флота. В Калининграде в 1949 году они поженились, там же родился мой старший брат. Жизнь была трудной. Пришлось пожить и в Могилеве, и в Калуге. Когда мне исполнилось четыре года, семья переехала в Киров, куда родителей пригласили работать на новый комбинат хлебопродуктов. С тех пор я там живу.

Моих родителей давно уже нет. Отца я лишилась еще в четырехлетнем возрасте — он умер от инфаркта в 34 года. Мамы не стало в 1980 году. В семье об отце почти ничего не рассказывали, я только знала, что он был морским десантником, но ничего не слышала о том, как и где он воевал во время Великой Отечественной войны. Также знала, что родители матери были из латвийского города Двинска (ныне Даугавпилс). Сохранились фотографии ее дедушки и бабушки — четы Мержвинских. На обратной стороне снимков маминым почерком карандашом было написано: «папин папа» и «папина мама». Как их звали, было неизвестно. Я подумала, что должна передать сыновьям сведения о тех, кто изображен на этих фотографиях, чтобы они знали и помнили своих предков. Ведь чем основательнее мы изучаем свою родословную, тем крепче у нас поддержка в семье, а значит, в жизни.

Я изучила сохранившиеся в семье документы. Этого было мало. С 1990 года стала собирать информацию о своих родителях, бабушках и дедушках. Началось это случайно: когда я гостила у родных в Рыбинске, проводила много времени с тетей, Людмилой Ивановной Мержвинской, маминой сестрой. Как-то раз

мы прогуливались по улицам города, проходили мимо архива¹ и решили зайти. В тот же день наудачу запросили справки обо всех родственниках, тех, кто проживал в Рыбинске с 1915 года: о Мержвинских, по линии дедушки, и о Войткевичах, по линии бабушки. Тогда советская власть была — все бесплатно. Постепенно я увлеклась работой с архивами, получила много справок из рыбинского ЗАГСа: о бракосочетании дедушки и бабушки, о рождении их детей. Я заинтересовалась материалами Всероссийской переписи 1897 года, искала в Вологде и Кирове — нигде сведения не сохранились. Зато обнаружила, что в Рижском архиве Латвии² материалы этой переписи осканированы и выложены в Интернет в свободный доступ. Так я нашла сведения о прадедушке и прабабушке с маминной фотографии, проживавших в Двинске. А через некоторое время латвийский архив выслал мне свидетельства о рождении бабушки и дедушки, правда, это обошлось мне весьма дорого из-за международного перевода денежных средств.

О том, что в нашей семье есть репрессированные родственники, никто специально не рассказывал. Возможно, боялись, что мы проболтаемся в школе или где-то еще и нас не примут в комсомол. Но я знала об этом с детства — видимо, родители неосторожно обронили как-то в разговоре.

Мой дедушка, Иван Валерианович Мержвинский, родился в Латвии, в Двинске, работал на кожевенном заводе строгалем³. В 1915 году, когда немецкие войска подступили к Двинску, завод со всеми работниками был эвакуирован в город Рыбинск Ярославской губернии. Там, на заводе, дедушка и познакомился со своей будущей женой Анной Ивановной Войткевич, из польской семьи, тоже покинувшей Латвию во время войны. Бабушка родила четверых детей, в том числе и мою маму Веру, но, потеряв двоих, и сама рано умерла. Дедушка женился второй раз — на Зинаиде Александровне Гагиной, подарившей ему дочку.

К 1934 году заводская карьера дедушки пошла вверх, его назначили начальником отдела снабжения. Но через два года Иван Валерианович был арестован вместе с другими работниками завода в составе 25 человек, осужден по ст. 109⁴ УК и приговорен к 5 годам лишения свободы. Старшую дочь, мою маму, отправили в Москву к родному брату Анны Ивановны — Михаилу Войткевичу. Дедушку вскоре отменили приговор «за недоказательством вины» и освободили, но работать на заводе он больше не мог. Пришлось ему устроиться грузчиком на бумажную фабрику, позже он перешел на работу шофером и одновременно агентом по снабжению. В 1938 году снова последовал арест, после которого дед домой уже не вернулся. Спустя месяц случилась трагедия и у московских родственников: сотрудники НКВД забрали Михаила Войткевича. Моя мама, невольная свидетельница этих арестов, возвратилась домой.

Но что было дома? Семья лишилась материальной поддержки, Зинаида Александровна с тремя детьми (Валериан 16 лет, Вера 12 лет и 5-летняя Людмила) была вынуждена скитаться

1 Филиал ГКУ ЯО «Государственный архив Ярославской области» в г. Рыбинске.

2 Государственный исторический архив Латвии в г. Риге, в структуре Национального архива Латвии, объединившего 15 государственных архивов.

3 Строгаль кожевенного сырья — рабочий строгальной машины для выравнивания толщины кожи.

4 Ст. 109 УК РСФСР — злоупотребление властью или служебным положением, т.е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями

служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия, влечет за собой лишение свободы на срок не менее шести месяцев.

по съемным квартирам. Иногда они просто снимали угол — тот, на который хватало денег. Зинаида Александровна нанималась на любую работу (на хорошие места ее не брали как жену «врага народа»). Шила на дому — за счет этого выживали. Позже ей все же удалось устроиться мастером-белошвейкой в рыбинскую артель «Швейник» — после войны она даже была награждена медалью за доблестный труд. Подросший сын Валериан по семейной традиции пошел работать на кожевенный завод, чтобы помочь семье. Моя мама поступила в школу ФЗО⁵ при мукомольном заводе. Учеников там обеспечивали питанием и спецодеждой, это было хорошим подспорьем в трудное время. Учеба, а в дальнейшем работа на хлебном комбинате в Костроме, куда маму направили после обучения, помогли ей пережить тяготы войны.

Зинаида Александровна ничего не знала о том, где находится ее муж, ей было известно только то, что он был выслан. Через некоторое время дедушка получил возможность написать письмо, в котором сообщил, что находится в лагере в Коми АССР. Несмотря на голод и трудности с работой, Зинаида Александровна смогла собрать и отправить дедушке посылку с продуктами, носками и варежками — по крохе от себя отрывали. Он сообщил ответным письмом, что посылку получил и у него все хорошо. Больше вестей от него не было. Через несколько лет семья узнала, что, пока шел ответ, дедушка уже умер в лагере от истощения. Такой сильный физически, служил в армии — и сгорел как свечка за пять лет. В лагере его направили на лесозаготовки, он на 140% выполнял норму, а эта работа была одной из самых тяжелых для заключенных.

Когда я приезжаю из Кирова к сыну и внуку в Москву, часто вижу с троюродной сестрой Натальей Блинковой, внучкой Михаила Ивановича Войткевича, и мы долго разговариваем о нашей семье. На очередной встрече в 2018 году я узнала, что она получила копии архивного следственного дела своего репрессированного деда. Наталья рассказала о том, что в московском Музее истории ГУЛАГа есть Центр документации, где можно узнать, как сделать запросы, и взять методичку с готовым образцом письма в архив. Эту методичку она и привезла для меня. Я знала, что мама младшая сестра, Людмила Ивановна, еще с 1950-х годов искала документы следственных дел, билась, писала в архивы. Но везде ей отказывали: еще не была открыта эта информация⁶. Только в конце 1980-х она получила из Республики Коми фотографию отца и справку о его смерти и месте захоронения⁷, а из Ярославского УФСБ — справку о реабилитации⁸. «У нас есть документы, а у тебя нет», — говорила мне Наталья. Сестра так вдохновила своим примером, что и у меня созрело решение увидеть дело моего деда Ивана Валериановича. К этому времени я уже получила много

5 ФЗО — школы фабрично-заводского обучения на базе промышленных предприятий и строок — низший тип профессионально-технической школы. Созданы в 1940 г. на основе школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) в системе государственных. Готовили рабочих массовых профессий для строительства, угольной, горной, металлургической, нефтяной и других отраслей промышленности. В 1940—1953 гг. на обучение в школы ФЗО направляли в порядке призыва (мобилизации). За нарушения дисциплины и за самовольный уход из училища предусматривалось наказание в виде заключения в трудовые колонии сроком до одного года. Существовали ФЗО до 1963 г.

6 Ознакомиться со следственными делами можно было начиная с 1992 г. 29 апреля 1992 г. Коллегия по делам архивов при правительстве РФ приняла временное положение «О порядке доступа к архивным

документам и правилах их использования»: государственные архивы становились общедоступными. Следующим шагом к открытию архивной информации стал Указ Президента РФ от 23 июня 1992 г. «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека».

7 Справка от 28 сентября 1989 г. из Учреждения АН-243 о смерти и месте захоронения Мержвинского И. В. АН-243 — почтовый адрес и наименование, которое было присвоено колонии после закрытия Усть-Вымского ИТЛ в Коми АССР.

8 Справка от 26 марта 1989 г. Военного трибунала Московского военного округа о реабилитации И. В. Мержвинского. УФСБ России по Ярославской области.

справок обо всех родственниках из Латвии и Рыбинска. Интересно было двигаться в поисках все дальше и дальше. Мне было проще — бумаги, подтверждающие родство, уже лежали аккуратно в папке. Теперь я знала, что делать, — нотариально заверила копии своих документов, нашла в Интернете нужные адреса и отправила запросы сразу в несколько архивов Республики Коми. В январе 2019 года пришел ответ из Информационного центра МВД — вместе с архивной справкой. Тяжело было читать о том, что дедушка, отбывая наказание в Устьвымлаге, умер от пеллагры в апреле 1943 года. По просьбе работников архива МВД я выслала недостающую заверенную справку о реабилитации Ивана Валериановича. Весной наконец пришло письмо с черно-белыми копиями его лагерного дела⁹. Фотографий в деле, кроме той, что уже выслали тете, больше не оказалось.

В июле 2019 года я снова приехала в Москву и посетила Музей истории ГУЛАГа, как и планировала. Рассказала сотруднику Центра документации Елене Зелинской всю историю нашей семьи, показала документы. Оказалось, что я могу найти дела и по линии Мержвинских, и по линии раскулаченных и высланных Щёкиных, папиных родственников. Елена составила для меня список архивов, в которые я должна обратиться с запросами. Я узнала также, что могу потом передать все собранные мной документы в цифровой архив музея. Сразу как-то поняла, что мой интерес к семейной истории здесь искренне разделяют.

Прежде всего, я хотела получить копию следственного дела дедушки, которое завели, когда его арестовали в 1938 году. Для этого я написала в Ярославский государственный архив¹⁰ и стала ждать. Ответ пришел в октябре.

Что я почувствовала, когда увидела страницы его дела¹¹? Читала и старалась воспринимать все трезво, насколько позволял мой жизненный опыт. Когда отправила документы тете, Людмиле Ивановне, — а она ведь дедушке приходилась дочерью, помнит его, — то очень переживала, выдержит ли она такое. А тетя, наоборот, обо мне переживала. Ей было пять лет, когда забрали отца, и за долгие годы она уже многое успела проанализировать, передумать о том, что происходило на самом деле. На меня же сильнее всего подействовало упоминание о пытках в прошении дедушки о пересмотре дела в 1939 году:

«Подпись моя под протоколом допроса была вынуждена у меня следователем гр. Сундуковым всякого рода запугиванием, издевательствами, площадной бранью и держанием меня длительное время около раскаленной печи»¹².

9 ОСФ и ОГУ ИЦ МВД РФ по Республике Коми, ф. 118, оп. 141п, д. 337. Копии материалов личного дела заключенного Мержвинского И. В.: обложка личного дела заключенного; направление УНКВД по Ярославской области начальнику управления Севжелдорлага НКВД в отношении осужденного; карты зачета рабочих дней за III и IV кварталы 1938 г.; характеристика осужденного к заявлению о пересмотре дела; карточка генеральной проверки заключенных; уведомление о пересмотре дела от Главной военной прокуратуры; характеристика на заключенного Устьвымлага за 1941 г.; акт медицинского освидетельствования; заключение Центральной комиссии Устьвымлага; справка о следовании из места заключения к месту жительства; определение судебно-уголовной коллегии об освобождении заключенного; акт о смерти; акт о погребении.

10 Фонд следственных дел архива УФСБ России по Ярославской области был передан на хранение в Государственный архив Ярославской области.

11 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8362. Копии материалов архивно-следственного дела в отношении Мержвинского И. В.: постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения арестованному; ордер на обыск и арест; протокол обыска; анкета арестованного; протоколы допросов; протокол объявления обвиняемому об окончании следствия; постановление о допредъявлении обвинения и избрании меры пресечения; обвинительное заключение; выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР; заявление 1939 г. о пересмотре дела; характеристика к заявлению о пересмотре дела; заявление 1940 г. о пересмотре дела; краткая биография; заявление супруги заключенного; определение Военного трибунала МВО.

12 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8362, л. 66: заявление Мержвинского И. В. о пересмотре дела от 25 июня 1939 г.

Несмотря на это, прокуратура в пересмотре Ивану Валериановичу отказала.

Из документов я узнала много нового о его жизни — в том числе о том, что он три года воевал с Юденичем, Врангелем, против финнов и англичан во время Гражданской войны. У тети даже сохранилась его личная книжка запасного РККА¹³. История разворачивалась у меня на глазах, интерес к поискам только усиливался. Когда я ездила в Рыбинск, мы приходили с тетей на кожзавод, где работал дед до ареста. Там нам выдали документы, которые мы запросили, — приказы о работниках, упоминания о дедушке, о его продвижении по службе. В архиве завода сохранилась газета 1931 года «Голос кожевника», в которой размещена статья¹⁴ об ударниках рыбинской кожевенной фабрики — в их числе и мой дедушка Иван Валерианович. В другом материале¹⁵, об истории кожевенного производства в Рыбинске, напечатали воспоминания тети и сведения из двух следственных дел дедушки.

Одновременно с исследованием истории семьи Мержвинских я запрашивала сведения о раскулаченных Щёкиных. Пришлось заново налаживать связь с родственниками отца, чтобы получить фотографии, документы, услышать их воспоминания. Папина семья жила в Архангельской области, в 1930 году была раскулачена. Главу семьи Александра Савельевича Щёкина, папиного отца, арестовали в 1931 году и отправили в пересыльный лагерь. Он обвинялся по ст. 58 п. 10, 11, 14¹⁶ в антисоветской агитации против проводимого передела земли, а также в том, что выступал против хлебозаготовок. После рассмотрения его следственное дело было прекращено производством, а дедушка освобожден из-под стражи и «направлен для присоединения» к ранее высланной семье на спецпоселение в Холмогорский район Архангельской области. Так что мой отец жил в трудпоселке с пяти лет. Видимо, потеря хозяйства и жизнь на спецпоселении давалась нелегко. Я узнала, что бабушка, Анна Афанасьевна Щёкина, тоже была осуждена — за побег с места поселения. После начала войны, в 1942 году мой отец как раз достиг призывного возраста. Со старшим братом Борисом они встали на военный учет¹⁷ и были мобилизованы в действующую армию. Папа был направлен в город Полярный Мурманской области, где в закрытой зоне располагалась военно-морская база Северного флота. На флоте отец и прослужил всю войну, а потом встретил мою маму.

По запросу в Центральный Военно-Морской архив, расположенный в городе Гатчине, мне выслали сведения об участии отца в боевых действиях, знаю теперь и о его наградах.

Я уже получила из архивов Архангельской области копии материалов следственного дела дедушки — Александра Савельевича, справки о реабилитации всех членов семьи Щёкиных, документы о раскулачивании и архивные справки из Информационного центра МВД. Но это уже совсем другая история...

13 Рабоче-Крестьянская Красная Армия (сокр. РККА) была создана в 1918 г. Личная книжка запасного РККА выдавалась вместо служебной книжки красноармейца при увольнении в запас.

14 Ударники — вожаки производства // Голос кожевника. 31 марта 1931 г. С. 5.

15 Чубукова Ю. Как тесен мир! // Провинциальный Рыбинск. 2004. 8 сентября. №35 (107).

16 Ст. 58 п. 14 УК РСФСР — контрреволюционный саботаж, то есть сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собой лишение свобод

на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до расстрела с конфискацией.

17 Директивой главного управления Красной Армии от 27 февраля 1940 г. освобожденная из трудпоселков молодежь подлежала приписке к призывным участкам и зачислению в кадровые части Красной Армии, но в армию не призывалась. Позже, 11 апреля 1942 г., было принято постановление ГКО, согласно которому после тщательного отбора разрешалось призывать в армию детей спецпереселенцев и спецпереселенцев призывного возраста.

Все документы, полученные из архивов, я обязательно показываю родственникам. Людмила Ивановна в свои 88 лет еще очень активный человек и у нее светлый ум, но сама она никуда уже не пишет, а потому просит меня присылать все-все копии. Интересуется, как проходит мое семейное расследование. Тетя работала учителем математики в Рыбинске, и многие ее ученики были детьми работников кожевенного завода. Читает документы и говорит, что теперь ей все понятно, и называет знакомые польские фамилии, встречающиеся в деле. Она рассказывает о том, как ходили разные слухи об арестах на производстве в 1936 году. Когда ее отца оправдали, других арестованных по тому же делу осудили на пять лет. Они отсидели и освободились. А тем, кого арестовали повторно, как и дедушку в 1938 году, дали по десять лет лагерей и они уже никогда не вернулись домой. Такое было время.

Мой старший сын очень увлекается историей, он посоветовал мне не рассказывать, а записывать все, что я помню и узнаю о семье. Мне интересны все детали, я обязательно изучаю в Интернете историю каждого предприятия и населенного пункта, который упоминается. Прикладываю маленькую справочку к своим рассказам, чтобы сделать историю более живой. Судьба Рыбинского завода вызвала у меня особое любопытство. Это было семейное предприятие в Латвии, «Акционерное общество братьев Грилихес». Недавно я нашла в Интернете информацию о внуке одного из братьев. Он в Израиле пишет о заводе книгу, и я бы хотела ее прочитать и приобщить к своим материалам. Копии статей из газет и подписанные фотографии родных я тоже собираю в архив. Так потихоньку составляется книга о нашей семье.

Я вижу, что сейчас идет оправдание тому, что произошло в тот период. Те, кто пытается обелить прошлое, не смотрели, наверное, фильм «Покаяние»¹⁸, где внук покончил с собой, потому что его дед, городской глава, был причастен к репрессиям многих невинных людей. У меня двое взрослых сыновей и внук. Я считаю, что им надо рассказывать о прошлом, чтобы они знали и понимали, что происходило в нашей стране.

Я надеюсь на то, что мои дети и внуки прочитают собранные документы и тогда у них сложится верное представление о сложном периоде в жизни нашей семьи, нашей страны. Они не будут сомневаться в реальности политических репрессий, задумаются о том, что происходит сейчас. Вот почему мне так важны мои поиски.

18 «Покаяние» — психологическая драма режиссера Тенгиза Абуладзе, снятая в 1984 г., третий фильм в режиссерской трилогии («Мольба» (1967),

«Древо желания» (1976), «Покаяние» (1984)). Картина получила Гран-при на Каннском кинофестивале в 1987 г.

59

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР

от " 2 " июня 1938 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ д.1.
---------	------------------

Дело № 3860/Яросл. обл. о МЕРЖВИНСКОМ Иване Валерьяновиче, 1896 г. р., б. чл. КПС.

МЕРЖВИНСКОГО Ивана Валерьяновича - за к.-р. деятельность - заключить в исправтрудлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет, сч. срок со дня ареста. Дело сдать в архив.

467520
 VI
 Копия
 От секретаря Особого совещания

И. Шойро

ПОЛ 16 АВГ. 1939

7-5640

Верховному Прокурору Союза ССР

Ивана Вадимовича Мерзвинского

полковник НКВД СССР, 4-ой кл. участка
командир бат. Подольск-Крым

2-101 1939
4-2-0

Зав. Ленинск. ОТДЕЛ
ПЕРВ. № 35051
20. 9 1939

в 1938 г. я был арестован в Ленинском НКВД
судьями в лице З.И. Костановича и С.И. Осоло
цами при НКВД СССР г. Москвы и лишено
срок по ст. ст. 58-6 и 58-11 сроком на 10 лет
на основании срока в исправительно-трудовых
устан.
в том обвинении, который мне предъявлен
г. Судяков во время допроса заклю-
чил в том, что я, якобы замешан в шпионаже

2-

66

интересов молодежи и убедившись в полноте
 ее полноты без предвзятых или
 субъективных оценок, отпустил распоряжение
 своим освобождением, т.к. никогда я
 политически не занимался, все свои силы
 я направил отдавая на пользу революции
 России, что доказывает моя работа в рядах
 ВКП и пребывания в партии ВКП(б)
 1931, по линии ареста.

занимались всего и далее добивать
 по научные мои над проектами документа
 на выверенных и моих исследованиях
 в дождливый великий река заучиванием,
 своей оловянной, молодежной братии

и державным делом длинноязыком вранья
 около расклеванной петиции.
 Мержвинский

25 июля 1939г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

20 апреля 1943 года Судебно-уголовная коллегия Верховного суда Коми АССР при Устьвымлаге НКВД, в составе:

Председательствующего тов. Кураева

Параседелателей т.т. Юрчилов и Рыжов

участием прокурора УСТЬВЫМЛАГА НКВД т. Пуркишев

рассмотрен в открытом судебном заседании материал представленный Прокурором Устьвымлага НКВД на заключенного Мержвинского

Ивана Валерьяновича

1896 года рождения,

рождения г. Двинска / Лавицк.

национальности белорус гр. на СССР

рождения 2 июля 1938 года

Осв. совещ. НКВД СССР

КНД

сроком на 10

снятием в правах на

срок 10 февраля 1938 конец срока 10 ф.

прежмет освобождения на под стражи согласно постановления Пленума Союза ССР № 14/119 от 1 августа 1942 года как заболевшим неизлечимым недугом.

Судебная коллегия находит, что данный заключенный актом врачебной комиссии от 7 IV 1943 года признан заболевшим болезнью неизлечимой в условиях лагеря и к физическому труду не способным ст. 461 и 462 УПК—

О П Р Е Д Е Л И Л А:

Дальнейшее исполнение Осв. совещ. НКВД

на Мержвинского Ивана Валерьяновича

от 2 июля 1938 года по отношению осужденного

на под стражи освободить.

Параседелатели:

Председательствующий Юрчилов

ИВАН ВАЛЕРИАНОВИЧ МЕРЖВИНСКИЙ

Мой дедушка родился 22 июня 1896 года в латвийском городе Двинске (Даугавпилсе) Витебской губернии, в польской семье отставного унтер-офицера Валериана Михайловича и его жены Анны Адамовны. В семье была еще старшая дочь — Гелена. В 14 лет Иван Валерианович поступил работать на кожевенный завод братьев Грилихес. Во время Первой мировой войны, когда фронт вплотную приблизился к Двинску, предприятие вместе с оборудованием и рабочими было эвакуировано в Россию. Оно разместилось на площадях винокуренного завода купчихи Эльтековой в городе Рыбинске Ярославской губернии. Дедушку,

Иван
Мержвинский.
1930-е гг.

однако, отправили сначала в Петроград на кожевенный завод Осипова¹⁹, где он проработал два года, и только в 1917 году перевели в Рыбинск. После революции дед добровольно вступил в Красную армию и был зачислен стрелком в войска ВЧК²⁰. В Гражданскую войну ему довелось сражаться почти на всех фронтах: под Петроградом против армии Юденича и эстонских формирований, в Карелии — с белофиннами, а после ликвидации белофинского фронта — с англичанами на Мурманской железной дороге, на Украине — против Врангеля. К 1921 году Иван Валерианович был демобилизован и смог вернуться в Рыбинск к семье. Окончил городское училище и продолжил работу на кожевенном заводе хромщиком-зольщиком. На заводе познакомился с девушкой-работницей Анной Войткевич, в том же году они поженились, стали жить в деревне Выгорода на окраине Рыбинска, в скором времени родились дети.

Когда в 1935 году дедушку арестовали вместе с другими 24 фигурантами дела, он работал уже начальником по снабжению

¹⁹ Товарищество кожевенного производства и торговли кожевенными, холщовыми и полотняными товарами «И. А. Осипов и К».

²⁰ ВЧК (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия) — созданный в 1917 г. государственный орган безопасности при Совете народных комиссаров для борьбы с контрреволюцией и саботажем.

на заводе, переименованном к этому времени в «Кожзавод № 1 им. товарища Ленина». В феврале 1936 года Иван Валерианович был осужден Ивановским областным судом по ст. 109 УК РСФСР, обвинен в «хищении кож с кожзавода» и приговорен к лишению свободы на 5 лет. Правда, его вину доказать не смогли и через 5 месяцев освободили из-под стражи. Из-за судимости он потерял работу и был исключен из членов партии, в которой состоял с 1931 года. С тех пор его, видимо, держали на особом учете. Устроившись грузчиком на бумажную фабрику «Искры Октября», Михаил Валерианович летом 1937 года перешел в отдел снабжения агентом. Как оказалось, ненадолго — в СССР уже началась массовая операция по обнаружению и арестам «польских шпионов»²¹.

11 февраля 1938 года сотрудники УГБ Управления НКВД по Ярославской области арестовали Ивана Валериановича на работе, взяв понятым экспедитора фабрики, изъяли паспорт и профбилет и увезли в Рыбинскую тюрьму. Он обвинялся в том, что, «проживая на территории СССР, занимался шпионской деятельностью в пользу иностранного государства» и должен быть привлечен к ответственности по ст. 58 п. 6²² УК РСФСР.

На следующий день после ареста дедушка дал первые показания и назвал близких знакомых по работе на кожзаводе: Антона Антоновича Вассера, арестованного еще по делу 1935 года, Бориса Харловского и Александра Михайловича Червинского, при этом уточнил, что связан с ними только по службе. Из воспоминаний тети Людмилы Ивановны для газеты «Провинциальный Рыбинск»²³:

«Мой отец — поляк. В 1916 г. он приехал вместе с семьями своих друзей — Цинцевским, Червинским, Михайловским, Вассером из Двинска <...>. Польские семьи — дружные, трудолюбивые, это очень хорошие люди, прижившиеся к Рыбинской земле. Мой отец и Вассер были уважаемыми мастерами кожевенного дела».

Судя по документам, Ивана Валериановича месяц «прорабатывали» в тюрьме. 11 марта на вопросы следователя он начал вдруг развернуто рассказывать о своей вербовке и участии в шпионской контрреволюционной организации.

Из протокола допроса 11 марта 1938 года:

Вопрос: Вы арестованы как участник шпионско-повстанческой к-р группы, намерены ли вы дать по этому вопросу правдивые показания?

Ответ: Да, свое заpiresательство считаю бесполезным и признаю себя виновным в том, что я до дня моего ареста являлся активным участником шпионско-повстанческой к-р группы, существовавшей в гор. Рыбинске.

Вопрос: Расскажите, кем и когда вы были завербованы в вышеуказанную к-р группу.

21 Самой масштабной «национальной операцией» НКВД во время Большого террора стала «польская операция». Репрессиям по «польской линии» подвергались не только поляки, но и граждане иных национальностей, имевшие польские фамилии. По приказу НКВД № 00485 от 11 августа 1937 г. «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ» (Польская военная организация) было осуждено 139 835 человек, приговорен к расстрелу 111 091 человек.

22 Ст. 58 п. 6 УК РСФСР — шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам.

23 Чубукова Ю. Как тесен мир! // Провинциальный Рыбинск. 2004. 8 сент. № 35 (107).

Ответ: В шпионско-повстанческую группу я был завербован летом 1937 г. в июле месяце польским разведчиком Данье Зеноном Иосифовичем²⁴, работавшим в одной из больниц г. Рыбинска.

Вопрос: Расскажите вкратце обстоятельства вашей вербовки.

Ответ: Я с Данье познакомился в начале 1936 г., после этого до лета того же года я имел с ним редкие встречи по службе, а после мы как знакомые встречались, часто посещая квартиры друг друга почти до моего ареста. При встречах, после того как мы близко узнали друг друга, почти систематически при обсуждениях политических вопросов высказывали нашу злость и ненависть к политическим партиям и сов. власти, по всем вопросам внутриполитической жизни страны. Мы с Данье приходили всегда к одному к-р выводу и были убеждены в том, что якобы рабочие и крестьяне в большинстве своем недовольны политикой ВКП(б), колхозы построены насильно против желания крестьянства, рабочие материально не обеспечены, все, что пишут в газетах, скрывается, существует не свободная страна, а тюрьма и за высказываемую правду лишают людей свободы, высылая в ссылки и тюрьмы. В один из выходных дней в июле месяце прошлого 1937 г. на квартире Данье после ряда высказанных мной к-р взглядов мне Данье прямо сказал, что он член шпионско-повстанческой к-р группы и по заданию польской разведки объединяет всех поляков для борьбы с советской властью и предложил мне вступить в группу, поскольку я ненавижу существующий советский строй, я дал на это ему согласие и спросил его о задачах моей конкретной деятельности как члена — участника к-р группы, о чем мне и дал Данье подробнейший инструктаж в моей дальнейшей деятельности, также и задания.

Вопрос: Какие к-р задания вы получали от Данье?

Ответ: Данье мне было дано задание в дальнейшем заниматься сбором секретных сведений об объектах оборонного значения по городу Рыбинску, изучать подходы и расположение к военным складам и тюрьме, о расположении постов, проводить к-р повстанческую пропаганду и выявлять антисоветские настроения лиц, обрабатывая их в дальнейшем в к-р направлении. При этом он мне говорил, что наша группа (является) основным костяком, который в момент открытых военных действий будет уничтожать коммунистов, актив и руководителей ВКП(б) и Сов. власти и тем самым облегчат путь интервенции в свержении Сов. Власти, а мы будем командирами повстанческих отрядов.

Вопрос: Расскажите о вашей практической проводимой к-р деятельности.

Ответ: После моей вербовки я в разное время передавал Данье сведения о количестве военных складов в Рыбинске, занимаемой ими территории, сообщая также ему о состоянии охраны Рыбинской тюрьмы, это нам необходимо было для того, чтобы во время начала активных повстанческих действий через насильственное освобождение арестованных пополнить свои повстанческие кадры и использовать их как озлобленных против Сов. власти. Кроме того, я собирал и передавал Данье сведения о политическом настроении рабочих бумажной фабрики и прилегающих к ней колхозов²⁵.

За это время следствию удалось собрать «доказательства» еще на одну статью, вмененную дедушке. Это были показа-

24 Данье Зенон Иосифович (1906—1938) — уроженец Польши, фельдшер, арестован 2 февраля 1938 г., осужден 15 мая 1938 г. и приговорен к ВМН, расстрелян 28 июня 1938 г., реабилитирован 18 июня 1959 г. Источник: [https://ru.openlist.wiki/Данье_Зенон_Иосифович_\(1906\)/](https://ru.openlist.wiki/Данье_Зенон_Иосифович_(1906)/).

25 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8362, л. 10, 11: протокол допроса Мержвинского И. В. от 11 марта 1938 г.

ния «участников антисоветской группы» Данье и некоего Спирина, а также материалы очных ставок между ними. На допросе 14 марта дедушка полностью признал себя виновным.

По окончании следствия Ивану Валериановичу Мерзвинскому было предъявлено обвинение, предусмотренное ст. 58 п. 6 и ст. 58 п. 11 УК РСФСР, в том, что он:

«а) являлся польским шпионом — входил в состав шпионско-террористической повстанческой группы.

б) будучи завербован польским разведчиком ДАНЬЕ, вел разведывательную работу в СССР в пользу польской разведки и обрабатывал новые кадры для вербовки в а/с группу»²⁶.

Обвиняемый «подлежал суду». 2 июня 1938 года его дело было рассмотрено на заседании Особого совещания при НКВД СССР, на котором Ивану Валериановичу вынесли приговор: заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет. На выписке из протокола заседания стоит штамп о направлении заключенного на Колыму.

Дата судьбоносного для дедушки заседания бросилась мне в глаза. В этот же день, этим же Совещанием был приговорен к 5 годам отбывания наказания в лагере на Колыме Михаил Иванович Войткевич, дедушка моей сестры Натальи. Возможно, что позже, при распределении заключенных в лагерь²⁷, Ивану Валериановичу специально изменили направление и «под усиленным конвоем» этапировали в Республику Коми, чтобы он не мог встретиться со своим дальним родственником.

В 4-е отделение Локчимского ИТЛ дедушка прибыл в самом конце июля 1938 года и сразу был направлен на лесозаготовительные работы лесорубом, затем рабочим по сплаву и выкатке леса. В первые месяцы он ударно и качественно работал, перевыполняя норму на 20—50%. В картах зачета рабочих дней отмечен его добросовестный труд и бережное отношение к инструменту. Видимо, он очень надеялся, что трудом докажет свою невиновность и сможет вернуться домой.

Два раза Иван Валерианович подавал заявления Прокуратуре СССР на пересмотр дела.

25 июня 1939 года он писал:

«Заявленные мне пункты обвинения я отверг самым категорическим образом, говоря, что я ни в каких контрреволюционных группах не состоял, никогда шпионажем не занимался и никакого вербовщика Данье не знал. Наоборот, в 1918 г. вступил добровольцем в ряды войск ВЧК. <...>

<...> Все мои заявления и объяснения не произвели на следователя гр. Сундукова ни малейшего впечатления и в результате всего я был осужден к лишению свободы на 10 лет.

Пробыв в лагере около полутора года, я решил обратиться к Вам, гр. Верховный прокурор, с настоящим заявлением и просьбой пересмотреть мое дело и, убедившись в полной нелепости всех предъявленных мне пунктов обвинения, отдать распоряжение о моем освобождении, т. к. никогда я шпионажем не занимался, все свои силы и знания отдавал на пользу революции в России, что доказывает моя работа

26 ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8362, л. 56: обвинительное заключение по делу в отношении Мерзвинского И. В. от 21 марта 1938 г.

27 Родственников старались не помещать в одно лагерное отделение ИТЛ. Тот ли наш случай

или нет — неизвестно. Ведь это были отдаленные родственники, и в тех материалах, что мы получили из архивов, не фигурировала их родственная связь. Но предполагаю, что это могло быть учтено сотрудниками НКВД в других документах.

в рядах войск ВЧК и пребывание в партии ВКП(б) с 1931 г. по момент ареста».

Ответом Прокуратуры от 25 мая 1940 года заявителю сообщалось, что «жалоба его оставлена без удовлетворения, так как материалами дела преступление его доказано и оснований для принесения протеста не найдено»²⁸.

Дедушка не сдавался — ему было 44 года, он пока еще был полон сил. В ноябре 1940 года он отправил второе заявление:

«Прошу рассмотреть мое заявление, заключающееся в следующем: я был арестован в 1938 году 11 февраля Рыбинским органом НКВД, обвинен по ст. 58 пп. 6 и 11 УК СССР. А обвинение по этой статье было выдвинуто, очевидно, только потому что я родился и проводил детство в городе Двинске (Латвия). Я заявляю, что выдвинутое обвинение против меня ни на чем не основано, никогда никакой шпионской, ни другой контрреволюционной деятельностью я не занимался и заниматься не намеревался <...>

Всю свою жизнь я честно трудился и не только не занимался какой-либо преступной деятельностью, а, наоборот, в 1931 году вступил в ряды ВКП(б) и как член партии принимал горячее участие во всех мероприятиях партии и правительства за укрепление и развитие советской страны и строительства социализма. Поэтому мне совершенно непонятно, откуда появилось такое подозрение органов НКВД в отношении меня и на каком основании меня арестовали и под сильным давлением, репрессиями заставили подписать протокол в том, что я являюсь шпионом.

И мало того, меня под всякими угрозами заставили подписать обвинение в том, что меня завербовал в шпионскую группу некто совершенно мне не известный Даньё и что якобы он руководил этой группой.

Благодаря угрозам и применению грубого воздействия со стороны следствия я был настолько деморализован, что подписал все, что мне преподносили, даже не зная содержания этих протоколов, и Особое совещание осудило меня к заключению на 10 лет в трудовые исправительные лагеря.

И вот уже скоро три года, как я томлюсь, отбывая ничем не заслуженное наказание.

Принимая во внимание то, что я совершенно ни в чем не виновен против советской власти, что всю жизнь честно трудился, что дома у меня семья, которая так же страдает и морально, и материально из-за меня.

Прошу Вашего распоряжения пересмотреть мое дело, чтобы вернуть мне свободу и дать возможность опять честно трудиться на благо нашей великой Родины»²⁹.

Заявление сопровождалось положительными характеристиками от руководства лагеря, но ответа на прошение в деле нет. Был ли этот ответ?

Локчимский лагерь считался одним из самых страшных по условиям содержания и труда заключенных в Республике Коми. Осенью 1940 года лагерь был ликвидирован, и его заключенные

²⁸ ОСФ и ОГУ ИЦ МВД по Республике Коми, ф. 118, оп. 141п, д. 337, л. 21: ответ из Главной военной прокуратуры СССР о результатах пересмотра уголовного дела от 25 мая 1940 г.

²⁹ ГАЯО, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8362, л. 69: заявление Мержвинского И. В. Верховному прокурору СССР о пересмотре дела от 9 ноября 1940 г.

были переданы Усть-Вымскому ИТЛ: К 7 апреля 1943 года, как фиксирует медицинское освидетельствование, Иван Валерианович Мержвинский уже не работал, у него отмечены «общая слабость, одышка, быстрая утомляемость, гиперкератоз, истончение кожи, отеки конечностей»³⁰. Все это симптомы хронической пеллагры и истощения — стойкого недуга, признанного в условиях содержания в лагере неизлечимым. За 5 лет дедушка стал инвалидом 2-й группы, не способным к физическому труду. 17 апреля Центральная комиссия Устьвымлага направила дело Ивана Валериановича и материалы освидетельствования в Постоянную Сессию Верховного суда Коми АССР для рассмотрения возможности освобождения заключенного из лагеря. Определением Судебно-уголовной коллегии Верховного суда от 20 апреля дедушка был освобожден. Через два дня он умер³¹. Справка о следовании его из исправительно-трудового лагеря домой так и не была до конца заполнена.

После ответа о получении посылки, которую семья собрала дедушке, Зинаида Александровна долгое время не получала никаких писем от мужа. В начале 1945 года она отправила запрос «начальнику лагерей» о розыске своего мужа. Только после этого в отдел актов гражданского состояния НКВД по Ярославской области из Устьвымлага было направлено уведомление — для устного сообщения родственникам заключенного³² о его смерти в поселке Вожаель 22 апреля 1943 года. Тогда семья и узнала, что дедушки больше нет. Оказалось, что извещение о смерти Ивана Валериановича Мержвинского было направлено в органы НКВД Ярославской области для регистрации еще 26 октября 1943 года. Все эти долгие месяцы семья продолжала мучиться в неведении: жив или нет?

Но был еще один вопрос, который не давал покоя. В 1957 году Зинаида Александровна обратилась к областному прокурору:

«У меня было трое детей, я вот одна их и воспитывала, мне и детям хочется знать, был ли он виноват в чем или без вины он понес такое наказание, в чем и прошу разобраться мое заявление и ответить мне»³³.

Дедушкино дело было пересмотрено. Определением Военного трибунала Московского военного округа от 27 февраля 1958 года Иван Валерианович Мержвинский был реабилитирован посмертно, постановление Особого совещания при НКВД от 2 июня 1938 года отменено и дело его за отсутствием состава преступления прекращено производством. При пересмотре дела выяснилось, что Иван Валерианович оговорил себя и других в связи с применением к нему незаконных методов ведения следствия; привлеченный по тому же делу Спиринов отказался от показаний, данных на предварительном следствии; компрометирующих материалов в отношении дедушки, Спирина и Даньё обнаружено не было. Бывшие работники УНКВД Ярославской области Ершов, Либенсон и Буцневый, руководившие следствием по делу Ивана Валериановича Мержвинского, были осуждены за фальсификацию ими уголовных дел³⁴.

30 ОСФ и ОГУ ИЦ МВД РФ по Республике Коми, ф. 118, оп. 141п, д. 337, л. 24: по материалам личного дела заключенного Мержвинского И. В.

31 В годы Великой Отечественной войны, когда смертность заключенных в лагерях ГУЛАГа возросла в несколько раз, начальники лагпунктов, чтобы снизить показатели смертности, принимали массово активировать умирающих заключенных, жить которым оставалось один-два дня. Нередко они умирали, не зная, что уже освобождены.

32 В соответствии с Приказом НКВД №00674 «О порядке регистрации смерти заключенных» от 11 июня 1939 г.

33 ГАЮ, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8362, л. 61: заявление Мержвинской З. А. в областную Прокуратуру Ярославской области от 18 ноября 1957 г.
34 ГАЮ, ф. Р-3698, оп. 2, д. С-8362, л. 148, 149: определение Военного трибунала МВО от 27 февраля 1958 г.

Иван Мержвинский. Фотография из следственного дела, 1938 г.

354

ИСТОРИЯ
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПОЛИНА
АНДРЕ
ШАРЛОТ ПИРО
АНДРЕ

ПОИСК ПРАДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К 8 ГОДАМ ИТЛ В 1938 ГОДУ

Полина Андре рассказывает по скайпу о своем репрессированном прадеде Шарлот Пиро Андре. В 1930 году итальянские коммунисты делегировали его в Москву на учебу. Он успешно учился и одновре-

менно подрабатывал токарем на заводе им. Куйбышева. В Москве он женился на прабабушке Полины. А в 1937 году прадеда обвинили в шпионской деятельности.

355

ПОЛИНА АНДРЕ

еще несколько лет назад мой рассказ о прадеде всегда заканчивался на фразе «скорее всего, его расстреляли»

Полжизни я думала, что мой прадедушка Шарлот Пиро Андре был французом, но, когда папин двоюродный брат обратился в организацию «Красный крест», выяснилось, что прадед — итальянец. Помню, как я тогда обрадовалась и прибежала к родителям со словами «Я знала! Я знала!» — у меня всегда была особенная любовь к Италии. Установлением национальности тогда все и закончилось, поисков никто не продолжил.

О том, что прадед был репрессирован, я знала от папы, а ему рассказала его бабушка, жена Шарлота. В ее комнате над кроватью всегда висел его портрет, и для семьи не было секретом, кто это. Я до сих пор иногда спрашиваю у отца: почему он не интересовался судьбой деда, когда это все можно было узнать у бабушки?

Она умерла, когда мне было пять лет, я ее помню, но, естественно, в том возрасте мне было не до вопросов. Папа говорит, что она не любила разговоров на эту тему. Даже в 1990-х годах, в старости, предпочитала молчать. Думаю, она жила в страхе. Человеку с такой психологической травмой тяжело даются воспоминания даже тогда, когда, казалось бы, времена изменились. Поэтому подробностей никто не знал. Что рассказали — с тем и жили.

Осознание того, что я ничего не знаю о прадеде, пришло ко мне не так давно, в 2016 году. Меня как будто осенило — я перебрала все документы, но ничего не нашла, только пару фотографий. Стала допытываться у отца, известны ли ему какие-то интересные истории о прадеде. Оказалось, у прадедушки в Италии были братья. Значит, у меня должны быть там какие-то родственники, и чтобы их найти, я обратилась в передачу «Жди меня». Папа в ней участвовал, его снимали в архиве (Государственном архиве Российской Федерации. — *Прим. ред.*), когда он

приехал знакомиться со следственным делом Шарлот Андре. Собственно, тогда он и заказал копии материалов дела¹, чему я очень удивилась — мне казалось, ему в лучшем случае разрешат их посмотреть и все. Но мы вообще мало знаем о своих возможностях и правах².

Мой папа — человек скрытный, все чувства держит в себе, но после посещения архива он мне признался, что ему было очень тяжело все это читать. И когда я позвала его на встречу со специалистами Центра документации в Музей истории ГУЛАГа, он ответил: «Давай ты сама, мне хватило государственного архива». Съемки прошли, и наступило затишье. Я никаких поисков не предпринимала, но однажды ради интереса в Интернете ввела в поисковую строку настоящее итальянское имя прадеда — Gennari Emilio Pietro, и попала на сайт с генеалогическим древом. Там был и мой Gennari Emilio Pietro, в скобках — Андре Шарлот. Я просто не поверила своим глазам! На сайте был указан адрес электронной почты, и я немедленно написала. Создателем генеалогического древа оказался Джованни Кабрини — неродной племянник брата прадедушки. Дело в том, что у моего прадеда было четверо братьев, и один из них, Альберто Дженнари (1905—1972), был женат на Изабелле Кабрини (1909—1997), так вот, Джованни — это сын ее родного брата Джакомо Кабрини (1910—1997). Он прекрасно помнит брата моего прадеда и называет его «дядя Альберто», они часто ездили к нему в дом в Страделле. Мы стали переписываться, но, когда я передала его контакты редакторам программы «Жди меня», мне запретили с ним общаться, потому что по сценарию я должна была увидеть своего родственника на передаче. Целый год ничего не происходило, с телевидения мне не звонили, а поскольку мы давно запланировали поездку в Италию, я проигнорировала запрет и снова связалась с итальянскими родственниками. Они очень легко пошли на контакт, искренне захотели увидеться, и мы договорились о встрече. Общение получилось очень теплым. Мы встречались с Джованни и его семьей в кафе, он показал все бумаги, имеющие отношение к прадеду, — копию записи из метрической книги, фотографии его родителей. Я увидела у этих людей совершенно неподдельную заинтересованность в моем поиске. Мы и сейчас иногда общаемся, они помогли мне получить свидетельство о рождении прадеда в Италии.

Мой прадедушка Шарлот Пиро Андре, он же Эмилио Дженнари, приехал в СССР из Франции. Поэтому мы и думали, что он француз. О «французском» периоде я знаю мало, в матери-

1 ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 24316 П-25536. Архивное следственное дело по обвинению Андре Ш. П.: справка на арест; постановление об избрании меры пресечения; ордер на арест и обыск; протокол обыска; анкета арестованного; квитанция с перечнем изъятых при обыске вещей; справка с работы Андре Ш. П.; характеристика с места работы 1938 г.; протоколы допросов Андре Ш. П.; протоколы допросов свидетелей 1938 г.; обвинительное заключение; выписка из протокола Особого совещания НКВД СССР; справки и требования выдачи архивного следственного дела для повторного ознакомления; протоколы допросов свидетелей и следователя 1941 г.; характеристика с места работы Андре Ш. П. 1941 г.; характеристика с места работы Работти П. П.; постановление о прекращении дела Работти П. П. 1939 г.; архивная справка из Центрального архива; обращение Главной военной прокуратуры в Центральный архив; протест в Военную коллегия Верховного суда СССР; определение Военной коллегии Верховного суда СССР; справки; заявления Корнеевой З. И. в КГБ СССР; заключение о выплате стоимости за изъятые при обыске вещи; справка-опись и сопроводительное письмо; заключения о признании

пострадавшими от политических репрессий сыновей Альберта Шарлотовича Андре и Луиса Шарлотовича Андре, сопроводительные письма.

2 Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» ст. 11 определил, что порядок ознакомления других лиц с материалами прекращенных уголовных дел производится в порядке, установленном для государственных архивов, — Законом «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ. Ст. 25 п. 3 этого Закона снимает ограничения, связанные с содержащимися в делах сведениями о личной и семейной тайне и их частной жизни по истечении 75-летнего срока. Таким образом, любой гражданин имеет право знакомиться с прекращенными уголовными делами и получать копии документов из дел, приговоры по которым были вынесены более чем 75 лет назад. Ст. 29 п. 4 Конституции РФ гласит, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом».

алах дела этот факт упоминается без подробностей. Он получил гражданство СССР, работал на заводе, а в 1938 году его арестовали по подозрению в шпионаже и отправили в лагерь на восемь лет.

В нашей семье существует такая легенда: будто бы во время ареста прадеда сотрудник НКВД повернулся поглядить собаку и прошептал прабабушке на ухо, чтобы она с детьми срочно уезжала из Москвы. Прабабушка была родом из Рязани, туда и увезла детей. Она уничтожила все, что было связано с прадедом, порвала все контакты. Поэтому у нас и осталась буквально пара фотографий.

Год назад я хотела получить свидетельство о смерти прадеда и чудом нашла его личное дело заключенного Устьвымлага. Не зная, куда обращаться за свидетельством, я позвонила в судебную прокуратуру. Секретарь, очень отзывчивая девушка, сказала, что такие материалы хранятся в архивах либо МВД, либо ФСИН по месту, где располагался лагерь. Мне повезло — в следственном деле прадеда информация о лагере была и искать мне не пришлось³. В Интернете в поисковой строке я ввела название «Устьвымлаг», нашла по карте ближайшие города и написала наобум в Информационный центр МВД по Республике Коми. Через два дня пришел ответ: да, у нас есть личное дело заключенного Шарлота Пиро Андре, но для его получения необходимо выслать нотариально заверенные копии документов, подтверждающих родство с ним. Я быстро собрала все бумаги, заминка была лишь с дедушкиным свидетельством о рождении — его пришлось восстанавливать, но это оказалось несложно. Я обратилась в Таганский ЗАГС, он был ближе всего к прежнему месту жительства деда. Сотрудники проверили его фамилию по электронной базе и отправили меня в Гагаринский ЗАГС, где на основании моего паспорта и свидетельства о рождении выдали дубликат дедушкиного свидетельства о рождении. Я заверила у нотариуса копии всех документов и послала в Информационный центр МВД по Республике Коми. После процедуры рассекречивания в феврале 2019 года мне прислали по почте копии материалов личного дела заключенного Шарлота Пиро Андре⁴. Кроме документов там была и его фотография. Еще несколько лет назад мой рассказ о прадеде всегда заканчивался на фразе «Скорее всего, его расстреляли». Я была в этом уверена и достаточно долго жила с такой мыслью. И вот я увидела своими глазами запись в личном деле, что он умер в результате болезни, и испытала облегчение. Мне стало как будто не так обидно, что ли... Конечно, после знакомства с медицинским заключением о том, что «в условиях лагеря болезнь неизлечима», легче стать не может, но все же это не высшая мера. Умереть от болезни естественнее. Я не могу себе представить, что чувствуют и как живут люди, знающие, что их родственник был расстрелян. Свидетельство о смерти прадеда я так и не получила. Ни в одном из ЗАГСов Республики Коми не нашлось документа о регистрации его смерти. Мне предложили получить лишь документ об отсутствии такой записи.

По мере того как появлялась все новая информация из архивов, и особенно благодаря знакомству с людьми, которые

³ Часто в материалах следственных дел указывался приговор без обозначения места отбывания наказания.

⁴ ОСФ и ОГУ ИЦ МВД по Республике Коми, ф. 118, оп. 127п, д. 691. Архивные копии личного дела заключенного Андре Ш. Пиро на 42 л.: учетно-статистическая карточка Устьвымлага; выписка из протокола Особого совещания НКВД СССР; дактилоскопическая карта; справка о маршруте следования

заключенного до места отбывания наказания; квитанция об отправке жалобы заключенного в Верховный Совет СССР; формуляр к личному делу; карточка генеральной проверки заключенного; карточки зачета рабочих дней; характеристика заключенного; ответ из Главной военной прокуратуры об отказе в пересмотре приговора; справка из 1-го спецотдела НКВД СССР; протокол медицинского освидетельствования; акт о смерти; акт о погребении; фотография.

что-то знают о прадедушке, его образ становился для меня все более отчетливым. Скажем так: человек был «семейной легендой», а стал реальностью. Но до сих пор история прадедушки воспринимается как сюжет книги или фильма. Вроде я и понимаю, что это про мою семью, но пока все это непостижимо... В личном деле заключенного я увидела подпись прадеда, и она оказалась очень похожей на мою. Мне стало не по себе. В голове начали мелькать картинки — как он подходил к столу, расписывался, в каком он был состоянии... Я понимаю, что никогда не узнаю, как все было, и мучаюсь. Поэтому стараюсь не вдаваться в детали. Я прочитала оба дела буквально один-два раза. Каждая страница меня ужасала, я не сразу осилила все документы. Есть бумаги, которые я до сих пор не посмотрела — отдала папе, попросила, если найдет что-то важное, сообщить мне. Эта история очень повлияла на меня — не то чтобы я живу в страхе от прочитанного, но след в душе остался. Мне кажется, что мы, потомки репрессированных, тоже как-то к этому причастны. В отличие от отца, я люблю рассказывать о своих корнях. Обычно все начинается вопросами о моей фамилии, и я уже не могу ограничиться двумя словами о прадедушке — нет, я начинаю рассказывать в подробностях. Когда же меня спрашивают, выпустили его из лагеря или нет, отвечаю, что он там умер, не дождавшись оправдания. Вот эти слова мне даются очень тяжело.

Мне хочется отдать прадедушке какой-то долг памяти. У нас нет его могилы, мы не можем ее посещать, но я думаю о нем, рассказываю и таким образом сохраняю память о нем. Долгое время этого никто не делал. У меня всегда была полная информация обо всех моих родственниках-фронтовиках. А вот чтобы узнать о прадедушке, отправленном в ГУЛАГ, приходилось прикладывать огромные усилия, расспрашивать родственников, самостоятельно искать документы в архивах. Это удивительно — все охотно говорят о победе и героях, а о таких страшных вещах предпочитают молчать. На шествии «Бессмертного полка»⁵ можно пройти по Тверской с фотографией родственника — участника Великой Отечественной войны, а с фотографией репрессированного почему-то нет. Их как будто скрывают. А я считаю, что они имеют право жить в памяти. Почему не передаются по наследству знания о репрессированных родных? Потому что это тяжело и больно. Но ведь это необходимо и для семьи, и чтобы предотвратить саму возможность повторения ГУЛАГа.

Правду нужно знать такой, как она есть, а не как ее представляют и трактуют «в интересах текущего момента». Тех, кто сейчас открывает дела своих репрессированных родственников, ждет много потрясений. Но, мне кажется, они обязательно расскажут об этом своим детям и внукам, чтобы те понимали, что в жизни их страны были не одни лишь победы и праздники, но и ошибки, и беды. Совсем недавно я узнала, что 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, можно читать имена погибших. Я бы хотела в этот день быть в Коми, в том месте, где лежит мой прадед. В архивной справке, присланной из информационного центра, упоминается лагерное кладбище. Я пыталась найти сведения, как туда добраться, где можно остановиться, и обнаружила в Интернете историю человека, который ездил туда и выложил об этом обстоятельный рассказ. Бывшее лагерное

5 Акция «Бессмертный полк» проходит по всей России и за ее пределами. Впервые ее провели в Томске в 2012 году. Ежегодно в День Победы участники проходят колонной по улицам городов с фотографиями своих родственников — участников

Великой Отечественной войны, подпольщиков, бойцов Сопротивления, тружеников тыла, узников концлагерей, блокадников, детей войны — и записывают семейные истории о них в Народную летопись на сайте движения.

кладбище практически исчезло — сохранилась лишь часть, там теперь установлен крест, а территорию, где по документам был похоронен прадед, приспособили под иные нужды⁶. Я мечтаю посадить там дерево в память о прадеде, но пока не решилась на поездку. Но это моя миссия, и выполнить ее необходимо. Наверное, было бы здорово сделать это с потомками репрессированных, отбывавших срок в том же лагере, что и прадед. Вместе легче организовать, собраться с духом, просто поддержать друг друга в решимости действовать. А пока я очень рада возможности передать документы о моем прадеде в Центр документации Музея истории ГУЛАГа.

⁶ Шарлот Пиро Андре был похоронен в восточной части кладбища лагерного поселка Нидзь. В 1970-е — 1980-е на этом месте разрабатывался песчаный карьер, в результате чего было уничтожено две трети лагерных захоронений. Окрестные жители собирали останки, оказавшиеся на поверхности земли,

и трижды (в 1997, 2001, 2006 гг.) хоронили их в братских могилах на краю бывшего карьера. В 2006 году там установлен крест с надписью «Захоронение Усть-Локчимского лагеря. Нидзь-Вычегодская. 1938—1959 годы».

"УТВЕРЖДАЮ"

Зем. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД МО
МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ.
ЯКУБОВИЧ

8 апреля 1938 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По след. делу № 4592 по обвинению АНДРЕ Шарлот Пиро по ст. 58 п. 6 УК.

Рассмотрев следственный материал по след. делу № 4592 по обвинению АНДРЕ Шарлот Пиро установил следующее:

АНДРЕ Шарлот Пиро в 1935 году был завербован в шпионских целях, в/нач. 1-го участка завода "Калибр" шпионом Работта /арестован/. Работая на заводе "Калибр" дал согласие в случае войны заниматься шпионско-диверсионной работой умишенно выводить из строя техническое оборудование универсального цеха, кроме того умишенно задерживал освоение технологических изделий для авиационной промышленности, проводил к-р фашистскую агитацию восхваляя Гитлеровское правительство в Германии.

Допрошенный в качестве обвиняемого виновным себя признал полностью.

На основании изложенного ОБВИНЯЕТСЯ:

АНДРЕ Шарлот Пиро 1902 года рождения, ур.г. Рим, Италия / по нац. итальянец, гр-н СССР, со слов б/чл. Итальянской Компартии, арестовывался Итальянской и Французской охранкой за революционно-шпионские деятельности. До 1936 года являлся Итальянским подданным, а в 1936 году принял Сов. гражданство, перешел нелегально границу из Италии во Францию, откуда в 1930 г. прибыл в СССР как попутный эмигрант. До ареста работал на заводе "Калибр" практик-инженер-технолог. Проживал: М.Марьинская д. 6/8 кв. 35.

в том, что является шпионом диверсантом.

П О С Т А Н О В И Л.

Следственное дело № 4592 направить в 3-й отдел УТВ УНКВД МО на рассмотрение.

СПРАВКА: Обвиняемый АНДРЕ Ш.П. находится в Таганской тюрьме с 20/III-38 года.

Пом. Опер. Уполномоченного РО
Сержант Гос. Безопасности.

Мазин /МАЗИН/

Нач. Ростокинского РО УНКВД МО
Мл. Лейтенант Гос. Безопасности.

Кименков /КИМЕНКОВ/

СОГЛАСЕН:

Нач. 3 Отдела УТВ УНКВД МО
Капитан Гос. Безопасности.

Сорокин /СОРОКИН/

Согласен на ар.

28.5.38
Кварт. № 111
Сорокин

история четырнадцатая

Шарлот Пиро Андре

Полина Андре

Заключение ЭК от 22.02.2019

РАССЕКРЕЧЕНО

РАССЕКРЕЧЕНО

Форма № 17.

х. №

Заключение ЭК от 22.02.2019

Наименование лагеря или места заключения	Дата прибытия	№ личного дела
		118
		127n
		691

Личное дело

ЗАКЛЮЧЕННОГО Андрус
Шарлотта Тиро

дственный

сационный

говор

своб. сов. 118 своб

УТВЕРЖДЕН.

08.06.38 19 г. по ст. 118 УК, на срок 2 лет.

ало срока 20.03.1946 г. Конеч срока 20.03.1946 г.

Ориентировочный конеч срока Удмурт - 25.01.44 691

ПО ЗАКОНЧЕНО В СВЯЗ Нос 42 19 г.

№ 7719

ставляется в лагере

ИЗ ВЕРЕГИВАТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО КОСТРОМЫ

СПРАВКА

№ лишенного свободы — фамилия АНДРЕ имя Шарлот отч. Пиро
 рождения 1902 откуда происходит г. Риме - Италия
 город ИВРА-ПОГОСТ через Котаво
 Пункт назначения { ж.-д. станция
 пристань _____
 В распоряжение какого учреждения, лица следует СВВЖЕЛДОРЛАГ НКВД
 кем, когда, на какой срок осужден Общим Созвещанием при НКВД 8.71.38г.
 (если не осужденной — расстрел, калечивший, калечиваемый)
 Вид конвоя, обыкновенный, усиленный, особый на 8 л.
 (подкрепление)
 Оценка врача о состоянии здоровья и произведенной санобработке Соловьев
 Актное дело № 3085 следует по заключению _____
 лечебного органа, по вызову _____ суда по постановле-
 нию _____ суда, по наряду 8 07 38 в ИТЛ НКВД
 Особые примечания _____ от 13. VII. 38 в ИО.4046
 _____ 13 июля 1938 г.
 _____ (подпись)

ИСПРАВ-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ НКВД СССР

Район _____ Учетный № _____
 Дата зачета рабочих дней _____ лист дело № 1115
 Фамилия, имя, отчество Андре Шарлот
 Дата рождения 1902 Место рождения _____
 Дата зачисления 20-III-1938 в № 50 № 1048
 Служба: Секция № 4 Секция № _____
 Категория трудоспособности Средняя а. Прочие _____
 Дата зачета _____
 Должность Назначенный И. Борев

Квартал 1938 г.	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Зачет рабочих дней	23	22	20	19	18	17	16	15	14	13	12	11
Итого	23	22	20	19	18	17	16	15	14	13	12	11

ПРИМЕЧАНИЕ: Отметка по работе в течение месяца по заключению инспектора и производственного отдела выносится в отчет по Э. КАШИНСКИМ: _____
 В Советском лагере работал _____
 Трудовая характеристика (заполнить при переводе заключенного в другой лагерь):
 _____
 _____

Со-трудные комиссии Пезмогский лаг. Чр.
(местный инвентаризационный)

Протокол № 36

Медицинского освидетельствования заключенного
Август 1943 г. Пезмогский Лагунтук
собрания
(места заключения заключенного)

Фамилия Андрее
Имя отчество Шаровый Пирс
Год и место рождения 1906г.

Кем работал до заключения и специальность Учредит.-Менеджер

Кем работал до болезни и в заключении Секретарь в кафе-столовой
Статья УК К-Р-Д 7. Кем и когда возмужал 8-11-26. Со. С. С. Кав. - ССР
рост 8 л. 9. начало срока 20-11-38, конец срока 20-11-46 № 16 изд. 7719

Субъективные жалобы свидетельствующего На голову, кашель
Часто в утренние часы и ночью

III Анамнез В 1938 году заболел Чумой, (1939 год)
заболел, перенес и выздоровел, (1940 год)
заболел, перенес и выздоровел, (1941 год)
заболел в 1942 году и выздоровел.

С какого времени не работает по болезни и в заключении.
Где и сколько времени находился на лечении (амбулатор.
ОПН, больницы).

IV Обстоятельства болезни (Вам необходимо обстоятельно изложить, документируемые факты
болезни). Впервые заболел в 1938 году с резким подъемом
температуры, головной болью, ломотой в суставах, ознобом,
высыпью на коже, в 1939 году заболел повторно, симптомы
такие же, как в 1938 году, но с более длительным
течением, после выздоровления в 1940 году заболел
еще раз, симптомы те же, как в предыдущие разы,
выздоровел в 1941 году, в 1942 году заболел
еще раз, симптомы те же, как в предыдущие разы,
выздоровел в 1943 году.

V Диагноз (обязательно по русски) Чумка, рецидив чумы (рецидив)
в заключении

VI Заключительные выводы (Вам необходимо указать, насколько полно и
удовлетворительно выполнены условия освидетельствования)

М. П. Протокол составлен
Члены И. И. С. С. С.
Мед. ст. 1943

ШАРЛОТ ПИРО АНДРЕ

Мой прадед Шарлот Пиро Андре, он же Эмилио Дженнари, родился 30 декабря 1902 года в Италии, в городе Страделла⁷, в рабочей семье. Известно, что у него было четверо братьев. Как рассказывал сам прадед на допросе 25 марта 1938 года, с 1902 года их семья жила в Милане. Там же он окончил школу и, вероятно, несколько лет учился в университете и имел незаконченное высшее образование. Как и братья, он получил рабочую профессию, работал в Милане в различных фирмах. В 16 лет вступил в Итальянский социалистический союз молодежи, а в 19 лет стал членом компартии Италии. Служил солдатом в Итальянской армии. В 1927 году Шарлот

Шарлот Пиро Андре. Фотография из личного дела заключенного. Коми АССР. 1938 г.

Андре решил покинуть родину и, согласно документам, отправился во Францию, не имея при себе никакого паспорта. Ему удалось нелегально перейти границу и даже устроиться фрезеровщиком на металлургический завод в предместье Лиона. Там он продолжил свою бурную общественно-политическую деятельность — в 1929 году вступил в районный комитет профсоюза и принимал активное участие в жизни итальянской партгруппы при компартии Франции. И в Италии, и во Франции его неоднократно арестовывали за принадлежность к компартии. Но в 1930 году итальянские коммунисты делегировали прадеда в Москву на учебу в спецшколе. Он прибыл в Советский Союз как политэмигрант. С 1930 по 1933 год был на спецработе в Рабоче-крестьянской Красной армии, одновременно короткое время работал токарем на заводе им. Куйбышева. В 1934 году прадед поступил инженером на завод «Калибр», в том же году прошел партцистку⁸, после которой партколлегия Московской области постановила «рекомендовать т. Шарлот Андре в ряды ВКП(б)»⁹. В 1936 году прадед стал гражданином СССР.

⁷ Данные о месте рождения в документах разнятся: в анкете, а также в протоколах допроса указан город Рим. Город Страделла значится в документе ИККИ, адресованном в Прокуратуру СССР 15 февраля 1941 года, архивной справке Центрального архива от 1 августа 1956 г.

⁸ Партцистка (чистка партийных рядов) — совокупность оргмероприятий по проверке соответствия членов компартии и кандидатов в члены компартии предъявляемым к ним требованиям.
⁹ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 24316 П-25536, л. 33.

В Москве он женился на моей прабабушке Зинаиде Ивановне Корнеевой. Уроженка Рязани, она была младше его на девять лет. В 1934 году у них родился первенец — Луис-Шарлот Андре, второй сын — Альберт-Шарлот Андре — появился на свет в конце 1937 года, за четыре месяца до ареста прадеда. Семья жила в заводском доме по адресу Заморинский переулок, д. 6/8, кв. 35. 20 марта 1938 года в их квартиру пришли с обыском сотрудники НКВД — изъяли паспорт прадеда, военный билет, профбилет, охотничье ружье, патронташ с патронами. Комнату не реквизи- ровали — в примечании протокола обыска указано, что в ней «остаются жена и двое детей». Прадеду предъявили ордер на арест. Согласно справке на арест, неблагонадежным в нем было все: и то, что прибыл из Парижа, что имеет родственников в Италии и ведет с ними переписку, знаком с итальянцами, «большинство которых арестованы органами НКВД за шпионскую деятельность». Он попал под подозрение в шпионской деятельности и потому подлежал аресту и привлечению к ответственности по ст. 58 п. 6 УК РСФСР¹⁰. На время ведения следствия прадеда заключили в Таганскую тюрьму. Первый его допрос состоялся 25 марта 1938 года, он был довольно кратким — следователь интересовался итальянскими знакомыми прадеда, их взаимоотношениями. Прадед назвал итальянского политэмигранта, начальника участка универсального цеха завода «Калибр» Работти, который на тот момент был уже арестован НКВД. А вот на втором допросе, 27 марта, он признался в том, что в декабре 1935 года якобы был завербован Работти для ведения диверсионно-шпионской работы в случае войны, а еще выводил из строя технологическое оборудование цеха и распространял сведения клеветнического характера среди рабочих:

Вопрос: Кем, когда вы были завербованы для шпионской деятельности и при каких обстоятельствах, какую шпионскую работу проводили?
 Ответ: Да, я признаюсь, что в 1935 году в декабре я был завербован в шпионских целях начальником первого участка универсального цеха завода «Калибр» Работти, он тоже политэмигрант, я его знаю по эмиграции из Италии. Я был с ним на работе в хороших отношениях, мы с ним часто ходили в иностранный клуб на лекции, бывал у него очень часто на квартире, а также он у меня. Я ему часто высказывал недовольство против советской власти, в частности в отношении политэмигрантов, и высказывал недовольство по поводу расстрела Тухачевского и других, а также восхвалял фашистский строй в Италии, после чего он со мной согласился и начал мне говорить о скором падении советской власти и осуществлении фашистского государства в СССР, что Гитлер и Муссолини дадут полную власть для иностранных рабочих в СССР и что поэтому Германии и Италии надо помогать в свержении советской власти, я на это согласился. После чего я от него получал задания шпионского характера, чтобы я занимался шпионско-диверсионной работой в цеху завода «Калибр», проводил бы в случае войны диверсионные акты и выводил из строя техническое оборудование цеха с целью срыва выпуска заказов авиационной продукции. Кроме того, я умышленно на 3-м участке задерживал освоение технологических изделий для авиапрома, по моей вине происходил большой брак. Я передавал сведения клеветнического характера о настроении среди рабочих. Таким образом, признаю себя виновным в контрреволюционной и шпионской деятельности¹¹.

В следственном деле есть документ — характеристика с места работы от 30 марта 1938 года, подписанная начальником секретной части завода «Калибр»: «За время работы в цехе Андре ни с какой стороны не представлял из себя ценного иноспециалиста. Когда он работал на многих участках цеха (нач. 1-го участка, мастер делительно-граверной группы и др.), на которые он охотно переходил, работа этих участков ухудшалась, увеличивались простои, шел брак. Будучи технологом 3-го участка, Андре вел технологию изделий таким образом, что это приводило к массовому браку деталей, благодаря чему задерживалось освоение наиболее важных изделий (прибор внутреннего измерения, необходимый для авиапромышленности). Никакого участия в общественной жизни не принимал. В цеху высказывал враждебные контрреволюционные взгляды. Так, например, в присутствии работника Универсального цеха Андре говорил, что работа Коминтерна по отношению к иноспециалистам и членам зарубежных компартий неправильная, не отвечающая интересам революции; что наши государственные предприятия являются не предприятиями последовательного социалистического типа. «На наших предприятиях существует эксплуатация, у руководства этими предприятиями сидят своеобразные хозяйчики-капиталисты». Андре сожалел, что оказался в СССР, ибо заявлял, что условия жизни в Италии значительно лучше, чем в СССР. При проведении работы по подписке на заем по цеху ежегодно Андре на протяжении 5—6 дней со дня начала займовой кампании демонстративно отказывался от подписки на заем и только по истечении определенного срока подписывался — это были попытки с первых дней подписки на заем найти среди коллектива единомышленников и сорвать подписку на заем по цеху»¹². Текст этого документа примечателен тем, что в большой степени перекликается с «признаниями» прадеда, а также свидетельскими показаниями, написанными практически «под копирку».

Из показаний Смирновой Валентины Александровны 10 мая 1938 года¹³:

«Мне известно, что Шарлот Андре приехал из Парижа в СССР в 1930 году как политэмигрант и до 1937 года был итальянским подданным. На заводе «Калибр» работал с 1933 года в универсальном цеху. За время работы в цехе Андре ни с какой стороны не проявил себя. Когда он работал на многих участках, на которые он охотно переходил, работа этих участков ухудшалась, увеличивались простои, брак. Будучи технологом 3-го участка, Андре приводел к массовому браку деталей, благодаря чему задерживалось освоение наиболее важных изделий, необходимых для авиационной промышленности. Кроме того, вел контрреволюционные разговоры в присутствии меня и начальника универсального цеха Руденко. Андре говорил, что работа Коминтерна по отношению к иноспециалистам и членам зарубежных компартий неправильная, не отвечающая интересам революции; что наши государственные предприятия являются не предприятиями последовательного социалистического типа. На наших предприятиях существует эксплуатация, у руководства этих предприятий сидят своеобразные хозяйчики-капиталисты. Андре сожалел, что очутился в СССР, ибо заявлял, что условия жизни в Италии значительно лучше, чем в СССР. В период слета стахановцев высказывал свое мнение по речи тов. Сталина о том, что мы не так весело живем. При проведении подписки на заем по цеху Андре на протяжении 5—6

дней со дня начала займовой кампании демонстративно отказывался от подписки на заем. Кроме того, везде козырял, что он является членом компартии Италии, а на самом деле у него никаких документов и вообще ничего общего с компартией не было, он только спекулировал этим для того, чтобы замаскировать свою контрреволюционную деятельность.

Мне известно, что Работти и Андре работали в одном цеху, а также были в самых близких отношениях между собой, так как Работти знал об Андре и всегда его защищал перед всеми.

Мне известно, что он как инженер имел доступ по всему заводу, где и находятся секретные цеха, и мог использовать для контрреволюционной деятельности документы секретного характера».

Из показаний Руденко Ивана Кузьмича, начальника универсального цеха, 11 мая 1938 года¹⁴:

«Я знаю Андре Шарлот по совместной работе на заводе “Калибр” с 1934 года. За время его работы в цехе Андре ни с какой стороны не проявил себя. Когда он работал на многих участках, на которые он охотно переходил, работа этих участков ухудшалась, увеличивались простои и в большом количестве брак. Будучи технологом 3-го участка, Андре проводил массовый брак деталей, в результате чего задерживалось освоение наиболее важных изделий, необходимых для авиационной промышленности. Кроме того, высказывал контрреволюционные разговоры в присутствии работников универсального цеха. Андре говорил, что работа Коминтерна по отношению к иностранным специалистам и членам зарубежных компартий неправильная, не отвечающая интересам революции: что наши государственные предприятия являются не предприятиями последовательно социалистического типа. На наших предприятиях существует эксплуатация, у руководства этих предприятий сидят своеобразные хозяйчики-капиталисты. Андре сожалел, что очутился в СССР, ибо заявлял, что условия жизни в Италии значительно лучше, чем в СССР. Всячески восхвалял фашистский строй в Италии и Германии. В период слета стахановцев высказывал свое мнение по речи тов. Сталина о том, что мы не так весело живем. При проведении подписки на заем по цеху демонстративно отказывался от подписки и публично заявлял, что я на заем не буду подписываться. Кроме того, везде козырял, что он является членом компартии Италии, а на самом деле у него никаких документов не было и он вообще ничего общего с компартией не имел, а только спекулировал этим для того, чтобы замаскировать свою контрреволюционную деятельность.

Мне известно, что Работти и Андре работали в одном цеху, а также были в самых близких отношениях между собой, так как Работти знал об Андре, о его деятельности и всегда его защищал перед всеми.

Будучи начальником и мастером, Андре имел доступ по всему заводу, а также секретным цехам и мог использовать для контрреволюционной деятельности документы секретного характера».

Обвинительное заключение Андре Шарлота Пиро по ст. 58 п. 6 УК РСФСР было готово на месяц раньше допроса свидетелей — 8 апреля 1938 года¹⁵:

«Шарлот Пиро Андре в 1935 году был завербован в шпионских целях бывшим начальником 1-го участка завода “Калибр” шпионом Работти

(арестован). Работая на заводе, дал согласие в случае войны заниматься шпионско-диверсионной работой, умышленно выводить из строя техническое оборудование универсального цеха, кроме того, умышленно задерживал освоение технологических изделий для авиационной промышленности, проводил контрреволюционную фашистскую агитацию, восхвалял гитлеровское правительство в Германии. Допрошенный в качестве обвиняемого, виновным себя признал полностью. На основании изложенного Андре Шарлот Пиро обвиняется в том, что является шпионом-диверсантом».

Дело передали на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР, и 8 июня 1938 года моему прадеду был вынесен приговор — восемь лет в исправительно-трудовом лагере. 13 июля 1938 года он отправился в распоряжение Севжелдорлага¹⁶ НКВД¹⁷. Согласно документам, содержащимся в личном деле заключенного, 27 августа 1938 года Андре Шарлот прибыл в Усть-Вымский лагерь НКВД. Ему была определена категория трудоспособности «Легкий труд». Поначалу прадед работал лесорубом, и весьма удовлетворительно, а с октября по декабрь 1938 года — заготовщиком, но его трудовая характеристика уже совсем иная: «отношение к труду плохое, нормы не выполняет, к инструменту относится плохо». Медицинское освидетельствование, проведенное в 1939 году, показало у прадеда декомпенсированный порок сердца и цингу. Вероятно, состояние здоровья и условия жизни в купе с «легким трудом» серьезно его надломали. В этот период он написал жалобу на приговор в Верховный Совет СССР в надежде на пересмотр дела.

Повторное ознакомление с делом было поручено военному следователю Московского Военного округа Степанову. В феврале 1941 года он снова допросил свидетелей по делу прадеда Смирнову В. А. и Руденко И. К., в архивно-следственном деле содержатся протоколы допросов, из которых видно, что они изменили свои показания, данные в 1938 году. Смирнова заявила, что не слышала со стороны Андре никаких антисоветских или «нездоровых» высказываний и не считает его виновным в браке заводской продукции, а Руденко показал, что хоть Андре и выражал недовольство своим материальным положением, но не помнит, чтобы тот восхвалял фашистскую Германию.

Из показаний свидетеля Смирновой Валентины Александровны на допросе 12 февраля 1941 года¹⁸:

«Андре в период подписки на заем в 1937 году в течение 5—6 дней не подписывался на заем вовсе, выделенные для подписки товарищи обращались к Андре относительно подписки, на что Андре отвечал: на моих нервах играли тем, что не давали мне квартиру, и я буду играть на нервах людей, которые проводят подписку. Я лично этого высказывания Андре не слышала, но мне об этом передавал проводивший подписку, фамилия, кажется, Трифонов, на заводе в данное время не работает. Мне как парторгу цеха было передано рабочим цеха о том, что Андре одобрительно отзывался об экономическом положении трудящихся за границей. И говорил о том, что если бы он был за границей, то у него было бы больше рубашек и костюмов. Относительно подписки

16 Северный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь (Севжелдорлаг) был образован 10 мая 1938 г. Главной его задачей являлось строительство железной дороги Котлас — Воркута протяженностью 1193 км, чуть позже получившей название Северо-Печорской железной дороги (современная Северная железная дорога). Управление лагеря находилось в поселке Княжпогост.

17 ОСФ и ОГУ ИЦ МВД по Республике Коми, ф. 118, оп. 127п., д. 691: справка о маршруте следования заключенного до места отбывания наказания
18 ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 24316 П-25536, л. 27 об., 28, 28 об., 29, 29 об.

на заем я как парторг цеха беседовала с Андре, и он в результате проведенной беседы подписался на месячный оклад заработной платы. Я лично каких-либо антисоветских высказываний и нездоровых политических настроений от Андре не слышала. Но бывший начальник универсального цеха Руденко мне говорил, что Андре ему говорил: наши предприятия не являются предприятиями последовательного социалистического типа, и что на наших предприятиях существует эксплуатация. Я по этому вопросу с Андре не беседовала и эти высказывания Андре не проверяла.

Андре к работе относился добросовестно, но в последнее время на участке, где он работал, отмечался брак, по чьей вине происходил брак, я утверждать не могу.

...Заявляю, что я лично от Андре никаких высказываний, кроме сказанных при подписке на заем, не слышала, и все, что я показала о нем, мне было известно из сообщений разных лиц, т. е. товарищей, работавших в цеху».

**Из показаний свидетеля Руденко Ивана Кузьмича
на допросе 24 февраля 1941 года¹⁹:**

«Андре на заводе работал сначала начальником участка сборки приборов, от этой работы был освобожден, по каким причинам, не помню. После работал технологом 1-го участка, от этой работы был тоже освобожден по деловому несоответствию и был назначен на должность заведующего инструментальной кладовой. Считался инженером, но был ли он на самом деле инженером, неизвестно. Как работник был слаб. Будучи начальником участка, не проявил себя как организатор. После того как Андре был назначен технологом, выяснилось, что он с этой работой не справляется, и был освобожден. В политическом отношении Андре знаю мало. Но в беседах на политические темы Андре высказывал антисоветские суждения по ряду вопросов. Относительно наших госпредприятий говорил, что там имеется эксплуатация рабочих и на предприятиях сидят хозяйчики. Высказывал сожаление, что выехал из Италии в СССР. Говорил, что если бы он был в Италии, то имел бы три костюма, а здесь, в СССР, и один костюм невозможно кушить. Проявлял также нездоровые настроения в отношении подписки на заем.

...О том, что Андре восхвалял фашистский строй в Германии и Италии, я не помню.

Цех, в котором работал Андре, изготавливал приборы для внутреннего измерения, которые идут вообще для промышленности. Но завод выполнял заказ для авиапрома. Освоение изготовления этих приборов вследствие их новизны происходило медленно. Андре являлся технологом по этим изделиям. Какое-либо существенное влияние на освоение изготовления этих приборов Андре оказывать не мог, так как удельный вес этого Андре в деле был незначителен, а над освоением этого прибора работал целый коллектив».

22 февраля 1941 года был допрошен и бывший следователь по делу прадеда — Мозин Моисей Львович, но ничего существенного он не показал, сославшись на то, что ничего не помнит. 7 марта 1941 года с завода «Калибр» на имя следователя Степанова поступила еще одна характеристика²⁰ на бывшего работника Андре.

¹⁹ ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. 24316 П-25536, л. 30 об., 31, 31 об.

²⁰ л. 39.

ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. 24316 П-25536,

В ней говорилось, что зарегистрированных случаев вредительства на работе не установлено, тем не менее брак в продукции имелся. Отмечались и «нездоровые настроения» прадеда, выражавшиеся в бойкоте займа 1937 года, подкрепленные его цитатой: «У меня в квартире холодно, а Моссовет мерк к улучшению не принимает. Как на моих нервах играют, так и я буду играть на нервах подписчиков», а также его недовольство своим материальным положением, «особенно после того, как перестали платить иноспецам золотую валюту».

Главная Военная Прокуратура не нашла оснований к изменению решения Особого совещания и 14 апреля 1941 года направила об этом уведомление начальнику Устьвымлага НКВД для объявления заключенному Андре. Судя по отметке на оборотной стороне уведомления, моему прадеду сообщили об этом 24 мая 1941 года.

Из представленных в личном деле характеристик, которые составлялись на заключенных каждые полгода, видно, как менялась выполняемая прадедом работа — он был и кочегаром, и слесарем, и механиком. За период с января по июль 1942 года примечательна формулировка начальника отделения лагпункта: «безразлично работает».

В августе 1943 года лечебно-трудова комиссия Пезмогского лагпункта засвидетельствовала жалобы заключенного Андре на слабость, кашель, боль в груди, руках и ногах и после проведенных обследований установила диагноз: туберкулез легких третьей стадии и дистрофия с резким истощением. Заключение комиссии было следующим: «Данный недуг является тяжелым и в условиях содержания в лагере неизлечимым»²¹. Прадеда отправили в лазарет инвалидного лагпункта Нидзь, где 25 января 1944 года он умер «от нарастающей слабости сердца вследствие туберкулезной кахексии». Как свидетельствует акт о погребении, его похоронили 26 января в могиле Б-18, расположенной в восточной части Нидзьского кладбища²².

16 августа 1956 года в Военную коллегия Верховного суда СССР был направлен протест за подписью заместителя Генпрокурора СССР по делу Шарлота Пиро Андре:

«Произведенной дополнительной проверкой установлено, что Андре осужден неосновательно... Показания о его вербовке Работти объективно не подтверждаются, так как Работти в 1935 году на заводе «Калибр» не работал и не мог его вербовать, взаимоотношения у них были неприязненные и друг к другу они не ходили... Данных о принадлежности Андре к иностранной разведке в КГБ СССР и МВД СССР не имеется... Прошу Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 8 июня 1938 года в отношении Андре Шарлот Пиро отменить, дело за отсутствием состава преступления прекратить»²³.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР 18 августа 1956 года мой прадед был полностью реабилитирован.

²¹ ОСФ и ОГУ ИЦ МВД по Республике Коми, ф. 118, оп. 127п, д. 691, л. 36 об.

²² ОСФ и ОГУ ИЦ МВД по Республике Коми, ф. 118, оп. 127п, д. 691, л. 42.
²³ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 24316 П-25536, л. 51.

Полина Андре

Шарлот Пиро Андре

история четырнадцатая

376

ИСТОРИЯ
ПЯТНАДЦАТАЯ

МИХАИЛ
ЮРЬЕВИЧ
ГАВРИЛОВ
МИХАИЛ
АНИСИМОВИЧ
ГАВРИЛОВ

ПОИСК ДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К 10 ГОДАМ ИТЛ В 1938 ГОДУ

Михаил Гаврилов — художник. Больше тридцати лет он занимается книжной графикой, но главным в своей жизни он называет служение Богу. На одной из фотографий — его библейские иллюстрации, сделанные

для церкви Армии Спасения. Михаил Юрьевич начал поиски информации о своем репрессированном деду после того, как посмотрел телевизионную передачу об открытии Центра документации.

ПРИИДИТЕ КО МНЕ, ВСЕ ТРУЖАЮЩИЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫЕ... МАТФ. 11:28

МИХАИЛ ГАВРИЛОВ

деда уже нет в живых, а мне за него обидно — он ведь мученик совести

Михаил
Гаврилов,
художник-
график,
Москва

Родился я в 1946 году в Севастополе. Там меня крестили в православном храме, который чудом уцелел. Во время войны город был зверски разбомблен.

Наша семья очень много путешествовала, перемещалась по территории Советского Союза. Жили мы в основном в портовых городах, потому что отец мой был морским офицером. Когда я вырос, то первым делом сбежал из дома. Это уже было после того, как я окончил 11-й класс, потому что мне хотелось как-то «потрогать жизнь своими руками». Я почему-то считал, что та жизнь, которую мне организовали родители и школа, — это и не жизнь вовсе. Я примкнул к своему приятелю в Калужской области, но вместе с ним мы кочевали недолго. Я вернулся в Керчь, устроился работать на Керченский стеклотарный завод стеклотрувом. Потом еще один мой приятель позвал меня в Ленинград — там я поступил в среднее специальное училище имени Серова¹, которое и окончил, получив диплом о среднем специальном образовании — «дизайнер по интерьерам». Однако по профессии не работал — сделал пару проектов, а в основном занимался книжной графикой. Когда я учился в художественном училище в Ленинграде, работал еще и кровельщиком в ЖЭКе. Мне дали служебную жилплощадь, и я видел весь Ленинград сверху — любопытный опыт. Дворником, кстати, я тоже успел поработать. И матросом в порту. В общем, у меня фактически семь профессий. Одна из них совершенно уникальная — тюремный капеллан². Шесть лет я провел в этом служении, в том числе в Бутырке, Крестах³ и женской колонии в селе Жаугашты в Казахстане.

1 Имеется в виду Художественное училище им. В. А. Серова Министерства культуры РСФСР в г. Санкт-Петербурге (Гражданский пр-т, д. 88).

2 Капеллан (позднелат. capellanus) — священнослужитель, совмещающий сан с какой-либо дополнительной (как правило, светской) должностью.

3 Бутырский следственный изолятор (СИЗО №2 г. Москвы), известный также как Бутырская тюрьма или «Бутырка», — следственный изолятор, самая крупная тюрьма российской столицы, одна из старейших и наиболее известных тюрем РФ. Располагается в Тверском районе ЦАО г. Москвы

на Новослободской улице, д. 45, близ Бутырской заставы, от которой учреждение и получило свое название. Здание тюрьмы числится в списке охраняемых государством памятников истории и архитектуры; «Кресты» — бывший следственный изолятор в г. Санкт-Петербурге, один из наиболее известных и крупных в РФ. Официальное название до декабря 2017 г. — Федеральное казенное учреждение «Следственный изолятор №1» (Учреждение ИЗ 47/1) УФСИН России по г. Санкт-Петербургу.

Даже не назову это работой, это именно служение, и я считаю его самым главным и интересным в моей жизни. В Москве я уже 35 лет. Моя работа в Москве как художника сочеталась с посещением церкви Армии Спасения⁴. Эта церковь как раз влилась в движение под названием Free Prison Ministry, то есть «свободное тюремное служение».

Сейчас я уже на пенсии. Однажды я прочитал в газете «Московский комсомолец», что наш известный музыкант Андрей Макаревич⁵ разыскал с помощью Музея истории ГУЛАГа материалы дела своего репрессированного дедушки⁶. В тот момент меня это проняло до глубины души. Я подумал: раз можно ему, то почему же нельзя мне?..

Тогда я впервые пришел к главному хранителю Музея истории ГУЛАГа Наталье Карпухиной. Она меня и познакомила с Александром Макеевым, тогда руководителем Центра документации, вместе с которым мы начали поиск сведений о моем репрессированном дедушке Михаиле Анисимовиче Гаврилове (1894—1951).

До этого момента основным источником информации о печальной судьбе моего деда была моя бабушка, его жена Мария Алексеевна. Она уже давно умерла. Именно бабушка рассказывала о трагических событиях жизни Михаила Анисимовича, хотя у нас в семье эта тема замалчивалась. Никто — ни папа, ни мама, ни моя сестра — на тему ссылки деда в Магадан никогда не высказывались. Так было принято. А бабушка говорила — еще до развала Советского Союза — и не боялась.

Но я знал немного: только то, что дед был талантливым инженером и был арестован. Михаил Анисимович окончил Владикавказское техническое училище. Я видел у бабушки его большую фотографию из этого училища — уцелела ли она до настоящего времени, сказать трудно. Возможно, у моей двоюродной сестры сохранились какие-то документы и свидетельства.

В 1930-е годы семья жила в городе Борисоглебске Воронежской области. Дед тогда работал на Борисоглебском вагоностроительном заводе, заведовал отделом рационализации и изобретательства. В то время существовала такая схема: кого-то забирали в НКВД и за возможность, например, свидания с женой просили «оговорить» десять человек. И люди писали такие списки с фамилиями. Так рассказывала бабушка. Но у деда, как я понял позже, была все-таки другая история. Один рабочий на заводе сказал, что Гаврилов, мол, зажимает изобретателей, потому что он белый офицер. Это услышали и передали куда следует, а дедушку арестовали. Почему белый офицер? Накануне революции он окончил школу прапорщиков⁷ и стал там преподавать, получил звание офицера и был отмечен орденом. После расформирования старой армии дед уволился в запас и устроился работать на Сарептскую электростанцию Царицынской губернии — он же был технарь, инженер по электросистемам. Когда белые войска захватили Сарепту, дед Михаил полгода проживал на оккупированной территории. На фото, которое я видел у покойной бабушки, он действительно выглядел как белый офицер — китель,

4 Армия Спасения (англ. The Salvation Army) — международная христианская благотворительная организация, основанная в 1865 г. в Великобритании для оказания помощи нуждающимся.

5 Макаревич Андрей Вадимович (род. 11 декабря 1953 г.) — советский и российский музыкант, певец, поэт, бард, композитор, художник, продюсер, телеведущий, актер, лидер, основатель и единственный бессменный участник рок-группы «Машина времени».

6 Статья «Макаревич рассказал о разруге в головах и поисках палачей деда» от 6 марта 2018 г.

в газете «Московский комсомолец». <https://www.mk.ru/social/2018/03/06/makarevich-rasskazal-o-razrukhe-v-golovakh-i-poiskakh-palachey-deda.html>.

7 Школы подготовки прапорщиков открывались в период Первой мировой войны в 1914—1918 гг. при запасных пехотных бригадах и в военных округах для ускоренной трехмесячной подготовки младших офицеров (прапорщиков) для пополнения офицерского состава в части войск, находящихся на театре военных действий.

сабля на боку. Естественно, людей с такой биографией советская власть не жаловала, «защищала».

Бабушка рассказывала мне о том, как после ареста в тюрьме его допрашивали и избивали в специально оборудованной комнате так, что кровь летела на потолок и стены. По воспоминаниям бабушки, там раздевали догола, на гениталии надевали специальную борцовскую ракушку, и четверо крепких солдат били. Деда в итоге осудили на 10 лет тюремного заключения. Год он просидел во Владимирском центральном⁸, а потом был отправлен в Магадан. Когда в 1948 году закончился срок заключения, бабушка, как жена декабриста, поехала к нему. После освобождения здоровье деда Михаила было подорвано, он устроился в Магадане работать в Дом инвалидов, и бабушка работала там же. Но деда так и не отпустили. Его осудили повторно в 1950 году и приговорили к ссылке на «поселение в районы Колымы». В 1951 году он умер в Магадане, а бабушка вернулась — то ли в Воронеж, то ли в Борисоглебск. Она потом купила дом в Ейске, и я жил с ней какое-то время.

Бабушка вспоминала, что дед был талантливым инженером, даже писал Ворошилову письма и отправлял ему свои чертежи. Бабушка предлагала мне эти дедовские чертежи посмотреть, но я по глупости тогда отказывался, о чем сейчас очень жалею. Как-то она показывала мне еще один интересный предмет, священный с дедушкой. В период преподавания в военной школе ему подарили серебряный портсигар, на крышке были изображения четырех или пяти орденов. Теперь трудно сказать, какие это были ордена, кто-то зубилом и их порубил, и надпись. Очевидно, боялись, что этот предмет будет служить вещдоком против деда.

Еще я помню записную книжку Михаила Анисимовича, ее я впоследствии передал в фонд Музея истории ГУЛАГа. Там были, по-моему, стихи Тютчева, Фета, Надсона⁹ и других известных русских поэтов, может быть, даже и его собственные. Лирика, романтика... Была также трудовая книжка, в которую вписано, что Михаил Анисимович Гаврилов награждается за хорошую работу премией, потом еще одной. Все это сейчас уже в музейном архиве.

Я не был первым, кто в нашей семье пытался что-то узнать о деде.

В какой-то момент часть моих родственников удивительным образом перекочевала в Магадан. Туда уехал папин младший брат Вячеслав. Там оказался и Виктор, сын бабушкиной сестры Лидии Толоконцевой. Виктор работал в Магадане геологом. У него родилась дочь Виктория, моя ровесница, которая выросла и стала работать на магаданском телевидении. Так вот, она еще лет 15 или 20 назад держала в руках следственное дело деда. Виктория говорила, что оно небольшое, всего 19 листов. Я тогда по неопытности думал, что это дело — единственное.

В июне 2018 года и я начал активно заниматься поисками информации о своем деде Михаиле Анисимовиче, на это ушло почти полтора года. Александр Макеев, с которым меня свела судьба в Музее истории ГУЛАГа, пояснил мне, что было два дела: одно воронежское, а второе — магаданское, которое завели, когда дедушке «накинули» повторный срок. Первое дело нужно

⁸ Владимирский централ — тюрьма в г. Владимире Владимирской губернии (в 1930-е гг. — Ивановской промышленной области), основана в конце XVIII в. Централом стала называться с 1906 г., в ней содержались политические заключенные. В начале 1921 г. Владимирская тюрьма была превращена в губернский изолятор специального назначения — политизолятор.

В конце 1920-х стала одной из особых тюрем ОГПУ. Сейчас — тюрьма для особо опасных преступников, учреждение ФКУ Т-2 УФСИН России по Владимирской области.

⁹ Надсон Семен Яковлевич (1862—1887) — русский поэт.

было «добывать» в Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области, предоставив документы, подтверждающие родство. И хотя у меня не было свидетельства о рождении моего отца Юрия Михайловича, с этим архивом проблем не возникло. Дело я получил: копии ста десяти страниц и тюремную фотографию Михаила Анисимовича. Эти документы я потом передал в Музей истории ГУЛАГа.

Магаданский архив Управления МВД потребовал полный набор документов. Я понял, что надо действовать психологическим методом: отправил довольно пронзительное письмо в Магадан. Я написал о том, что Михаил Анисимович знал о внуке, который должен был родиться, и хотел посмотреть на него. Этим внуком был я. Я даже привел цитату со словами об этом из дедушкиного письма в 1948 году. Я указал, что мне тогда было уже два года, а сейчас — 72, что все адресаты умерли и остался только я, единственный, кто может отдать деду дань памяти. Видимо, это подействовало, и они «дрогнули».

Из архива прислали копию дела на 10 страницах. Мне также сообщили в официальном ответе, что в 1960 году уничтожили по приказу все оригиналы, и это — только копии с копий. Получается, что из 19 листов дела не высланные мне 9 обладают более высокой секретностью. Позднее сотрудница архива МВД Магаданской области, которой было поручено контактировать со мной, все-таки подсказала, как получить остальные недостающие засекреченные листы, которые были в перечне. Она сказала: «Вы можете получить и эти 9 страниц, но вам нужно пойти в районное отделение полиции, сообщить там, что вы хотите получить эти копии, а оттуда уже отправят нам запрос». После этого на заседании специальной комиссии принимается решение, будут ли рассекречены документы и можно ли получить их копии. Архив мне тогда пошел навстречу. Я эту сотрудницу даже попросил помочь найти могилку деда. Она, мягко говоря, удивилась такой просьбе, но ответила, что я могу прилететь, набрать магаданской земли, а больше она ничем помочь не сможет...

Материалы дела немного расширили мое понимание того, что происходило с дедом, как работала сама система допросов. Некоторые факты подтвердились. В воронежском деле я нашел свидетельство того, что деда действительно били на допросах: на 72-м листе есть капля крови. Причем это не простая капля из носа, которая капнула на страницу, — это капля, которая откуда-то «прилетела». Ее форма имеет скошенный вид...

Из Магадана мне прислали свидетельство 1951 года о смерти деда и его паспорт, в нем есть фотография...

Где конкретно захоронен мой дед, я пока не выяснил. Дом инвалидов, в котором он работал после окончания первого, десятилетнего срока по делу 1938 года, был, по одной справке, в 7 км от Магадана, по другой — в 20. В момент смерти деда, как я понимаю, бабушки в Магадане уже не было и никого из наших родственников тоже, а потому где именно он покоится, сказать трудно. По каким-то отрывочным сведениям, которые ранее до меня доходили из разных источников, в тех местах прокладывали то ли железную, то ли автомобильную дорогу — и часть кладбища снесли. Попала ли его могила под этот снос или нет — я не знаю.

Могу сказать, пожалуй, единственное, в чем моему дедушке повезло — это в том, что его не расстреляли. Он не погиб там, в лагере. Он умер своей смертью, хотя это могло произойти где угодно: и в Борисоглебске, и в Воронеже. Я сейчас читаю огромное количество литературы про ГУЛАГ, про Колыму и понял,

что на общих работах, где было настоящее смертоубийство, дед не работал. Книги очень помогают — к примеру, «Исчезающее прошлое»¹⁰ с фотографиями с Колымы. Я понял, что там вообще-то тоже ковалась наша победа над фашизмом, потому что за ленд-лиз¹¹ мы расплачивались золотом, а золото добывалось на Колыме. И когда выяснилось, что киркой, ломом и лопатой несильно наскребешь, Сталин, очевидно, поставил условие, чтобы доставляли горное оборудование из Америки. И вот я смотрю на колымские фотографии, вглядываюсь в тайгу и понимаю, что эти деревья хранят взгляд моего деда — он видел эти деревья, и теперь их вижу я. В этом есть что-то мистическое...

Считаю, историю надо знать обязательно — ведь то, что сделали с нашим народом, ужасно. Недавно мне попалась японская книга о том, как выращивается бонсай — в ней описана какая-то совершенно зверская агротехника. У деревца есть основной корень, он отщипывается, и «бородка» дополнительных, слабых корней начинает выполнять функцию основного. Мне кажется, в истории русского народа сделано то же самое — то есть удален как раз этот основной, исторический корень и надо его восстановить. После нас, конечно, будут новые поколения. Они могут заинтересоваться этими событиями, но они не будут испытывать фантомную боль, какую испытываем мы. Что такое фантомная боль? Это когда у тебя нет ноги, но ты чувствуешь, как болит палец на этой отсутствующей ноге. Деда уже нет в живых, а мне за него обидно — он ведь мученик совести. Может создаться впечатление, что он действительно какой-то диверсант-троцкист, что он организовал производство дефектных деталей для вагонов, заранее вложив в них какое-то злобное антисоветское содержание, в чем его и обвиняли. Но это не так...

Мой поиск еще до конца не завершен. Чтобы разыскать могилу деда, я планирую «бомбардировать» запросами Магаданский ЗАГС и Магаданский Дом инвалидов, который до сих пор существует. Но самое главное, что я хотел бы сделать, — это самому полететь в Магадан и помолиться на могиле дедушки. Вот тогда я бы считал, что это дело для меня закончено.

Тем, кто знает, что у них в семье есть репрессированные родственники, но еще сомневается, сможет ли осилить этот поиск, в том числе и морально, я, исходя из своего личного опыта, могу порекомендовать обращаться в Музей истории ГУЛАГа. Музейные сотрудники обладают необходимыми знаниями: как и в каких ситуациях надо действовать в вопросах поиска. У матросов есть хорошее выражение — «знать все концы и кранцы», оно очень подходит в данном случае.

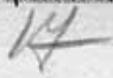
Я бы советовал восстановить хотя бы историю своей семьи. Ведь это очень, очень важно. История страны есть совокупность наших маленьких семейных историй.

10 Жданов П. Ю. Исчезающее прошлое: фотоальбом. — Магадан, 2019.

11 Ленд-лиз (от англ. lend — «давать взаймы» и lease — «сдавать в аренду, внаем») — государственная программа, по которой США поставляли

своим союзникам во Второй мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие, медицинское оборудование и лекарства, стратегическое сырье, включая нефтепродукты. Основными клиентами США стали страны Британского содружества наций и СССР.

Показания обвиняемого ~~(Сидорова)~~ Гаврилова с Михаила Анисимовича
31. Января 1938 г.

Вопрос: Расскажите подробно где Вы были
и чем занимались в период с 1917 по 1918 г.?

Ответ: В 1917 г. в феврале месяце я окончил
Бумажную школу прапорщиков и был в
месяца помощником курсового офицера при
этом, преподавал военно-техническое дело, после
этого был ашкандирован в 208 запасной
полк в г. Бумсгешек на должность младшего
офицера 1^й роты. 10 марта 1918 года при
реорганизации старой армии уволился в
запас и поступил на должность Тех. Введ.
Сарептинской электростанции.

Вопрос: Вы проживали на территории захваченной
белыми войсками?

Ответ: Да проживал, ведь захватили Белого
в Сарепте где я после захвата проживал
на территории Белых 5^й месяцев в рабочей
зав. электростанции станцией в Сарепте.

Вопрос: Вы организатор как или право-троц-
кистской организации существовавшей на Бумсгешек-
ском Валоно-Ремонтном заводе. Принадлеже Вы это?

Ответ: Нет, я это категорически отрицаю. В
право-троцкистской организации существовавшей
на заводе я никогда не состоял.

Подпись

Вопрос: Предупреждаю, что Вы будете издан
зато именованным документальным датским
в Вашей принадлежности к право-процессу
организации. Прекратите займаться и
дайте подробные, правдивые показания.

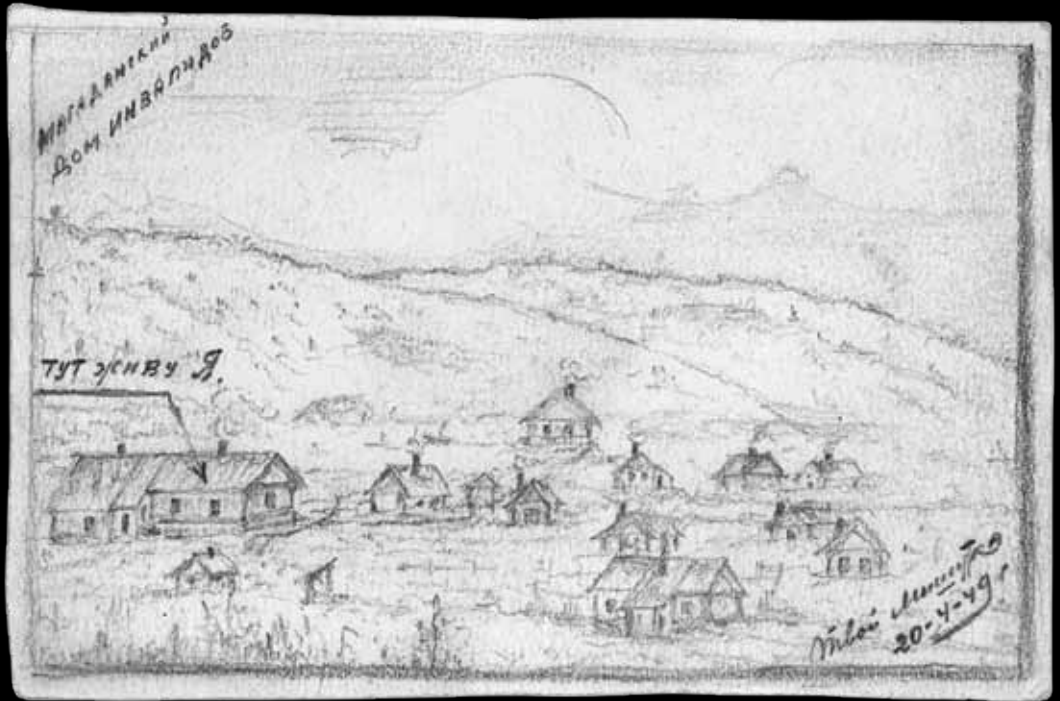
Ответ: Повторяю, на какой право-процессу
организации я никогда не ~~был~~ связан.

В итоге как займаться с моих слов
верно и истинно и что в том и расписано.
Значит, тому слову на 7 строк сверху верить.

Михаил Анисимович Тершин

Директор: Сергей ОВТО ГИТ НКВД
с/п. Барнаул

Подпись

 СССР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

№ *Родительное*

№ 079005
 Фамилия Гаврилов
 Имя Михаил
 Отчество Анисимович
 Дата рождения 19.01.1912
 Место рождения г. Магадан
 Место смерти г. Магадан
 Дата смерти 20.04.1949
 Место смерти (улица, дом) ул. Мухоморова, д. 2 к. 2
 Район Славянский
 Область Корякская
 Место жительства Магаданский район
 Дата 20.04.1949

 _____
 1951.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

18

Общественного ГАЗПРОМОВА Михаила Анисимовича

от 27-го февраля 1938 года

ГАЗПРОМОВ Михаил Анисимович, 1894 г. рождения, уроженец Саратовской губернии, ныне же района Ворошиловской области, на родине, в поселке З. в СССР, без определенных занятий, ранее в 1917 году в Саратовской области занимался предпринимательством, в период гражданской войны велел работать на территории, занятой белыми на территории Волжского края, затем в г. Саратов. В 1933 году судим за участие в колхозном движении и служебных обязанностях, приговорен к 1 году лишения.

ВОПРОС: Вы на каком именно дате следствии членом организации в Бийск принадлежите к право-троцкистской организации. Что Вы знаете о ней?

ОТВЕТ: Я лично членом организации не признаюсь в том, что в 1933 году члены право-троцкистской организации, руководимой из Ленинградского лагеря-концлагеря завода.

ВОПРОС: Как и когда Вы были в организации право-троцкистской организации?

ОТВЕТ: В право-троцкистскую организацию в Бийск завод был введен ИВАНОВИЧ в начале декабря месяца 1937 года.

ВОПРОС: Где Вы были в организации ИВАНОВИЧ?

ОТВЕТ: В поселке ИВАНОВИЧ.

ВОПРОС: С какого времени Вы познакомились с ИВАНОВИЧ?

ОТВЕТ: С знакомым знакомым ИВАНОВИЧ на завод в поселке ИВАНОВИЧ в начале декабря 1936 года.

ВОПРОС: В какой должности Вы тогда работали на заводе?

ОТВЕТ: В должности нач. смены.

Гаврилов

29

- 6 -

покуп импортных станков на заводе.

8. В целях выпуска заводом Миконик пар, опасных для движения поездов, произвести направилному установку механизма в прорезном отделении. /л.д. 18-19-21-22, 25, 26, 28, 34, 37, 59-70, 72/

На основании вышеизложенного обвиняется:

ГАЗПРОМОВ Михаил Анисимович, 1894-го года рождения, уроженец ст. Кантовского, Ленинградского района, Ворошиловской области, русский, бр-н СССР, бывший офицер, в период гражданской войны 5 1/2 месяцев работал на территории занятой белыми в должности зав. мех. тростянской гор. барета, Ленинградского района области. В 1933 году судим за участие в колхозном движении и служебных обязанностях, приговорен к 1 году лишения. До ареста преподаватель дорожно-Строительного Техникума НКВД г. Ленинградского.

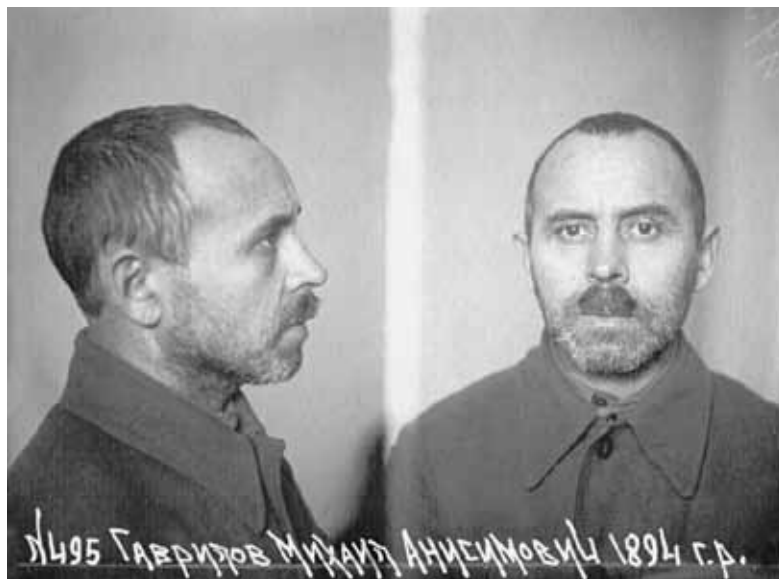
в том, что:

1. Является активным участником троцкистско-бухаринской организации, ставившей своей целью методами террора протав руководителем НКВД/О/ диверсии и вредительства на транспорте, ослабить оборону и экономическую мощь СССР, орудиями для этого назначения Советского Союза, свергнуть Советскую власть и восстановить капиталистический строй, т.е. в преступлении, предусмотренных ст.ст. 58 п.1-11 и через 19-59 п.8 УК РСФСР.

Вознаем себя виновным полностью, за исключением террористической деятельности /л.д. 18-19/.

МИХАИЛ АНИСИМОВИЧ ГАВРИЛОВ

Мой дед, Михаил Анисимович Гаврилов, родился в семье рабочего 22 ноября 1894 года в Воронежской губернии на станции Кантемировка Юго-Восточной железной дороги. Его отец, Анисим Константинович, работал надсмотрщиком вагонов на одной из станций. В 1913 году дед окончил Владикавказское техническое училище, получил профессию техника-электромеханика и диплом техника 1-го разряда. Отучившись, он поступил прорабом на Дербентский холодильный завод. В 1915 году был принят на военную службу и уже накануне революции, в феврале 1917 года, окончил Душетскую школу прапорщиков¹², получив звание офицера. Он остался в школе, три месяца был помощником курсового офицера и уже сам преподавал юнкерам военное дело.

Михаил Анисимович Гаврилов. Фотография из следственного дела. 1938 г.

В 1918 году по решению советской власти старая армия была расформирована. Михаил Анисимович уволился в запас и поступил на должность помощника заведующего Сарептской электростанцией. В период Гражданской войны ему пришлось пять с половиной месяцев жить на территории, занятой войсками Белой армии. Все время оккупации дед работал заведующим электростанцией. Он женился на моей бабушке, Марии Алексеевне Кривенцовой, и вскоре у них родился сын Юрий, мой отец. В 1920-е годы дед продолжил работу уже в железнодорожном депо Сарепты. Известно, что в 1933 году Михаил Анисимович был осужден линей-

¹² Душетская школа прапорщиков, сформированная приказом по военному ведомству от 25 октября 1915 г. №571, на 500 человек, произвела в 1917 г.

5 выпусков: 3 февраля (443 чел.), 13 июня (244 чел.) и 20 июля (254 чел.).

ным судом¹³ за «халатное отношение к служебным обязанностям» и приговорен к условному сроку в 1 год. Возможно, в связи с этим его перевели на Борисоглебский вагоноремонтный завод, где он руководил постройкой электростанции переменного тока. Семья переехала в Борисоглебск, в дом № 59 на Ленинской улице.

Дед стал начальником технического отдела, заведовал рационализацией и рабочим изобретательством, а в августе 1937 года был временно прикреплен к работе по формированию колесных пар¹⁴.

В это же время на заводе по решению парткома комиссия из пяти человек провела проверку по реализации рабочих изобретательских предложений. Комиссия пришла к выводу, что совершается преступное игнорирование рабочих инициатив, будто мой дед в этом виноват, а потому был поставлен вопрос о передаче его дела «за бюрократическое затягивание, зажим, игнорирование рабочих рационализаторских и изобретательских предложений» следственным органам. В начале октября 1937 года состоялось общее собрание членов инженерно-технического отдела завода, на котором Михаил Анисимович выступил с докладом, а остальные обсуждали и критиковали его работу. Один из присутствующих, он же член комиссии Коновалов, высказал следующее: «Гаврилов бывший офицер, был у бело-бандитов. Будучи начальником энергоцеха, Гаврилов проводил массовые штрафы рабочих. Гаврилов был прикреплен к прессу по запрессовке колшар (колесных пар — прим. ред.), <но> ничего там не сделал. Давал неправильные припуска по запрессовке. Никаких мер со стороны Гаврилова по рационализаторским вопросам не принято. Предлагаю исключить Гаврилова из членов секции. Поставить вопрос перед начальником завода об увольнении Гаврилова с завода и передать материал о нем следственным органам».

Остальные члены собрания поддержали критику. Дед парировал:

«Выступление т. Коновалова есть клевета на меня. Я сын рабочего. Офицером я не был, <но> был прапорщиком, обо мне знают всё это <...>. Я выступал в защиту г. Сталинграда от белых. У белых не служил никогда и не отступал с ними. Работая в энергоцехе <последний> работал без аварий. С моим уходом были неоднократные случаи аварий в энергоцехе. С рабочим изобретательством цифры говорят за улучшение работы — но это недостаточно. Со стороны председателя общ<ества> изобретателей нет помощи в части общественной работы. Я являюсь тоже рационализатором и имею много ценных предложений».

В итоге его обвинили в развале рационализаторской работы по заводу, за бездеятельность, за грубое и рваческое отношение и установление штрафной системы в цехе. 16 октября Михаил Анисимович был снят с должности и уволен с завода. После этого он работал преподавателем в Борисоглебском дорожно-строительном техникуме НКВД.

¹³ Линейные (специальные) суды были учреждены на железнодорожном транспорте в 1930 г. в составе Верховного суда СССР. Территориальная подсудность линейному суду определялась территорией обслуживания той или иной железной дороги. При рассмотрении дел применяли материальное и процессуальное законодательство той республики, на территории которой совершено преступление. Линейному

суду были подсудны дела о преступлениях, направленных на подрыв трудовой дисциплины на транспорте, и о других преступлениях, угрожающих нормальной работе транспорта.

¹⁴ Колесная пара — элемент ходовой части рельсовых транспортных средств, представляющий собой пару колес, жестко посаженных на ось и всегда вращающихся вместе с осью как единое целое.

В дорожно-транспортном отделе управления госбезопасности НКВД Юго-Восточной железной дороги было заведено два дела-формуляра¹⁵ на Гаврилова Михаила Анисимовича. А 31 января 1938 года дедушка был арестован как бывший белый офицер, обвинявшийся в том, что «проводил организованно вредительство, направленное на развал механического оборудования завода», что соответствовало ст. 58 п. 7, 9, 11 УК РСФСР. В день ареста деда моему отцу Юрию, его старшему сыну, исполнилось 20 лет, он учился тогда в «Дзержинке»¹⁶ — морском военном училище в Ленинграде, а младший, восьмилетний Вячеслав, был еще школьником. При обыске оформили изъятие военного билета, паспорта, личной переписки и штыка от австрийской винтовки. Деда забрали в Борисоглебскую тюрьму. В документах дела я обнаружил два Постановления о предъявлении обвинения: от 31 января и от 28 февраля 1938 года. Михаила Анисимовича допрашивали дважды: в день ареста и почти через месяц, 27 февраля. Думаю, весь этот месяц его жестоко обрабатывали, чтобы он «прекратил свое заpiresательство и дал подробные правдивые показания», и допрашивали свидетелей. Еще в январе он твердо отвечал следователю: «Повторяю, ни в какой правотроцкистской организации я никогда не состоял»¹⁷.

А февральский протокол сразу начинается с его полного признания: «Я решил чистосердечно признаться в том, что я состоял членом правотроцкистской организации, существовавшей на Борисоглебском вагоноремонтном заводе»¹⁸.

В ходе активной разработки и ведения допросов дело приобретало серьезный оборот. Деда Михаила стали рассматривать уже как члена правотроцкистской организации¹⁹, добавив к обвинению ст. 58 п. 8²⁰ через 19 УК²¹.

Главными свидетелями по делу Михаила Анисимовича проходили работники завода: Николай Тимофеевич Поздняков — начальник ОТК, Виктор Иванович Джанков — технический дирек-

15 Дело-формуляр (досье) — дело оперативного учета, заводившееся на отдельное лицо в связи с поступившими в отношении его сведениями, которые давали основание подозревать его в проведении подрывной деятельности против СССР. Такое дело являлось активной агентурной разработкой одного лица и заводилось на основании проверенных агентурных материалов об активной антисоветской, шпионской и иной контрреволюционной деятельности лица.

16 «Дзержинка» — так называли Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Э. Дзержинского. Было основано Павлом I в 1798 г. как Училище корабельной архитектуры в Санкт-Петербурге. С 2012 г. — Военно-морской политехнический институт, филиал ФГКВ ОУ ВПО «Военный учебно-научный центр ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова»».

17 ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 10222, л. 17, 17а: протокол допроса Гаврилова М. А. от 31 января 1938 г.

18 ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 10222, л. 17, 17а: протокол допроса Гаврилова М. А. от 27 февраля 1938 г.

19 В 1938 г., в период Большого террора, ряд крупных партийных и государственных деятелей, среди них — Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский, находившиеся в оппозиции к сталинской власти в отношении к проводимой политике форсированной индустриализации и коллективизации, были обвинены в «правом уклоне» и в создании контрреволюционной правотроцкистской организации, ставившей целью свержение советской власти и реставрацию капитализ-

ма. Процесс по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» прошел в Москве в марте 1938 г. Органы госбезопасности были нацелены на выявление сторонников и членов этого несуществующего блока по всей стране. На многих предприятиях и учреждениях были «раскрыты» правотроцкистские организации.

20 Ст. 58 п. 8 УК РСФСР — организация в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрреволюционной организации.

21 Ст. 19 УК РСФСР — покушение на какое-либо преступление, а равно и приговорительные к преступлению действия, выражающиеся в приискании или приспособлении орудий, средств и создании условий преступлению, преследуются так же, как совершенное преступление, причем суд при выборе меры социальной защиты судебно-исправительного характера должен руководствоваться степенью опасности лица, совершившего покушение или приготовление, подготовленности преступления и близостью наступления его последствий, а также рассмотрением причин, в силу которых преступление не было доведено до конца. В случаях, если преступление не было совершено по добровольному отказу лица, намеревавшегося совершить это преступление, от его совершения, суд устанавливает соответствующую меру социальной защиты за те действия, которые фактически были совершены покушавшимся или приготовлявшимся.

Поздняков, которого «органы» забрали в один день с дедом, уже 2 февраля дал признательные показания о своей принадлежности к правотроцкистской организации, куда он якобы был завербован Джанковым.

Вопрос: Назвал ли Джанков других участников контрреволюционной правотроцкистской организации?

Ответ: Нет, сразу этого он мне не говорил, но спустя несколько дней при разговоре Джанков сказал мне, что участниками правотроцкистской организации являются помимо него, Джанкова, и меня 1) инспектор ККПС при Борисоглебском вагоноремонтном заводе Бондаренко и 2) быв. нач. тех. отдела завода Гаврилов. <...>

Вопрос: Какую проводил диверсионно-вредительскую работу лично сам Джанков и названные вами члены правотроцкистской организации Бондаренко и Гаврилов?

Ответ: Бондаренко как инспектор НКПС покровительствовал вредительско-диверсионной деятельности нашей организации на заводе, проводил подпись брачных диаграмм при запрессовке колесных пар и выпуск таковых в эксплуатацию. Гаврилов, будучи начальником технического отдела, разваливал в цехах завода всю рационализаторскую работу²².

Джанков тоже недолго смог сопротивляться:

Вопрос: Мы имеем данные о том, что данные вами ранее показания не правдивы, и предупреждаем вас о бесполезности ваших попыток лгать на допросах. Намерены ли вы давать искренние, отвечающие действительности показания?

Ответ: Да, я буду откровенен. На предыдущих допросах я стремился смягчить ответственность за свою преступную деятельность против советской власти путем изложения клеветнических моментов, изображающих меня жертвой собственной трусости и принуждения со стороны антисоветского руководства Борисоглебского вагоноремонтного завода — Мямлина в частности.

Я троцкист и участник правотроцкистской организации, проводившей диверсионно-вредительскую работу на железнодорожном транспорте»²³.

В протоколе его допроса от 8 февраля были названы лица, входившие в «преступную группировку»: мой дед, Михаил Анисимович Гаврилов, и другие — всего более двух десятков человек. Помимо этого, Джанков указал, будто «Гаврилов, назначенный начальником техотдела Мямлиным, развалил всю рационализаторскую работу в цехах». На заводе действительно должна была происходить грандиозная скрытая деятельность, судя по словам Джанкова: «В июне месяце вступил Мямлин, который в непродолжительное время создал на заводе такую обстановку, которая притупляла бдительность не только честных беспартийных работников, но и коммунистов; организовывают торжественные вечера, заседания, банкеты, чем создавалось впечатление о производственном благополучии, между тем наш завод работал плохо: программа по ремонту вагонов срывалась, вагоны выпускались из ре-

монта с дефектами, угрожающими безопасному движению поездов...»²⁴

Начальник завода Мямлин был арестован в сентябре 1937 года, 13 декабря он дал признательные показания о своей контрреволюционной деятельности и о других лицах, которые якобы вместе с ним «вели активную борьбу против существующего строя в СССР». В протоколе его допроса на 29 страницах — история «рождения и развития» упоминавшейся троцкистской группировки не только на Борисоглебском заводе, но и на предприятиях в других регионах. Названы не менее пятидесяти соучастников и завербованных Мямлиным лиц. Но нет одной фамилии — моего деда.

10 марта между ними провели и запротоколировали очную ставку:

Вопрос Гаврилову: Вы участник правотроцкистской вредительской организации?

Ответ: Да, я член контрреволюционной правотроцкистской организации, существовавшей на Борисоглебском вагоноремонтном заводе.

Вопрос: Когда и кем вы были завербованы в троцкистскую организацию?

Ответ: В правотроцкистскую вредительскую организацию я был завербован начальником Борисоглебского вагоноремонтного завода Мямлиным Андреем Александровичем в феврале месяце 1937 года в его служебном кабинете при назначении меня на должность начальника технического отдела завода.

Вопрос Мямлину: Вы член контрреволюционной правотроцкистской организации?

Ответ: Да, я член контрреволюционной правотроцкистской диверсионно-вредительской организации.

Вопрос: Кем и когда вы были завербованы в организацию?

Ответ: В 1930 году в г. Хабаровске Васильевым.

Вопрос: Гаврилов вами завербован в правотроцкистскую организацию?

Ответ: Гаврилов действительно при назначении его начальником технического отдела завода зимою 1937 года мною был завербован в правотроцкистскую вредительскую организацию.

Вопрос Гаврилову: Назовите, кто вам известен из членов правотроцкистской организации.

Ответ: Кроме Мямлина, из членов правотроцкистской организации мне никто не известен.

Вопрос: Вам известны были цели и задачи организации?

Ответ: При вербовке меня в правотроцкистскую организацию мне Мямлин говорил, что задача организации заключается в собирании правотроцкистских кадров для борьбы со Сталинским руководством в стране и что организацией проводится большая диверсионно-разрушительная работа на транспорте.²⁵

Каким способом были получены эти признания или подписи под ними, остается догадываться — на листах рукописного протокола можно найти явные следы крови...

На допросе 15 марта выяснилось, что в декабре Мямлин о моем дэде не показал якобы потому, что просто «забыл указать» его фамилию. Следствие Мямлину не поверило и считало, что он скрыл участников организации.

Дела разрабатывались очень тщательно, в протоколах допросов бывшего начальника завода подробно описана история «вербовки» дедушки:

Вопрос: Дайте показания, когда и при каких обстоятельствах вы завербовали ГАВРИЛОВА.

Ответ: С принятием должности начальника Борисоглебского завода я начал знакомиться с кадрами завода и в первую очередь с комсоставом. ГАВРИЛОВ Михаил Анисимович работал начальником энергоцеха завода. Просматривая его личное дело, я узнал, что он бывший офицер, во время гражданской войны проживал на территории белых и в 1933 году был судим. Имея беседы с ГАВРИЛОВЫМ по служебным делам, я иногда переходил с ним в очень осторожной форме на политические темы, во время которых у него проявлялось некоторое недовольство советской властью. С тем чтобы он был более недоволен советской властью, я, пользуясь своим административным правом, стал притеснять его как по службе, так и в бытовом отношении. Я дал ему квартиру далеко от завода, за которую он платил довольно дорого, при исполнении служебных обязанностей я к нему придирался к каждому мелочам, на совещаниях критиковал. Мое отношение к нему вызвало у него озлобление не только ко мне как к администратору, но и к партийной организации, куда он обращался с жалобой на меня. Среди рабочих он высказывал резкое недовольство существующими порядками на заводе. Получая сведения о проявляемых ГАВРИЛОВЫМ недовольствах советской властью, я круто изменил к нему свое отношение и стал, примерно с декабря месяца 1936 года, относиться к нему внимательно, удовлетворять его просьбы. Видя изменение к нему с моей стороны, ГАВРИЛОВ стал чаще бывать у меня в кабинете, более откровенно со мной разговаривать.

В феврале месяце 1937 года ГАВРИЛОВ мною был переведен начальником технического отдела БВРЗ и, зная о том, что он является анти-советски настроенным элементом, я вызвал его к себе в кабинет, где после непродолжительной беседы предложил ему вступить в к-р правотроцкистскую организацию, на что получил от него полное согласие.

После получения от него согласия я информировал его о целях и задачах организации и дал ему задание проводить подрывную работу в области рационализации производства. Мои установки ГАВРИЛОВ принял к исполнению²⁶.

Следственные действия были завершены, в утвержденном обвинительном заключении от 3 октября 1938 года Михаилу Анисимовичу вменялось то, что он «...по заданию Мямлина проводил на заводе вредительско-диверсионную работу:

1. Сорвал установку дизеля в 400 лошадиных сил, отсутствие которого вызвало простой цехов. 2. Задерживал оборудование нового колесного цеха и установку импортных станков на заводе. 3. В целях выпуска заводом колесных пар, опасных для движения поездов, производил неправильную установку механизмов в прессовом отделении»²⁷.

Но это якобы была только вершина айсберга. Оказывается, целью всех этих действий было «методами террора против руководителей ВКП(б), диверсий и вредительства на транспорте ослабить оборонную и экономическую мощь СССР, создать условия для военного поражения Советского Союза, свергнуть советскую власть и восстановить капиталистический строй»²⁸! А началась история арестов с того, что «во второй половине 1937 года дорожно-транспортным отделом ГУТБ НКВД на ЮВЖД и заводах Народного комиссариата путей сообщения была вскрыта и ликвидирована антисоветская диверсионно-террористическая организация правых и троцкистов, связанная со всесоюзным троцкистским центром <...>, проводившая свою контрреволюционную деятельность совместно с агентами иностранных фашистских разведок»!

В порядке исполнения закона от 1 декабря 1934 года²⁹ дело Михаила Анисимовича направили на рассмотрение в Военную коллегию Верховного суда СССР. На подготовительном заседании 23 октября было решено провести закрытое слушание без участия защиты и без вызова свидетелей. К делу прикреплен расписка в том, что дед тогда получил копию обвинительного заключения. Десять месяцев он провел во внутренней тюрьме НКВД, пережил пытки. Что творилось в его сердце, что он чувствовал, читая о преступлениях, в которых обвинялся? Он, наверное, не спал всю ночь, обдумывая свою дальнейшую судьбу... На следующий день во время судебного заседания дед не признал себя виновным и отказался от данных ранее показаний. Он заявил, что Мямлин его в антисоветскую организацию не вербовал и в этой организации он не состоял, а потому для него совершенно непонятны показания Позднякова, Джанкова и других о его участии в ней, и ему неясно, почему они дали такие показания. Михаил Анисимович пояснил: хотя он и подтвердил во время очной ставки с Мямлиным свое участие в правотроцкистской организации и во вредительстве, это было лишь продолжением той лжи, которую он допустил ранее на следствии³⁰. По приговору, вынесенному 24 октября 1938 года по ст. 58 п. 7, 11 и 19–58 п. 8³¹, Михаил Анисимович был признан виновным в участии в антисоветской террористической и диверсионно-вредительской организации, действовавшей на территории Юго-Восточной железной дороги, в которую он был якобы завербован начальником Борисоглебского вагоноремонтного завода. Деду присудили 10 лет тюремного заключения с конфискацией всего принадлежащего ему имущества и 5 лет поражения в политических правах. Паспорт, который у него забрали во время обыска, был сдан в паспортный стол Воронежского УНКВД для

28
л. 78, 79.

29
Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» утверждали ускоренный срок ведения следствия по делам о террористических организациях и актах, слушание дела без участия сторон, недопущение обжалования приговора и т. п.

30
ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 10222, л. 8 (84) об.: протокол закрытого заседания выездной сессии ВКВС СССР Р от 24 октября 1938 г.

31
Ст. 19–58 п. 8 («статья 58 через статью 19») УК РСФСР. Ст. 19. Покушение на какое-либо преступление, а равно и приготовительные к преступлению действия, выражающиеся в присяжании или приспособлении орудий, средств и создании условий преступления, преследуются так же, как совершенное преступление, при чем суд, при выборе меры социальной защиты судебно — исправительного характера, должен руко-

водствоваться степенью опасности лица, совершившего покушение или приготовление, подготовленности преступления и близостью наступления его последствий, а также рассмотрением причин, в силу которых преступление не было доведено до конца. Ст. 58 п. 8. Организация в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих — крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрреволюционной организации.

32
В результате репрессивной политики 1937—1938 гг. в лагерь, колонии и тюрьмы были направлены около 1 млн человек. Тюрьмы были переполнены и не справлялись с задачей содержания в одиночных камерах осужденных к тюремному заключению. В 1939 г. начался процесс «разгрузки» тюрем и этапирования «торзаков» в исправительно-трудовые лагеря. Значительная часть приговоренных к тюремному заключению за контрреволюционные преступления оказалась на Колыме.

уничтожения. Для отбытия наказания Михаила Анисимовича направили во Владимирскую тюрьму. Там он провел год, а после был этапирован на Колыму — каким образом это произошло, из документов следственного дела неясно³². 21 июля 1939 года он прибыл на территорию Хабаровского края, в Севвостлаг³³. По рассказам бабушки, он построил в заключении 80 электростанций. Я думал, что бабушка что-то путает, потому что это должно быть нечто прогрессивное, мощное, вроде ДнепроГЭС, однако оказалось, что речь шла о локомобильных электростанциях (трактор или автомобиль беспрерывно крутит колесо, которое, в свою очередь, крутит динамо-машину). Мы вместе с Александром Макеевым нашли упоминание в дедушкином письме про Нерючь. Оказывается, в Тенькинском районе Хабаровского края строилась Нерючинская локомобильная электростанция, на ней, видимо, Михаил Анисимович и работал, находясь в Тенькинском лагере. В январе 1948 года закончился срок заключения. Было тогда ему уже 52 года. Из Магадана он написал бабушке письмо, в котором рассказал о своем тяжелом положении. Трудно его читать:

«Здравствуй Милая моя девочка, Мамуля, Машенька! И не знаю, как тебе писать? Все-ли что я сейчас переживаю, или не расстраивая тебя описать только то что тебя интересует о мне?»

Вот, наконец, я в Магадане, это в столице Дальстроя в Магадане я не был шесть лет, я строил его, строили много домов эл.-ст. и др. сооружений и вот приехал через шесть лет мне негде переночевать, я совершенно один, одинок и не кому не нужен у меня должны быть знакомые, но где они? здесь-ли в городе? а может их уже и нет? и мне приходится ночи проводить на скамейке у сберкассы на главной улицы, холодно, сыро, одиноко и жутко проходит ночь. Но что сделаешь? у меня есть деньги, но нигде нет мест. Поехал я в Магадан как инвалид 2й группы в дом инвалидов, а дом инвалидов в 7 км за городом, но пошел туда, и здесь мест нет., меня не принимают, да и хорошо, что не принимают, дом инвалидов это сплошной ужас, почему держат людей, они ничего не делают и только переводят хлеб, я так жить не могу. И Вот я пытаюсь получить разрешение выехать домой. Но не тут-то было, со мной никто не хочет говорить, статья моя 58-7 и через 17-8 не позволяют мне выехать, “такая статья не вывозится на материк” так мне сказали в УСВИТЛ. Это Управление Северо-Восточными исправительными Трудовыми Лагерями. И что же мне остается делать ехать обратно на Нерючь, я по состоянию здоровья не могу, да я и не доеду, ведь там уже зима и жуткие морозы, это в глубокой тайге на 1 км 400 м на высоте над уровнем моря, а у меня болезнь КардиоАртериосклероз, это значить ехать пить проклятую камфару, поддерживать нормальное биение сердца или помирать; не хочется.

Ведь так хочется повидать тебя милая моя звездочка сына и внучка. И вот остается у меня один выход из положения это поступать в Магадан на работу, завтра пойду наниматься. И ждать когда разрешать выехать. Ждать это легко сказать, сколько ждать? я давно жду и только жду, честно работаю имею несколько грамот за работу, и к чему я их заработал, — думал это учтется при окончании срока, а оказывается нет? Что мне еще делать? я не знаю? Жить в Магадане дорого, прожить деньги, а дальше что? Нет надо работать по силам возможности

33 Северо-Восточный ИТЛ (Северо-Восточные исправительно-трудовые лагеря, СВИТЛ) — исправительно-трудовой лагерь в Хабаровском крае (Кольима), был организован в 1932 г. Труд заключенных лагеря использовался для обслуживания работ треста

Дальстрой, преимущественно в области горнодобывающей промышленности, строительства автодорог. Всего через колымские лагеря прошло свыше 850 000 заключенных.

работать, и получить место где-либо, что бы можно жить. Вот Машенька какие дела. Вот и ты пишешь в своем последнем письме «все равно мы встретимся, успокойся, возьми себя в руки не расстраивайся»

Взял себя в руки, не расстраиваюсь, успокоился так, как будто окаменел, а дальше что? Что дальше? да ждать, сидеть у моря и ждать погоды. Но какая тоска. Вокруг меня люди, много людей и молодые и старые, близкие друг к другу смеются они довольны им весело, а я? Я один, один и жду.

Что ж еще писать? Будет что нового буду писать»³⁴.

С бабушкой они все-таки встретились, она приехала к мужу в Магадан. И дедушка в итоге смог устроиться в дом инвалидов Дальстроя в поселке Ола, он даже нарисовал его в 1949 году. Этот карандашный рисунок я передал в музей. Несмотря на то, что в 1950 году дед получил новенький зеленый паспорт — тот самый, что прислали мне из магаданского архива, — как бывший заключенный, он все еще находился под надзором органов МВД. В октябре 1948 года вышла Директива МГБ и Прокуратуры СССР³⁵, которая и вовсе постановила арестовывать освободившихся после войны государственных преступников и отправлять их на вечное поселение в районы Дальнего Севера. В августе 1950 года на деда было заведено агентурно-розыскное дело по окраске «троцкист», по завершении следствия оно было передано на рассмотрение Особого совещания при МГБ СССР, которое 14 октября постановило «применить к Гаврилову Михаилу Анисимовичу ссылку на поселение в районы Колымы»³⁶. Дед умер в доме инвалидов 18 мая 1951 года в возрасте 57 лет от кровоизлияния в мозг после гипертонического инсульта. Он был реабилитирован и признан невиновным 4 июля 1957 года согласно определению Военной коллегии Верховного суда СССР, в котором говорилось: «Проверив материалы дела и соглашаясь с доводами заключения Главного военного прокурора, Военная коллегия Верховного суда СССР определила: Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 24 октября 1938 года и Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 14 октября 1950 г в отношении Гаврилова Михаила Анисимовича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления»³⁷. У нас сохранилась копия первой справки о его реабилитации 1957 года. В августе того же года бабушка Мария Алексеевна получила от воронежского отдела КГБ на ЮВЖД уведомление. Для подачи заявления на компенсацию конфискованного имущества она должна была сообщить о таковом, предоставив документы или фамилии свидетелей для подтверждения факта изъятия. Но она была в таком состоянии, что написала в ответ: никакой конфискации имущества не было. Бабушке ничего не надо было, она просто хотела, чтобы государственная машина, отнявшая у нее дорогого человека, оставила ее в покое.

34 Письмо супруге Гавриловой М. А. от Гаврилова М. А. от 17 сентября 1948 г.

35 Директива МГБ и Прокуратуры СССР № 66/241-сс от 26 октября 1948 г. предписывала органам МГБ вновь арестовывать государственных преступников, уже отбывших наказание за совершенные ими преступления и освобожденных из мест заключения после окончания Великой Отечественной войны. Этим лицам предъявлялось обвинение в том же самом преступлении, за которое они отбыли наказание, и по их делам вновь проводилось следствие. Указанной директивой было предусмотрено, что если в процессе следствия

по делам этих лиц не будет получено каких-либо данных об их антисоветской деятельности после освобождения из тюрем и лагерей, то такие дела подлежали направлению на рассмотрение Особого совещания для применения к арестованным ссылки на поселение.

36 ОСФ ИЦ УМВД России по Магаданской области, ф. 1, оп. 1, д. 1196, л. 3: постановление Особого совещания при МГБ СССР от 14 октября 1950 г.

37 ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 10222, л. 91: определение Военной коллегии Верховного суда СССР № 4н-02268/07 от 4 июля 1957 г.

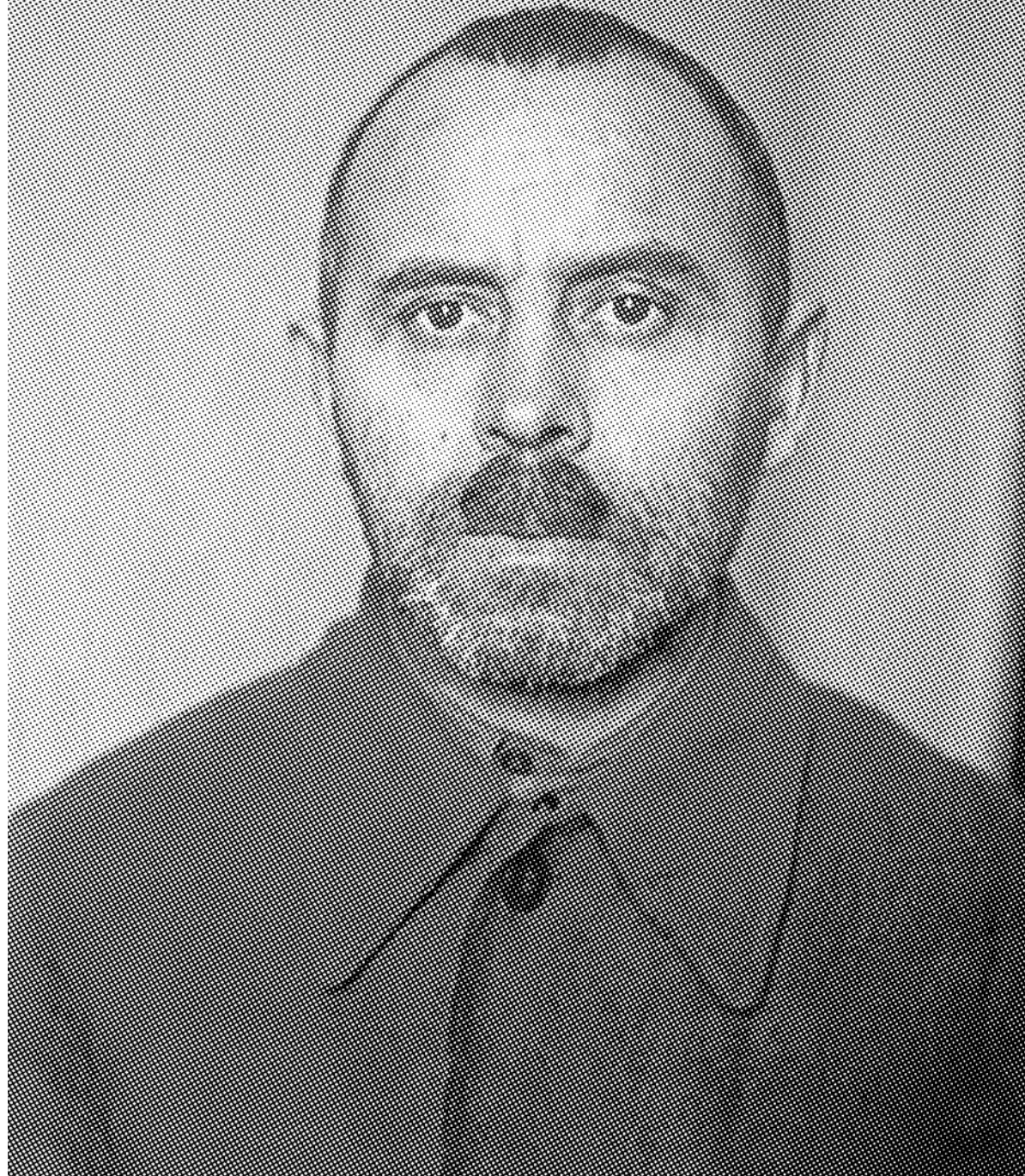
¹ Михаил Анисимович Гаврилов. 1920-е гг.
ГМИГ КП-4053

² Михаил Анисимович Гаврилов с супругой
Марией Алексеевной Гавриловой. 1930-е гг. (до 1937 г.)
ГМИГ КП-4055

³ Михаил Анисимович Гаврилов с супругой
Марией Алексеевной и старшим сыном Юрием. 1937 г.
ГМИГ КП-4057

⁴ Михаил Анисимович Гаврилов со свояченицей
Полиной Алексеевной Кривенцовой и неизвестным. Предпожи-
тельно 1915—1920 гг. ГМИГ КП-4052

404

ИСТОРИЯ
ШЕСТНАДЦАТАЯ

АЛЛА
ТЯХТ
ПАВЕЛ
АРТУГАНОВ

ПОИСК ПРАДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К 10 ГОДАМ ИТЛ В 1938 ГОДУ

Алла Тяхт на прогулке по одному из московских районов. Алла рассказывает о том, как в 1930-е годы в Забайкалье была раскулачена семья ее прадеда Павла Артуганова, а сам он был арестован и отправлен

в заключение в лагерь. В ходе поисков выяснилось, что репрессированы были также трое родных братьев прадеда и их отец.

Алла Тяхт

Павел Степанович Артуганов

история шестнадцатая

АЛЛА ТЯХТ

В материалах уголовного дела я впервые увидела фотографию прадеда

Алла
Тяht,
художник-
иллюстратор,
Москва

В нашей семье два ветерана Великой Отечественной войны — мои деды, отцы мамы и папы. Каждый год 9 мая мы их обязательно торжественно поздравляем. Дедушка по маминой линии Алексей Павлович Артуганов с бабушкой Марией Никандров-ной живут в городе Тараз, в Южном Казахстане¹. По семейному преданию, отец деда, мой прадед Павел Артуганов тоже воевал, и в последние годы мама даже участвовала в шествиях «Бессмертного полка» с плакатом, на котором было написано его имя. Она рассказывала, что когда-то в Забайкалье жила большая семья Артугановых. В 1930-х годах отца Павла, т. е. моего прапрадеда, раскулачили и выслали из села. Сам Павел поступил в колхоз, отдав туда все свое имущество, но выжить в нем не смог и переехал на станцию Оловянная под Читой. Покидая родное селение, он якобы сказал: «Я уезжаю, потому что мне нечем кормить детей, буду в Оловянной устраиваться». Через несколько лет там его и арестовали. Мама считает, что кто-то из бывших односельчан донес в НКВД о его несогласии с советской властью. Дети Павла автоматически стали «детьми врага народа». Поэтому мой дедушка не смог получить хорошее образование — он окончил только три класса школы, перепробовал много рабочих специальностей и в итоге стал профессиональным литейщиком.

В семье много трудились, а как только появилась возможность, перебрались из Забайкалья в Казахстан. По одной из версий, в первые годы войны прабабушка получила похоронку, в которой говорилось, что ее муж Павел Артуганов служил в штрафной роте и погиб, смыв кровью клеймо «врага народа». По другой версии, после смерти Сталина, когда появилась возможность вести поиск и обращаться в архив, послали запрос и получили ответ, что «осуждение заменено фронтом». Вот и все обрывочные сведения, которыми я располагала. Узнать что-либо от дедушки у меня не получалось, он всю жизнь был молчуном. В последние годы дедушка сильно болел и поговорить с ним было уже невозможно.

Когда я заинтересовалась судьбой прадеда, я уже знала Александра Макеева² и следила за его историей поиска репрессированных родственников, которой он делился в соцсети.

В феврале 2020 г. Алексей Павлович умер. ² На тот момент — руководителя Центра документации Музея истории ГУЛАГа.

После очередного Сашиного поста я решила наконец написать письмо в Центр документации, чтобы выяснить, действительно ли мой прадед воевал. Изложила все, что знала. Вскоре пришел ответ: Павел Артуганов, как репрессированный по политической статье, не мог участвовать в военных действиях, даже в штрафном подразделении³. И тогда я окончательно поняла, что пора и мне узнать, что же произошло с прадедом и почему семья развалилась. Так началась моя история поиска. Александр посоветовал мне обратиться к базе данных жертв политических репрессий СССР, и на сайте «Открытый список» я сразу нашла пятерых Артугановых. Я ведь даже не знала отчества своего прадеда! Фамилия достаточно редкая, и по месту проживания — с. Икарал Оловянинского района Забайкальского края, — а также по общему отчеству я «вычислила» своих родственников. Братья Павел Степанович (мой прадед), Иван Степанович, Степан Степанович, Николай Степанович и Степан Ксенофонтович Артуганов — их отец (это было ясно по году рождения). Мне предстояло сделать запрос в УФСБ России по Забайкальскому краю, и я стала собирать документы, подтверждающие мое родство с прадедушкой. Для предоставления в архив потребовались заверенные нотариусом копии моего свидетельства о рождении, свидетельства о рождении мамы, маминого свидетельства о браке и дедушкиного паспорта. С ним были некоторые сложности, поскольку в Казахстане нет паспортов как таковых, там карточки⁴. В сопроводительном письме в УФСБ я перечислила всех родственников, о которых хочу получить информацию, и попросила выслать копии их уголовных дел. В конце мая 2018 года я отправила обращение в Читу, а уже через месяц получила первые документы — копии группового дела 1930 года на Степана Ксенофонтовича и Николая Степановича Артугановых⁵. Уголовные дела Павла Степановича, Степана Степановича и Ивана Степановича оказались на хранении в УФСБ России по Омской области, куда и перенаправили мой запрос. Знакомство с этим первым следственным делом позволило мне получить общее представление о том, что это была за семья, как они жили, чем занимались. Артугановы были просто зажиточными крестьянами. Во время коллективизации Степана Ксенофонтовича раскулачили и вместе с сыном Николаем осудили за «систематическую антисоветскую агитацию». Главу семьи выслали, а Николая отправили в концлагерь. Фамилия следователя, проводившего допрос Степана Ксенофонтовича, в протоколе забелена, как и многие фамилии в уголовном деле. Меня поразил витиеватый почерк следователя, захотелось даже взглянуть на этого человека.

3 В первый же день войны 22 июня 1941 г. совместной директивой нарком внутренних дел Л. П. Берия и Прокурор СССР В. М. Бочков приказали: «1. Прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников...» В соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г. заключенные, осужденные на небольшие сроки за прогулы, бытовые, малозначительные должностные и хозяйственные преступления, в том числе и бывшие военнослужащие, досрочно освобождались из мест лишения свободы, при этом лица призывных возрастов передавались в Красную Армию. Освобождению не подлежали ни при каких обстоятельствах осужденные за контрреволюционные и другие особо опасные преступления, а также бандиты, рецидивисты и злостные хулиганы.

4 Имеется в виду удостоверение личности гражданина Республики Казахстан, которое должны иметь все граждане, постоянно проживающие на ее территории. Паспорт гражданина Республики Казахстан выдается гражданам по их желанию и является документом, удостоверяющим личность владельца при выезде из Республики Казахстан и за ее пределами.

5 УФСБ России по Забайкальскому краю, д. 18967-П. Копии материалов архивного уголовного дела по обвинению Артуганова С. К. и Артуганова Н. С. на 20 л.: справки из Икаральского сельсовета уполномоченному ОГПУ; постановление о привлечении списка граждан в качестве обвиняемых; протоколы допросов С. К. Артуганова и Н. С. Артуганова; обвинительное заключение и постановление о передаче дела на рассмотрение суда Особого совещания при Коллегии ОГПУ; приговор.

В сентябре я получила долгожданные материалы дел прадеда и его братьев⁶, и картина произошедшего с Артугановыми у меня сложилась целиком. Семью уничтожали поступательно. Сначала арестовали отца и младшего брата, затем двух средних — Ивана и Степана. В молодости, еще до женитьбы, они служили в отряде Семенова⁷ — белобандита, как он обозначен в деле. Их осудили за контрреволюционную деятельность и антисоветскую агитацию и почти сразу расстреляли. Последним из Артугановых арестовали моего прадеда. Над материалами его дела я рыдала. Я не понимала — ну как так? Человек вынужденно вступил в колхоз, лишился имущества, из-за невозможности прокормить семью переехал в другой поселок. Практически «с нуля» устроился на новом месте, работал, растил и воспитывал детей. Прадед на себе испытал, что такое жизнь в колхозе, и имел на этот счет свое мнение: крестьяне в колхозах мучаются. Как и отца с братьями, его осудили за контрреволюционную агитацию против советской власти и колхозного строительства и отправили на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь в Омскую область. В деле приводятся показания «очевидцев», свидетельствовавших против прадеда: «... Артуганов П. С. систематически среди колхозников проводил антисоветскую агитацию, как то: “Советская власть разорила крестьянство, коммунистам власти не удержать”, “Если пойдешь за большевиками, хорошего ничего не добьешься и помрешь с голоду”, “Советская власть коллективизацией разорила крестьянство, а хорошего ничего в колхозах нет”»⁸. Как бы мне хотелось посмотреть в глаза этим «свидетелям» и спросить: «Как вы могли?» Я понимаю, что люди боялись и потому оговаривали и доносили. Быть может, их самих к стенке ставили. И тогда я задумываюсь о том, насколько же все хрупко, страшно, странно и в любой момент может поменяться. Я, как и другие, несущие в себе знание о том, что людей репрессировали и лишали всего просто потому, что «было такое время», такова была политика государства. Об этом нужно обязательно помнить и рассказывать, чтобы никогда эта страшная трагедия под названием ГУЛАГ не повторилась.

В материалах уголовного дела я впервые увидела фотографию прадеда. Красивый был мужчина, мой двоюродный брат очень на него похож. Было среди документов и медицинское заключение о том, что Павел Степанович страдал миокардитом и хроническим суставным ревматизмом, а потому нуждался в курортном лечении, в справке даже указано название рекомендуемой здравницы — Угдан-Шиванда⁹. Такая вот ирония — ему требовался курорт, а попал в лагерь. А изъятая при обыске записка, сделанная рукой прадеда, стала просто «выстрелом в голову». Как же он мучился, бедный! Видимо, не мог уже в себе держать

6 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П. Копии материалов архивного уголовного дела 1938 г. в отношении П. С. Артуганова: справка на арест и привлечение к ответственности; постановление об избрании меры пресечения; анкета арестованного; справки из сельсовета; протоколы допросов; медсправки; справка об имущественном положении; протокол предъявления следствия; обвинительное заключение; выписка из протокола заседания Особой тройки УНКВД по Читинской области; постановление пом. обл. прокурора по спецделам о рассмотрении жалобы заключенного; справки из сельсоветов о социальном положении; записка, изъятая при обыске; заявление супруги Е. А. Артугановой с просьбой о реабилитации; паспорт; фотография.

УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 10398-П. Копии материалов архивного уголовного

дела 1938 года в отношении И. С. Артуганова и С. С. Артуганова: постановления о привлечении в качестве обвиняемых и избрании меры пресечения; анкеты; протоколы допросов; характеристики из сельсовета; обвинительное заключение; выписки из протоколов заседания Особой тройки УНКВД Читинской области; справки об исполнении приговора.

7 Семенов Григорий Михайлович (1890—1946) — казачий атаман, деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант Белой армии.

8 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П, л. 11 об.

9 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П: справка врача Оловянинского р-на, 1936 г.

и написал на клочке бумаги: «Эх жизнь моя и рассказывать нечего чтобы увидел ее восне тои проснулся бы в холодном поте»¹⁰. Чувствуется глубина пережитых им страданий. Сначала его лишили имущества, нажитого честным трудом, потом разлучили с семьей. Я сформировала для себя образ прадеда как человека, который боролся, пытался выйти из системы, но у него не получилось. Но он не сломался.

Мой десятилетний сын видел, как я переживаю, и спрашивал, почему я плачу. Пришлось рассказать ему эту историю, и мы даже посмотрели с ним фильм Алексея Пивоварова о коллективизации, как у кулаков забирали имущество¹¹. Сын был потрясен, ему было непонятно, как такое могло произойти. Он чувствительный человек, принимает все близко к сердцу. В Музей истории ГУЛАГа ему еще рановато, но, когда он повзрослеет, я обязательно его свожу. Я хочу собрать как можно больше документальных свидетельств о своей семье и оставить их своим детям. Мне еще многое предстоит выяснить — в каком лагере прадед отбывал наказание, когда и как погиб. Я уже отправила запрос в Информационный центр УМВД России по Омской области, надеюсь, мне удастся увидеть дело заключенного Павла Артуганова или хотя бы его учетную карточку. Может быть, я даже найду место его захоронения.

В 1958 году моя прабабушка Екатерина Алексеевна обращалась в военный трибунал Забайкальского округа за справкой о реабилитации мужа и назначении ей государственного пособия. Возможно, эта справка, а также свидетельство о смерти и другие документы остались у младшей дочери прадеда Галины Павловны. Известно, что в свое время она оформила статус пострадавшей от репрессий. Сейчас она живет в Ясногорске Тульской области. Несколько раз мы с мамой были у нее в гостях, пытались расспросить, что из документов у нее есть, но она, дитя войны, не желает говорить на эту тему и уходит от ответов. Такое вот старое поколение, никогда ничего не расскажут.

Очень жаль, что мой дедушка не успел узнать о судьбе своего отца. Мама говорит, что над ним всю жизнь висел этот приговор — «сын врага народа», и он глушил свою боль алкоголем. И моей маме травма передалась — она все время чувствует за собой какую-то вину. Я тоже проживаю часть той невыплаканной боли. Похоже, этот травматический опыт накладывается на несколько поколений, и мы все несем общий груз.

Артуганова Павла 17-го июля 1938 г. 10
 Степановича

Вопрос: Где вы проживали и кем занимались с
 мамих лет и по чем вашему аресту?

Ответ: Родился я в селе Ижора Володимицкого
 уезда губ. области. Наская с мамой и
 все время проживал вместе со своим
 отцом и занимался хозяйством. Хозяй-
 ства у нас было кумауков. В 1921 году
 я ушел от отца и граждански занимаюсь
 семейным хозяйством. В 1930 году мой отец
Артуганов Степан Ксима Фрозович был
 раскулачен и арестован органами НКВД
 и в 1930г. вступил в колхоз в село Ижора
 и проработал там до 1934 года после
 чего ушел из колхоза и поступил
 работать в Володимицкий уезд
 местного хозяйства мотыльком, где
 и работал по чем моего ареста и-с
 17 июля 1938 года.

Вопрос: Кто из ваших родственников подвергался
 репрессии со стороны Сов. власти?

Ответ: Во первых мой отец Артуганов Степан
Ксима Фрозович в 1930г. был раскулачен
 и арестован органами НКВД
 Мама же мой родной брат Артуганов
Иван Степанович в 1938г. арестован органи-
 ми НКВД и второй брат Степан
Нович тоже в 1938г. арестован органами
 НКВД. Кроме того мой младший брат.

Подпись

Эмзю Стенковиз в 1930г ссужил в г. Уфа
в тбилисском доме. Седас не известна где

находится. Также мой брат
Неколай Стенковиз в 1930г расстр
и арестован органами НКВД

Вопрос: Кто из ваших родственников находится
за границей?

Ответ: За границей у меня ни родственников
ни знакомых нет.

В протоколе записано с моих слов
правильно и мне все же нужно
всем и расшлы в нас. АРТ. УГАНИС

Вопрос: 27. Меркурий Космогоний
00 гугб НКВД за это

СПРАВКА Форма № 25

об имущественном положении жителя Светочин района _____

наименование Шибрала область (край) Читинской

1. Фамилия Артуганов 3. Отчество Евменович

4. Имя Павел

5. Пол и место рождения 1884 село Шибрала

6. Член колхоза (КОП'а артели) _____

Сведения об имущественном положении

№ п/п по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА	КОЛИЧЕСТВО		Примечания	
		в колхозе артели	до 1933 г. до 1917 г.		
1	Земли под обработкой	51	51		
2	Дрова (бер., осин., ель, сосна)	3	3		
3	Хол. постройки (каменные, деревянные, сараи и т.д.)	6	6		
4	Пастбищных предельных - паша, сенокосы, мажорбаны	1	1		
5	Промышл. предприятия - лес., механич. и проч. мастерские	-	-		
6	Сель. хоз. животные	а) тракторы	3	3	
		б) лошади	15	15	
		в) коровы	1	1	
		г) овцы	2	2	
		д) козлы	2	2	
		е) свиньи	1	1	
		ж) лошади	-	-	
		и т.д.	-	-	
7	Склады	Земельный	55	55	
		Корпусы <u>и механизмы на Шибрала</u>	100	100	
		Балки	10	10	
		Балки	3	3	
		Балки	150	150	
		Пирамы	20	20	
		Коп. -	10	10	
и т.д.	-	-			

ВЫПИСКА 33

из протокола № 107 заседания особой тройки УНКВД по Читинской области

От 4 ноября 1938 г.

Слушавший	Поставивший
<p>Дело № 9957 по обвин. АРТУГАНОВА Павла Степановича, 1890г. рожд. урож. сел. Шибрала, Омского района, Читинской обл., русский, гр-н СССР, кулак, имущественный, беспартийный, женат, по судимости. Два раза в 1938 году арестован органами НКВД за контр-революционную деятельность, отб. находится в семье.</p> <p>До ареста работал в дес. Олейшан. Арестован 27 июня 1938 года.</p> <p style="text-align: center;">/Должности</p> <p>Подписные за надлежащими подписями:</p> <p style="text-align: center;">НКРНО: Нач 1-го Спец-Секд УНКВД ЧО Лейтенант Гусев Александр</p>	<p>АРТУГАНОВА, Павел Степанович - за контр-революционную деятельность - ЗАТЯЖИТЬ в Ижевск. Т-д. Итого сроком на ДЕСЯТЬ лет. Срок со дня ареста</p>

Ж хню бы гдету мою-тузюте
ХХ. Нгузюте мою и
продавать нечего.
Хтобы убиги ее басте
Той ~~бу~~ прокумисъ бы
в ханозитан
номе.

Издано
Число
Судиске

Артотанов

Служба
ОТДЕЛ

ПРИЕМ

Имя
Фамилия
Имя
Фамилия

ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ АРТУГАНОВ

В 1930-х годах была раскулачена семья моего прадеда Павла Степановича Артуганова. История Артугановых — типичный пример того, как обычных крестьян превращали в классовых врагов и уничтожали.

Павел Степанович Артуганов. Фотография из следственного дела. 1938 г.

Мой прадед родился в 1894 году в селе Икарал Оловянинского района Читинского уезда и был старшим ребенком в большой семье. У него было четверо братьев — в 1900-м родился Иван, через год — Степан (1901), в 1908 году Николай и в 1910-м — Елизар¹². Глава семьи Степан Ксенофонтович Артуганов (1858 г. р.) благодаря трудолюбию и предприимчивости сумел создать крепкое крестьянское хозяйство. По мере того как сыновья выросли, обзаводились семьями и «вставали на ноги», они отделялись от отца. В 1921 году самостоятельно занялся сельским хозяйством Павел. Он уже был женат, в 1914 году у них с супругой Екатериной Алексеевной родилась дочь Ирина. Иван и Степан тоже жили отдельно, младший Елизар служил в Чите в тылоополчении¹³, и к 1930 году со Степаном Ксенофонтовичем остался жить сын Николай. Отец и сын вместе вели хозяйство, держали скотину «лошадей — 3 головы, крупного рогатого скота — 33 головы, коз-овец — 148 голов»¹⁴, нанимали батраков для сезонных работ. Зажиточные крестьяне часто использовали наемный труд и вполне успешно занимались коммерцией, такие крестьянские хозяйства советская власть относила к кулацким. В 1930 году началась коллективизация, которая сопровождалась

¹² Год рождения Елизара указан на основании сведений, приведенных на сайте «Открытый список» (www.ru.openlist.wiki) в статье «Артуганов Степан Ксенофонтович» в разделе «Дополнительные данные» — дети: Николай — 22 года, Елизар — 20 лет. Данные в базе взяты из Книги памяти жертв

политических репрессий в Восточном Забайкалье: <http://zabarchives.ru/memory/>.
¹³ УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П, л. 10 об.
¹⁴ УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П, л. 22.

борьбой с кулачеством¹⁵. Степан Ксенофонтович с сыном Николаем первыми из большой семьи Артугановых попали под раскулачивание. Сначала глава семьи привлекался к суду по ст. 61 УК РСФСР — «отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение»¹⁶. О том, когда произошел этот инцидент, в архивном деле ничего не сказано. Известно лишь, что наказание Степан Ксенофонтович отбывал в Хабаровске¹⁷. Драматические события произошли в 1930 году, когда коллективизация в Забайкалье шла уже полным ходом. Как сказано в справке Икаральского сельсовета, Степан Ксенофонтович «разбазаривал» имущество и проводил среди односельчан агитацию против хлебозаготовок, сельхозналога и сплошной коллективизации¹⁸. Конечно, «агитация» и «разбазаривание» были формой крестьянского протеста, а несогласные объявлялись вне закона¹⁹. 24 апреля 1930 года Степана Ксенофонтовича и Николая арестовали органы НКВД и привлекли в качестве обвиняемых по ст. 58 п. 10 УК РСФСР как «лиц, враждебных к существующему строю и проводимым советской властью мероприятиям». Вместе с ними по делу проходило еще семеро односельчан. На допросах Артугановы виновными себя не признали и все обвинения отрицали. Расследование было очень быстрым — 28 апреля было готово обвинительное заключение и дело передали на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ.

Из обвинительного заключения 28 апреля 1930 года²⁰:

«По поступившим в Читинское окружное отделение ОГПУ материалам и произведенным на основании этого расследованием установлено, что группа лиц в количестве 9 человек, проживающая в селе Икарал Оловянинского района Читинского округа, имея между собой близкие родственные и дружеские связи, будучи по своему классовому положению (все кулаки-лишечники) и идеологически связанными крепким узлом между собой на почве антисоветской деятельности, активно и организовано вели систематическую антисоветскую агитацию, направленную всецело против всех проводимых на селе мероприятий и дискредитации среди бедняцко-средняцкой массы советской власти и партии. Особую активность группа обвиняемых стала проявлять за последние 1—2 года, когда классовая борьба в деревне приняла определенную форму и кулачество увидело, что оно теряет последние остатки своего влияния и господствующего положения на селе. За последнее время при проведении тех или иных мероприятий советской власти деревенский актив из бедноты почти всегда наталкивался на организованное противодействие со стороны обвиняемых, кои заранее, собираясь друг у друга, обсуждали предстоящие к решению вопросы и организованным выступлением проваливали необходимые мероприятия. Для более

15 С конца 1920-х гг. под руководством секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина начался процесс объединения единоличных крестьянских хозяйств в коллективные — колхозы. 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О мероприятиях по ликвидации крестьянских хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое предписывало конфисковать у кулаков все имущество, немедленно ликвидировать кулацкий актив путем заключения в концлагеря или расстрела, всех зажиточных крестьян выслать в отдаленные местности СССР.

16 Ст. 61 УК РСФСР 1926 г. — отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, — в первый раз — административное взыскание, налагаемое соответствующим органом власти в пределах, законом установленных; во второй раз — принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф в размере тех же повинностей и работ («СУ РСФСР», 1926, №80, ст. 600).

17 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 18697-П, л. 41: протокол допроса Артуганова С. К. 4 мая 1930 г.

18 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 18697-П, л. 22.

19 По мере того как процессы коллективизации и раскулачивания ускорялись, усиливалось и разбазаривание. Многие зажиточные крестьяне шли на подобные ухищрения — истребляли домашний скот, распродавали имущество, сокращали посевные площади, «дробили» семьи. Для крестьян, получивших ярлык «кулак», подобные меры самозащиты были одним из способов смены своего социально-экономического статуса.

20 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 18697-П, л. 53, 54, 62, 63.

удачного проведения в жизнь своей антисоветской деятельности обвиняемые, не имея возможности как лишены часто посещать общие собрания граждан села, использовали для этого находящуюся в их экономической зависимости часть батрачества и бедноты, когда на разных собраниях, защищая зажиточную часть крестьян, выступали против намеченных мероприятий. Но в то же время, когда решались особо интересующие их вопросы, задевающие их материальные интересы, обвиняемые старались сами попасть на собрание, чтобы личным присутствием и выступлением направить решение вопроса в нужную им сторону или шумом и всевозможными выкриками вовсе сорвать проводимое собрание, что им иногда удавалось... Особенно ярко оживилась антисоветская деятельность данной группировки в момент, когда Оловянинский район стал считаться районом сплошной коллективизации и у населения села Икарал появилась тенденция к организации коммуны. Вся группа обвиняемых усиленно старалась доказать населению, что, вступая в колхоз, будете работать не на себя, а на других, от колхоза толку никакого не будет...

Артуганов Степан Ксенофонтович постоянно занимался через пастуха-бурята контрабандой, сбывал сырье частнику. Во время сельхозналоговой кампании вел агитацию за несдачу налогов, доказывал населению, что платить нечем, сдавать сельхозналог не надо, «советская власть грабит и разоряет мужика не за что». Агитировал население за отказ и ненужность 3-го займа индустриализации. Во время китайских событий²¹ держал себя вызывающе, распространяя по селу провокационные слухи о скором падении советской власти, говоря: «Если на этот раз не удастся свергнуть советскую власть, так обязательно это сделают крестьяне весной». В момент проведения на селе хлебазаготовок, как на собрании села по вопросу хлебазаготовок, так и при встрече с крестьянами агитировал за несдачу хлеба и на собрании кричал: «Хлеб сдавать не надо, это живой грабеж!» С организацией в селе колхоза усиленно старался вступающих разубедить: «Зачем вы идете в колхоз, капитал ваш возьмут и съедят, от колхоза пользы никакой нет. Вас туда заманят, а потом все отберут»... Артуганов Николай Степанович во время китайских событий, ожидая прихода белых, открыто говорил: «Скоро придут наши, тогда мы с вами расправимся, коммунисты». Когда проходили хлебазаготовки, явившись с группой обвиняемых на общее собрание села по вопросу хлебазаготовок, поднимал шум на собрании и кричал: «Хлебазаготовки проводить не надо, это грабеж! Правильно говорят выступающие против хлебазаготовок!», а также вместе с другими обвиняемыми с целью срыва предполагаемого выезда красного обоза с хлебом из села распространял слухи о том, что «Советская власть будет отбирать хлеб, и надо его прятать, пока не поздно». Во время организации в селе коммуны угрожал: «Скоро мы вас всех из вашей коммуны уберем и своих посадим»».

Николая приговорили к заключению в концлагерь сроком на 5 лет, а Степана Ксенофонтовича освободили «с зачетом предварительного заключения». Мотив его освобождения неизвестен. В материалах архивного уголовного дела Павла Степановича Артуганова есть сведения, что Степана Ксенофонтовича выслали из Икарала и он умер в 1933 году. Николай умер в лагере в 1931-м.

В том же 1930 году мой прадед Павел Степанович Артуганов, живший в Икарале и имевший уже восьмерых детей, добровольно вступил в колхоз «Красная звезда». Документально не известно, когда это произошло — до или после раскулачивания

21 Советско-китайский вооруженный конфликт, произошедший в 1929 г. после захвата Маньчжурией контроля над Китайско-Восточной железной

дорогой (КВЖД), являвшейся совместным советско-китайским предприятием. В ходе последующих боевых действий Красная армия разгромила противника.

Степана Ксенофонтовича. Возможно, прадед вступил в колхоз вынужденно, из опасения, что с ним произойдет то же, что и с его отцом. У него также было крепкое хозяйство — 21 десятина земли, три дома, хозяйственные постройки, мельница, которой он владел вместе с отцом до 1929 года; сельхозмашины; скот (лошади — 25 голов, коровы и мелкий рогатый скот — 100 голов, волю — 20, быки — 3, бараны — 350 голов, козы — 20, свиньи — 10)²². Он содержал двух пастухов и «на сезонные работы нанимал 3—4 человек»²³.

За пять лет прадед «не смог примириться с жизнью в колхозе»²⁴, в 1935 году вышел из него и уехал с семьей на станцию Оловянная, в одноименный поселок под Читой. Им удалось обосноваться на новом месте и даже построить небольшой дом. Павел Степанович устроился плотником в отдел местного хозяйства райисполкома. Старшие дети тоже работали: Ирина в райсоюзе, Мария — в культмагазине, Иван на телеграфе. Сын Степан служил в РККА²⁵.

В январе 1938 года арестовали братьев Павла Степановича — Ивана и Степана. Иван жил в селе Цугол и работал кузнецом в подсобном хозяйстве 57-й дивизии, а Степан плотничал в Икарале. Их уличили в участии в белокулацкой повстанческой вредительской организации, которая якобы с 1929 года вела контрреволюционную деятельность в колхозе села Икарал. И Ивана, и Степана обвинили «в подрывной работе, срыве плана обработки земли и уборки урожая путем вредительства в ремонте сельхозтехники»²⁶. Братьев осудили по ст. 58 п. 2, 7, 10, 11 УК РСФСР и расстреляли 11 марта 1938 года. А через полгода, 27 июля 1938 года, арестовали Павла. Что предшествовало аресту, связан ли он с арестом братьев, был ли донос — ответов на эти вопросы в материалах дела я не нашла. Вероятнее всего, досье на Павла Степановича собиралось давно. Как и братьев, его уличили в контрреволюционной деятельности, агитации среди колхозников против советской власти и колхозного строительства, а страшнее обвинения было не придумать. «Заведомо извращая действительное положение дел, высказывался, что в колхозы загоняют насильно, колхозники ходят босые и голодные..., что крестьяне этой властью разорены и коммунистам власть не удержать»²⁷. Павел Степанович признал себя виновным по всем пунктам обвинения.

Из протокола допроса 31 июля 1938 года²⁸:

Вопрос: Следствие располагает данными, изобличающими вас в проведении контрреволюционной работы. Дайте исчерпывающие показания по этому вопросу.

Ответ: Я подтверждаю, что, будучи с начала существования советской власти враждебно по отношению к ней настроенным, что объясняется моим кулацким происхождением, я проводил по месту моего жительства в деревне Икарал контрреволюционную работу. Контрреволюционная

22 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П, л. 25: справка об имущественном положении Артуганова П. С., л. 25.

23 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П, л. 22: протокол допроса Артуганова П. С. от 29 октября 1938 г.

24 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П, л. 12: протокол допроса Артуганова П. С. от 31 июля 1938 г.

25 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П, л. 5 об.: анкета арестованного Артуганова П. С.

26 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 10398-П, л. 86: обвинительное заключение по следственному делу по обвинению группы лиц, в том числе Артуганова И. С. и Артуганова С. С. от 10 февраля 1938 г.

27 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П, л. 31: обвинительное заключение Артуганова П. С. от 29 октября 1938 г.

28 УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П, л. 11, 11 об.

деятельность с моей стороны выражалась в том, что я среди односельчан систематически вел агитацию, направленную против советской власти и против колхозного строительства. В разговорах с колхозниками я сознательно извращал действительное положение, высказывая, что в колхозах не жизнь, а мучение, что, несмотря на то, что колхозники работают, они ходят босые и голодные, что раньше жили лучше. Я клеветал на советскую власть, стараясь вызвать у населения недовольство этой властью. Я отдельным колхозникам говорил, что крестьяне советской властью разорены, что коммунистам власть не удержать. В 1932 году были многочисленные случаи выхода из колхоза. Это я объяснял проводившейся агитацией со стороны бывших кулаков и, в частности, мною. Сам я тогда тоже вышел из колхоза. Примерно через год вышедшие из колхоза вновь вернулись в колхоз. Кроме контрреволюционной агитации, я другой работы не вел. И не был ни с кем связан по контрреволюционной работе.

Вопрос: Имеются данные, что во время Гражданской войны вы агитировали против вступления в ряды Красной армии, за поддержку белобандита Семенова, вы подтверждаете это?

Ответ: Да, подтверждаю. В разговорах с односельчанами я говорил, что от большевиков хорошего ожидать нечего, поэтому нужно помогать Семенову, что в случае победы над советской властью жить будет лучше. Я никак не мог примириться с жизнью в колхозе, поэтому добровольно оттуда вышел и устроился на работу плотником в пос. Оловянная.

4 августа дело направили на рассмотрение Особой тройки Управления НКВД Читинской области, а Павла Степановича заключили в читинскую тюрьму. 4 ноября 1938 года его осудили по ст. 58 п. 10 УК РСФСР и приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Отбывать наказание отправили в Омскую область. В деле есть документы, свидетельствующие о том, что прадед пытался оспорить приговор. В 1940 году он направил Председателю Верховного Совета СССР и Прокурору СССР жалобу на решение тройки УНКВД. Он писал, что осудили его на основании ложных показаний, которые он давал «под влиянием физического давления», что по происхождению он крестьянин-средняк²⁹ и никогда не занимался контрреволюционной агитацией. 20 сентября 1940 года обращение было рассмотрено, но в изменении меры пресечения отказано, потому что «доводы жалобщика опровергаются материалами следствия, и виновность Артуганова П. С. по ст. 58-10 ч. 1 УК доказана»³⁰. Что происходило потом, где и как прадед погиб, был ли он расстрелян или умер в лагере от истощения и болезни, — обо всем этом никаких сведений нет.

Жизнь семьи без Павла Степановича сложилась драматически. Когда его арестовали, на попечении Екатерины Алексеевны осталось шестеро малолетних детей: новорожденная Галина (родилась в мае 1938 года), Николай (7 лет), Екатерина (8 лет), Анна (9 лет), Алексей (11 лет), Аграфена (14 лет). Старшие дети, конечно, помогали, но семья все равно очень нуждалась. Ирина работала в столовой и иногда приносила домой суповые кости. К счастью, был огород и возможность выращивать овощи. Можно сказать, дети выросли на картошке и этих суповых костях. До войны старшие подрабатывали в лесхозе, собирали дикие яблоки и черемуху, которую потом растирали в муку, пекли из нее пирожки и выносили их продавать к ночному поезду Москва — Пекин, про-

²⁹ УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П: справка из Оловянинского сельсовета от 20 июля 1936 г.

³⁰ УФСБ России по Забайкальскому краю, ф. 8, д. 7516-П, л. 34: постановление пом. обл. прокурора по спецделам от 20 сентября 1940 г.

ходившему через Оловянную. Так и жили все вместе в маленьком однокомнатном домике до тех пор, пока дети не выросли, не завели свои семьи и не разъехались. Ирина замуж не вышла, посвятив себя воспитанию младших сестер и братьев. Она была для всех няней, ее так и называли. Из всех детей среднее образование смогли получить только двое — Анна и Галина. Остальные имели по 2—3 класса образования, умели читать, немного считать и расписываться. Ходить в школу им было тяжело — их обижали, обзывали «врагами народа» и даже избивали. Не выдержав унижений, они сами бросили учебу. Вероятно, тогда прабабушка и придумала легенду, что Павел Степанович воевал на фронте и погиб, смыв кровью свою вину перед государством. Ей было важно оправдать его перед детьми, донести до них, что он не «враг народа», чтобы их никто не обижал за репрессированного отца.

В июне 1958 года Екатерина Алексеевна обратилась в военный трибунал Забайкальского округа с прошением о реабилитации мужа и назначении ей государственного пособия. 25 ноября 1958 года Павел Степанович Артуганов был реабилитирован Читинским областным судом. Его братья Иван Степанович и Степан Степанович также реабилитированы Читинским облсудом годом раньше, 21 октября 1957 года. Степан Ксенофонтович и Николай Степанович реабилитированы заключением прокуратуры Читинской области 20 апреля 1990 года.

424

ИСТОРИЯ
СЕМНАДЦАТАЯ

ЮЛИЯ
СИДОРОВА
БОРИС
ФРАНТОВ

ПОИСК ПРАДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К 8 ГОДАМ ИТЛ В 1939 ГОДУ

Юлия Сидорова в Твери, где в 1897 году родился и провел детство ее прадед Борис Франтов. Его отец, Александр Григорьевич, служил здесь чиновником почтово-телеграфной конторы. Архивно-следственное

дело в отношении Бориса Александровича хранится в Тверском центре документации новейшей истории.

425

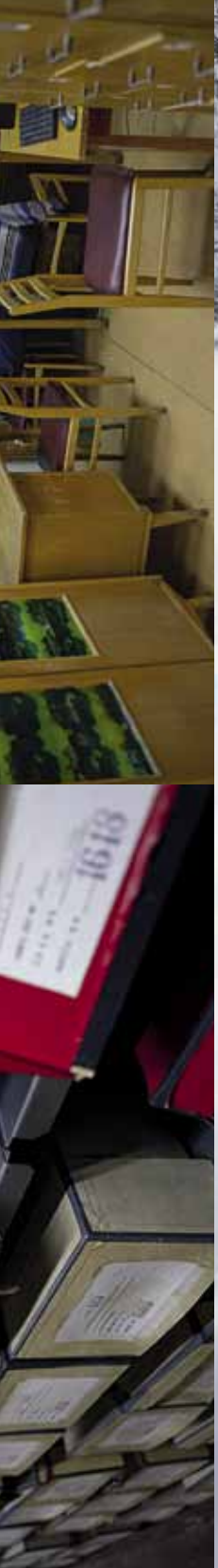

Юлия Сидорова

Борис Александрович Франтов

история семнадцатая

Юлия Сидорова

Борис Александрович Франтов

история семнадцатая

ЮЛИЯ СИДОРОВА

я теперь могу проследить историю жизни бориса александровича начиная с первой мировой войны

Юлия
Сидорова,
бухгалтер,
Москва

Я застала свою прабабушку и хорошо помню ее рассказы о молодости, которая пришлась на первые послереволюционные годы. Моя прабабушка — Любовь Николаевна Сыробоярская — в 21 год вышла замуж. Ее первому мужу, моему прадедушке, когда они поженились, было 22 года, звали его Борис Александрович Франтов. Они познакомились и жили в Темникове¹. Этот город не то чтобы был центром революционных событий, но после революции там развернулась «антоновщина»². Прадедушка боролся с восставшими крестьянами, и первое время прабабушка ездила вместе с ним. Она рассказывала, что вместе с ним даже по лесам ходила, вспоминала, что поехала как-то в легкой шелковой кофточке, от которой ничего не осталось (ветви изорвали весь шелк), пришлось подгонять для Любви Николаевны военное обмундирование самого маленького размера.

Когда Бориса Александровича отправили по службе в Среднюю Азию, прабабушка пожила там с ним какое-то время, а потом с дочкой переехала в Москву. Жизнь в разных городах их разделила, они расстались, но прабабушка всегда тепло вспоминала о нем.

И Любовь Николаевна, в общем-то, никогда не скрывала того факта, что прадеда репрессировали, — может быть, как раз потому, что они были разведены и в момент ареста жили в разных концах СССР. Так что в нашей семье знали: прадед был репрессирован в конце 1930-х годов, погиб в лагере, прабабушке казалось, что где-то в 1941 году.

Прабабушка с бабушкой, дочерью Бориса Александровича, знали и то, что Бориса Александровича в 1956 году реабилитировали. Но документов никаких в семье не сохранилось, даже справки о реабилитации, хотя ее, я так понимаю, родственники

¹ До 1923 г. — центр Темниковского уезда Тамбовской губернии, сейчас — центр Темниковского района Республики Мордовия.

² Антисоветское крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920—1921 гг. Название получило по имени одного из руководителей восстания, члена партии эсеров А. С. Антонова (1889—1922).

все-таки видели. И, кажется, никаких запросов в архивы до меня никто не писал.

Я старалась записывать воспоминания Любови Николаевны и восстанавливать по ним историю семьи. Но это были все-таки неточные и отрывочные сведения. А к 2015 году практически все мои прямые старшие родственники умерли, и у меня, кроме немногих воспоминаний, ничего не осталось. Тогда мне и захотелось узнать какие-то подробности об истории семьи, может быть, даже раскопать что-то, чего мои старшие родственники не знали. Я вдруг поняла, что можно узнать гораздо больше. Так я стала заниматься генеалогией.

Начала я с того, что проверила по разным интернет-ресурсам все фамилии, которые в семье были. Я знала, что есть база данных репрессированных «Мемориала», «Открытый список». Но про Бориса Александровича ничего не находилось, так что сначала я стала изучать историю других родственников.

Как-то я прочитала, что можно попробовать запросить следственное дело. Если честно, были у меня какие-то опасения — нужно ли связываться с ФСБ? Я долго-долго думала — отправлять или не отправлять запрос, потом все-таки решилась и летом 2019 года написала в Центральный архив ФСБ. Но они ответили, что, мол, ничего у них нет.

Как раз тогда, осенью 2019 года, я увидела информацию о семинаре Марии Лоцмановой по поиску информации о репрессированных в Центре документации Музея истории ГУЛАГа и решила участвовать.

Я рассказала Марии, что фамилия прадеда — Франтов — встречается на страничке в Интернете, в каком-то списке. Мария выяснила, что это список из архива «Мемориала», связалась с Ириной Островской, хранителем архива «Мемориала», и подтвердила, что действительно есть данные о прадеде. У них хранится анкета, заполненная сестрой последней жены Бориса Александровича в 1989 или 1990 году. Тогда «Мемориал» собрал большой массив сведений о репрессированных, среди них оказались и данные о Борисе Александровиче.

Я встретила с Ириной и посмотрела анкету. В ней были указаны дата ареста прадеда и место отбывания наказания. Также был точный адрес Бориса Александровича в Ташкенте, которого я не знала. К анкете была прикреплена рукописная — тогда же с ксерокопиями было гораздо сложнее, чем сейчас, — копия справки о реабилитации. Самое главное — в анкете было подтверждение того, что его арестовали и осудили в Ташкенте. То есть стало понятно, что в дальнейших поисках надо обращаться за помощью в Ташкент.

Я отправила запрос в Службу государственной безопасности Республики Узбекистан³, приложила копии документов о родстве, но не нотариальные, а простые (подумала, если что, разберемся потом с документами, заверенными у нотариуса).

Письмо ушло, я по уведомлениям проследила, как оно пересекло границу, а дальше по Узбекистану уже нельзя было проследить его движение. Шло письмо долго, поэтому я просто ждала хоть какой-то реакции. Наконец в середине ноября 2019 года мне пришел отрицательный ответ: данных о Б. А. Франтове у них нет.

Я и сама читала, и Ирина Островская мне говорила, что если человек был осужден до войны, то дело хранилось по месту осуждения, а если после войны, то отправлялось на хранение по месту рождения. Но раз в Ташкенте следственного

г. Ташкент, ул. Мирзо Улугбека,

дела не нашлось, я решила попробовать поискать по месту рождения прадеда.

Однако я не знала, где Борис Александрович родился, мне было известно только то, что он жил в Темникове, а потом оказался в Ташкенте. Так что одновременно с запросом в Узбекистан я написала моему троюродному дяде, но по другой, по папиной линии — Михаилу Борисовичу Рогачеву, который являлся председателем фонда «Покаяние»⁴ в Сыктывкаре. Из анкеты «Мемориала» я узнала, что прадед был в заключении в Локчимском лагере в Коми, поэтому подумала — раз Михаил Борисович занимается лагерями в Коми, может быть, он мне поможет. Он от своего имени сделал запрос в ИЦ МВД по Республике Коми. Так мы узнали, что Борис Александрович был уроженцем Твери.

Теперь уже можно было смело отправлять запрос в Тверское отделение ФСБ. На мое удивление, мне ответили довольно быстро. Оказалось, что дело действительно в Твери, но хранится не в ФСБ, а в Тверском архиве — Центре документации новейшей истории⁵.

Я позвонила туда и выяснила, что мне нужно просто привезти документы, подтверждающие родство, и тогда я смогу ознакомиться с делом и все документы переснять. Доказательство родства в семейном архиве сохранилось. Где-то перед новым, 2020 годом я приехала в архив. В читальном зале я заполнила заявление, показала все мои документы и мне выдали дело. Перед Новым годом людей в читальном зале было немного. Фотографировать можно было все бесплатно — во всяком случае, мне как родственнику репрессированного.

У нас в семье ходили разговоры о том, имеет ли наша семья какое-то отношение к репрессии прадеда. Все-таки был развод, у прабабушки был второй муж. Поэтому, когда я ехала в Тверь, боялась увидеть донос или прабабушки, или ее нового мужа. Такие времена были, всякое бывало, иногда писали доносы и на самых близких родственников. Но я решила — история есть история, тут уже ничего не сделаешь, приму то, что есть. Но оказалось, что там были доносы совсем других людей, никак с нашей семьей не связанных. Меня это немного успокоило.

Когда читала следственное дело, меня возмутило отношение к прадеду. При аресте у него изъяли массу документов, фотографий, каких-то его преподавательских разработок. И буквально через несколько месяцев, когда он не был еще толком обвинен, осужден — то есть он фактически был невиновным человеком, только подозреваемым, — следствием были уничтожены все его личные вещи. Так прямо было написано: «Нами уничтожены путем сожжения вещдоки, принадлежавшие арестованному Франтову Борису Александровичу, как не имеющие никакой ценности для ведения следствия»⁶. Никакого уважения к человеку: взяли его вещи, а раз они не нужны следствию, можно все уничтожить. К тому же было видно, что они испытывают терпение Бориса Александровича: после ареста его на допросы не вызывали целый месяц.

Еще меня поразил тот факт, что Борис Александрович дал показания на прабабушку⁷. Его обвиняли в том, что он участвовал в шпионской деятельности в пользу Польши. В одном из допросов свидетелей было сказано, если схематично пересказывать, что прадеда видели в Киеве, когда в Киеве были польские войска,

4 Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние». <http://pokaianie-komi.ru/>.

5 Тверской центр документации новейшей истории, г. Тверь, ул. Вокзальная, д. 10.

6 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 12: акт об уничтожении вещдоков от 22 мая 1938 г.

7 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 86, 87: жалоба Франтова Б. А. Прокурору УзССР от 23 мая 1939 г.

он был в форме, наверняка с поляками сотрудничал и сейчас продолжает шпионить в их пользу⁸. А у прабабушки фамилия Сыробо-ярская — на самом деле, это абсолютно русская фамилия, к Польше вообще не имеет отношения. Но на допросах следователи задавали прадеду вопрос о национальности⁹ его жены. И, видимо, Бориса Александровича в какой-то момент довели до такого состо-яния, что он согласился и дал показания на Любовь Николаевну. А потом отказался от этих показаний. Но именно этих показаний, где он оговаривал прабабушку, не было в деле — они были уничто-жены или затерялись, не знаю.

По какому обвинению его осудили, я до знакомства с делом тоже не знала. Оказывается, шпионскую деятельность — то, из-за чего они его арестовали, — они не смогли инкриминиро-вать. Осудили его за доноительство.

Кроме того, из следственного дела я узнала о многих подробностях жизни Бориса Александровича.

Оказалось, что во временном промежутке между прабабушкой и последней женой у него были еще жены. Я узнала адрес его последней семьи. Мне Любовь Николаевна рассказыва-ла о том, где прадед работал. Но точно все я узнала только из дела.

Удалось узнать и кое-что о других членах семьи.

Например, по данным прабабушки, когда мы с ней составляли генеалогическое древо, отец Бориса Александровича, мой прапра-дедушка, умер вроде как в 1916 году. Но у нас сохранилось письмо от Бориса Александровича прабабушке середины 1920-х годов.

Там прадедушка пишет о своем отце так, будто бы тот недавно умер. Я еще удивлялась — надо же, почему он так пишет о чело-веке, который вроде как давно умер.

Подтверждение тому, что прапрадед действительно прожил гораздо дольше, я увидела в следственном деле. В одном из доносов было написано, что вот отец Бориса Александровича тоже прокрался в партию и был исключен оттуда «как чуждый элемент» в 1920 году¹⁰.

В следственном деле не было никаких личных докумен-тов, все конфискованные личные документы, как я уже говорила, были уничтожены как не имеющие отношения к делу.

Но в нашем семейном архиве сохранилась пара писем и несколько фотографий. Одна фотография Бориса Александро-вича обрезана, видно только лицо. В этом же альбоме я нашла фотографию прабабушки, тоже обрезанную. Ее рука явно лежит на спинке стула, видно кусочек обстановки. Но я даже не догады-валась, что эти разрозненные снимки могут быть частями одной и той же фотографии, пока в группе Темниковского краеведческого музея в социальной сети «ВКонтакте»¹¹ не опубликовали несколько фотографий этого же фотографа. Я узнала обстановку студии, ста-ла приглядываться к другим фотографиям, повертела свои сканы — и они сложились в одну фотографию. Получается, ее разрезали на кусочки и вклеили в один и тот же альбом, но по отдельности.

Судя по всему, эту фотографию сделали еще до свадь-бы. Тогда в Темникове не установилась еще советская власть, и прадедушка вполне мог быть в царской форме — военный, тем более гуляет с девушкой, с которой познакомился. Опять же у прабабушки в руках явно хлыст для верховой езды, вполне воз-можно, что он и дал ей этот хлыст поддержать. И я думаю, что эту

8 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 34, 35:
протокол допроса свидетеля Калмыковой В. В.
от 2 августа 1932 г.

10
11

Там же.
<https://vk.com/temn.kraeved>.

9 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 50, 50 об.:
протокол допроса свидетеля Басанина А. А. от 27 дека-
бря 1938 г.

фотографию обрезают, чтобы не показывать царские погоны на плечах прадеда.

У прабабушки в альбоме было еще несколько фотографий — видимо, Борис Александрович ей посылал. К сожалению, не все фотографии имеют подпись и указание на дату съемки. Одновременно с запросом в Тверь я отправила запрос в Коми¹², надеясь получить лагерное дело Бориса Александровича. Я знала, что МВД не особо охотно посылает данные и что надо отправлять нотариально заверенные копии документов, — но решила, пошлю так, без нотариальных копий, вдруг получится. Они ответили, подтвердили, что у них есть сведения о Борисе Александровиче, но нужно прислать дополнительные документы: нотариально заверенные копии документов, подтверждающих родство, и справку о реабилитации.

Справка о реабилитации была приложена к следственному делу, которое я смотрела в Тверском архиве. Я ее сначала сфотографировала, но потом решила, что, наверное, для архива МВД фотография не очень подходит. Так что я попросила Тверской архив о том, чтобы они мне несколько документов, самых важных, отсканировали и прислали. В январе 2020 года я получила сканы, но потом начались все эти «стихийные бедствия» — пандемия, самоизоляция, все поиски пришлось отложить. Практически все лето мы просидели на даче, поэтому я только в сентябре отправилась в зональный ИЦ¹³.

Там, конечно, довольно интересно. Проходная, как в военной части. Записываешься, говоришь, что идешь в архивный отдел. В архивном отделе — небольшой зал, где стоит один единственный стол (сейчас уже два), но при мне ни разу никого, кроме меня, не было. В этом зале тоже сидит охранник, он вызывает специалиста, который с тобой будет работать. Ко мне вышла сотрудница, проверила мои документы, сняла копии. Больше всего ее интересовал ответ из Коми. А потом она говорит: «Вот вы сейчас напишите заявление, вы же хотите, чтобы вам доставили дело?» Я говорю: «А что, так можно?» «Да, — говорит, — ознакомьтесь с ним здесь, сфотографируете то, что вам интересно». Меня так удивило, что даже фотографировать все можно. Конечно, я написала заявление, чтобы дело прислали в Москву. Сотрудница предупредила меня, что ждать придется минимум две недели. Это зависит от региона, в который делается запрос: бывает, что и три месяца ждать приходится.

Я ждала практически месяц, потом решила позвонить, вдруг что-то известно уже, — а мне сказали, что мое дело только что прибыло и можно с ним ознакомиться.

В лагерном деле, во-первых, было две фотографии. Одна, видимо, еще из тюрьмы, она прикреплена к справке, с которой прадеда этапировали. Вторая — лагерная. Без дат, но, мне кажется, это еще самое начало лагеря, 1940—1941 годы. Наверное, ее сделали еще до закрытия Локчимского лагеря.

Про следственные дела репрессированных часто пишут, я много их видела. Но из лагерных дел мне попадались только фрагменты, целиком я такое дело не видела никогда. Поэтому, конечно, было интересно познакомиться с таким документом эпохи, понять какие-то моменты, связанные с лагерной жизнью. Хотя, конечно, это все равно не настоящая жизнь, только оформление ее в документах.

Например, я читала в воспоминаниях, что заключенных часто по ночам вызывали на допросы. А тут своими глазами увидела

¹² ИЦ МВД по Республике Коми, г. Сыктыв-кар, ул. Советская, д. 63Б.

¹³ 2-й отдел Зонального информационного центра ГУ МВД РФ по г. Москве, ул. Автомоторная, д. 3, корп. 1.

талоны требований вызова на допросы. Практически всегда Бориса Александровича вызывали на допрос позже 11 вечера, возвращался он в 4 утра, а иногда и в час ночи вызывали, в 6 часов утра возвращали. В какой-то день было даже так, что его и вечером, и ночью вызвали — то есть человеку вообще некогда было отдохнуть, прийти в себя, — его почти сразу снова вели на допрос.

В деле был акт о погребении. Прадедущка умер от туберкулеза и от крайней степени истощения. Понятно, что человек был доведен до жуткого состояния. Я обратила внимание на то, что с июля 1942 года он был уже в сангородке на излечении¹⁴: видимо, уже был в таком состоянии, что работать не мог.

Мне захотелось выяснить, где был похоронен Борис Александрович. К Устьвымлагу относилось два сангородка — один в поселке Чернореченский, другой — рядом с поселком Вожаель, между ними меньше 20 километров. В Чернореченском понятно, где кладбище было, но там ничего нет на этом месте — ни знака, ни памятника. А в Вожаеле неизвестно, где хоронили.

Кроме того, по актам о смерти и погребении нельзя понять, к сожалению, о каком из двух сангородков идет речь. Возможно, по подписям работников лагеря можно это выяснить, но у меня еще не дошли руки, чтобы попробовать найти тех, кто подписывал акт.

Сангородок в Чернореченском потом был преобразован в больницу для заключенных, которые в колониях сидят, он функционировал еще в 2010 году. В «Одноклассниках» я нашла группу как раз поселка Вожаель, там были воспоминания об этом городке в Чернореченском, даже фотография больницы 2010 года — она еще тогда стояла. В комментариях люди писали о том, что сейчас ее уже нет.

Мне бы не хотелось просто так туда ехать, хочется все-таки знать, где именно прадед похоронен. Пока ехать некуда. Но я попробую найти точную информацию: нужно завершить эту историю.

Мне хотелось бы связаться еще с внуком Бориса Александровича. Последняя жена прадеда была добровольным секретарем Островского¹⁵, в тот период, когда он писал книгу «Как закалялась сталь». Это мне еще прабабушка рассказывала, поэтому мне было несложно найти ее и ее сына, Рудольфа Борисовича Франтова, врача. А потом я увидела, что в том же медицинском центре, даже на той же кафедре, где работал Рудольф Борисович, работает Антон Рудольфович Франтов — тут даже не 90, а 100 процентов, что это внук Бориса Александровича.

Он один из самых близких родственников, которых можно было бы найти.

Я теперь могу проследить историю жизни Бориса Александровича начиная с Первой мировой войны. К сожалению, практически ничего неизвестно о его детстве. Я стала выкладывать короткие тексты истории семьи на сайт¹⁶, чтобы были уже кусочки завершённые, которые можно было бы родственникам показать. Моим близким это очень нравится, они просят рассказывать и писать больше. И благодаря сайту находят люди, связанные с нашей семьей. Так на меня вышел потомок младшего брата Бориса Александровича. Он сказал, что у его мамы хранятся какие-то детские фотографии. Надеюсь, что мне удастся когда-нибудь с ней встретиться и их увидеть.

14 ОФЦ ИЦ при МВД по Республике Коми, ф. 118, оп. 150п, д. 206, л. 61.

15 Островский Николай Алексеевич (1904—1936) — советский писатель, его самое знаменитое

произведение — роман «Как закалялась сталь» (издан в 1934 г.).

16 <http://newwp.mygeni.ru/>.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИЖИ НА 1907

Дата рожд.		Место и год		Класс рожд.	Имя, фамилия и качество родителей, а также крестных
Мес.	Число	Место	Год		
6	-	1907	1	Солд.	Родился Борис Александрович Франтов, владимирский солдат, в семье Александра Франтовича Франтова и Александры Ивановны Франтовой, в г. Владимир, в доме № 12.
16	-	1907	3	Никон.	Родился Александрович Александрович Франтов, владимирский солдат, в семье Александра Александровича Франтова и Александры Ивановны Франтовой, в г. Владимир, в доме № 12.
17	-	1907	13	Никон.	Родился Александрович Александрович Франтов, владимирский солдат, в семье Александра Александровича Франтова и Александры Ивановны Франтовой, в г. Владимир, в доме № 12.
-	21	1907	19	Солд.	Родился Борис Александрович Франтов, владимирский солдат, в семье Александра Александровича Франтова и Александры Ивановны Франтовой, в г. Владимир, в доме № 12.

ГОД. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. О РОДИВШИХСЯ.

Имя, фамилия и качество новорожденного		Имя крестных родителей		Полное наименование мест. где рожд.
Имя	Фамилия	Имя	Фамилия	
Борис	Франтов	Александр	Франтов	Владимир
Александр	Франтов	Александр	Франтов	Владимир
Александр	Франтов	Александр	Франтов	Владимир
Борис	Франтов	Александр	Франтов	Владимир

Александр

ОТЧЕТНАЯ
КАРТОЧКА
на К/К

№ 0073465

По заполнении подлежит обязательному
возвращению в ЦК ВКП (б)

Заполняется разборчиво чернилами исключительно
на русском языке

Фамилия

Фрэнкитов

Имя и отчество

Борис Александрович

Год рождения

1897

Время вступления в кандидаты

Июль 1930 г.

Кандидатский стаж

Два года

Наименование
организации,
выдавшей канди-
датскую карточку

Полит. Управл. Средне-Ази-

онского округа

Время выдачи кандидатской карточки

26 Января 1936

Выписка из протокола № II

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР
от 14 мая 1939 г.

79 81

СЛУШАЛИ:

Дело № 15540/НКВД - САВО,
по обвинению ФРАНТОВА Бориса
Александровича, 1897 г.р.,
урожд. гор. Твери, из мещан,
служащий, русский, гр-н СССР,
быв. офицер царской армии,
в РККА с 1918 г. по 1938 г.,
уволен в связи с данным
делом, бив. канд. ВКП(б) с
1930 г., до ареста преподава-
тель специальных курсов
разведотдела САВО.

ПОСТАНОВИЛИ:

ФРАНТОВА Бориса Александровича - за недоносительство - заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 10-го февраля 1938 года. Дело сдать в архив.

Пожинин

Нач. Секретариата Особого Совещания
при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

Маркеев
(МАРКЕЕВ)

215 50 29292

Иванов Иван Иванович

Пашкаго

Фронов Борис Александрович

г. М. Сара г. К. Ленин

гос. с. с. с. НКВД № 52

Активного подпольщика

г. Звенигород Крайнего Ленинского

при нарушении... 30.01.43

гос. с. с. с. НКВД № 52

г. М. Сара г. К. Ленин

гос. с. с. с. НКВД № 52

Подпись Т. Аменев 2334

СРОКОВ ЗАПИСА

№	Имя	Дата	Место	Подпись
21	Франтов Б. А.	18.02.43	г. Сара	Иванов
22	Иванов Иван Иванович	21.02.43	г. Ленин	Пашкаго
23	Фронов Борис Александрович	21.02.43	г. Сара	Иванов
24	гос. с. с. с. НКВД № 52	21.02.43	г. Ленин	Пашкаго
25	Активного подпольщика	21.02.43	г. Сара	Иванов
26	г. Звенигород Крайнего Ленинского	21.02.43	г. Ленин	Пашкаго
27	при нарушении... 30.01.43	21.02.43	г. Сара	Иванов
28	гос. с. с. с. НКВД № 52	21.02.43	г. Ленин	Пашкаго
29	г. М. Сара г. К. Ленин	21.02.43	г. Сара	Иванов
30	гос. с. с. с. НКВД № 52	21.02.43	г. Ленин	Пашкаго

Подпись Т. Аменев

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ФРАНТОВ

Борис Александрович родился 27 апреля 1897 года в Твери. Его отец, Александр Григорьевич Франтов, был чиновником тверской почтово-телеграфной конторы. Девичья фамилия матери, Марии Михайловны, — Грей, по семейной легенде, она была англичанкой. Не знаю, действительно ли она сама в Англии родилась или кто-то из ее предков, — эту линию я не смогла пока документально проследить.

Борис Александрович Франтов, 1920-е гг.

Потом некоторое время семья проживала в селе Микулино-Городище (сейчас оно относится к Московской области), а затем отцу Бориса Александровича дали место начальника почтово-телеграфной конторы города Темникова. Так что в гимназии прадед учился уже там.

В 1915 году он окончил 6 классов и поступил вольноопределяющимся в Алексеевское военное училище¹⁷ в Москве. По окончании получил звание прапорщика и был отправлен в Тверь, где формировались запасные полки для Первой мировой¹⁸. Летом 1916 года Борис Александрович попал в действующую армию на Северный фронт¹⁹, участвовал в военных действиях, получил звание поручика²⁰, но из-за контузии выбыл из полка и в ноябре 1917-го уехал домой.

В Темникове он познакомился с моей прабабушкой. Не знаю точно, когда они стали вместе жить и где именно жили. В июле 1919 года у них родилась дочка, буквально через неделю они поженились официально.

Прабабушка рассказывала, что Борис Александрович боролся с «бандами» Антонова, потом его перебросили в Среднюю

17 Московское пехотное училище, шефом которого был сын Николая II — цесаревич Алексей Николаевич.

18 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 15: протокол допроса обвиняемого Фратова (так фамилия указана в деле) Б. А., от 19 декабря 1938 г.

19 Там же.

20 Там же.

21 Термин, которым обозначали борцов против Советской власти в Средней Азии.

22 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 69: служебная характеристика на преподавателя спецкурсов переподготовки начсостава майора тов. Франтова Б. А. за 1937 г.

Азию, где он боролся с басмачами^{21, 22}. И она говорила, что он преподавал — обучал военных. Теперь я смогла восстановить его биографию гораздо подробнее по документам следственного дела.

В 1918 году Борис Александрович начал службу в Красной Армии. Ведь нужны были люди, которые что-то понимают в военном деле, а он все-таки был кадровый военный. Он был сначала взводным инструктором, потом взводным командиром, инструктором всеобща^{23, 24}.

«Осенью 1919 года всеобщуч расформировался и весь командный состав... перешел в отдельную милиционную территориальную роту — военным инструктором. В мае м-це 1920 г. отдельная милиционно-территориальная рота выбыла на Украину в г. Балту»^{25, 26}.

Согласно служебной характеристике, Борис Александрович в «период гражданской войны принимал активное участие в ряде операций с частями Красной армии, а именно: 1) по ликвидации банд Петлюры²⁷, Махно²⁸, Заболотного²⁹ в 1920 году 2) в составе 1 Тамбовского и 28 стр. полка по ликвидации банд в 1921 году»³⁰.

Затем, в 1924 году, его отправили в Среднюю Азию, в распоряжение штаба Туркфронта^{31, 32}. Туда он уехал один, без семьи. Участвовал в борьбе «против басмачества по должности начальника штаба Картегинского боевого района в 1924 г.»³³. В 1926 году Борис Александрович съездил в отпуск в Москву и забрал прабабушку с собой в Среднюю Азию³⁴. Какое-то время они вместе там прожили, но у Любови Николаевны остались не слишком приятные воспоминания об этом времени. Они жили в домиках, где вместо дверей были шторы. И она очень боялась скорпионов, которые постоянно заползали в дом.

Прабабушка работала там в каком-то банке. Климат ей этот не подходил, она очень плохо переносила жару. Ей даже место рабочее сделали в подвале, видимо, чтобы было прохладнее. Но она все равно чувствовала себя плохо и начала заболеть. Когда она вернулась в Москву, оказалось, что у нее малярия. После этого Любовь Николаевна в Среднюю Азию уже не возвращалась.

Прадедушка она всегда тепло вспоминала, но вот условия жизни в Средней Азии ей категорически не понравились. А Борис Александрович был военным — подневольным человеком. Военным все-таки нельзя так взять все и бросить, уехать, — у них служба. Во многом поэтому, видимо, их пути разошлись — Любовь Николаевна не смогла там жить, а он не мог вернуться. Расстались они в 1926 году. У обоих появились новые семьи. Прадедушка очень ревновал прабабушку ко второму ее мужу, по письмам

23 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 14 об.: протокол допроса Франтова Б. А. от 10 марта 1938 г.

24 Всеобщуч — всеобщее военное обучение населения без отрыва от основной работы во время Гражданской войны 1917—1922 гг.

25 Город в Одесской области.

26 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 15, 15 об.: протокол допроса обвиняемого Фратова (так фамилия указана в деле) Б. А. от 19 декабря 1938 г.

27 Петлюра Симон Васильевич (1879—1926) — глава Директории Украинской народной республики в 1919—1920 гг.

28 Махно Нестор Иванович (1888—1934) — украинский революционер, во время Гражданской войны командовал Революционной повстанческой армией Украины.

29 Заболотный Семен Федорович (1894—1922) — украинский военный деятель, организатор антибольшевистского повстанческого движения.

30 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 69: служебная характеристика на преподавателя спецкурсов переподготовки начсостава майора тов. Франтова Б. А.

31 Туркестанский фронт — оперативно-стратегическое объединение войск РККА во время Гражданской войны и в ходе борьбы с басмачеством.

32 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 18: протокол допроса обвиняемого Франтова Б. А. от 28 декабря 1938 г.

33 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 69: служебная характеристика на преподавателя спецкурсов переподготовки начсостава майора тов. Франтова Б. А.

34 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 18: протокол допроса обвиняемого Франтова Б. А. от 28 декабря 1938 г.

чувствуется, что, несмотря на то, что они были далеко друг от друга, он ее очень любил и переживал.

У Бориса Александровича было потом еще четыре официальных жены. Но он старался поддерживать общение с дочерью, моей бабушкой, — писал ей письма, бывал в Москве, когда проходил, видимо, какое-то дополнительное обучение (приезжал на курсы в 1931 и 1934 годах)³⁵.

Согласно материалам следственного дела, с 1930 года Борис Александрович стал негласным сотрудником в органах НКВД³⁶. С 1932 года он работал при штабе САВО³⁷ в разведотделе³⁸ в звании майора, вел спецкурсы, был кандидатом на вступление в ВКП(б)³⁹.

10 февраля 1938 года Бориса Александровича арестовали по подозрению «в шпионской деятельности в пользу иностранного государства, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 57-2 УК УзССР»⁴⁰.

Одна из свидетельниц показывала:

«В 1930 г. в Термезе⁴¹... в военном ларьке я встретила Франтова и впоследствии встречала часто. После того как я его увидела в Термезе первый раз, он, Франтов, очень мне напомнил собой знакомого, которого я встречала в Киеве, в тот момент, когда г. Киев был занят поляками... Принимал ли он какое-либо участие в армии польской, сказать не могу, так как не знаю. Видела одно — что он в военной форме, и именно офицера, приходил в наш двор, где жили его близкие родственники... Но все же сказать точно, действительно ли это Франтов именно тот, которого я видела в Киеве в форме офицера, не могу, т. к. с тех пор прошло очень много времени, но все же очень много общего с Франтовым того времени у этого Франтова есть — такой же высокий, как был тот»⁴².

На очной ставке свидетельница уже с уверенностью признала в Борисе Александровиче своего киевского знакомого, Борис Александрович же отрицал, что он или кто-либо из его семьи когда-либо жил в Киеве⁴³. В марте 1938 года он все же дал признательные показания: «Не желая больше оставаться скрытым врагом, решил дать показания о своей преступной деятельности шпиона... Вступление на преступную работу по преданию родины я начал с 1920 года. Обслуживал польскую разведку»⁴⁴. Но в январе 1939 года прадед отказался от этих показаний: «Данные мною показания в моей шпионской деятельности написаны мною вымышленно под давлением следствия»⁴⁵.

В жалобе Прокурору УзССР Борис Александрович напишет: «Под воздействием моральных [нрзб] и физических методов допроса мною был написан на себя вымысел. [Нрзб] своих первых показаниях я указал на вербовщика на свою быв. жену Любовь Сыробоарскую, в последующих показаниях [нрзб] — на Миленьева, с которым учился вместе в гимназии

35 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 18 об., 19: протокол допроса обвиняемого Франтова Б. А. от 28 декабря 1938 г.

36 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 23: протокол допроса обвиняемого Франтова Б. А. от 31 декабря 1938 г.

37 Штаб Среднеазиатского военного округа.

38 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 14 об.:

протокол допроса обвиняемого Франтова Б. А.

от 10 марта 1938 г.

39 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 2: поста-

новление (об избрании меры пресечения).

40 Там же.

41 Город на юге Узбекистана, сейчас административный центр Сурхандарьинской области.

42 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 34, 35, протокол допроса свидетеля Калмыковой В. В. от 2 августа 1932 г.

43 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 48: протокол опознания между свидетелем Калмыковой В. В. и обвиняемым Франтовым Б. А. от 10 января 1939 г.

44 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 127, 128: заявление следователю особого отдела САВО от 24 марта 1938 г.

45 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 126: протокол допроса обвиняемого Франтова Б. А. от 15 января 1939 г.

и которого не видел с 1918 года, и в последних показаниях указал на ряд вымышленных лиц и фамилий... Допрос продолжался в течение марта 38 г. И когда я вновь был вызван для дачи дальнейших показаний в мае, я заявил следователю о вымысле всего написанного»⁴⁶.

Кроме шпионской деятельности Борису Александровичу инкриминировали участие «в белогвардейском карательном отряде»⁴⁷, «эсеровской дружине, состоящей из офицеров гор. Темникова»⁴⁸ в 1918 году.

Вопрос: Следствие располагает данными, что вы в г. Темникове состояли и принимали активное участие в белогвардейском отряде. Вы подтверждаете это?

Ответ: Я это отрицаю. В белогвардейском отряде я не состоял, а состоял в группе офицеров, прибывших с фронта, (перечисляет фамилии), все перечисленные мною лица ходили вооруженные и носили погоны⁴⁹.

Вопрос: В своих предыдущих показаниях вы указали, что вы в г. Темникове состояли в группе белых офицеров. Расскажите подробнее, какую контрреволюционную работу проводила эта группа?

Ответ: Группа офицеров, в которую я входил, никакой контрреволюционной работы в Темникове не проводила. Мы собирались друг у друга на квартирах, устраивали вечера и выпивали, каких-либо политических задач мы перед собой не ставили⁵⁰.

Следствием были найдены свидетели, давшие показания против Бориса Александровича.

«В начале 1918 г. в наш город прибыл эскадрон во главе с офицерами... Назначение эскадрона было поддерживать порядок в городе, и к этому эскадрону присоединился с фронтис<...> отрядом Франтов. Был организован митинг-молебен... Все выступающие говорили против советской власти и особенно против большевиков. Франтов, будучи на этом митинге, не выступал, но вел частные разговоры среди собравшихся, агитируя против большевиков... Через некоторое время находящийся в городе эскадрон начал распадаться: солдаты разбежались по домам, и в результате осталась небольшая кучка офицеров, и в одну из ночей в начале 1918 г. весь эсеровский ревком... бежали в пустыню Сарова, куда, насколько я помню, бежал и Франтов... Спустя несколько дней в г. Темникове организовалась соввласть и стихийно организовался своего рода отряд чел. из 4—5, в том числе был и я, мы ночью пошли в Саровскую пустыню, пробрались в ..., где были бежавшие из гор. офицеры, и ревком разоружил их отряд, где забрал оружие и патроны, а сами офицеры убежали. В момент разоружения отряда Франтова я не помню, видел или нет, но когда мы повезли оружие, то по нам было произведено с колокольни несколько выстрелов»⁵¹.

Через несколько месяцев Борис Александрович дал признательные показания:

«Приблизительно с декабря м-ца 1917 года я стал встречаться с прибывающими с фронта офицерами. Отсутствие политической грамотности

46 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 86, 87: жалоба Франтова Б. А. Прокурору УзССР от 23 мая 1939 г.

47 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 53 об.: протокол допроса Шестова С. М. от 27 декабря 1938 г.

48 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 14: протокол допроса Франтова Б. А. от 10 марта 1938 г.

49 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 15 об.: протокол допроса обвиняемого Фратова (так фамилия указана в деле) Б. А. от 19 декабря 1938 г.

50 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 16: протокол допроса обвиняемого Фратова (так фамилия указана в деле) Б. А. от 21 декабря 1938 г.

51 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 27: протокол допроса свидетеля Горинова А. И. от 5 октября 1933 г.

толкнуло меня вступить в образовавшуюся офицерскую белогвардейскую группу, которая ставила своей задачей поддержку эсеровской власти в гор. Темникове»⁵².

«В Разведотряд САВО я проник обманным путем. При поступлении в Разведотряд я умышленно скрыл о своей контрреволюционной деятельности и своем участии в белогвардейском отряде, а также я скрыл, что моя быв. жена Самойлова имеет родственников, проживающих в Польше, и поддерживает с ними письменную связь»⁵³.

До конца следствия он настаивал на том, что это единственное, в чем его можно обвинить.

Основная часть обвинения основывалась на допросах непосредственного начальника Бориса Александровича В. Е. Васильева⁵⁴. Его вынудили признаться в том, что он создавал контрреволюционные сети, которые должны были бороться против советской власти, и завербовал Бориса Александровича.

«Франтов завербован летом 1936 года, в период, когда он безвыходно запугался в семейно-бытовых делах, имел намерение покончить самоубийством. Обещал ему должность начальника отделения РО...»⁵⁵.

«После ряда предварительных бесед о растущих недовольствиях в армии и причинах этих недовольств в системе советского строя я рассказал ему о том, что существует заговорщическая организация в центре и здесь, в округе, которая ставит перед собой задачи изменения руководства в стране и возвращения к власти троцкистов... Франтов без колебания дал свое согласие состоять в троцкистской организации... Он был озадачен для изучения и приближения к себе слушателей с целью подбора из них нужных нам лиц для вербовки в заговор»⁵⁶.

Я посмотрела биографию этого начальника. Его освободили из лагеря, он служил в Красной армии во время Великой Отечественной войны, выжил, дожил до 1981 года. Но по его признательным показаниям посадили много людей⁵⁷, не только моего прадеда. Даже жена этого человека сидела. То есть и его семья пострадала, и его окружение.

Прадед до конца следствия отрицал участие в какой-либо террористической организации.

Вопрос: Вам предъявляется обвинение, предусмотренное ст. 68 УК УзССР, т. е. в том, что вы, будучи ориентирован одним из активных участников военно-троцкистского заговора... не донесли об этом готовящемся к-р преступлении. Признаете ли вы себя в этом виновным? Ответ: Нет, виновным себя в этом не признаю. Я признаю себя виновным в том, что я был в белогвардейском отряде, о пребывании в котором я скрыл при поступлении в Разведотдел САВО и при поступлении негласным работником в органы НКВД⁵⁸.

52 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 20: протокол допроса обвиняемого Фратова (так фамилия указана в деле) Б. А. от 29 декабря 1938 г.

53 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 22: протокол допроса обвиняемого Фратова (так фамилия указана в деле) Б. А. от 30 декабря 1938 г.

54 Васильев Василий Ефимович (1897—1981) — советский военачальник, участник Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн. В 1933—1938 г. — начальник разведотдела Среднеазиатского военного округа. В 1938 г. репрессирован, осужден на 10 лет ИТЛ. Досрочно освобожден, в сентябре 1943 г. восстановлен в кадрах Красной армии.

55 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 55: выписка из допроса Васильева В. Е. от 15 марта 1938 г.

56 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 57, 58: протокол дополнительного допроса обвиняемого Васильева В. Е. от 21 июня 1938 г.

57 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 91: справка по архивно-следственному делу № 905658.

58 ТЦДНИ, ф. 7849, д. № 18939-с, л. 63: протокол дополнительного допроса обвиняемого Франтова Б. А. от 15 января 1939 г.

В мае 1939 года срок ведения следствия был продлен «в связи с необходимостью дальнейшего развертывания следствия по линии вскрытия шпионской сети, а также окончательной ликвидации троцкистского подполья»⁵⁹.

В начале января 1939 года было подано новое ходатайство о продлении дела: «Франтов в предъявленном ему обвинении сознался и по делу допрашивался семь раз. В процессе следствия Франтов от своих показаний о шпионской деятельности отказался, отрицая при этом свое пребывание в 1920 году в г. Киеве. В целях окончания следствия необходимо допросить свидетелей, подтверждающих пребывание Франтова в Киеве в 1920 году»⁶⁰.

Начальство посчитало собранные материалы достаточными, и 15 января 1939 года, спустя год после ареста, Борису Александровичу было предъявлено обвинение⁶¹.

В обвинительном заключении сказано: «В процессе следствия установлено, что... Франтов Б. А. до дня ареста скрывал свое участие в белогвардейском отряде... участвовал в разгоне митинга и в побоище собравшихся на митинге рабочих и крестьян. После разгрома белогвардейского отряда большевиками Франтову удалось скрыться от репрессии и замаскировать свое вражеское лицо. В конце 1918 года, будучи мобилизован в РККА, Франтов затаив злобу против советской власти, тяготился пребыванием в Красной армии и в 1920 году перебежал в Киев, занятый поляками, где поступил на службу офицеров и в белопольскую армию... Скрыв свою контрреволюционную деятельность и участие в белогвардейском отряде, Франтов приписал себе участие против банд Махно и Петлюры. Впоследствии он обманным путем проник в 1930 году в ВКП(б) и в 1932 году — в органы разведотдела САВО... В 1936 году Франтов... был... ориентирован о наличии в РККА военно-троцкистского заговора, ставящего перед собой цели насильственного свержения советской власти и восстановления в СССР капитализма... Допрошенный по настоящему делу в качестве обвиняемого, Франтов виновным себя не признал, за исключением скрытия своего участия в белогвардейском отряде, но изобличается в недоносительстве о готовящемся к-р преступлении показаниями арестованного Васильева, в службе офицером белопольской армии в Киеве — свидетельством Калмыковой, в контрреволюционной деятельности и участии в белогвардейском отряде... На основании изложенного Франтов Борис Александрович... обвиняется в том, что, будучи ориентирован Васильевым о существовании заговора... не донес об этом готовящемся контрреволюционном преступлении, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 68 УК УзССР (58-12 УК РСФСР)»⁶².

Особым совещанием при Народном комиссариате внутренних дел СССР 14 мая 1939 года Бориса Александровича постановили «за недоносительство заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет»⁶³.

Его отправили в Локчимский лагерь в Коми, который в 1941 году расформировали и включили в Усть-Вымский лагерь.

59 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 66: постановление (о продлении следствия).

60 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 67: постановление (о продлении срока следствия) от 9 января 1939 г.

61 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 62: постановление (о предъявлении обвинения) от 15 января 1939 г.

62 ТЦДНИ, ф. 7849, д. № 18939-с, л. 72, 73: обвинительное заключение от 20 января 1939 г.

63 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 81: выписка из протокола № 11 Особого совещания при НКВД СССР от 14 мая 1939 г.

С июля 1942 года он уже был в сангородке на излечении. Я думаю, излечения никакого особого не было — прадед был там на доживании. И в февралю 1943 года он умер.

Его последняя жена не знала точно, что он умер, — до Москвы, видимо, официальная информация не доходила. В октябре 1955 года она направила запрос Генеральному прокурору Союза ССР. «Мой муж Франтов Борис Александрович... в ночь на 10 февраля 1938 года был арестован органами НКВД. В конце апреля 1938 года, не дождавшись решения, я была вынуждена выехать к родным в Москву, т. к. мне предложили немедленно освободить квартиру в городе Ташкенте. По акту от 22 апреля 1938 года принадлежавшие мне вещи по требованию следователя... были мной сданы для постоянного хранения в кладовую К.Э. Ч.Т.Г⁶⁴, кстати, неполученные до сих пор. На мой запрос из Москвы о судьбе Франтова Б. А. тот же следователь коротко сообщил мне, что Франтов Б. А. осужден на 8 лет за “недоносительство”. Осужденный неоднократно обращался с просьбой о пересмотре дела, заявления от его имени передавались лично мною в Прокуратуру Союза ССР, но просьбы были напрасными. В 1942 году заключенные, отбывающие наказание вместе с Франтовым Б. А., со всей возможной в таких случаях мягкостью сообщили мне, что Франтов скончался. Я написала в Логчимский ИТЛ, чтобы мне сообщили, когда и от чего скончался Франтов. Мне не ответили. Прошло много лет, но я прошу пересмотреть дело осужденного Франтова Б. А. Я хочу защитить не только себя. Прежде всего, хочется реабилитировать Франтова Б. А., незаслуженно понесшего тяжкое наказание, и облегчить дальнейшую жизнь 19-летнего сына, студента 2-го курса института. Он не знал отца (ему было 2 года, когда репрессировали Франтова Б. А.), он вырос без отца, а между тем судьба отца его очень и очень мучит. Его сознательная жизнь только начинается, и начинается плохо»⁶⁵.

Дело Бориса Александровича было «пересмотрено военным трибуналом Туркестанского военного округа 6 ноября 1956 года. Постановление от 14 мая 1939 года в отношении Франтова Бориса Александровича отменено, и дело за отсутствием состава преступления производством прекращено. Франтов Борис Александрович полностью реабилитирован»⁶⁶.

64 Квартирно-эксплуатационная часть тылового города.

65 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 83, 83 об. Заявление Генеральному прокурору Союза СССР от Алексеевой Г. М. от 12 октября 1955 г.

66 ТЦДНИ, ф. 7849, д. 18939-с, л. 111: справка о реабилитации от 10 ноября 1956 г.

1

2

1

3

2

Любовь Сыроборская. 1920—1930-е гг.
Любовь с дочкой Галей. 1924 г.

3
заклученного

Борис Франтов. Фотография из личного дела

4 Борис Франтов. Середина 1930-х гг.

5 Борис и Любовь (в центре) в Крыму в компании
отдыхающих. 1925 г.
6 Любовь в Крыму. Конец 1920-х гг.

Любовь с дочкой Галей. 1925—1926 гг.
Борис Франтов. 1920-е гг.
Борис Франтов. Предположительно 1918 г.

4
5

Борис и Любовь в Крыму (Гурзуф). 1925 г.
Борис Франтов. 1910-е гг.

454

ИСТОРИЯ
ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ВИКТОРИЯ
НИГАЙ
КИРИЛЛ
НИГАЙ

ПОИСК ДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К РАССТРЕЛУ В 1942 ГОДУ

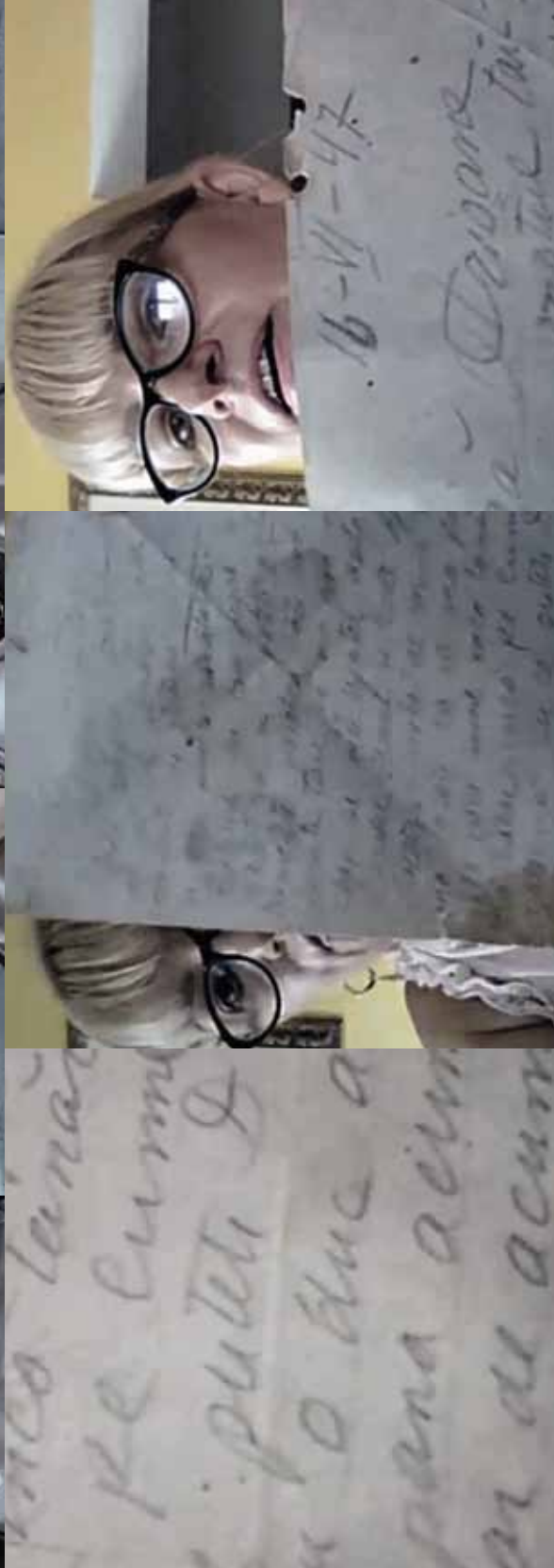
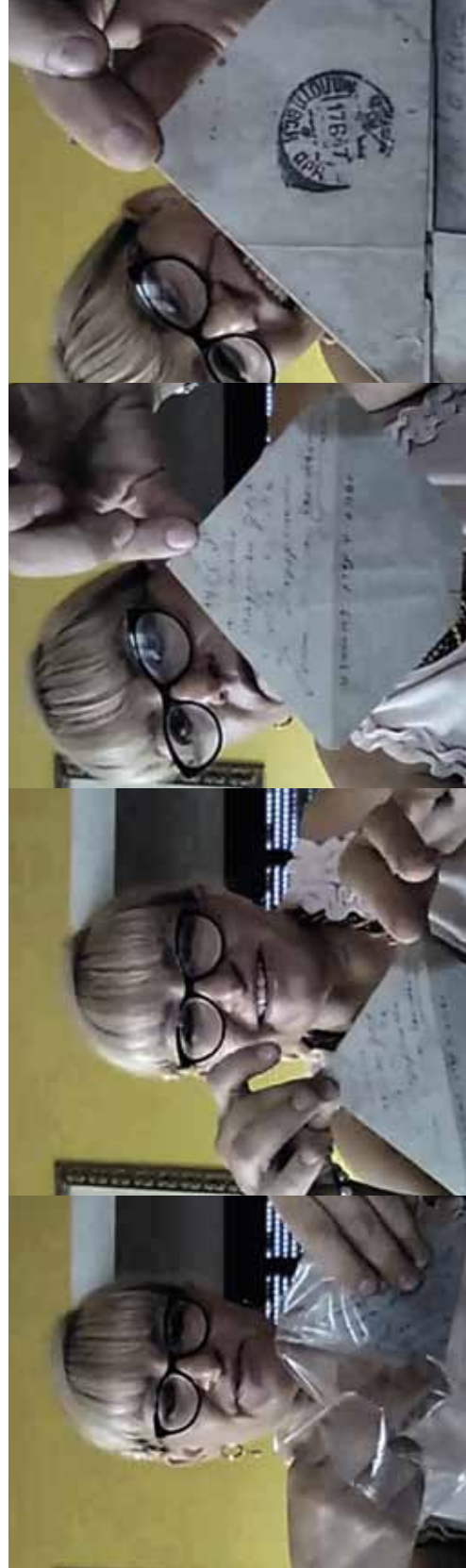
СЕМЕН
НИГАЙ

ПОИСК ОТЦА, ПРИГОВОРЕННОГО
К 10 ГОДАМ ИТЛ В 1945 ГОДУ

Виктория НигаЙ рассказывает по скайпу о своих репрессированных родных. Виктория живет в Италии, но до пандемии COVID-19 она приезжала в Молдову, в Кишинеv, работала в Национальном архиве

Республики Молдова со следственным делом своего деда — Кирилла НигаЯ.

455

ВИКТОРИЯ НИГАЙ

согласно семейному преданию, дедушку и бабушку с детьми забирали ночью. на сборы дали несколько минут — что можно успеть за это время?

Виктория
Нигай,
консьерж,
Италия

Я родом из многодетной крестьянской семьи Нигай. В годы становления советской власти в Бессарабии моих родных лишили родины. О судьбе деда, Кирилла Константиновича, до последнего времени ничего не было известно, его следы терялись на пути в Бендеры, откуда бессарабцев увозили в Сибирь. Бабушку с четырьмя детьми, среди которых был и мой отец, выслали в Омскую область. На спецпоселении моего папу Семена Кирилловича — он был совсем еще мальчишкой — арестовали за то, что он спел якобы запрещенную песенку, и осудили на десять лет лагерей. Подробностей этих семейных перипетий я не знала. Папа умер, когда мне было десять лет, поговорить мы не успели. Впрочем, в нашей семье так сложилось, что мы никогда не затрагивали этот большой вопрос, толковали скорее о житейском — кто на ком женился, когда и т. п. Но тема репрессий меня никогда не отпускала, и десять лет назад я пыталась расспросить дядю Ариона, брата деда Кирилла, что же произошло в тот злосчастный день в 1941 году. Но то ли он не знал, то ли не хотел вспоминать, но разговора не получилось. Зато его жена, бабушка Домника, отвела меня в сторону и украдкой рассказала, что вроде бы деда Кирилла, служившего жандармом, вместе с другими находившимися при власти в Бессарабии¹ погрузили в вагон и отвезли на запасной путь, и этот вагон загорелся. Я ужаснулась — какой страшный конец...

¹ В августе 1940 г. в результате присоединения Бессарабии к СССР была образована Молдавская ССР. В республике начался процесс советизации, который сопровождался репрессиями против активистов буржуазных партий, помещиков, полицейских, жандармов, офицеров белой, царской и румынской

армий, крупных торговцев, домовладельцев. В ночь с 12 на 13 июня 1941 г. органы НКВД провели операцию по депортации глав и членов семей «антисоветских элементов» в отдаленные районы страны на спецпоселение.

Спустя много лет, после переезда в Италию, я начала смотреть в Интернете материалы о репрессиях, и мне попались фильмы Музея истории ГУЛАГа. Так я узнала контакты музея и написала туда письмо о том, что очень хочу выяснить судьбу своего деда. У меня было даже какое-то мистическое ощущение — или сейчас, или никогда. Я — последнее звено, последняя внучка. Время пришло. Мне надо. Я так хочу.

Мне очень быстро ответили. Анастасия Катаева, специалист Центра документации Музея истории ГУЛАГа, подсказала мне адрес Службы информации и безопасности Республики Молдова. У меня как раз был запланирован отпуск, я собиралась съездить в Молдову к маме. И вот в Кишиневе я отправилась по указанному адресу, зашла в парадную дверь и меня, конечно, дальше не пропустили: войдите в дверь сбоку, позвоните по телефону, напишите пропуск... Серьезная организация². В итоге ко мне вышел сотрудник, весьма интеллигентный и вежливый, я рассказала ему, что хочу узнать о судьбе репрессированного деда. Он помог написать заявление по определенной форме, я приложила документы, подтверждающие родство с бабушкой. С сотрудником архива мы договорились о том, что о результатах запроса мне сообщат письмом. Для связи я оставила адрес своей мамы — село Тодирешты. Собственно, оттуда и пошла вся эта история. Но со мной созвонились уже через день — архивно-следственное дело по обвинению Нигая Кирилла Константиновича нашлось в Национальном архиве Республики Молдова. Я немедленно направилась в архив. Мне показали документы — это были листы старой бумаги, исписанные чернилами, кое-где с текстами, отпечатанными на пишущей машинке. Я прочитала дело два раза, но как будто погрузилась в прострацию — так это было страшно. Стала фотографировать страницы, а сотрудница архива увидела и немедленно отреагировала: что вы делаете, прекратите, это запрещено, вы испортили бумагу... Я, конечно, перестала фотографировать. Мне разрешили оплатить услугу копирования и пообещали выслать материалы дела по электронной почте³. И только когда я уже вернулась в Италию, я смогла все спокойно перечитать. Как же больно было погружаться в эту историю!

Деда арестовали 13 июня 1941 года еще на родине, в Молдавии, когда его с семьей выселили из дома и привезли на железнодорожную станцию Бендеры. Об этом факте в материалах дела есть справка. Следующие документы в деле уже из города Ивдель Свердловской области, датированные ноябрем 1941 года. Получается, деда арестовали и отправили в Ивдельлаг, где и проходило следствие. В присланных копиях я обнаружила только один протокол допроса бабушки — у него пытались получить признания в том, что он служил шефом жандармского поста, вел борьбу против революционного движения в Румынии и якобы издевался над арестованными коммунистами. Последнее обвинение дед полностью отрицал, но подтвердил то, что, находясь при исполнении — а он был, по сути, военным, — не мог игнорировать поступавшие ему приказы. В вину вменялось и кулацкое хозяйство — 11 га земли, лошадь, две коровы и десять овец. Перечитывая снова

2 Служба информации и безопасности Республики Молдова (СИБ) — главная разведывательная спецслужба Республики Молдова.

3 Национальный архив Республики Молдова, ф. R-3401, оп. 2, д. 2422. Архивные копии материалов дела по обвинению Нигая К. К. по ст. 58-13 УК РСФСР: справка на арест; постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения; анкета арестованного; протокол допроса; протоколы допро-

сов свидетелей; протокол предъявления материалов следствия; медицинская справка Ивдельлага НКВД; обвинительное заключение; выписка из протокола Особого совещания при Наркоме внутренних дел СССР; справка о приведении приговора в исполнение; заключение Прокуратуры МССР о реабилитации К. К. Нигая; извещение о реабилитации в информационный центр при МВД МССР.

и снова протокол допроса, я думала — а на каком языке следователь НКВД УССР Стариков разговаривал с румыном? В протоколе предъявления материалов следствия указано, что «обвиняемый ознакомлен с документами на полностью понятном ему русском языке». Но я много читала, как из арестованных буквально выбивали признания. То же самое касалось и свидетелей — людей запугивали.

В деле представлены протоколы допросов двух дедушкиных земляков — Чебана Д. Т. и Буржана Г. Т., подтвердивших, что дед служил шефом жандармского поста и имел кулацкое хозяйство. И надо же такому случиться, что один из них оказался свекром моей сестры Людмилы. Когда я об этом узнала, боялась ей об этом рассказать, не представляла, как она воспримет. Уже позже Людмила говорила, что не могла осмыслить, поверить, но зато теперь поняла, почему свекор противился их браку. Наверное, его мучила совесть. И потом эта свадьба, крестины, это ж нужно за одним столом сидеть и чокаяться с родней того, кого ты на верную смерть послал.

Деда расстреляли 26 мая 1942 года. Все это время он содержался в Ивдельлаге. Где конкретно приговор привели в исполнение, в документах не сказано. И у меня появилась идея: почему бы не разыскать то место, где дед похоронен? Конечно, яму, куда его сбросили, я найду едва ли. Может, на этом месте уже стоит жилой дом. Но я ведь могу хотя бы приблизительно определить, где он встретил свою смерть.

Сотрудники Центра документации Музея истории ГУЛАГа порекомендовали сделать запрос в УФСБ по Свердловской области, и, пока я ждала ответа из Екатеринбурга, изучила все материалы об Ивдельлаге, существующие в Интернете. Это был огромный лагерь, состоявший из 57 подразделений, где одновременно содержалось более 28 тысяч заключенных. Я нашла имена начальников лагеря за все время его существования с 1937 по 1962 год. Сравнила с фамилиями, указанными в дедушкином деле, — и не нашла ни одного совпадения. Может быть, расстрельный приговор подписывали заместители? Тем временем пришел ответ из Екатеринбурга, сбивший меня с толку: Кирилл Константинович Нигай среди заключенных Ивдельлага не значился⁴. А если принять во внимание свидетельство бабушки Домники о том, что вагон, в котором находился мой дед, подожгли, то получается, что смерть он встретил не в Ивдельлаге, а на родине. Очень темная история, и я понимаю, что, где бы дед ни лежал, могилы его я не найду — ни в Свердловской области, ни в Бендерах. В Музее предположили, что место расстрела могли указать формально. В Интернете я нашла статью об Ивдельлаге, опубликованную в областной газете. Связалась с автором — корреспондентом Станиславом Богомоловым, в надежде на то, что он располагает какими-то данными о местоположении захоронений расстрелянных в лагере. Спасибо ему, он начал журналистское расследование и обратился с вопросом о возможном захоронении деда к краеведу, подполковнику в отставке Феликсу Яковлевичу Соломоновичу, который работал в исполнительной системе 33 года и конкретно в Ивдельлаге с 1950-х годов. Феликс Яковлевич рассказал, что приговоренных к смерти если и держали в лагере, то уж точно не расстреливали там — приговоры приводились

⁴ Аналогичные ответы были получены Викторией из Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО), Информационного центра МВД РФ по Свердловской области (ИЦ МВД РФ по Свердловской области),

Федеральной службы исполнения наказаний (ГУ ФСИН России) по Свердловской области. Числиться заключенными лагеря могли только приговоренные к лишению свободы. Нигай К. К. не был осужденным и, возможно, его направили на работы в Ивдельлаг как спецпоселенца.

в исполнение только в Свердловске. Также Станислав обратился к начальнику Управления архивами Свердловской области А. А. Капустину за разъяснением нестыковок в истории Кирилла Нигага, тот даже пообещал разобраться, но на самом деле просто «ушел в сторону»: раз Нигага жандарм, значит, не о чем и говорить...

В допросах свидетелей и в обвинительном заключении не было ни слова о том, что дед избивал коммунистов. Но это клеймо на деде до сих пор. Вот так я столкнулась с предвзятым отношением.

Станислав считает, что дед похоронен на 12-м километре московского тракта, недалеко от Екатеринбурга, на месте мемориала памяти жертв массовых репрессий 1930—1950-х гг.⁵ Там установлены плиты с именами убитых, но имени моего деда там нет. Сотрудники екатеринбургского отделения общества «Мемориал», к которым по моей просьбе обращалась Анастасия Катаева, установили по фамилии следователя, что Кирилл Нигага действительно был расстрелян в Свердловске. Информацией о его захоронении они не располагают.

Если бы нашлось предполагаемое место захоронения дедушки, я бы обязательно туда приехала и положила цветы. В Молдавии существует родительский день — пасха усопших, следующее воскресенье после Пасхи. Родственники посещают могилы близких, приносят угощения — так живые устраивают праздник мертвым. У нас на кладбище рядом могилы родных и близких, а могилы дедушки Кирилла нет. У него вообще нигде нет могилы. Он попал в жернова того времени, в мясорубку — да, работал полицейским, власть сменилась и человека отправили под суд. И теперь непонятно, расстреляли его или сожгли заживо.

Согласно семейному преданию, дедушку и бабушку с детьми забирали ночью. На сборы дали несколько минут — что можно успеть за это время собрать? Едва ли бабушка подозревала, что навсегда лишится своего дома, а родину увидит только через 18 лет. Когда в 1960 году она возвратилась, ей вернули два сотканых ею вручную ковра — все, что осталось от их имущества. Они сейчас у моей мамы — национальные, очень красивые.

Бабушку и четверых детей отправили в Сибирь. Моему отцу Семену было 17 лет, Ефимии — 15, Федору — 13, Георгию — 8. Погрузили как животных, вагон был буквально напичкан людьми, сесть было невозможно. Из-за смрада было нечем дышать, люди не мылись и туалет был устроен прямо в вагоне. Спецпоселение, куда увезли мою семью, находилось в Омской области. Устроились на работу в рыбхоз, папа помимо основной работы еще выполнял различные поручения местного председателя колхоза. Выгрести помет он стеснялся, даже шапку спускал низко на глаза, чтоб его никто «не видел». И уже потом, в «мирной» жизни, когда нужно было сделать какую-нибудь грязную работу по хозяйству, он надевал головной убор, натягивал его как можно ниже на глаза и спрашивал нас с иронией: видим ли мы его? Я отвечала, нет, папа, тебя

5 На 12-м километре Московского тракта к западу от Екатеринбурга в 1930-е годы происходили массовые захоронения расстрелянных органами НКВД. В качестве могил использовались шурфы, выкопанные еще до 1917 г. В 1967—1968 гг. при строительстве спортивной базы были обнаружены останки захороненных, но вопрос о признании этой территории как места массового захоронения так и не был решен. Только в 1990 г. Свердловский горисполком принял решение признать это место «официальным кладбищем, где будет установлен памятник жертвам политических репрессий». В 1991 г. прокуратура Свердловской области провела выборочную эксгумацию и определила приблизительную площадь захоронения — 75 гектаров.

В 1992 г. найденные останки 31 человека там же перезахоронили в братскую могилу, и территория массового захоронения площадью в 75 гектаров была объявлена Мемориальным комплексом. Торжественное открытие Мемориала по проекту архитектора А. Л. Булыгина состоялось 26 октября 1996 г. Здесь были установлены мемориальные плиты с именами жертв террора. На данный момент на памятных плитах — имена 18 475 человек, расстрелянных в Свердловской области в 1937—1938 гг. По уточненным данным, здесь похоронены около 21 тысячи человек. В 2017 г. в составе Мемориального комплекса был открыт бронзовый памятник — «Маски скорби: Европа — Азия» скульптора Эрнста Неизвестного.

не видно. Он запомнился мне с огромными, черными от работы ручищами...

В 1943 году папу отправили на работу в Архангельскую область, там его и арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности. Я получила копии материалов дела из архива УФСБ по Архангельской области. Даже спустя 76 лет «органы» не желают показать документы полностью, мне прислали только малую часть⁶, и я не знаю, что же послужило поводом к аресту двадцатилетнего мальчишки. Архивные документы об этом молчат, но в нашей семье есть легенда, основанная на рассказах родственников, что однажды, во время выпаса скота, когда ребята отдыхали вокруг костра, отец спел румынскую патриотическую песню, а его земляк написал на него донос. Рассказывали, что когда папа узнал о том, кто на него донес, то поклялся, что если вернется — а он вернется! — то лучше, чтобы доносчик на глаза ему не попадался.

За эту «песенку» отца отправили в лагерь в Северодвинск. Ему присудили десять лет по ст. 58 п. 10 — антисоветская агитация, но в 1954 году освободили на основании указа «Об амнистии». Нестерпимо больно читать в материалах дела о том, как заставляли мальчишку оправдываться перед офицером НКВД, только потому, что он сын румынского жандарма. Я рыдала, когда читала папино письмо родственникам, где он просил не дать ему умереть от голода... Так хочется мне, зрелой женщине, защитить, укрыть, согреть и накормить этого мальчишку — моего отца (тогда он был младше моих сыновей). Освободившись, папа отправился на родину. На месте родного дома он увидел руины. Уцелел лишь большой погреб и сохранилось несколько деревьев в саду. До сих пор живет груша, посаженная, по словам папы, еще в 1919 году. У меня сомнения — раз папа помнил год, значит, ее посадили в 1929-м. Но 90 лет — тоже уважаемый возраст. Эта огромная груша высотой в два этажа. Поскольку она уже старенькая, родит не каждый год. Груши зимние, их надо собирать в начале октября, складывать в ящики, где они спеют еще месяц, и всю зиму можно наслаждаться вкуснейшими плодами. Это единственное оставшееся от дедушки дерево...

6 РУФСБ России по Архангельской области. Копии материалов архивного следственного дела по обвинению Нигая С.К. на 5 л.: анкета арестованного;

протокол допроса; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР.

CAUZA SCADERII				40
S' n dat	SA VANDUT, SCHIMBAT, DONAT, Etc.		OBSERVATIUNI	17
	Data	In ce localitate și cui		
14	15	16		
<p>Протокол допроса.</p> <p>1941 года февраля 13-го дня с. Пходореш- тши. с/уфракшионского Бендерского РОИ НКВД Серосантимиш, с.м. Тригорьев, допросы в качестве свидетеля гр-на Георгия Георгиевича Терентьевича, который судучи предупрежден об ответственности по ст. 89 ст. УК СССР полагает:</p> <p style="text-align: center;">Всего 2 листа</p> <p>Георгий Терентьевич 1906 года росс. родился в селе Мере- нае, Кишиневского р-на, СССР, мол- давин, крестянин-бедняк, росекан, Малограмотный, б/п, несудимый, прожив. в селе Пходореш- тши, Бендерского р-на СССР.</p> <p>По существу дела пояснял следующее: гр-н Нелай Кирилл Константино- вич в 1940 году около 15 лет. гр-н Нелай Кирилл Константинович до прихода в Румынскую Армию на территории Бисерабии сложил много колчанов на про- телефония 10 лет. Румынского Всего 2 листа</p>				

¹ Выписка из протокола СОС при НКВД СССР от 21 марта 1942 г. Национальный архив Республики Молдова, ф. Р-3401, оп. 2, д. 2422, л. 16

² Справка о приведении приговора в исполнение. Национальный архив Республики Молдова, ф. Р-3401, оп. 2, д. 2422, л. 17

Выписка из протокола № 17-м

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от 21 марта 1942 г.

16

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>Дело № 02635/НКВД Молдавск. Р., по обв. НЕГАЙ Кирилла Константиновича, 1904 г.р., уро. Идерского уезда, МССР, Молдавии, гр-н СССР.</p>	<p>НЕГАЙ Кирилла Константиновича, за активную борьбу с революционным движением - РАССТРЕЛЯТЬ. Лично принадлежащее имущество КОНФИСКОВАТЬ.</p> <p><i>Число сведений об № 8170 БХ 5/м-42</i></p> <p><i>Ваш</i></p>

Нач. Секретариата Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

Сов. секретно.

17

С П Р А В К А

Решение Особого совещания при НКВД СССР от 21 марта 1942 года об осуждении *Негай К.К* приведено в исполнение 26.V 1942 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: акт хранится в особом архиве, том 74 стр. 400

ЗА НАЧ 4 ОТД 1 СПЕЦИОЛ. СЛ. НКВД СССР
лейтенант госбезопасности

Муромов
(Кротов)

" " июня 1942 г.

и после этого мне об отце ничего не известно. Я жена электротерапевта Негай Марии Лазаревной, сестрой Негай Георгия Кирилловича 1925 г. рождения, и братьями Негай Федором Кирилловичем 1929 г. и Негай Георгием Кирилловичем 1931 года рождения. Привезли в военную область на поселение где и работал до 1943 года в Сыржунтском Райотресте Сыржунтского района на разных работах. В 1943 году я был мобилизован в Усаконский Лесоконный бат, Архангельской области где и работал до настоящего времени в качестве электросварщика.

Мои родственники; братья отца - Негай Алексей Константинович 1908 г. Негай Франасий Константинович 1910 г., Негай Иван Константинович 1919 г., Негай Владимир Константинович 1923 г. и братья матери - Негай Дачия Лазаревич около 40 лет, Негай Петри Лазаревич около 47 лет, Негай Иван Лазаревич в возрасте 30 лет до 1941 года проживали село Падершица, Бендерского уезда в Бессарабии, работали в своих семейных хозяйствах, затем эта местность была занята немцами и украинские выше родственники остались на оккупированной немецкими войсками территории и впоследствии время провела уже я не знаю.

В протокол своих слов записано кратко и оно в конце прогитано вчит и расписано: Негай

16-11-47

Draga Persoana

Ita dupa o perioada lungi suferinta
 de el este sanatos dar foarte
 chinat de stam. Dupa ce se doborasca
 si este mult sanatos.
 A scris cu tam fuzat si se rog
 sa-l trimite in ce pot sa-l trimit si
 trimitei poroasa ca si cum stabilit
 foarte tare si nu am nici un
 chip si nu ajutor dela nimeni.
 A scris foarte si Code spania
 -ocelul- mila de mine si nu
 ma lasati ca sa ma pierd eu
 si pe copii sunt inca tanari si le
 sa nasci inca pe lume
 apatama cu ce puteti si sa
 Vasa foarte greu o luna acuma
 Vasa alia ca eu pana acuma am
 bucuri mi-ami dar de acuma am
 rabot cu totul si nu bucuri dar
 sarca e foarte mica si nu mi
 ajunge sa si-mi ca pana acuma
 Vasa rabot dar de acuma am

stabil cu totul, multa sanata
 Mami lui Bade Alexsei lui Radu
 si mama-tatai Mariei tati
 Valeriu lui Bade Tufan lui
 20m Marie glava si aveti
 mai inscrie la toti
 si sa rog pe tot
 trimitei parolea
 nu si tota de
 nepotie si sa
 care va doborasca
 foarte mult M.C.C.P.
 H.R. si
 1947
 Bucurade
 Sengereku zed
 Byndat am Pk
 e/ Stogurcintu
 Herau Nicolai Constantin

0300007 1947 v 4161

КИРИЛЛ КОНСТАНТИНОВИЧ И СЕМЕН КИРИЛЛОВИЧ НИГАЙ

Дедушка, Кирилл Константинович Нигай, и бабушка, Мария Лазаревна Нигай, были не только однофамильцами, но и одногодками — родились в 1904-м в многодетных зажиточных крестьянских семьях в селе Тодирешты Бендерского уезда. Дед был старшим в семье, у него было 11 братьев и сестер. Дедушка с бабушкой поженились в 1922 году. Родители выделили молодым землю для устройства собственного хозяйства, дед принялся за постройку дома. Основным источником их доходов был собственный урожай, поэтому землю обрабатывали с особым старанием. Если оставались излишки, их продавали или обмени-

Семен
Кириллович
Нигай.
1950-е гг.

вали на товары первой необходимости, так и жили. В 1923 году в семье родился первенец — Семен, мой отец, в 1925-м — Ефимия, в 1928-м — Федор, а в 1932 году — Георгий. В 1925—1926 годах дед проходил срочную военную службу в румынской армии, там обучился военному делу, что сыграло роковую роль в его дальнейшей судьбе. Демобилизовавшись, вернулся в Тодирешты и снова погрузился с головой в хозяйство: сеял пшеницу, кукурузу, бабушка сама пекла хлеб. Считалось, что настоящий хозяин должен иметь гужевой транспорт и собственное вино в погребе, и бабушка с дедушкой заложили виноградник, а примерно в 1929 году разбили огромный сад со всевозможными фруктовыми деревьями. Они

и детей с малолетства приучали к крестьянскому труду. Первые фрукты всегда предназначались на продажу, дети могли ими лакомиться вдоволь лишь тогда, когда их было уже в изобилии.

В 1931 году дед поступил на службу в жандармерию⁷ румынской Бессарабии. Его определили сельским жандармом в Ульму. В его обязанности входило следить за порядком, ловить дебоширов, воров. Бабушка Мария занималась детьми, по хозяйству ей помогал ее брат Петр Лазаревич. В 1936 году трагически погиб отец деда — Константин. Он ездил по делам в соседнее село, как вдруг лошадь взбрыкнула и скинула его на землю. Еле живой он добрался домой. Врачей в округе не оказалось, бабки с зельями не помогли, и на другой день, чтобы не кричать от невыносимой боли, Константин принялся громко петь народные песни, пока не впал в кому. Так запомнил его смерть мой отец, которому было тогда 13 лет. В тот год после окончания пяти классов начальной школы он поступил учиться на слесаря в «ательер практик»⁸, а дед Кирилл стал шефом жандармского поста с жалованием в 3500 лей в месяц. В новой должности он «выполнял директивы и приказы, которые отдавались вышестоящими органами румынской полиции»⁹. Естественно, они были направлены на борьбу с лицами, выступавшими против румынской власти. 28 июня 1940 года на территорию Бессарабии вошла Красная армия¹⁰, румынская власть кончилась, а что сулила новая, было никому неизвестно. Как заявлял дед на допросе, он не успел бежать в Румынию и «решил возвратиться в село Тодирешты, где родился и имел свое хозяйство — 11 гектаров земли, 1 лошадь, 2 коровы, 10 овец»¹¹.

В одну из ночей 1941 года в дверь их дома громко постучали. Бабушка открыла и оцепенела — во дворе стояли вооруженные солдаты и разговаривали на малознакомом ей русском языке. Прозвучала команда: всем быстро собраться, взять только самые необходимые вещи и питание на дорогу, покинуть дом. Дед Кирилл не владел русским, но, видя, что происходит, пытался узнать, почему их выселяют, куда и насколько. Говорят, что вместо ответа солдат пнул его ногой с такой силой, что дед отлетел к дороге — чтобы не задавал лишних вопросов и не вздумал сопротивляться. На шум прибежали соседи — откуда им было знать, что у Нигая бесчинствуют военные? Бабушка попросила соседей подоить утром коров и присмотреть за живностью до ее возвращения. Она не подозревала, что вернется только через 18 лет. Они наскоро собрались, погрузились на телеги и поехали под конвоем на железнодорожную станцию Бендеры. В ту ночь из села Тодирешты увезли две семьи — семью бывшего шефа жандармского поста молдаванина Кирилла Нигая и примаря¹², поляка Виктора Коченко. На станции деда Кирилла с семьей разлучили. Его увели в отдельный вагон, и больше деда никогда не видели. Мой отец говорил об этом так: «На станции Бендеры моего отца перевели в другой вагон, и после этого об отце мне ничего

7 Жандармерия — полиция, имеющая военную организацию и выполняющая охранные функции.
8 Мастерская.

9 Национальный архив Республики Молдова, ф. Р-3401, оп. 2, д. 2422, л. 6: протокол допроса Нигая К. К. от 16 ноября 1941 г.

10 26—27 июня 1940 г. правительство СССР направило правительству Румынии две ноты с требованиями немедленно прекратить оккупацию Бессарабской губернии РСФСР. Коронный совет Румынии, не найдя поддержки у Германии и Италии, был вынужден согласиться с советскими требованиями. В ноте от 28 июня 1940 года правительство Румынии согласилось с предложением о возвращении Бессара-

бии, а также с порядком и сроками вывода своих войск и администрации. В тот же день, 28 июня, в Бессарабию вступили части Красной Армии. 2 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета СССР был принят Закон об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики.

11 Национальный архив Республики Молдова, ф. Р-3401, оп. 2, д. 2422, л. 6: протокол опроса Нигая К. К. от 16 ноября 1941 г.

12 Примарь (примар, рум. primar) — мэр города; представительная власть населения административно-территориальной единицы и исполнительная власть местного совета.

не известно»¹³. Что происходило с дедом Кириллом после этого расставания, установить трудно. Согласно материалам дела, полученным из УФСБ России по Свердловской области, Нигай Кирилл Константинович был арестован НКВД Молдавской ССР 13 июня 1941 года как кулак и шеф жандармского поста. Основанием для этого послужила справка, выданная заместителю Наркома госбезопасности МССР начальником штаба по Бендерскому уезду 12 июня 1941 года¹⁴: «Справка на подлежащего к аресту Нигай Кирилла Константиновича 1904 года рождения, уроженца села Тодирешты Бендерского района Молдавской ССР, по национальности молдаванина, семья: жена Нигай Мария Лазаревна 1904 года, сын Семен (1923), дочь Ефимия (1925), сын Федор (1928), сын Георгий (1932). Проживают в селе Тодирешты Бендерского уезда. Нигай К. К. в бытность румын в Бессарабии служил в карательных органах Румынии в качестве плутоньера жандармерии и имел хозяйство: 12 га земли, которую сам не обрабатывал, а нанимал рабочую силу». Деда обвиняли в том, что он «...имел тайных агентов жандармерии, через которых выявлял революционно настроенных лиц и коммунистов, коих подвергал аресту и избиению»¹⁵. На допросе 16 ноября 1941 года он признался в том, что, «будучи шефом жандармского поста, не мог не выполнять приказов», однако отверг обвинение в избиении арестованных. Этот допрос состоялся уже в городе Ивдель Свердловской области, где дед содержался под стражей. В архивно-следственном деле есть протоколы допросов двух свидетелей по делу моего деда, датированные 13 февраля 1941 года. Они показали, что Кирилл Нигай действительно имел 12 гектаров земли, часть из которых сдавал в аренду, использовал наемную силу и служил шефом полиции около десяти лет. Видимо, досье на него собиралось за несколько месяцев до ареста. В январе 1942 года дед прошел медицинское освидетельствование в Ивдельлаг НКВД, по этому факту была даже выдана справка «Нигай К. К. страдает общей слабостью, физических недостатков не имеет» и практически сразу, 9 января, подготовлено обвинительное заключение — расстрельное. «Произведенным расследованием по делу установлено, что Нигай К. К. при власти румын в Бессарабии имел кулацкое хозяйство, в котором эксплуатировал наемную рабочую силу. Кроме того, с 1936 года служил шефом жандармского поста села Ульяма, у себя на связи имел агентов и информаторов, через которых выявлял членов коммунистической партии и подвергал их аресту <...> За период 1936—1940 гг. им было арестовано 20 человек, 15 из которых осуждены. На основании вышеизложенного, Нигай К. К. <...> совершил преступление, предусмотренное ст. 58-13 УК РСФСР. В предъявленном обвинении виновным себя признал полностью. Кроме того, изобличается показаниями свидетелей Чебан Д. Т. и Буржан Г. Т. Считая следствие по его делу законченным и преступную деятельность доказанной, руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР, следственное дело по обвинению Нигай Кирилла Константиновича в преступлении, предусмотренном ст. 58-13 УК РСФСР, направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, и полагал бы обвиняемого Нигай К. К. осудить к расстрелу...»¹⁶

13 РуФСБ России по Архангельской области, л. 32 об., 33: протокол допроса Нигая С. К. от 5 ноября 1944 г.

14 Национальный архив Республики Молдова, ф. Р-3401, оп. 2, д. 2422, л. 1.

15 Национальный архив Республики Молдова, ф. Р-3401, оп. 2, д. 2422, л. 2: постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения Нигая К. К. от 16 ноября 1941 г.

16 Национальный архив Республики Молдова, ф. Р-3401, оп. 2, д. 2422, л. 12, 13.

21 марта 1942 года Особое совещание при НКВД СССР постановило: Нигая Кирилла Константиновича «за активную борьбу с революционным движением» расстрелять, а личное имущество — конфисковать. Приговор был приведен в исполнение 26 мая 1942 года, акт об этом хранится в особом архиве и, возможно, поэтому до сих пор неизвестно место гибели и захоронения моего деда.

28 апреля 1989 года Кирилл Константинович Нигай был полностью реабилитирован на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930—1940-х и нач. 1950-х гг.» Прокуратурой Молдавской ССР.

В тот день, когда семья навсегда рассталась с дедом, бабушку с детьми отправили в неизвестность. Больше двух недель провели они в пути, и мучительнее всего были невыносимая духота, жажда и зловоние, которое убивало больше, чем голод. На станциях разрешалось немного приоткрывать двери вагонов — проветрить и подышать, и сердобольные местные жители бросали им что-то съестное. Кто ловил, был счастливчиком. Состав пришел в Омскую область. Новоиспеченных спецпереселенцев отправили в поселок Черный мыс. Расселили по баракам, непригодным для жилья — в них были огромные дыры, их латали глиной, чтобы хоть как-то уберечься от сибирских морозов.

До 1943 года мой отец Семен Нигай трудился в Сыр-кутском рыбтресте. Уже взрослыми его братья Федор и Георгий вспоминали о том периоде со слезами. Им пришлось пережить страшный голод и нищету, все переболели тифом, а Георгий — еще и цингой. Его выходила какая-то местная женщина, подкармливая печеной картошкой — это был редкий деликатес для детей «врагов народа», — заставляла есть ее непременно с кожурой. Спасались и рыбой из рыбтреста, ели ее тайком, специально сырой, чтобы никто не заметил следов жарки или варки. Спецпереселенцы были обязаны регулярно отмечаться в комендатуре, чтобы ни у кого и мыслей не возникало бежать. В 1943 году моего двадцатилетнего отца отправили работать электросварщиком на лесокомбинат в Архангельскую область, на станцию Исакогорка. Там на поселении жили люди разных национальностей, и отец каждый раз искренне радовался, встречая земляка — молдаванина из села Кобуска. Естественно, разговаривали, вспоминали прежнюю жизнь, песни пели на родном языке — ностальгия давала о себе знать. Однажды отец спел какую-то румынскую песню с патриотическим подтекстом, это и послужило поводом для его ареста. Его же земляк на него и донес. Судя по материалам дела, отца и еще несколько человек обвинили в антисоветской агитации и пропаганде. 23 января 1945 года Военный трибунал войск НКВД Архангельской области осудил отца по ст. 58 п. 10 УК РСФСР на десять лет заключения. Его отправили в город Молотовск (ныне — Северодвинск). Неизвестно, в каком лагере отец отбывал срок, где работал и как выжил. Возможно, он содержался в Ягринском ИТЛ. Сохранилось его письмо брату отца, дяде Ариону в Бессарабию, от 14 июня 1947 года. Папа ничего не знал о судьбах своих родственников после немецкой оккупации и, вероятно, писал в надежде на помощь и поддержку. А меж тем дядя Арион уже с 1944 года отбывал заключение в лагере НКВД в Баку, куда попал как находившийся на временно оккупированной территории. Письмо получила его жена Домника, она тогда жила вместе со свекровью Иляной. Обе были безграмотными, читать не умели, им помогла племянница Лисавета — она прочитала письмо, и так они узнали о судьбе моего отца.

«Дорогой Арион! Пишу, чтобы ты знал, что ваш племянник Семен здоров, но очень измучен чужеземцами. Желаю тебе крепкого здоровья. Я прошу, сжальтесь надо мной, помогите мне чем можете и пришлите мне посылку, потому что я очень ослаб и не имею никакой надежды, помощи мне ждать не от кого. Арион, Ион и дядя Афанасий, не дайте мне погибнуть, потому что я молод, мне хочется еще пожить на этом свете. Помогите мне, родные, чем можете, потому что очень тяжело мне сейчас. Я работал механиком, но теперь я совсем обессилен и не в состоянии работать. Пайка очень мала, и мне не хватает. До сих пор я терпел, но теперь совсем немощен. Желаю здоровья бабушке, дяде Алексею, дяде Афанасию, тете Марии, тете Валле, дяде Трифану, Иону, Марии, Клаве, Лисавете — в общем, всем. И умоляю вас всех, пришлите мне посылку и не забывайте о вашем племяннике Семене, который желает Вам много здоровья. Жду ответа и посылку»¹⁷.

Они стали помогать ему по мере сил и тем самым спасли. Кроме них отец всегда с особым теплом вспоминал пожилую русскую женщину, которая не дала ему умереть с голоду. Когда отцу уже разрешалось выходить за зону, она всегда приносила ему стакан козьего молока.

Отец освобожден в 1954 году — решением Военного трибунала Беломорского военного округа 5 ноября его срок заключения был сокращен до пяти лет. Он был освобожден со снятием судимости на основании ст. 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии». Полностью его реабилитировали в 1962 году. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР установила, что «антисоветские» высказывания осужденного Нигая носили обывательский характер и состава преступления собою не являли. Приговор Военного трибунала войск НКВД Архангельской области от 23 января 1945 года и определение Военного трибунала Беломорского военного округа от 5 ноября 1954 года в отношении Семена Кирилловича Нигая были отменены, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Еще в лагере отец познакомился с вольнонаемной девушкой Евгенией, которая стала его женой, и в 1950 году у них родилась дочь Галина. После освобождения они с женой и дочерью уехали на работу в Нижний Тагил. А в 1955 году отец получил первый за долгое время отпуск и наконец-то смог поехать на родину. Его там тепло приняли, и он понял, что хочет вернуться в родное село навсегда. Через год они с женой так и сделали. Отец устроился слесарем в колхозе, им дали комнатку, и вскоре у них родилась еще одна дочь — Наталья.

Спецпереселенцы начали приезжать обратно на родину в 1956—1959 годах. Некоторым возвращали их ветхие уже дома с участками земли, положенными по закону. Семен тоже попросил участок для строительства дома — часть некогда принадлежавшего им сада. И ему не просто дали участок, но и очень помогли в строительстве и благоустройстве. Брат Федор, узнав об этом, тоже решил вернуться с семьей на родину. Особенная дружба была у отца с Арионом, Ионом и Афанасием, братьями деда Кирилла. Они всю жизнь поддерживали друг друга. В 1960 году семья вместе с бабушкой Марией переехала в новый дом. Бабушка была счастлива еще и потому, что Федор строился по соседству. В 1965 году возвратился на родину и Георгий. Ефимия вернуться не успела — еще на спецпоселении она вышла замуж за парня из бессарабского села Ульма, родила детей, но очень рано умерла из-за несчастного случая на стройке. Дети с отцом уехали на его родину, в Ульму,

их неоднократно приглашали в Тодирешты, но они так никогда и не навестили родину своей матери.

Переживших ГУЛАГ очень уважали. Если кто-то из них проходил по улице, его обязательно старались пригласить в гости, поговорить. Именно таким образом однажды увидела отца и моя мама, его будущая жена. Отец шел по улице, мамина свекровь увидела его и позвала: «Симеоникэ, зайди ко мне во двор на тебя посмотреть...» Так мои родители и познакомились. Они начали жить вместе в 1966 году, когда оба уже овдовели.

Семья Нигай. Кирилл Константинович в форме жандарма, его старший сын Семен лежит на земле. 1933—1934 гг.

476

ИСТОРИЯ
ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЕГОР
МЯЗИН
МИТРОФАН
МЯЗИН

ПОИСК ПРАДЕДА, ПРИГОВОРЕННОГО
К 25 ГОДАМ ИТЛ В 1947 ГОДУ

В гостях у Егора Мязина в городе Скопин Рязанской области. Егор рассказал нам о своем прадеде Митрофане Мязине, военвраче 2-го ранга, служившем в 52-й кавалерийской дивизии. В начале войны

прадед попал в плен и оказался в лагере для военнопленных в Норвегии, был репатриирован. 30 ноября 1946 года прадеда арестовали по обвинению в измене Родине.

477

Егор Мязин

Митрофан Филиппович Мязин

история девятнадцатая

Егор Мязин

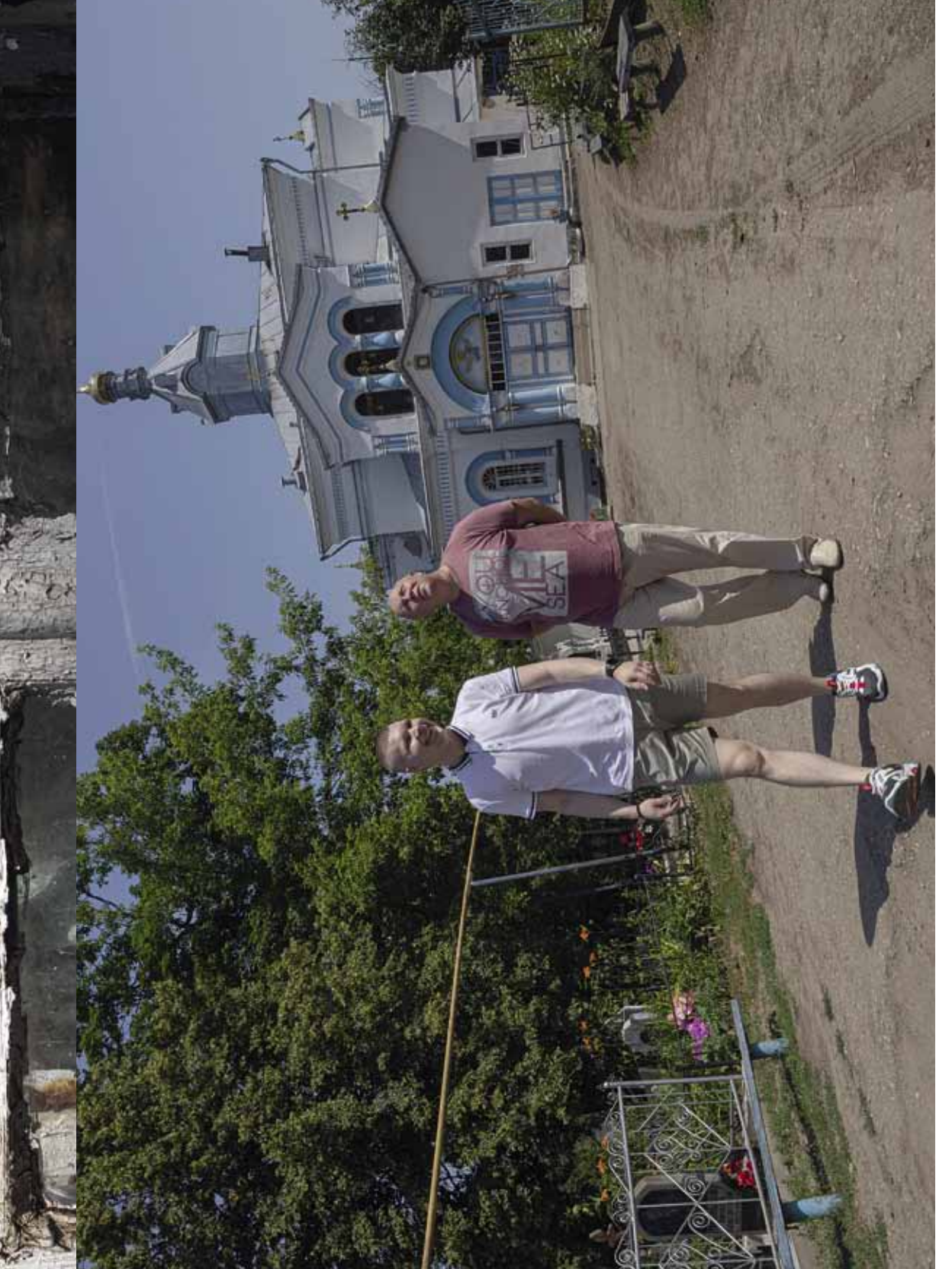

Митрофан Филиппович Мязин

история девятнадцатая

ЕГОР МЯЗИН

недавно мы нашли маленькую фотографию прадедушки. на обратной стороне подписано: «галя, это твой папа»

Егор
Мязин,
менеджер
мероприятий,
Москва

Я из Рязани, из семьи врачей. Врачами были и предки моего отца, информация о которых я ищу. К поискам меня привели семейные рассказы, которые я слышал еще в детстве. Мой дедушка, Виталий Митрофанович Мязин, часто рассказывал нам о своей семье, о родителях, пострадавших во время войны. От него я узнал, что мой прадед, Митрофан Филиппович Мязин, был военврачом, попал в плен к немцам, а потом — в норвежский лагерь для военнопленных. Когда война закончилась, он вернулся в СССР, был заключен в лагерь, потом реабилитирован. Выжить ему, по рассказам деда, помогло именно то, что он был врачом.

Я знаю, что в девяностые годы дедушка сделал запрос о реабилитации своего отца. В 1996 году он получил справку о реабилитации Митрофана Филипповича, в 2002 году — сам был признан подвергшимся политической репрессии и реабилитирован¹, поэтому Виталий Митрофанович даже получал прибавку к пенсии. Но подробностей этой истории мы не знали. Сейчас я тем более не могу расспросить родственников, потому что дедушек уже нет в живых, а отец рассказал мне все, что знал.

Как-то ночью у меня была бессонница, и я смотрел интервью Юрия Дудя², где он рассказывал о своем новом фильме про Колыму³. Я посмотрел фильм полностью в ту же ночь и сразу же стал искать информацию о Митрофане Филипповиче. Я ведь знал, как его зовут, видел его фотографии. В фильме Дудя меня очень тронули истории обычных людей об их репрессированных

¹ В соответствии с ст. 1.1 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1, подвергшимися политическим репрессиям и подлежащими реабилитации признаются дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей или одного из них, необоснованно репрессированных по политическим мотивам.

² Дудь Юрий (род. в 1986 г.) — российский журналист и видеоблогер.

³ Фильм Ю. Дудя «Колыма — родина нашего страха» (2019).

родственников, и я тогда подумал: почему они знают, а я не знаю? Они показывали фотографии родственников, какие-то личные вещи. И я решил: раз у меня тоже есть частичная информация, наверное, можно узнать больше. Мне показалось, что это важно, и, пока у меня есть время, силы и какие-то навыки поиска, я могу этим заняться. В три часа ночи, сразу же после просмотра фильма я начал искать информацию в Интернете. Единственное, что мне удалось тут же найти (в базе данных Министерства обороны — ОБД «Мемориал»⁴), — справку о том, что прадед действительно служил, был военврачом. В этой онлайн-базе даже выложены сканы документов: донесения штаба Северо-Западного фронта о безвозвратных потерях, в одном из них указана точная дата выбытия, 9 сентября 1941 года, и место — «пропал без вести в р-не Ст. Русса» в Новгородской области. Но мы-то в семье знали, что он не пропал без вести, а попал в плен.

Сначала я не понимал, как подступиться к поиску. Все-таки все по-разному относятся, что может вскрыться — непонятно. На следующий день я позвонил отцу, уточнил то, что он помнит и какие материалы у нас есть. В этот же день, 25 июня 2019 года, я поехал в Музей истории ГУЛАГа, где в Центре документации мне дали информацию, на которую можно опираться при поисках, и подсказали, какой пакет документов нужно собрать.

Поскольку я живу в Москве, а все документы хранятся в Рязани, откуда я родом, в ближайшие выходные пришлось ехать туда, искать свидетельства о рождении, чтобы доказать свое родство с прадедом, — сначала оригинал своего (оказалось, что у меня дубликат), потом свидетельство о рождении отца, тоже восстановленное в нескольких копиях и потом, наконец, свидетельство о рождении моего дедушки.

Я собрал пакет документов и составил письмо в ФСБ. Что я мог написать в таком письме? «Здравствуйте, мне нужны такие-то документы. Я тут посмотрел фильм Юрия Дудя на YouTube и решил искать информацию о своем репрессированном родственнике»? Поэтому консультация в Музее истории ГУЛАГа оказалась для меня очень полезной, и я воспользовался образцом письма из музейной методички⁵. Когда я сказал родителям, что пишу запрос в ФСБ, отец спросил: «Ты уверен, что ты хочешь писать туда и делиться с ними всей этой информацией?» Я ответил: «Да, я хочу получить это дело».

Мне хотелось побыстрее отправить письмо, я не стал нотариально заверять копии документов. Первые три письма были отправлены в рязанское УФСБ (прадед жил в Рязани), в Центральный архив министерства обороны Российской Федерации в Подольске и в УФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Кроме того, сотруднику Центра документации Елене Зелинской удалось найти запись о Митрофане Филипповиче в базе данных военнопленных, выложенной на сайте норвежского архива.⁶ Она отправила мне эту запись и дала адрес архива, в который нужно обратиться. 3 августа 2019 года я написал электронное письмо. И буквально в течение двух недель мне ответили — они подтвердили, что у них хранятся документы, и прислали сканы, где действительно указано, что прадед был репатриирован из Норвегии советскими войсками. Отбыв поездом из норвежского

4 Обобщенный банк данных «Мемориал». <https://obd-memorial.ru/html/>.

5 Брошюра с алгоритмом поиска Центра документации Музея истории ГУЛАГа. Доступна для скачивания с сайта Музея истории ГУЛАГа. <https://gmig.ru/visitors/document-center/>.

6 Интернет-архив (Digitalarkivet) Национального архива Норвегии (Riksarkivet). <https://www.digitalarkivet.no/en/>

Мельхуса, он покинул Норвегию 28 мая 1945 года в эшелоне вместе с 800 другими военнопленными. Кроме того, норвежцы поделились ссылкой на совместный с Россией проект о лагерях Норвегии и указали возможную точку на карте, где мог содержаться мой прадед.

Такой быстрый и подробный ответ очень удивил меня. Я отправил сообщение со своей личной почты, к тому же я довольно далекий потомок Митрофана Филипповича, а специалист не только прочитал письмо, но и нашел, отсканировал и прислал нужные мне бумаги. Я даже написал им потом благодарственное письмо за оперативный ответ и качественную работу.

Но это было только начало поисков. Мне хотелось все-таки понять, где содержался мой прадед в СССР, в каком лагере и почему он там оказался. Уже после консультации в Музее истории ГУЛАГа и после того, как я отправил запросы в архивы, я обнаружил в собственном домашнем архиве самое ценное, что можно было только найти: лист-справку о выпуске из колонии⁷, из которой следует, что прадед был в заключении в Омском лагере⁸. Мы не знаем, как этой справке удалось уцелеть после пожара. Но сейчас для меня уже дело принципа найти как можно больше документов.

Из российских архивов ответа пришлось ждать дольше, чем из норвежского. Сначала пришли ответы из рязанского Управления ФСБ и из архива Министерства обороны⁹ — у них нужных мне документов не оказалось, но в подольском архиве мне предоставили архивную справку со сведениями об осуждении Митрофана Филипповича и приговоре.

Из питерского ФСБ ответа пришлось ждать дольше всего. Первое письмо, которое пришло из Санкт-Петербурга, меня удивило — они ответили по форме, но достаточно мягко, не сухо. Я думал, напишут что-то вроде «Зачем вы вообще это ищете, почему мы обязаны вам это выдавать?». Но меня попросили прислать копию моего паспорта, и после этого еще полтора месяца, до середины октября 2019 года, пришлось ждать само дело — его копию должны были прислать из Санкт-Петербурга в Москву.

Было четыре часа дня, я находился на работе — на площадке, где мы проводили мероприятие. Тут мне звонят. Я думал, что это опять какой-то курьер, мне должны были привезти печатную продукцию из типографии. Снимаю трубку — женщина: «Здравствуйте. Егор Олегович?» «Да, здравствуйте». «Вас беспокоят из Управления ФСБ по Москве и Московской области». И ведь не знаешь, чего ожидать, не знаешь, «за что» тебе могут позвонить. Оказалось, что доставлены по запросу копия дела и фотография¹⁰.

Мы договорились о времени приема, и в следующий понедельник я поехал на Лубянку. У меня было какое-то внутреннее волнение, было даже немного страшно, ведь я видел фотографии из следственных дел только в фильме Дудя и в Интернете и мне не терпелось их увидеть в реальности.

Я приехал на Лубянку. Там тишина, пустота, никого не было, только я и еще один человек — молодой военный. В зале столы стоят и телефон советский, дисковый. Я набрал номер, сотрудник архива сказала, что сейчас спустится ко мне.

7   Справка из МВД, п/я УХ-16/11, выдана 18 июня 1956 г. Мязину М. Ф. в том, что он следует по месту жительства со снятием судимости.

8   Омлаг (Омский исправительно-трудовой лагерь) — действовал в 1941—1943 и 1950—1953 гг., на 1 апреля 1953 г. в лагере содержалось 28646 заключенных.

9   Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, г. Подольск, ул. Кирова, д. 74В. В этом архиве следственного дела быть не мог-

ло — следственные дела хранятся в архивах УФСБ или сети федеральных государственных архивов.

10   УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-92495. Копии архивно-следственного дела в отношении Мязина М. Ф.: копия ордера на арест, копия постановления об избрании меры пресечения, копия анкеты арестованного, копия обвинительного заключения, копия заключения о реабилитации, фотокопия фотографии.

Я сидел, ждал минут двадцать, кажется. Там такие часы стоят, тоже перекочевавшие из советских времен, — квадратные, с римскими цифрами. И секундная стрелка переключается: тук-тук, тук-тук. Стояла гробовая тишина. Мне кажется, если бы там летали мухи, было бы слышно их жужжание.

Наконец сотрудница пришла, и мне прямо в этом зале выдали копию дела Митрофана Филипповича и конверт с фотографией. Хотя на конверте было указано имя и отчество прадедушки, когда я открыл его, то не узнал этого человека. Я уже знал тогда, как выглядел прадедушка, видел его фотографии, кроме того, я сам похож на него. И отец потом тоже не узнал его на этой фотографии. Но мне не терпелось выйти из здания ФСБ, я подписал справку о том, что получил дело, и ушел. Так мы и не знаем: что это за человек, чья фотография была приложена к нашему делу? Думаю, теперь нужно поехать в Санкт-Петербург и посмотреть на дело вживую, попытаться понять, почему приложена эта фотография. Если это было групповое дело, то там было несколько фотографий и они могли ошибиться или просто прислать первую попавшуюся, — так прокомментировали эту ситуацию в Музее истории ГУЛАГа.

В метро по дороге на работу я читал дело как детектив, как роман. И на какой-то странице незаметно для себя начал задумываться: может быть, действительно все обвинения в сотрудничестве с фашистами и предательстве родины — правда? А потом пришел в себя и понял: все это бред. Как можно не доверять сведениям, полученным из Норвегии, которые никак не встраиваются в придуманную в деле историю, не верить рассказам своих родственников? Но, наверное, если бы я ничего не знал, мог бы в эти обвинения поверить.

Потом я показал дело своей семье. И никто из нас не поверил в то, что там написано. Потому что в нашей семье все врачи. Ты оканчиваешь университет, даешь клятву Гиппократа и лечишь людей. И я не верю, что когда человек в сорок два года идет на войну, оставляя дома троих детей, и попадает в плен, то он решает сотрудничать с фашистами. Я могу поверить рассказам родственников о том, что прадед действительно мог работать врачом на оккупированных территориях, но исключительно потому, что он врач и давал клятву Гиппократа, а для врача нет фашистов или нацистов, его долг — лечить. В чем он виноват перед советской властью — я вот этого не могу понять. В том, что он не умер в норвежском лагере, в том, что его там не расстреляли, не отправили в газовую камеру, в том, что он был врачом и помогал тем людям, которые были на оккупированных территориях? Возможно, он лечил фашистов, но, возможно, он лечил советских граждан, оказавшихся в оккупации.

Не могу поверить и в свидетельские показания в этом деле, в обвинения прадеда в антисемитизме. В нашей семье оскорбление по национальной принадлежности недопустимо, так воспитывали нас с братом и так был воспитан мой прадедушка.

В той копии дела, которую я получил, многое пропущено. Эта копия — по сути отдельные листы, на некоторых только пара строчек, и эти листы не сочетаются друг с другом. Поэтому я хочу поехать и посмотреть оригинал дела, заполнить пробелы. И мне было бы интересно съездить в Омск, посмотреть на лагерь, хотя я знаю, что сейчас там монастырь¹¹. Отец тоже хочет теперь узнать больше про своего деда, особенно про то, как их семью раскулачивали, поэтому собирается поехать в Воронежскую область, где Митрофан Филиппович родился. Мы нашли в базе данных «Открытый

список» запись о Мязине Григории Филипповиче, который был раскулачен и отправлен на спецпоселение. Я не закончил еще исследовать этот вопрос, но, судя по всем косвенным данным (год и место рождения, отчество), это брат прадеда.

Недавно мы нашли маленькую фотографию прадедушки. На обратной стороне подписано «Галя, это твой папа». Мы не знаем, может быть, эта надпись была сделана его супругой, Анной Федоровной, или он сам прислал ее из лагеря — в любом случае это значит, что они не надеялись, что дочка увидит отца. И вот я сравниваю фотографии Митрофана Филипповича 1936 года, до начала войны, и фотографии 1953—1954 годов, и понимаю, что на снимках 1950-х прадеду 54 года, а выглядит он на 70.

Я считаю, что сохранять память о репрессиях необходимо, иначе мы увидим их повторение.

Я не понимаю, почему люди восхваляют Сталина. Часто в спорах они приводят в качестве аргумента тот факт, что их семья никак не пострадала от репрессий. Мол, это только у тебя такая история, которая тебя с репрессиями связывает, а у нас не было репрессированных в семье и нам все равно...

Все мои близкие друзья и члены семьи знают, что я занимаюсь поисками информации о репрессированных родственниках. Я рассказывал о прадеде своей двоюродной сестре, она почти ничего не знала о репрессиях, мне кажется, про это мало говорят в школе. И на работе тоже знают о моих поисках — в любом случае спросили бы, потому что я отпрашивался в архив ФСБ. Мы не можем сейчас как-то возместить то, что было, но мы можем об этом помнить, мы можем об этом рассказать своему окружению, обществу, своим детям. Чтобы люди, которые говорят, что все было хорошо, не дали стране вернуться в те времена, не дали вернуться к террору.

УФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области

КОПИЯ

"УТВЕРЖДАЮ"

[Redacted signature area]

" февраля 1947 года.

Handwritten signature

Handwritten notes:
Отдел уголовного розыска
УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
Митрофан Филиппович Мязин
1. Стрелковичев
4. 2. 47.

ОБВИНТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ:
(По следственному делу № 235/46 года.)

ПО ОБВИНЕНИЮ:

- 1) МЯЗИН Митрофана Филипповича в пр.пр.ст.58-1"б" УК РСФСР,

В Управление МГБ по Ленинградской области поступили данные о том, что в период оккупации немецкими войсками территории Ленинградской области, в Сланцевском районе существовала резидентура немецких контрразведывательных органов, которую возглавлял бивш. районный врач Сланцевской комендатуры - МЯЗИН М.Ф.

На основании этих данных, 30 ноября 1946 года МЯЗИН М.Ф. был арестован.

На следствии МЯЗИН М.Ф. в числе агентуры, состоявшей у него на связи назвал _____, которые также были арестованы, и привлечены к уголовной ответственности по настоящему делу.

Произведенным по делу предварительным расследованием установлено, что в сентябре 1941 года обвин. МЯЗИН М.Ф., находясь на фронте в районе станции Молвотицы, Новгородской области, в качестве военврача 2-го ранга 52 кавалерийской дивизии, попал в окружение и сдался в плен к немцам. После сдачи в плен, из враждебных к советской власти побуждений МЯЗИН М.Ф. встал на путь активного сотрудничества с фашистскими захватчиками, был назначен на должность врача, а затем старшего врача в лазарете для русских военнопленных в городе Нарва.

Работая врачом в лазарете для русских военнопленных

11

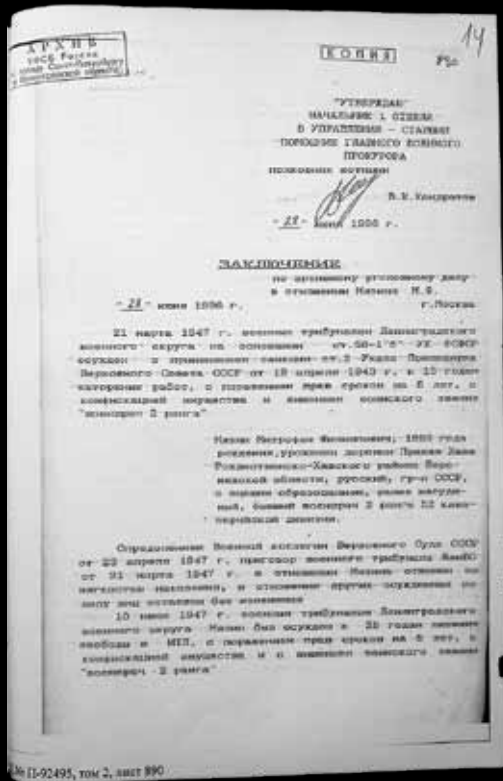
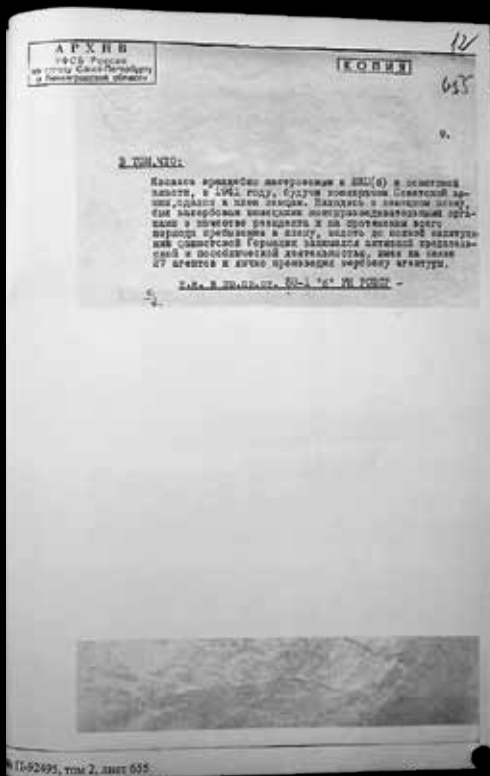
654

в.

На основании изложенного ОВВИНЯЮТСЯ:

✕

- 1) МЯЗИН. Митрофан Филиппович, 1899 года рождения, урож. Воронежской области, Рождественско-Лавского района, дер. Правая Хаза, не судим, русский, гр-н СССР, беспартийный, сын содержателя маслобойни, брат раскулачен в 1930 году, образование высшее. С 1941 по 1945г. находился в немецком плену. До ареста - врач лагерного отделения № 9 УИТД МВД по Ленинградской обл. Проживал: Лен.область, Мгинский район, Невдубстрой, шлакобетонный дом № кр.21.

АРХИВ
УФСБ России
по городу Санкт-Петербургу
и Ленинградской области

КОПИЯ

16

Стр. - 3

При этом следует отметить, что, исполняя обязанности председателя вышесказанного комитета по отбору кандидатов в члены Политбюро, он имел право выбора и таким же образом избрал. Присутствовал при рассмотрении кандидатуры М. Ф. Мязина, но присутствовал по требованию секретаря для консультаций с секретарем. Заключительное с... отобранные кандидаты по ее требованиям.

Свидетельств

В своем показании вышеуказанный свидетель сообщил, что он знает Мязина М. Ф. по имени. Он говорил, что Мязин как врач состоял на службе в Министерстве здравоохранения СССР. Он работал в качестве заместителя или обязанности в клинике у врачей-офтальмологов.

На основании изложенного следователь считает, что вывод о том, что Мязин не являлся членом Политбюро, является, следовательно, не соответствующим фактам и не соответствующим действительности. Мязин М. Ф. вступил в Политбюро Верховного Совета СССР в 22/11/1956 г. от 18 ноября 1942 г. он не подлежал привлечению к уголовной ответственности.

Кроме того, Мязин никогда не был и не обязан был на открытии врачебной комиссии и не занимал эту должность.

Таким образом, необходимо признать, что Мязин М. Ф. осужден по ст. 58-1 "б" УК РСФСР необоснованно, на незаконных основаниях. Его действия не содержат признаков указанного состава преступления, а его осуждение за участие в работе Политбюро Верховного Совета СССР, в связи с чем Мязин М. Ф. признан виновным и необоснованно осужденный в соответствии со ст. 8 Закона РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 г. подлежит реабилитации.

Вышней прокуратурой
1 отдела в управлении ГИИ
полковник милиции *З. А. Гурьянов*

СССР

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

1-10

Форм А

ВМ/Н

СПРАВКА № 009320

1/8
УХ 16/11
2 О.И.К.
18 июля 1956

Выдана гражданину(ке) *М. Я. Мязину*
Митрофану Фрильтовичу
год рождения *1899* национальность *Русский*
уроженцу(ке) *г. Прова-Хова, Ровненской -*
Ханской р-но, Воронежской в том, что он(она)
содержался(ась) в местах заключения МВД с *30 ноября 1946*
по *18 июля* 1956 г., откуда освобожден(а)
по определению ВК Верховного суда
СССР от 16/11 1956, срок освобождения 10 лет
отрешениями от ст. 6. Закона Президиумом
Верховного Совета СССР от 17/11 1955 г.
Следует к месту жительства *в соответствии с указанным*
с. Серог, Скопин Рязанской обл.
Александрович
(подпись)

Личный архив
№ *1-10*
отдел
МВД СССР

МИТРОФАН ФИЛИППОВИЧ МЯЗИН

Мой прадед, Митрофан Филиппович Мязин, родился 25 ноября 1899 года в деревне Правая Хава Рождественско-Хавского района Воронежской области, в крестьянской семье. Его отец содержал маслобойню.

В 1930 году семью Митрофана Филипповича раскулачили, а брата, скорее всего, отправили в ссылку. Сам прадед не был сослан, так как, насколько я понимаю, в это время заканчивал обучение в медицинском университете в Воронеже. Получив образование, Митрофан Филиппович стал врачом общей практики и был направлен по распределению в Калининскую область, где познакомился со своей будущей женой.

Жену прадеда звали Анна Федоровна (девичья фамилия — Игнатова). Они поженились в 1930 году, в браке родилось трое детей, но старшая дочка умерла в детстве.

Начиная с 1944 г. в западных районах страны, в том числе и на территории Ленинградской области, стали создаваться специальные фильтрационные подразделения, осуществлявшие проверку бывших советских военнопленных и перемещенных гражданских лиц, репатриантов: проверочно-фильтрационные лагеря НКВД, армейские и прифронтовые сборно-пересыльные пункты, проверочно-фильтрационные

комиссии по месту жительства. Их приоритетной задачей называлось выявление «агентов иностранных разведок». В Ленинградской области в п. Дубровка был организован ПФЛ №0317, возможно, именно там проходил фильтрацию М. Ф. Мязин. Впоследствии он был направлен на работу врачом в ЛО №9 УИТЛК Ленинградской области.

Митрофан Филиппович Мязин с супругой Анной Федоровной и детьми: старшей дочерью Ниной и сыном Виталием. 1936 г.

23 июня 1941 года, на следующий день после начала войны, прадеда призвали в армию. Ему было уже 42 года. Он служил в звании военврача 2-го ранга 52-й кавалерийской дивизии, не в госпитале, а на передовой, в медицинской части, которая шла непосредственно за армией. В самом начале войны, в сентябре 1941 года, Митрофан Филиппович попал в плен, согласно его делу, в районе станции Молвотицы Новгородской области. Позднее его вывезли с оккупированных территорий и поместили в лагерь для военнопленных в Норвегии, откуда он был репатриирован и отправлен в распределительный центр в Ленинграде¹². Я предполагаю, что там он и остался работать врачом.

В 1946 году Митрофан Филиппович жил в Ленинградской области и работал врачом в лагерном отделении №9 УИТЛК Ленинградской области. 30 ноября 1946 года прадеда арестовали по обвинению в измене Родине.

Согласно обвинению, «сдавшись» в плен, прадед «из враждебных к советской власти побуждений встал на путь активного сотрудничества с фашистами»¹³, был назначен ими врачом в лазарете для русских военнопленных в городе Нарва, а с апреля 1942 года, работая врачом при немецкой комендатуре, якобы стал агентом немецкой контрразведки. Кроме моего прадеда были арестованы и осуждены те, кто будто бы был завербован им для сбора сведений. Обвинительное заключение составлено на двух человек — прадедушку и еще одного, чья фамилия забелена сотрудником архива при подготовке копий дела¹⁴.

Далее прадеда обвиняют в том, что в начале 1944 года он вместе с немецкими властями бежал в Эстонию, был отправлен в Финляндию, выехал в Норвегию, продолжая «сотрудничество с оккупантами вплоть до полной капитуляции фашистской Германии»¹⁵. Приговор прадеду выносили трижды, увеличивая при этом срок наказания. 21 марта 1947 года военным трибуналом Ленинградского военного округа Митрофан Филиппович был приговорен по ст. 58 п. 1 «б» УК РСФСР¹⁶ с применением санкций ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года¹⁷ к 15 годам каторжных работ с поражением прав сроком на 5 лет, конфискацией имущества и лишением воинского звания «военврач 2-го ранга». Но 23 апреля приговор отменили «за мягкостью наказания», и следующим приговором от 10 июня 1947 года он был осужден уже к 25 годам лишения свободы с пребыванием в ИТЛ¹⁸. Прадед подал ходатайство о смягчении наказания, но 19 июля 1947 года определением Военной коллегии Верховного суда РСФСР оно было отклонено¹⁹.

Митрофан Филиппович был отправлен в Омский лагерь, состоящий из двух отделений — для каторжан и для простых граждан. У меня есть справка, которую прадеду выдали при освобождении, поэтому я знаю, что его выпустили из больницы

13 УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-92495, т. 2, л. 647—650: обвинительное заключение по делу Мязина М. Ф. от 28 февраля 1947 г.

14 Возможно, на медсестру, которая работала вместе с М. Ф. Мязиным.

15 УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-92495, т. 2, л. 647: обвинительное заключение от 28 февраля 1947 г.

16 Ст. 58 УК-РСФСР устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность. Пункт 1 «б» — измена Родине, совершенная военными служащими.

17 Указ Президиума Верховного Совета СССР №39 от 19 апреля 1943 г. устанавливал, что «поскольку из местного населения, учащенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет».

18 Также с поражением прав сроком на 5 лет, конфискацией имущества и лишением воинского звания «военврач 2-го ранга».

19 Приговор Военного Трибунала Ленинградского военного округа от 10 июня 1947 г. и определение Военной коллегии Верховного суда РСФСР от 19 июля 1947 г. были также признаны правильными.

Омского лагеря. Соответственно, я думаю, что в Омском лагере он также работал в больнице — не прекращал лечить людей.

В 1955 году вышел закон, провозгласивший амнистию «советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»²⁰. И в 1956 году, после проведенной по делу дополнительной проверки²¹, приговор²² в отношении Митрофана Филипповича был изменен: «Из приговора исключено обвинение Мязина в предательстве военнопленных, партизан и советских граждан, а также в принадлежности его к немецким разведывательным органам — за недоказанность»²³. Мера наказания была снижена до 10 лет лишения свободы, хотя в остальной части приговор был оставлен без изменения.

18 июля 1956 года прадеда освободили из-под стражи и признали не имеющим судимости и поражения в правах²⁴. После освобождения он вернулся в Рязанскую область, в город Скопин.

Умер Митрофан Филиппович 5 февраля 1985 года.

В 1996 году мой дед и его сестра Галина Митрофановна, дети Митрофана Филипповича, обратились с заявлением о реабилитации их отца. Было постановлено, что в деле отсутствуют доказательства совершения Мязиным измены родине. «В ходе предварительного следствия и в суде Мязин давал противоречивые, взаимоисключающие показания, но при этом пояснил, что, исполняя обязанности председателя медицинской комиссии по отбору советских граждан на направления на работу в Германию, он иной раз ошибался и такие люди возвращались назад. Присутствовал при расстреле немцами трех советских граждан, но присутствовал по требованию оккупантов для констатации смерти. Эвакуировался с отступающими немцами по их требованию.

На основании материалов дела следует прийти к выводу о том, что Мязин не оказывал немцам какого-либо содействия, направленного против СССР и его народа, занимая своей профессиональной деятельностью врача и лечил соотечественников»²⁵.

Заключением Главной военной прокуратуры от 28 июня 1996 года Митрофан Филиппович был реабилитирован. В 1996 году его сын, Виталий Митрофанович Мязин, получил справку о реабилитации, где признан пострадавшим от политических репрессий как оставшийся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам.

20 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

21 УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-92495, т. 2, л. 891: протест Главного военного прокурора Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 июня 1956 г.

22 Приговор Военного Трибунала Ленинградского военного округа от 10 июня 1947 г.

23 УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-92495, т. 2, л. 891: заключение по архивному уголовному делу в отношении Мязина М. Ф. от 28 июня 1996 г.

24 Освобожден по определению Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 июня 1956 г. Согласно п. 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г., снималась судимость и поражение в правах с граждан, освобожденных от наказания на основании этого закона.

25 УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-92495, т. 2, л. 891, 892.

Папа.
Митрофан
Мязин.

¹ Подпись на обороте фотографии М. Ф. Мязина.

1930-е гг.

² Митрофан Мязин. 1930-е гг. Фотография

с подписью на обороте: «Галя, это твой папа»

³ Митрофан Мязин. Рязанская область, г. Скопин.

1980-е гг.

⁴ Митрофан Мязин (верхний ряд, в центре)
в период обучения в университете. 1920-е гг.

¹ Митрофан Мязин в период обучения в медицинском университете. 1920-е гг.

² Митрофан Мязин с внуком Олегом — отцом Егора Мязина — на Первомайской демонстрации. Рязанская область, 1958 г.

³ Митрофан Мязин. После 1956 г.

502

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

СОВ
КОТО
ОТ Б
И Са
A con
histo
camp
shows
whose
count
to Chu

Музей ГУЛАГ призывает к участию в проекте и приглашает принять участие в работе с архивными документами.

map.

1

Александр Makeев, историк, руководитель Центра документации Музея истории ГУЛАГа (2018–2019), автор книги «Сиблаг НКВД. Последние письма пастора Вагнера. Личный опыт поиска репрессированных»

Иногда бывает так, что все получается. Все, что ты делаешь, приводит к важному и полновесному результату. Все происходит вовремя: приходят письма, появляются нужные люди, случайно натыкаешься на сайты, где есть ответы на твои вопросы. Для меня это явный знак, что я делаю что-то правильное. Именно так, по невероятному стечению обстоятельств, я на полтора года стал руководителем Центра документации Музея истории ГУЛАГа.

По образованию я историк. Но до недавнего времени мне казалось, что выбор этой специальности был просто романтическим увлечением. Я не представлял себе, каким образом эта специальность может быть практична и полезна. Поэтому после окончания университета историком я не проработал ни дня. Еще во время учебы я увлекся музыкой и постепенно приобрел навыки, которые можно назвать ремеслом, — я стал звуко-режиссером и работал со звуком в различных видео- и кинопродакшенах.

Все изменил мой внезапно проснувшийся интерес к истории моей семьи. Я начал исследовать судьбу своего прадеда — лютеранского пастора Вольдемара Вагнера, репрессированного в 1930-х годах прошлого века. Это исследование растянулось на несколько лет и превратилось в настоящий научный проект, где неожиданногодились все мои университетские навыки. В какой-то момент я понял, что это именно то, чем я могу заниматься круглосуточно, в чем я вижу очень большой смысл. Я написал письмо директору Музея Роману Романову, рассказал о своем исследовании и о том, что очень хочу работать с этой темой. К моему удивлению, Роман ответил мне на следующий день и пригласил на встречу.

Как оказалось, я попал в нужное место в нужное время: в музее открывался Центр документации. Был нужен человек со своим опытом поиска, мотивированный собственной семейной историей. Таким человеком оказался я.

Идея создания Центра документации пришла «снизу». Посетители музея после осмотра экспозиции начинали вспоминать семейные рассказы о раскулаченных бабушках и дедушках, о родственниках, отрезанных от общих семейных фотографий, о расстрелянных и пропавших в лагерях предках.

Но это были только туманные легенды, а как узнать что-то об их судьбах? Где найти документы и как их получить? Специального отдела в музее для этого не было, и вопросы часто оставались без ответа. Стало очевидным, что это направление работы требует внимания. Так появился Центр документации.

Мы не подозревали, насколько актуальной окажется эта тема. После официального открытия 28 февраля 2018 года, о котором написали многие СМИ, на меня обрушился поток писем, звонков и посещений. Сначала в Центре документации я работал один, как могли мне помогали коллеги. Несмотря на это, мне удалось обработать около 500 запросов. Ни тогда, ни сейчас я не могу назвать это просто «работой». За этим стояло нечто большее, что трудно оценить затраченными часами. Разумеется, не все из запросов достигли положительных результатов, но пришло много писем от людей, чей поиск достиг цели. Это очень поддерживало.

Постепенно в Центре появились новые квалифицированные специалисты. Мы отладили процесс, стали самостоятельно работать в архивах, помогать издательскому отделу, проводить семинары об основах поиска информации о репрессированных. На основе опыта Центра мы создали методичку, где были обозначены основные шаги на этом непростом пути. Методичку можно получить в музее или скачать с сайта.

Моя личная история поиска оформилась в полноценную книгу «Сиблаг НКВД. Последние письма пастора Вагнера. Личный опыт поиска репрессированных». Книга вышла в рамках издательской программы Музея истории ГУЛАГа и Фонда памяти совместно с «АСТ». Она была издана при поддержке Посольства ФРГ в России. В 2020 году книга получила премию журнала «Сноб» «Сделано в России 2020» в номинации «Литература».

Я до сих пор занимаюсь темой репрессий: читаю литературу, провожу биографические исследования, помогаю людям в их стремлении восстановить историю семьи, читаю лекции и веду темы на форумах.

Поиск репрессированных предков — это очень личный процесс. Это знакомство со своими родственниками, о которых очень долго никто ничего не знал, — со всеми их чувствами, переживаниями, сильными и слабыми сторонами. Но самое главное — с их искалеченными тоталитарным государством жизнями. С теми травмами, которые усиленно прятали глубоко внутри их дети, но которые уверенно прорастают в их внуках и правнуках. И это та история семьи, а значит, и страны, о которой нам не рассказывали в школе и которая сильно расходится с тем, что мы привыкли представлять себе о нашем прошлом. Это знание тяжелое, не каждый готов открыть такую страницу своей родословной. Для себя я понял, что мне это было необходимо. И я убежден, что эта информация должна быть доступна каждому. Только так мы сможем понять, что тогда произошло с нашей страной.

В этой книге представлены истории поиска репрессированных родственников — истории тех людей, которым Центр документации помог с поиском архивных документов. Эти истории очень дороги для нас, потому что каждую из них мы пережили вместе.

Мария Лоцманова, руководитель Центра документации Музея истории ГУЛАГа

История моего прадеда, Якова Янцена, изменила мою жизнь во многих смыслах. Но в первую очередь — привела меня в Музей истории ГУЛАГа и неожиданно подарила мне любимую работу.

16 мая 2019 года я пришла в Центр документации музея к Александру Макееву на семинар по поиску информации о репрессированных родственниках. К тому моменту я уже получила копии двух архивно-следственных дел в отношении прадеда и даже успела ознакомиться с ними в архиве Регионального управления ФСБ по Архангельской области. Но Центр документации здорово меня тогда сориентировал в моем дальнейшем поиске.

Стало понятно, какие еще документы и где я могу найти, и поиск приобрел совершенно иные масштабы и качество. Я больше не «тыкалась» во все архивы подряд, а осмысленно собирала информацию не только в отношении прадеда, но и всей его семьи. И чем дальше я продвигалась, тем становилось яснее, что огромная часть жизни этой семьи — «белое пятно», неизвестная для потомков и не осознанная ими трагедия. С этим пониманием остановиться на полпути я уже не могла.

Я продолжила общаться с Сашей по электронной почте, консультировалась по новым архивным запросам. В июне он пригласил меня снова прийти в музей, чтобы познакомиться с директором, Романом Романовым. Оказалось, что Саша уезжал жить в Германию и искал себе замену на должность руководителя Центра документации. Так в июле 2019 года я начала работать в Музее истории ГУЛАГа.

Я стараюсь не забывать свои первые ощущения от поиска: как пыталась сориентироваться, где какие документы хранятся, как боялась обращаться в ведомственные архивы, как открывала первые материалы по репрессированным родственникам. Это помогает в общении с нашими посетителями.

Мне хочется, чтобы они воспринимали меня просто как человека, у которого чуть больше опыта и ко-

торый готов с ними этим опытом поделиться. Я часто говорю о том, что поиск архивных документов по своей семейной истории проделала как частное лицо, а не как сотрудник музея. И они так же, как и я, могут попробовать восстановить свою историю.

Поиск информации о репрессированных родственниках — это очень мощный опыт.

Во-первых, это в любом случае запускает процесс восстановления семейной истории и родственных связей: прошлое объединяет родственников, и они начинают больше общаться друг с другом. Во-вторых, через подробное изучение истории репрессий в отношении своего родственника приходит более внятное понимание того, как был в принципе устроен механизм сталинских репрессий. А современная ситуация с крайне сложным доступом к архивным материалам в отношении репрессированных наглядно показывает, насколько это до сих пор актуальная, болезненная и непроработанная тема. Таким образом, история репрессий перестает быть чем-то абстрактным и формулируется очень личное к ней отношение.

Так случилось и со мной. Я не просто смогла наконец-то восстановить по архивным документам то прошлое, о котором молчали или не знали несколько поколений нашей семьи, но и окончательно реабилитировала нескольких своих родственников только в 2019 году. Раньше я не могла даже представить, что формально эта история может завершиться спустя много десятилетий.

К сожалению, архивная система в России устроена так (и особенно это касается архивных дел в отношении репрессированных), что разобраться в ней самостоятельно очень непросто. Поэтому и существует Центр документации, который по возможности консультирует «поисковиков». Часто людям кроме информации нужна просто эмоциональная поддержка в «борьбе» с архивами или в преодолении страха перед темой репрессий, — и мы стараемся ее дать.

Основная задача Центра, как я ее вижу, — дать людям понимание, что архивные материалы в отношении репрессированных существуют и до сих пор хранятся в архивах, что они так или иначе доступны и можно их искать, к ним обращаться, исследовать эту сторону семейной истории.

Центр документации работает в Музее с февраля 2018 года, и за это время с некоторыми из наших посетителей у нас сложилось более близкое и продолжительное общение, когда мы сопровождаем их в поиске на протяжении нескольких месяцев или даже нескольких лет. Наблюдая за тем, как эти люди неотступно, по крупицам восстанавливают судьбы своих репрессированных и преданных забвению родственников, мы поняли, что эти невероятные истории поиска и борьбы за память нужно фиксировать и рассказывать.

Герои этой книги — люди разного возраста, профессий, из разных регионов и даже стран, которые в какой-то момент обратились в Музей истории ГУЛАГа. Всех их объединяло знакомое мне желание вернуть

родных из забвения, и для меня это большая радость и честь — оказаться среди этих героев.

Я благодарю Романа Романова, Александра Макеева, Светлану Пухову, Елену Зелинскую, Анастасию Катаеву, Ольгу Бровкину, Татьяну Полянскую, Олесю Хороших и всех моих коллег из Музея истории ГУЛАГа, а также редакторов Елену Жолобову и Евгению Григорьеву за возможность работать вместе и создать такую прекрасную и нужную книгу. Благодарю моих родителей и родственников, а также Татьяну Стефаненко за поддержку в моем поиске. И конечно, я благодарю героев этой книги за участие, терпение и неравнодушие.

Елена Зелинская, специалист Центра документации Музея истории ГУЛАГа

В Центр документации я попала после работы на экспозиции нашего музея. Некоторые посетители во время знакомства с экспонатами и документами подходили ко мне и рассказывали собственные истории — о родственниках, переживших репрессии. Потребность поделиться, принести с собой знание о семейной трагедии, а не только изучать тяжелый период истории, была очевидна. «Это про нас, про нашу семью, нам тоже есть что вам рассказать», — будто говорили они.

Начиная консультировать посетителей в 2018 году, я не до конца представляла, что нам предстоит. Понимание того, что можно найти сведения о репрессированных, о чьей судьбе родственники не могли узнать десятилетиями, очень вдохновляло. К тому же была реальная возможность взаимодействовать с теми, кто приходит в музей, и соучаствовать в открытии чего-то важного. Многие до сих пор находятся в полном неведении о существовании архивных дел или считают, что эти документы хранятся в нашем музее. Во время консультации мы рассказывали о системе архивов, законе «О реабилитации», осуществляли первоначальный поиск по основным базам, помогая нашим респондентам.

Со временем я заметила, что люди приходят не только за методикой поиска, они ищут нечто большее — поддержку в попытке восстановить то, что было утрачено, и тех, кто может разделить с ними интерес к исследованию истории рода. Разрушались семьи, дети и родители теряли друг друга, внуки не видели своих дедушек и бабушек. Приглашая посетителя для беседы, я прошу рассказать, что произошло с его

родными. Иногда кажется, что говорить об этом — важнее, чем искать следственные материалы и дела заключенных. В ответ я часто слышу не сухие цифры и факты «родился-работал-забрали-пропал», а нечто, что не укладывается в простую анкету для запроса. Человек начинает свой рассказ-хронику и не может остановиться. В наших беседах разворачивается история всей семьи, отношений между близкими, ее прошлое, картина повседневной жизни, составленная из сохранившихся воспоминаний. Мы говорим не только об истории конкретного ареста, раскулачивания или депортации семьи, но и о том, как это событие повлияло на судьбы родных и близких в прошлом, на тех, кто живет сейчас, в том числе и на рассказчика. Кто-то задумывается о будущем и собирает семейный архив для потомков.

Многие истории поиска сложны и, скорее, напоминают расследование, по разным причинам: сложная жизнь в те страшные несколько десятилетий, замалчивание табуированной темы в семье, искажение семейной легенды. Бывает, посетителю известно только то, что «прадедущка был репрессирован». Он начинает при мне звонить родственникам, выяснять имена, даты, подробности. Мы составляем план запросов в государственные и ведомственные архивы. Полученные сведения о репрессированном — результат больших усилий, настойчивости и терпения тех, кто приходит к нам за советом. Не изжит передавшийся «по наследству» страх — отправить запрос в ФСБ или МВД, напомнить о самом факте репрессии. Чтобы обратиться к прошлому, кому-то приходится вырываться из суеты ежедневных забот, далеко не для всех такая поисковая деятельность привычна. После недель или месяцев общения мы вместе ждем ответы из архивов. Порой у меня появляется странное ощущение погружения в пространство этой семьи, ведь теперь я знаю историю нескольких ее поколений, бывает, по двум ветвям сразу. Таков был размах репрессий. И за каждым, казалось бы, типовым составом дела, в каждой добавленной записи в базу данных репрессированных — уникальная судьба человека.

Иногда нас спрашивают, как мы эмоционально выдерживаем, работая с трудной темой репрессий. Для меня ответ кроется в надежде на то, что с посещения Музея истории ГУЛАГа и Центра документации, с первых слов нашего разговора начинается процесс открытия и прорабатывания трагичной истории семьи. Мы бессильны изменить страшное прошлое. Но, продолжая горевать, можем уйти с точки бездействия, восстанавливая историю жизни конкретного человека, сохраняя память о нем. Изучать архивные документы родственника, пережившего репрессии, тяжело эмоционально. Но с каждым прочитанным архивным делом, письмом из лагеря, фотографией, рукописной запиской, изъятой во время обыска, его образ кажется объемнее. Он становится ближе, заполняя пробел в истории семьи. Мне многие в этом признаются — как будто обретают неизвестного ранее родственника из прошлого, воссоздают утраченную связь с предком.

Знание, пусть и вызывающее слезы, в то же время дарит облегчение.

Хочется сказать о тех, кто обращается к нам и по-разному проходит нелегкий путь поиска. Одни приносят готовые папки с семейными реликвиями, чтобы продолжить генеалогические поиски, раскрыв судьбы репрессированных родных. Другие с этой грустной страницы только начинают исследовать свою родословную. Эти замечательные люди проделывают огромную работу, не отступают перед трудностями взаимодействия с архивами, дорожат историей своего рода и хранят ее, берегут память и заботятся о будущем. Такие люди участвовали в нашем книжном проекте. Надеюсь, их опыт поддержит и вдохновит наших читателей.

Анастасия Катаева, специалист Центра документации Музея истории ГУЛАГа

В Музей истории ГУЛАГа я пришла работать смотрителем. Все свое рабочее время я проводила в экспозиции под звуки ГУЛАГа, видео заброшенных лагерей.

Я разглядывала лагерные предметы и интерактивные модули, пыталась «отрефлексировать» этот опыт, даже писала стихи. Я слушала экскурсии и смотрела интервью с репрессированными. Год работы на экспозиции был важен для меня и подготовил к тому, чтобы прийти в Центр документации.

Но до этого момента я успела немного поработать в библиотеке Музея истории ГУЛАГа. Я читала воспоминания репрессированных, старалась ярче представить их истории. Работала с фондами библиотеки, писала небольшие статьи и каталогизировала книги. Научная библиотека и Центр документации находятся в одном пространстве музея, на одном этаже, поэтому я с интересом наблюдала за сложной и вдумчивой работой Александра Макеева (в то время он был руководителем Центра документации), слушала его рассказы, лекции. Через полгода мне предложили там работать, принимать посетителей и обрабатывать запросы по поиску их репрессированных родственников.

Этот поиск похож на настоящее расследование, ведь обычно после ареста о человеке было мало что известно. Мы с коллегами пытаемся помочь людям по крупицам восстановить путь их родственника с момента ареста до реабилитации. Иногда этот путь короткий, иногда длинный, иногда ничего не получается найти. Бывает так, что история заключенного крайне за-

путанная и сложная, включает в себя различные места ссылки или каторжный труд в лагерях. Наша задача как специалистов Центра документации заключается в том, чтобы помочь разобраться в сложной архивной системе, подсказать, куда, в какой архив еще можно отправить запросы, когда кажется, что все возможные варианты уже исчерпаны.

А когда люди, обращавшиеся к нам за помощью, возвращаются в Центр документации с найденным делом или архивной справкой, я радуюсь и горжусь проделанной работой — ведь это результат нашего общего расследования.

Три самые запоминающиеся в моей практике истории поиска вошли в книгу «С моих слов записано верно»: о Кирилле и Семене Нигай, Петре Шкуратове и Валерии Григорьеве.

Работа в Центре документации для меня — это не просто работа, это возможность прикоснуться к истории здесь и сейчас, возможность повлиять на ход событий и что-то изменить в жизни людей. У каждого пришедшего в Центр документации есть свой рассказ, сложная и порой страшная история семьи. Когда я смотрю в глаза человека и вижу желание и надежду найти информацию, узнать правду, какой бы страшной она ни была, то испытываю мощное переживание — это помогает мне работать дальше, даже когда не остается сил.

Ольга Бровкина, научный сотрудник Сектора архивного хранения Отдела учета и хранения фондов Музея истории ГУЛАГа

В мои студенческие годы на историческом факультете РГУ одна одногруппница как-то сказала мне, что хочет пойти волонтером в Музей истории ГУЛАГа. Я поддержала ее, подумав, однако, о том, какой это странный выбор. Спустя несколько месяцев мой близкий человек переживал расставание со своей первой любовью, и я предложила заполнить свободное время волонтерством в музеях Москвы. Я тоже подавала заявки — и первым, кто откликнулся и предложил мне интересную работу, был наш музей.

Занимаясь расшифровками, я поймала себя на мысли, что продолжаю слушать интервью репрессированных и после отрезка, с которым я работала. Мне было важно знать, что же случилось с этими людьми дальше, как они преодолевали самые тяжелые события своей жизни, словно это была моя личная ответствен-

ность. Помню, что однажды я расшифровывала рассказы Леонида Городина «Одноэтапники» прямо на лекции — настолько мне казалось, что это сейчас важнее.

Впервые я попала в отдел хранения Музея истории ГУЛАГа осенью 2017 года. Увидев внутреннюю жизнь музея, я ощутила, насколько здесь теплая и искренняя атмосфера — изучение сложной темы очень сплотило коллектив. Когда меня пригласили стать сотрудником музея, я сразу с чувством гордости рассказала об этом всем друзьям. Моя работа — не просто изучение документов, это восстановление личных историй. В прошлом году я защитила магистерскую диссертацию по теме исторической памяти о политических репрессиях — мне было важно отдать должное тому, чем я занимаюсь.

Желание зафиксировать поисковый опыт, сохранить семейные легенды и опубликовать личные архивы вылилось в мое скромное участие в этой книге. Я надеюсь, что истории наших героев сподвигнут читателей на их собственное исследование.

Олеся Хороших, документальный фотограф и режиссер

Документальное кино и фотография стали для меня приглашением в музей. Как режиссеру и фотографу мне всегда была интересна история человека, возможность своем через частное осмыслить общее. Именно в музее я впервые встретилась с темой политических репрессий в СССР.

Предложение поработать над созданием книги я восприняла как еще одну возможность рассказать о человеке, через героя показать связь с его предками. Из-за трагических поворотов жизни люди в большинстве своем были вычеркнуты из семейной истории, несправедливо расстреляны без права себя защитить, последний адрес их не был найден.

И мне кажется, распутывая этот клубок, разглядывая детали и подробности жизни наших предков, мы наполняем новым смыслом и собственную жизнь. Ощущая связь с прошлым, можно смело и без стыда смотреть в будущее.

Елена Жолобова, литературный редактор

Мне довелось поработать с частью историй и документов, представленных в этой книге, и могу сказать, что это в своем роде уникальный материал, потому что он представляет собой синтез устных, вещественных и документальных источников: личных историй, семейных преданий, воспоминаний и официальных архивных документов. О поиске последних рассказывается максимально подробно — фактически в книге приведены методические указания, как, когда, в каких случаях и куда обращаться для получения той или иной информации о репрессированном. Немаловажно и то, что это именно личные свидетельства людей разных поколений, профессий и культурных кодов. Кому-то удалось найти многое, кому-то — нет, но в любом случае жизнь каждого изменилась, обогатилась. Потому что все эти истории — про «одушевление» безликой цифры, еще одной жертвы репрессий. А это почти сакральное действие, я убедилась в этом сама. У меня тоже есть личный, очень скромный по результатам, но завораживающий своим «узором» опыт поиска и нахождения информации о своем репрессированном прадеде Якове Николаевиче Макарене. Когда я только начала устанавливать связи с архивами Республики Беларусь, обозначилась удивительная тенденция: буквально все ответы на мои запросы приходили неизменно в даты, так или иначе связанные с биографией Якова Николаевича. Апофеозом было письмо и копии материалов архивно-следственного дела из центрального архива КГБ Беларуси, полученные 18 октября — в день его расстрела. Потом я съездила в Минск, чтобы самостоятельно ознакомиться с материалами дела полностью. Я была наивна — мне позволили посмотреть лишь те листы, что были присланы по почте, остальные были спрятаны в крафтовые конверты. Дело мне показывали в небольшой комнате две сотрудницы архива. Я пыталась узнать, отчего мне запрещено ознакомиться с материалами полностью, ведь 75-летний ограничительный срок на доступ к документам, которые могут содержать сведения о тайне третьих лиц, давно прошел, но ответом было просто «нельзя». Поинтересовалась, где мог быть расстрелян мой прадед, содержащийся в Слуцкой тюрьме, но и на этот вопрос мне не ответили. Все было вежливо-безнадежно. Когда я находилась там и задавала порой откровенно детские вопросы, мне казалось, что я абсолютно спокойна и владею собой. Но, оказавшись на улице, я поняла, как заблуждалась. Символично, но в тот день у меня полностью пропал

голос. Я не знаю, что это было — стресс или всплеск генетической памяти.

Мне удалось узнать немного, но у меня теперь есть фотография прадеда, и это для меня очень важно. Никаких семейных реликвий и воспоминаний у нас не сохранилось, а спросить уже некого. Думаю, в том, что старшие молчали и не хотели передавать по наследству своим детям и внукам это страшное знание, выражалась их любовь и надежда на то, что мы будем жить свободно, так сказать, налегке. Но оказалось, что это не так, и вопрос «кто я и откуда» рано или поздно человека настигает. И очень хорошо, что у каждого, кто осмелился хоть немного приблизиться к ответам и встал на путь поиска, есть такой проводник, как Центр документации Музея истории ГУЛАГа и эта книга.

Светлана Пухова, руководитель издательской программы Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти

С первым в моей жизни поиском информации о репрессированных я столкнулась в 2017 году, в тот момент, когда мы работали над книгой «Метеочертик. Труды и дни» — первой книгой в издательской программе Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти.

Это был поиск на всю страну: журналист «Новой газеты» Зоя Ерошок искала автора маленькой «книжечки», размером с ладонь, посвященной сыну Сашке в 1941 году. Волей случая Зоя стала владельцем этого вещдока — рисованного дневника, который вела несколько лет заключенная Карлага. О ней было известно только, что звали ее Олечка и отбывала она наказание на метеостанции недалеко от казахского поселка Долинка.

За три года публикаций в «Новой газете» материалов с крупным заголовком «Книжечка» и запросов в различные архивы Зое удалось найти не только автора книжечки, Ольгу Михайловну Раницкую, но и ее родственников, соседей, друзей. Не канул человек в «сталинское бесследие», не уничтожен, жива память о нем.

У Зои Ерошок были свои личные счеты со Сталиным. Она многие годы вела в «Новой газете» колонку о ГУЛАГе, и ей важен был каждый политзэк, вырванный из беспамятства. В этой связи она часто повторяла: «Один — это очень много». Она писала: «Книжечка — символ, который до нас дошел. Маленькая вещица. Свидетельство против Сталина». Из таких маленьких свидетельств, вещдоков и вырастает кол-

лективная память. Ее слова про важность и ценность «одного человека» я запомнила на всю жизнь, они стали своего рода напутствием и девизом нашей издательской программы.

Вторая судьбоносная встреча с примером настоящего служения Памяти с большой буквы — встреча с Анатолием Яковлевичем Разумовым, составителем «Ленинградского мартиролога» и базы данных «Возвращенные имена». Его исследование судьбы репрессированного ленинградского книжного художника-графика Бориса Крейцера, которого Разумов называл «фантастическим человеком», «моим героем», легло в основу еще одной нашей книги «Папка с эскизами. Ухожу с чемоданами, полными книг».

У Бориса Генриховича была сложная история ареста и обвинения, он проходил по «харбинской операции», был приговорен к расстрелу только за то, что «имел связь с японскими специалистами» — прожил с ними в одной коммунальной квартире. Его дядя, известный музыкант Леонид Давидович Крейцер, занимал должность профессора Токийской школы музыки. Этого оказалось достаточно, чтобы ленинградца Бориса Крейцера обвинили в «шпионаже в пользу Японии» и включили в «харбинский список».

Нам в книге нужен был развернутый комментарий специалиста по истории «харбинской операции», и Саша Макеев, который тогда, в 2018 году, работал руководителем Центра документации Музея истории ГУЛАГа, познакомил меня с Сергеем Борисовичем Прудовским. Его уникальный опыт пригодился нам в работе над этой книгой.

Сергей Борисович шаг за шагом восстанавливал историю жизни своего деда, Степана Кузнецова, который провел в лагерях 14 лет. От интереса к личной семейной истории он дошел до подробного изучения «харбинской операции», а затем и всех национальных операций НКВД, многие документы которых не исследованы до сих пор. Прудовский проделал фантастическую работу, восстановил информацию о сотнях людей, пострадавших в годы сталинского террора.

А уже в 2019 году Сергей Борисович подготовил к публикации собственную книгу: «Спаская красавица». 14 лет агронома Кузнецова в ГУЛАГе». За лагерный срок агроном Кузнецов успел вывести собственный сорт помидоров — «Спаская красавица», название которого и вошло в название книги. В аннотации к ней Сергей Борисович написал: «Надеюсь, что этот труд будет для многих наших соотечественников примером поиска информации о своих репрессированных родственниках и возвращения их судеб из небытия».

Да, примеры красноречивей проповедей. Но вернемся немного назад, в 2017 год (еще одна неслучайная встреча). В этом году мы познакомились с Сашей Макеевым, он как раз только пришел в Музей истории ГУЛАГа и начинал свою работу в Центре документации. Сначала работал один: консультировал посетителей музея по поиску информации о репрессированных родственниках, для всех книг нашей издательской программы запрашивал архивные мате-

риалы дел, вел семинары по поиску репрессированных и при этом еще занимался собственным расследованием, поиском материалов о своем прадеде — репрессированном пасторе Вагнере. Пример его поисковой истории потрясает: получены материалы 13 следственных, административных и личных дел, найдено большое количество фотографий, 38 писем прадеда из Сиблага, казалось, утраченных навсегда. Это были последние письма пастора жене и детям. Саше удалось восстановить личности людей, непосредственно участвовавших в расстреле прадеда — всех членов расстрельной команды. По результатам этой поисковой истории сам Бог велел делать книгу. И еще год кропотливой работы ушел на то, чтобы подготовить книгу к печати. И книга получилась — «Сиблаг НКВД. Последние письма пастора Вагнера. Личный опыт поиска репрессированных». Это был еще «плюс один» в нашей издательской программе.

Почему я так подробно пишу об этих встречах, о наших книгах, об этих потрясающих людях? Потому что примеры убеждают, примеры вдохновляют, примеры спасают. Спасают от сомнений.

И эту книгу «С моих слов записано верно» об опыте трехлетней работы Центра документации мы задумали, вдохновившись примерами и предыдущим опытом.

Девятнадцать личных историй поиска совершенно разных людей, разного возраста — от 23 до 85 лет, разного социального положения, профессий, из разных стран, которые в какой-то момент решили восстановить свою семейную историю, найти информацию о репрессированных родственниках. И у них это получилось — получилось вытащить из забвения, из небытия своих дедов, прадедов, реабилитировать, восстановить честные имена безвинно погибших.

В нашей книге представлена широкая география ГУЛАГа — Севлаг, Сиблаг, Устьвымлаг, Севвостлаг, Дмитлаг, Свирьлаг, Локчимлаг...

В книге много вопросов: почему так сложно заниматься поисками репрессированных родственников, с какими проблемами приходится сталкиваться в архивах, как люди преодолевают семейные запреты и страхи, в какой момент для человека начинается совсем иная жизнь, что встает на его пути по восстановлению утраченной истории? Ведь иногда человек начинает поиск репрессированного родственника, не зная о нем ничего, не имея его фотографий, писем, никаких личных вещей — ничего... Знакомится с ним заново, открывая материалы дел, изучая анкету арестованного — какого цвета у деда были глаза, какая форма бровей, высота лба, отпечатки пальцев...

И вот шаг за шагом восстает из этого крошечного сталинского ада близкий человек, становятся реальными даты его жизни и смерти, вырисовывается его судьба...

И конечно, я храню в памяти слова Зои Ершок: «Один — это очень много».

- 3
Роман Романов
Без памяти нет истории
- 4
Николай Эшле
Возвращение судеб
- 10
Павел Прокудин
Поиск — это такой путь: когда делаешь следующий шаг и видишь, что горизонт отдален
- 38
Игорь Яковлев
В начале было только одно предложение: по такому человеку у нас никакой информации нет. Точка, подпись
- 64
Александр Демонфорт
К исследованию истории семьи меня привел интерес к происхождению моей необычной фамилии — Монфор
- 84
Мария Лоцманова
Это был в каком-то смысле не только поиск своих репрессированных родственников, но и поиск себя
- 122
Наталья Тернер
Дома никогда не скрывали, что дед из репрессированных, но он не любил вспоминать о лагере, о тяготах и лишениях
- 138
Евгения Мартинкова
О репрессированных Андрее и Дмитрие я знала лишь то, что помнила из бабушкиных рассказов
- 182
Ленарг Аристакесян
Мне ясно, что моему отцу девять грамм свинца в лоб
- 206
Мария Втюрина
Возможно, люди не хотят знать о прошлом, потому что им так проще жить?
- 230
Виталий Колтыгин
Возвращением имен из небытия восстанавливается справедливость

256

Вера Грюнберг-Иванникова

Видимо существовало такое табу — не говорить о прошлом, может быть, даже забыть, вычеркнуть из памяти

282

Татьяна Ильченко

Я поразилась тому, как работала репрессивная машина, перемалывая жизни людей

304

Наталья Блинкова

«Он оказался врагом народа», — сказала мне как-то бабушка

328

Валентина Попцова

Через несколько лет семья узнала, что, пока шел ответ, дедушка уже умер в лагере от истощения

354

Полина Андре

Еще несколько лет назад мой рассказ о прадеде всегда заканчивался на фразе «Скорее всего, его расстреляли»

376

Михаил Гаврилов

Деда уже нет в живых, а мне за него обидно — он ведь мученик совести

404

Алла Тяхт

В материалах уголовного дела я впервые увидела фотографию прадеда

424

Юлия Сидорова

Я теперь могу проследить историю жизни Бориса Александровича начиная с Первой мировой войны

454

Виктория Нигай

Согласно семейному преданию, дедушку и бабушку с детьми забирали ночью. На сборы дали несколько минут — что можно успеть за это время?

476

Егор Мязин

Недавно мы нашли маленькую фотографию прадедушки. На обратной стороне подписано: «Галя, это твой папа»

502

Вместо послесловия

Над книгой работали:

научный редактор
Татьяна Полянская,
кандидат
исторических наук,
старший научный
сотрудник Музея
истории ГУЛАГа

литературные
редакторы
Елена Жолобова
Елена Зелинская
Евгения Григорьева

консультирование
по поиску,
интервьюирование,
работа с героями
и документами
Мария Лоцманова
Елена Зелинская
Анастасия Катаева
сотрудники Центра
документации Музея
истории ГУЛАГа

Ольга Бровкина,
научный сотрудник
Сектора архивного
хранения Отдела
учета и хранения
фондов Музея
истории ГУЛАГа

фотограф
Олеся Хороших

ответственный
редактор
Светлана Пухова,
руководитель
издательской
программы
Музея истории
ГУЛАГа

менеджер проекта
Елена Солозובה,
заведующая
издательским
отделом Музея
истории ГУЛАГа

корректор
Юлия Никулина

дизайн
Игорь Гурович,
arbeitskollektiv
верстка
Дмитрий Криворучко,
arbeitskollektiv

Выражаем особую
благодарность
волонтерам Музея
истории ГУЛАГа
за помощь в расшиф-
ровке документов.

Музей истории
ГУЛАГа
127473, Москва
1-й Самотёчный
переулок, д. 9, стр. 1
+7 (495) 681-88-82
+7 (495) 621-73-10
www.gmig.ru

Отпечатано
в типографии
«Август Борг»
+7 (495) 787-06-77
www.augustborg.ru
Тираж 1000 экз.

В этой книге представлены девятнадцать историй людей, которым Центр документации Музея истории ГУЛАГа помог вернуть из небытия память об их репрессированных родственниках. Девятнадцать историй гибели, страданий, несправедливости, преступлений, попрания человеческого достоинства — и одновременно историй восстановления этого достоинства через усилие воспоминания, сделанное их близкими. Эти истории очень разные и очень личные, но каждая из них бесконечно ценна как маленькое, «точечное» торжество человеческого и индивидуального над бездушной и бесчеловечной системой государственного террора. Николай Эппле. Возвращение судеб, стр. 6

deus conservat omnia

Музей
истории
ГУЛАГа

ФОНД
ПАМЯТИ